

А. С. Стыкалин

ПРЕРВАННАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ

УДК [323/324 (439) +327 (439:47+57)] (091)
ББК 63.3(4)
С88

Утверждено к печати Институтом славяноведения РАН

Работа выполнена при содействии
Института "Открытое общество" грант RSS
№ 282/1998

Рецензенты: Доктор исторических наук Ар.А.Улуян
кандидат исторических наук А.Б.Едемский

Стыкалин А.С.

С88 Прерванная революция: Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М.:
Новый хронограф, 2003. — 320 с.
ISBN 5-94881-005-4

В монографии, написанной на основе осмысления большого архивного материала, еще недавно недоступного историкам, прослеживается эволюция советской политики в Венгрии в условиях острого внутривластного кризиса 1956 г. Автор раскрывает механизм и показывает конкретные обстоятельства принятия партийно-государственным руководством СССР важнейших решений по венгерскому вопросу, выявляет внешние факторы, повлиявшие на избрание силового способа урегулирования конфликта.

ISBN 5-94881-005-4

ББК 63.3(4)

© А.С.Стыкалин, 2003

© Новый хронограф, 2003

© Институт славяноведения РАН, 2003

ВВЕДЕНИЕ

События октября-ноября 1956 г. в Венгрии вошли в историю как наиболее мощное вплоть до 1989 г. антидоталитарное выступление в одной из стран сферы влияния СССР, подавленное силой советского оружия. «То, что случилось, вырвалось из осатаневшей от страданий, готовой на все нации, как пожар в засуху от случайного возгорания», — писал в свободной прессе тех дней классик венгерской литературы XX века Ласло Немет¹. Стихийно вспыхнувшее 23 октября 1956 г. в Будапеште восстание быстро распространилось на всю страну, и несмотря на военную помощь, без промедления оказанную венгерским коммунистическим лидерам со стороны СССР, вся система власти в центре и на местах рухнула в считанные дни. Суть венгерских событий определило активное участие в них самых широких масс населения и прежде всего рабочего класса. Опираясь на поддержку снизу, на обломках прежнего режима повсеместно

возникают новые органы — революционные и национальные комитеты в городах и областях, рабочие советы на предприятиях. Начинается процесс возрождения политических партий, прекративших существование с установлением коммунистической диктатуры. В программных документах различных сил, участвовавших в массовом движении, все четче вырисовывается идеал плюралистического общества, свободного от монополии одной партии, и даже вставший во главе правительства (по рекомендации руководства правящей Венгерской партии трудящихся) убежденный коммунист Имре Надь быстро осознает обреченность любых попыток восстановить без помощи извне однопартийное государство и принимает идеи политического плюрализма.

«Накануне восстания даже оппозиция и лагерь недовольных не думали о революции. Чего они хотели? Чтобы были пересмотрены процессы жертв сталинизма, чтобы судопроизводство снова было поставлено на правовую основу, чтобы была открыта дискуссия в партии, чтобы хозяйственное руководство учло реальные интересы населения, чтобы отношения с Советским Союзом были поставлены на новую основу, чтобы была произведена смена правительства: Имре Надь вновь вернулся бы к власти. Короче: они требовали реформ. Но когда в борьбу вступил рабочий класс, когда государство распалось, те, кто до этого хотел реформ, тоже стали революционерами и действовали как революционеры», — писал в 1970-е годы о венгерских событиях известный французский независимый левый политолог Клод Лефор². Массовый характер народного движения, радикализм требований и действий восставших, быстрота, с которой пали основные институты партийно-государственной власти в Венгрии и начали формироваться новые институты, — все это дает, на наш взгляд, основания определить венгерские события 1956 г. как беспрецедентную в истории социалистического лагеря (вплоть до конца 1980-х годов) революцию, свергнувшую диктатуру, типологически близкую сталинской в СССР, и открывшую перед страной перспективы коренных перемен во всех областях общественной жизни. Эти перспективы не могли, однако, воплотиться в реальность, поскольку развернувшийся политический процесс был прерван вмешательством извне. Для того, чтобы предотвратить консолидацию новой власти, потребовалась наступательная мощь незамедлительно пущенных в ход семнадцати дивизий Советской Армии.

Прерванная венгерская революция (кстати, в своих программных документах и публицистике осознававшая себя именно в революционных категориях и широко обращавшаяся к национальной революционной традиции, в частности, 1848 г.) носила общедемократический, антибюрократический и антипартократический характер, ибо ее активные силы выступали с требованием решительной политической демократизации — не только проведения свободных парламентских выборов на многопартийной основе по апробированным западным моделям, но и совершенствования механизмов рабочего контроля над деятельностью бюрократии. Внутриполитические задачи дополнялись требованиями восстановления подлинного национального суверенитета, установления равноправных отношений с Советским Союзом, и это дает основания говорить о венгерской национально-демократической революции 1956 года.

Массовое движение октября—ноября 1956 г. в Венгрии было идейно и политически разнородным, однако значительная часть программных положений отражала поиски национального венгерского пути к социализму — при том, что

«венгерский социализм» понимался по-разному коммунистами-реформаторами из окружения Имре Надя, идеологами левых крестьянских партий, приверженцами социал-демократических традиций. Ярким проявлением социалистической тенденции стала деятельность рабочих советов, применительно к хозяйственной сфере выдвигавших задачу народного, антибюрократического контроля именно над плановой экономикой, узурпированной государством. Четко обозначенные платформы антисоциалистической направленности заняли периферийное положение среди политических программ октября 1956 г. Характерно, что даже стоявший на крайнем правом фланге общественной жизни Венгрии тех дней кардинал Й. Миндсенти выступал в защиту частной собственности, ограниченной социальными интересами. Едва ли был далек от истины известный французский леволиберальный политолог венгерского происхождения Ф. Фейте, писавший в 1957 г. о венгерских событиях как об «антисоветской социалистической революции»³.

Предпринятая в Венгрии в 1956 г. попытка совместить государственную собственность на основные средства производства и соответственно социалистическую перспективу развития с западными «институтами свободы» (парламентаризмом и многопартийностью) при одновременном обогащении существующих в мировой практике демократических механизмов новыми формами контроля над государством и бюрократией (рабочие советы в их венгерском варианте) явилась началом крупномасштабного эксперимента, с интересом встреченного за пределами Венгрии и прерванного только вследствие военного вторжения. Поражение венгерской революции ознаменовало собой не только неудачу в деле обновления социализма в одной конкретной стране, но и — в широком международном плане — крах иллюзий «третьего пути» в условиях господствующей в мире биполярности. Тем не менее венгерский опыт был воспринят в 1950-е годы некоторыми идеологами левых общественных движений и как обнадеживающий, поскольку стремление синтезировать демократические и социалистические ценности было поддержано в Венгрии большинством политически активного населения страны⁴.

Конечно же, было бы глубоко неверным свести массовое национальное движение в Венгрии к совокупности строго определенных идейно-политических платформ и к целенаправленным действиям по их реализации. Как и в любой революции, в венгерских событиях 1956 г. проявилось (особенно в выступлениях повстанцев) сильное стихийное начало. Широкий спектр участников движения был не только социально разнородным, но включал в себя силы совершенно разных ориентации, при этом далеко не всегда четко формулировавшие свои конструктивные программы. Однако, как замечал в 1957 г. известный венгерский политический мыслитель И. Бибо, «то, что в условиях свободы на свет божий вырвались и самые консервативные силы сторонников реставрации..., было страшным только для тех, кто привык считать: того, что запрещено, и не существует вовсе, а тот, кто имеет возможность выйти на свет и заговорить, уже в силу этого страшен»⁵. Основные движущие силы революции составили отнюдь не выходцы из прежней, в частности хортистской социальной элиты, стремившиеся к политическому реваншу, а рабочий класс, в своей массе стихийно приверженный социалистическим ценностям (что в полной мере, как уже отмечалось, проявилось в деятельности рабочих советов), и учащаяся молодежь рабоче-крестьянского происхождения, всецело сформировавшаяся после Второй

мировой войны и испытывавшая в Венгрии первой половины 1950-х годов массированное воздействие марксистско-ленинской пропаганды. А из тех 30- и 40-летних венгров, кто в 1956 г. устремился на баррикады, участвовал в работе новых, революционных органов или просто поддерживал главные требования революции, многие в 1947–1948 гг. составляли опору компартии, помогли ей одержать верх над своими соперниками в нелегкой внутривнутриполитической борьбе. Кризис социализма в Венгрии, ярчайшим выражением которого явилась революция октября–ноября 1956 г., оказался кризисом системным, затронувшим все основные сферы общественной жизни — экономический механизм, политическую организацию общества, идеологию, культуру. Будучи явлением многомерным, он имел и свое социально-психологическое измерение — речь идет здесь не только и не столько о кризисе марксистского, коммунистического мировоззрения в сознании тех, кто ранее был ему привержен, сколько о всеобщем крахе ожиданий установления более справедливого и благополучного общества: о крахе, наступившем вследствие, полного провала курса Венгерской партии трудящихся (ВПТ) на форсированное построение социализма в Венгрии.

События 1956 г. в Венгрии стали проявлением глубокого кризиса сталинской модели социализма в ее конкретно-историческом венгерском варианте. Поскольку сталинская модель восходила своими корнями к большевистской концепции диктатуры пролетариата, применительно к Венгрии 1956 г. есть основания говорить и о кризисе социалистического общественного устройства, реально воплощенного в условиях определенной страны в соответствии с марксистско-ленинскими теориями. Выход Венгрии из Организации Варшавского договора ознаменовал собой «тектонический сдвиг в империи» (Г.Киссинджер), явившись выражением острого кризиса, переживаемого совсем молодой, сложившейся в конце 1940-х гг. мировой системой социализма. Всему миру была наглядно продемонстрирована решающая роль силового фактора в сохранении Восточной Европы под контролем СССР. Венгерские события породили кризисную ситуацию и внутри мирового коммунистического движения, поскольку в ряде компартий наметился раскол между теми, кто, выступая под знаменем «национального коммунизма», осудил советские действия в Венгрии, и теми, кто их поддержал. К тому же силовая политика СССР оттолкнула на Западе от коммунистического движения многих из тех (в первую очередь, интеллектуалов), кто ранее ему симпатизировал. Наконец, события в Венгрии и вокруг нее повлияли (хотя и не слишком долгосрочным образом) на состояние отношений между Западом и Востоком в условиях «холодной войны», что позволяет говорить о венгерском кризисе 1956 г. и как о факторе международных отношений в послевоенной Европе и мире.

Многомерность и многослойность венгерских событий октября–ноября 1956 г. как феномена не только внутривнутриполитической, но и международной жизни, значение которого далеко переросло рамки одной небольшой страны, предопределили немалый интерес к ним как в среде профессиональных историков и политологов, так и в более широких кругах в Венгрии и за ее пределами, не в последнюю очередь среди политиков. Долгое время, по хорошо понятным причинам, работы, дававшие сколько-нибудь объективную картину происходившего в Венгрии осенью 1956 г., могли появляться лишь за пределами социалистического лагеря⁶. В первые месяцы после революции в потоке западных публикаций по ее горячим следам главное место занимали свидетельства

очевидцев⁷. Их показания, в целом не замалчивая «теневых сторон» движения, в то же время опровергали официальную советско-венгерскую версию о преобладании в нем крайне правых тенденций, о реальной угрозе установления в стране фашистского режима. С конца 1956 г. выходят и первые сборники документов, включавшие в себя главным образом перепечатанные из прессы заявления И.Надя, других политических деятелей, дипломатические ноты, сообщения информационных агентств, интервью и т.д.⁸

На основании обобщения и анализа доступных на Западе источников (свидетельств участников, прессы) уже с конца 1956 г. предпринимаются первые попытки дать историческую реконструкцию трагических венгерских событий, выявить их причины, определить движущие силы, социальную основу, характер, описать ход боевых действий, выяснить роль рабочих советов⁹. Одна из наиболее значительных попыток такого рода была осуществлена специальной комиссией ООН по венгерскому вопросу¹⁰.

Арест главы революционного правительства Венгрии Имре Надя и его соратников, начавшееся в 1957 г. следствие по их делу находилось в центре внимания мировой общественности. Интерес к фигуре не покорившегося Москве коммунистического политика еще больше усилился после публикации на Западе сборника полемически заостренных писем и заявлений Надя в Центральное Руководство Венгерской партии трудящихся от 1955–1956 гг., в которых развенчивалась политика М.Рако-ши и его окружения и отстаивалась идея «венгерского пути» к социализму¹¹. Споры о личности Имре Надя вошли в контекст более широких дискуссий о возможностях и перспективах «национального коммунизма». Суд и казнь Имре Надя летом 1958 г. дали толчок новым публикациям о нем, в конце 1950-х гг. выходят как публицистические работы и мемуары, так и научные исследования. Некоторые из этих работ впоследствии неоднократно переиздавались и поныне не утратили научной ценности¹². В Брюсселе представителями венгерской эмиграции в конце 1950-х гг. был создан Институт Имре Надя, который в течение нескольких лет своего существования (1959–1963 гг.) был главным центром по сбору документации и изучению революции 1956 г., издавал на венгерском языке журнал «Szemle» («Обозрение»), имевший также версии на английском и французском языках. Одной из наиболее значительных инициатив венгерской эмиграции явилась проведенная на основе доступных в то время источников (прессы, свидетельств участников событий) реконструкция деятельности Имре Надя и его сторонников в дни революции, пункт за пунктом опровергавшая обвинения, предъявленные им в июне 1958 г. на судебном процессе¹³.

Неординарность венгерских событий осени 1956 г. с самого начала предопределила интерес к ним не только историков, но и философов, политологов, пытавшихся через осмысление венгерского опыта выявить наиболее существенные и характерные тенденции современного развития, сделать прогнозы относительно перспектив мировой системы социализма, международного коммунистического движения, «национального коммунизма», оценить реальные возможности эффективного сопротивления тоталитаризму в Восточной Европе и поставить в этой связи вопрос о роли рабочих советов как альтернативных государственному социализму органов власти. Среди тех, кто писал о венгерской революции, были такие выдающиеся интеллектуалы второй

половины XX века, как Ж.-П.Сартр, А.Камю, Х.Арендт, И.Дойчер, Р.Арон, А.Хеллер¹⁴.

С увеличением исторической дистанции венгерский опыт 1956 г. не терял своей значимости, продолжая по-прежнему вызывать интерес во всем мире. Тем более что эволюция када-ровского режима в 1960-е гг. к большому либерализму и открытости дала возможность несколько по-новому оценить следствия и результаты революции. В 1960—1980-е годы на Западе продолжали выходить мемуары свидетелей и участников событий¹⁵. Из документальных публикаций представляет интерес издание материалов о деятельности рабочих советов, включившее в себя программные заявления, мемуары, интервью и т.д.¹⁶. Возрастает число научных исследований, посвященных как внутривнутриполитическим (в том числе военным), так и внешним аспектам событий¹⁷. В последнее десятилетие в научный оборот были введены документы из архивов внешнеполитических ведомств США и Великобритании¹⁸. Широкий круг источников, включая архивные документы из бывших стран Организации Варшавского Договора, использует в своих изданиях по проблематике «холодной войны» Архив национальной безопасности — неправительственный исследовательский центр при Университете им. Дж.Вашингтона (США), выступивший в сентябре 1996 г. одним из организаторов будапештской международной конференции «Венгрия в мировой политике. 1956. Новые архивные документы»¹⁹, приуроченной к 40-летию событий.

В Венгрии эпохи Кадара при всем относительно либеральном характере венгерской модели социализма 1960-х — первой половины 1980-х годов существовало вето на объективное освещение того, что происходило осенью 1956 г. Не удивительно, ведь создание адекватной картины тех событий не могло не поставить под сомнение легитимность прихода к власти када-ровского правительства. Самые первые публикации по теме представляли собой тенденциозно выполненные подборки фактов о зверствах «контрреволюционеров». Эти материалы, включавшие немало непроверенных, а то и заведомо ложных сведений, в соответствии со своим предназначением работали на формирование мифа об угрозе установления в Венгрии фашистского режима в случае невмешательства советских войск. Масштабы террора против коммунистов и сотрудников госбезопасности в этих публикациях, как правило, преувеличивались, как и роль западных спецслужб в событиях²⁰. Версия о «контрреволюционном путче», организованном остатками прежних эксплуататорских классов при попустительстве ревизионистов во главе с И.Надем и прямой поддержке Запада, господствовала в официальной венгерской литературе на протяжении трех десятилетий²¹. Правда, в 1980-е годы в этой позиции появились новые акценты — более сдержанными стали оценки отдельных персоналий, больший упор теперь делался на критику «сектантско-догматических извращений» режима Ракоши начала 1950-х годов, приведших к его кризису и сделавших возможным выступление «реакционных сил». Это бросается в глаза при сопоставлении более ранних публикаций с работами середины 1980-х годов²². И все же трактовка событий 1956 г. как контрреволюционных в основе своей доминировала в официальной венгерской печати и историографии вплоть до января 1989 г., пока один из лидеров реформаторского крыла правящей Венгерской социалистической рабочей партии И.Пожгаи не выступил с нашумевшим

заявлением, подводившим итоги работы комиссии, образованной по решению майской (1988 г.) партконференции в целях вынесения оценки всему историческому пути, пройденному венгерской нацией за 40 лет социалистического эксперимента²³.

Начиная с 1989 г., с поворотом венгерской историографии к более объективному (хотя и явно не свободному от определенных политических пристрастий и полемических перехлестов) освещению «национальной трагедии» 1956 г., за считанные годы в стране появилось огромное количество публикаций — сборники документов²⁴, мемуары²⁵, аналитические работы, в том числе обобщающего характера²⁶, биографии ключевых фигур венгерской политики рассматриваемого времени²⁷. Стали достоянием широкого читателя материалы венгерского самиздата, в котором на протяжении 1980-х годов тема 1956 года была одной из приоритетных²⁸. Многие из этих публикаций явились плодами деятельности будапештского Института истории революции 1956 г., созданного в 1990 г. для сбора документации о событиях и организации научных исследований²⁹.

В сегодняшней Венгрии продолжает выходить большое количество литературы о революции 1956 г., причем наряду с серьезными монографиями и статьями³⁰, а также документальными публикациями издается немало легковесной и политически конъюнктурной печатной продукции. Спекуляция на памяти о драматических событиях «будапештской осени» в целях сведения счетов между партиями, противостоящими друг другу на венгерской политической арене, давно стала реальностью общественной жизни Венгрии, особенно в дни очередных годовщин октябрьских-ноябрьских событий. Удивительно видеть, как политики, зачастую родившиеся уже после 1956 г., апеллируют к истории национальной революции для того, чтобы скомпрометировать своих же сверстников в глазах избирателей. В развернувшейся борьбе за «наследие 1956 года» участвуют приверженцы разных идейных течений — от воинствующих националистов до умеренных социалистов. Особенно заметным явлением в последние годы становится публицистика и мемуаристика ярко выраженной консервативно-националистической ориентации. Ей присуще очевидное стремление не только к умалению роли в событиях, но нередко и к прямой дискредитации премьер-министра Имре Надя, коммунистов-реформаторов из его окружения и — шире — всех, кто так или иначе выступал за обновление социализма в Венгрии, поиски национального венгерского пути к социализму, синтез леволиберальных, демократических и социалистических ценностей. Наряду с крайним антисоветизмом литературу этой идейно-политической направленности, как правило, отличает антизападная тенденция, Венгрия нередко предстает в качестве разменной монеты в противоборстве великих держав.

В отечественной историографии тенденциозный идеологизированный подход к изучению венгерских событий 1956 г. доминировал вплоть до конца 1980-х годов³¹, хотя, конечно, и в СССР, помимо официальной, существовали и иные точки зрения³². Их придерживались не только участники диссидентского движения³³, но и некоторые профессиональные историки. Один из них, В.М.Алексеев, в 1960—1980-е годы подготовил монографическое исследование, достаточно аргументированно опровергавшее официальную версию событий и опубликованное только в 1996 г.³⁴.

Определенным шагом к преодолению прежних стереотипов стали изданные в 1993 г. коллективные труды Института славяноведения и балканистики РАН «Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса» и «Политические кризисы и конфликты 50—60-х годов в Восточной Европе». Эти работы ставили своей задачей познакомить заинтересованного российского читателя с главными достижениями зарубежной, в первую очередь венгерской историографии, дать на их основе как можно более полную и по возможности объективную картину событий октября-ноября 1956 г. в Венгрии. Работая в 1989 — начале 1992 гг. над упомянутыми трудами, исследователи не имели возможности привлекать в то время пока еще засекреченные документы из архивов ЦК КПСС и МИД СССР, раскрывающие политику СССР в Венгрии в 1956 году.

Выявление большого массива архивных документов было начато в 1992 г. Первыми результатами этой работы стала серия публикаций по теме в журналах «Исторический архив»³⁵ и «Континент»³⁶, а также вышедшие в Будапеште на венгерском языке в 1993 г. сборники «Недостающие страницы истории 1956 года. Документы бывшего архива ЦК КПСС» и «Досье Ельцина»³⁷. В 1998 г. было опубликовано собрание документов «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года» с рядом вводных статей, обширными комментариями, большим научно-справочным аппаратом³⁸. В последние годы на русском языке вышло также немало статей, рассматривающих отдельные аспекты истории венгерского кризиса на основе архивных источников³⁹. Публиковалась и мемуарная литература⁴⁰.

В последнее десятилетие в венгерской и международной историографии достигнуто заметное продвижение в изучении принципиально важных вопросов — о движущих силах восстания, социальном составе его участников, о соотношении различных идейно-политических тенденций в массовом общественном движении, охватившем всю страну, о конкретных целях, которые ставили перед собой те или иные политические силы. Неплохо изучены процессы формирования партий, деятельность органов революционной власти в масштабах всей страны, повстанческое движение, ход военных действий на венгерской территории, начало консолидации кадаровского режима, многообразие форм сопротивления ликвидации революционных завоеваний, репрессии против участников вооруженной борьбы⁴¹. Все меньше остается лакун и в исследовании международных аспектов венгерской революции — в ряде работ последних лет устанавливается ее взаимосвязь с событиями тех же недель на Ближнем Востоке, реконструируется восточноевропейская политика США и других западных держав в дни «будапештской осени»⁴².

Труднее всего на протяжении долгих лет обстояло дело с изучением важнейшего из внешних факторов в революции — советского. Пока российским и зарубежным исследователям оставалась недоступной основная масса материалов из московских архивов, можно было дать только очень приблизительные ответы на многие конкретные вопросы, связанные с советской политикой в Венгрии в 1956 г. Особенно большой простор для догадок, предположений и спекуляций открывался там, где дело касалось обстоятельств принятия руководством СССР двух принципиально важных решений о военном вмешательстве. Историкам, как правило, приходилось опираться на скудные и нередко тенденциозные и противоречивые сведения, почерпнутые из мемуаров, а также на некоторые косвенные источники. Включение в научный оборот обширного комплекса

документов из фондов ЦК КПСС и МИД СССР позволило дополнить картину венгерских событий существенными подробностями, опровергнув неподтвердившиеся версии относительно реальной роли СССР на различных этапах развития кризиса.

Автор считал своей задачей на основе осмысления широкого корпуса источников установить роль советского фактора в венгерских событиях 1956 г., проследить эволюцию политики СССР в отношении Венгрии в зависимости от изменения ситуации в самой этой стране и действия внешних сил, выявить главные механизмы проведения этой политики, воссоздать процесс принятия советским руководством основных решений, направленных на урегулирование венгерского кризиса на определенных стадиях его развития. Попытки исторической реконструкции действий советского руководства в условиях углубляющегося венгерского кризиса неоднократно предпринимались в научной литературе и ранее⁴³. Многие конкретные вопросы остаются, однако, дискуссионными или совсем не проясненными.

Насколько внимательно партийно-государственное руководство СССР с весны 1956 г. следило за обострением внутривнутриполитического положения в Венгрии, предпринимало ли уже на ранних этапах кризиса какие-то действия в целях его разрешения, каково было участие советской стороны в подготовке июльского пленума ЦР ВПТ 1956 г., освободившего Матиаша Ракоши от обязанностей первого секретаря? Как функционировало на протяжении многих месяцев посольство СССР в Будапеште, возглавляемое Ю.В.Андроповым, как информировало Москву о происходившем в Венгрии и насколько учитывал его рекомендации Президиум ЦК КПСС? Каковы были реальные рычаги влияния Кремля на события в Венгрии? Проводились ли СССР какие-либо превентивные военные приготовления в самый канун восстания? Эти и некоторые другие недостаточно проясненные в историографии вопросы занимали нас при изучении политики СССР в месяцы, предшествовавшие взрыву 23 октября.

Обращаясь к событиям первого дня восстания, автор стремился восстановить в деталях конкретные обстоятельства принятия в ночь с 23 на 24 октября решения о первой советской интервенции в Венгрии, которая лишь подлила масла в огонь, заставив тысячи венгров выступить с оружием в руках в защиту национального суверенитета. При этом необходимо было в полной мере учитывать польский контекст — как известно, в Польше во второй половине октября борьба за смену руководства достигла своей кульминации, так что советским лидерам приходилось одновременно заниматься проблемами разрешения кризисных ситуаций сразу в двух восточноевропейских странах.

На основании рабочих записей, позволяющих воссоздать ход обсуждений венгерского вопроса на заседаниях Президиума ЦК КПСС за конец октября 1956 г., в работе предпринята попытка проследить, как по мере поступления новой информации менялся взгляд из Москвы на события, происходившие в Венгрии и вокруг нее, как выработывалась линия действий руководства СССР. Одна из важных конкретных задач исследования — установить, какие внешние факторы учитывались в Кремле при принятии 31 октября окончательного силового решения, в какой мере на советскую политику в Восточной Европе повлияли разыгравшийся в конце октября военный конфликт на Суэцком канале, внешнеполитические заявления правительства США, давление китайского руководства.

Автор стремился изучить весь комплекс политических и военных мер, осуществленных руководством СССР в целях свержения правительства Имре Надя и приведения к власти сил, всецело контролируемых советской стороной. Особенно много неясностей было связано с тайной поездкой Я.Кадара в Москву в начале ноября 1956 г., в ходе которой вырабатывалась программа нового правительства, формировался его состав. Заполнить имевшиеся в нашем знании существенные пробелы позволяют (наряду с другими источниками) записи заседаний Президиума ЦК КПСС, проанализированные в работе.

Большое внимание уделено начальному периоду консолидации режима Кадара и прежде всего тем механизмам, посредством которых Москва осуществляла контроль над деятельностью нового правительства. Советский фактор представлен во всем его многообразии, включающем в себя не только действия Советской Армии 4–14 ноября, функционирование советской военной администрации, посольства, деятельность органов КГБ на территории Венгрии, но и влияние по партийным и государственным каналам, через институт политических и экономических советников, а также посредством советско-венгерских связей в различных областях. Автор пытался установить характер взаимоотношений нового венгерского лидера с официальной Москвой и, в частности, с ее высокопоставленными представителями, находившимися в Венгрии на протяжении нескольких недель ноября–декабря 1956 г. Именно в этом контексте важно было проследить эволюцию взглядов Кадара на пути стабилизации внутривнутриполитического положения в стране.

Среди других задач исследования — изучение «дела Имре Надя». Главное внимание уделено дипломатическому конфликту, связанному с укрытием И.Надя и его окружения в югославском посольстве в Будапеште, обстоятельствам ареста бывшего премьер-министра и его незаконной переправки в Румынию, подготовке судебного процесса. На основе анализа имеющихся документов автор попытался определить влияние внешних факторов и в первую очередь состояния советско-югославских отношений на судьбу Имре Надя.

В нашей работе мы постарались дать детализированную картину событий 1956 г., опираясь на анализ широкого круга источников, значительная часть которых вводится в научный оборот только в самые последние годы (отчасти в результате усилий автора настоящей монографии). Привлекаемые источники весьма многообразны. Важное место среди них занимают адресованные в МИД СССР и непосредственно в Президиум ЦК КПСС донесения посла СССР в Венгрии Ю.В.Андропова о внутривнутриполитическом положении в стране с мая по декабрь 1956 г., а также записи бесед посла и сотрудников посольства с венгерскими гражданами, позволяющие определить круг общения посла и его подчиненных (а следовательно, источники получения информации о происходящем в стране), установить характер отношений посольства с верхушкой ВПТ, а позже ВСРП, выяснить, какова была роль посольства в формировании того образа венгерских событий, который, сложившись в сознании советских руководителей, повлиял в конечном итоге на выбор силового способа разрешения кризиса. В работе используются также различного рода записки и справки о положении в Венгрии, подготовленные в МИД СССР.

Немалый интерес представляют шифротелеграммы и телефонограммы, поступавшие в Президиум ЦК КПСС от посещавших в течение 1956 г. Будапешт членов советского политического руководства А.И.Микояна, Г.М.Маленкова,

М.А.Суслова и других. Эти документы дают возможность проследить, какую роль во внутриполитической жизни Венгрии играли на различных этапах развития событий высокопоставленные эмиссары КПСС, какие действия предпринимали, каковы были реальные результаты их миссий. Не меньшую ценность имеют материалы заседаний Президиума ЦК КПСС за конец октября – начало ноября 1956 г., на которых обсуждался венгерский вопрос – эти документы позволяют раскрыть процесс принятия наиболее важных решений на самом высоком уровне.

Рапорты министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г.К.Жукова в ЦК КПСС раскрывают ход военной операции по подавлению повстанческих формирований, которую вела на территории Венгрии Советская Армия. Донесения в ЦК КПСС председателя КГБ генерала армии И.А.Серова проливают свет на участие советских органов безопасности в венгерских событиях и, в частности, в осуществлении репрессий против участников национального движения. При всей тенденциозности этого источника, информация, содержащаяся в нем, представляет интерес для изучения конкретных форм сопротивления венгров политике силового вмешательства извне во внутренние дела страны и действиям кадаровского режима по ликвидации многопартийности, свободы печати, других реальных политических завоеваний революции 1956 года.

Большое значение для исследователей имеет также переписка между руководством КПСС и Союза коммунистов Югославии за ноябрь 1956 – февраль 1957 гг., содержащая неизвестные ранее подробности о тайной встрече Н.Хрущева и И.Тито накануне 4 ноября, об обстоятельствах ареста советскими органами премьер-министра И.Надя и ряда членов его правительства. В работе использованы также записи заседаний партийного и государственного руководства ВНР за разные месяцы, программные заявления политических партий и отдельных деятелей, материалы венгерской прессы, мемуары участников событий и многое другое.

В истории международных отношений нет изолированных, не включенных в сложную общую взаимосвязь явлений.

В работе предпринята попытка показать политику СССР в Венгрии на широком международном фоне. В контекст проблемы вписываются XX съезд КПСС и отклик на него самых различных политических сил в мире, развернувшаяся летом-осенью 1956 г. борьба за демократизацию социализма в Польше, процесс советско-югославского сближения 1954–1956 гг. и нового охлаждения двусторонних отношений вследствие венгерских событий, ближневосточный (Суэцкий) кризис 1956 г., политика США в отношении государств Восточной Европы.

Ставя своей целью получение нового знания и понимая необходимость отказа от многих стереотипов, довлевших ранее над историками, обращавшимися к этой сложной проблематике, мы вместе с тем осознаем реально существующую опасность нового субъективизма, механической смены оценок с плюса на минус, волюнтаристского подбора фактов в целях подтверждения уже готовых схем (основания для таких опасений дают уже упоминавшиеся нами тенденции в современной венгерской публицистике, посвященной событиям 1956 г.). В венгерском оппозиционном движении 1956 г., как уже отмечалось, были представлены совершенно разные политические силы со своими конкретными целями и способами их достижения. Признание юридической незаконности советского

военного вмешательства в Венгрии отнюдь не должно означать оправдания насилия и террора, вершившихся в те трагические дни над коммунистами экстремистски настроенными элементами. Венгерская революция явилась не только примером мужества в отстаивании демократических идей. Показав, к каким кровавым эксцессам могут привести как запаздывание «верхов» с необходимыми реформами, так и нетерпение «низов», она стала грозным предостережением для последующих поколений борцов с тоталитаризмом.

Работая над монографией, я опирался на помощь коллег. В своем законченном виде исследование явилось плодом многолетнего сотворчества автора с В.Т.Середой, в постоянном общении с которым выкристаллизовывался замысел книги, происходила работа над текстом. Автор искренне благодарен главному археографу Центра хранения современной документации (в настоящее время Российский государственный архив новейшей истории) ныне покойной Е.Д.Ореховой за помощь в выявлении архивных документов. Полезными были для меня контакты с венгерскими коллегами, ведущими специалистами по истории революции 1956 г. и ряду смежных проблем, такими, как Янош М.Райнер (директор Института революции 1956 г. в Будапеште), Чаба Бекеш, Тибор Хайду, Аасло Борхи, Иштван Вида, Магдольна Барат, Эва Штандейски, Пирошка Пот. Хотелось бы также поблагодарить за ценные конкретные советы и консультации официальных рецензентов книги доктора исторических наук Ар.А.Улуняна и кандидата исторических наук А.Б.Едемского, а также доктора исторических наук моего учителя Т.М.Исламова, кандидатов исторических наук А.М.Орехова, М.Ю.Чуканова, видного специалиста по истории международных отношений в новейшее время Л.Я.Гибианского. Среди тех, кто взял на себя труд внимательно ознакомиться с рукописью и высказал при этом замечания и предложения, учтенные при ее доработке, — мои коллеги по Институту славяноведения РАН доктора исторических наук Г.П.Мурашко, А.Ф.Носкова, Б.И.Желицки, доктор философских наук Ю.С.Новопашин. Необходимо также выразить признательность институту «Открытое общество», без финансового содействия которого работа над монографией была бы затруднительной.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ВЕНГРИИ И ПОЛИТИКА СССР

1. От «оттепели» к новым «заморозкам». Политическая ситуация в Венгрии в 1953 — зимой 1956 гг.

В октябре 1956 г. в Венгрии достиг своей кульминации кризис политико-экономической системы, в основном сформировавшейся к началу 1950-х годов. Для того чтобы проследить истоки этого кризиса, необходимо обратиться к его предыстории начиная с 1945 г.

Продолжая под властью нацистов оставаться надежным союзником гитлеровской Германии¹, Венгрия зимой 1945 г. превратилась в арену крупномасштабных боевых действий, повлекших за собой огромные человеческие жертвы и уничтожение одной пятой национального богатства. Послевоенные задачи преодоления тяжелейшей экономической разрухи требовали объединения

усилий всей нации. Основу правящей коалиции первых послевоенных лет составили главные партии антифашистской ориентации – партия мелких хозяев, социал-демократическая, коммунистическая и национальная крестьянская. Временное национальное правительство, выступившее с программой антифашистских, демократических преобразований, было сформировано на освобожденной от гитлеровцев территории Венгрии (в г. Дебрецене) еще в декабре 1944 г.

Весной 1945 г. была успешно осуществлена аграрная реформа, ликвидировавшая остатки феодального землевладения и открывшая простор для расширения сельскохозяйственного производства. Удачное проведение в августе 1946 г. финансовой реформы привело к обузданию жесточайшей инфляции. В первые послевоенные годы были достигнуты немалые успехи в восстановлении экономики, уже в 1948–1949 гг. среднеразвитая аграрно-индустриальная Венгрия по основным показателям промышленного производства достигла своего довоенного уровня, а затем и превзошла его.

Главными направлениями реформ в политической сфере стали дефашизация государственного аппарата, формирование парламентских институтов в центре и новой, более демократической системы управления на местах. В начале 1946 г. Венгрия была провозглашена республикой.

Между тем принципиальные расхождения во взглядах на перспективы дальнейшего развития Венгрии, характер ее будущей политической и экономической системы уже с 1945 г. вели к обострению противоречий внутри правящей коалиции. Успех во внутривнутриполитической борьбе сопутствовал коммунистической партии, получившей на относительно свободных парламентских выборах в ноябре 1945 г. всего 17% голосов, однако с самого начала овладевшей ключевыми позициями в силовых структурах². Наряду с присутствием советских войск фактором, несомненно увеличивавшим реальный политический вес ВКП, было покровительство со стороны контролируемой СССР Союзной Контрольной Комиссии, функционировавшей вплоть до вступления в силу в 1947 г. Парижского мирного договора с Венгрией. Весной 1947 г. коммунисты принципиально изменили в свою пользу соотношение внутривнутриполитических сил, организовав дело об антиреспубликанском заговоре, обвинив в причастности к нему группу руководящих деятелей наиболее влиятельной в стране (набравшей 57% голосов на выборах 1945 г.) партии мелких хозяев и добившись в конце мая отставки премьер-министра Ф.Надя. Значительно укрепив свои позиции в новом правительстве, сформированном по итогам парламентских выборов в августе 1947 г., коммунисты взяли курс на ограничение, а затем и вытеснение частной собственности. К весне 1948 г. завершилось огосударствление основных средств производства. Важной вехой на пути к формированию монопартийного государства стал состоявшийся в июне 1948 г. Объединительный съезд ВКП и СДПВ, которому предшествовало очищение социал-демократической партии от противников объединения с коммунистами.

К концу зимы 1948-1949 гг. из политической жизни Венгрии была полностью вытеснена оппозиция, установлена монополярная власть Венгерской партии трудящихся (ВПП), образованной в результате объединения ВКП и СДПВ. К этому времени политическая борьба окончательно приобрела внутривнутрипартийный характер. Устранив в 1949–1951 гг. своих конкурентов из числа коммунистов-

подпольщиков, а также бывших левых социал-демократов, решающие позиции во главе партии и государства заняла узкая группа деятелей, находившихся до освобождения Венгрии в советской эмиграции и имевших за плечами опыт работы в структурах Коминтерна и ВКП (б) (М.Ракоши, Э.Гере, М.Фаркаш, Й.Реваи). В качестве образца при проведении экономических, политических, идеологических реформ они использовали систему, сложившуюся в СССР при Сталине. Подобно ей венгерскую модель социализма начала 1950-х годов, иногда называемую ракошистской по имени человека, стоявшего во главе партии, отличали предельно централизованный характер управления экономикой, жесткий контроль над духовной жизнью общества, наличие мощного репрессивного механизма, позволявшего подавлять в зародыше любые оппозиционные проявления³.

На рубеже 1940-х—1950-х годов руководством ВПТ был взят курс на форсированное построение социализма по советскому образцу, в значительной мере predetermined давлением извне. Необходимо иметь в виду, что в последние годы жизни Сталина «народно-демократические» режимы Восточной Европы стали одним из инструментов осуществления внешней политики СССР, которая в условиях обострившейся «холодной войны» носила все более конфронтационный характер, будучи направленной как против стран блока НАТО, образованного в 1949 г., так и против титовской Югославии, отношения с которой были резко испорчены весной-летом 1948 г.⁴ Советско-югославские отношения, достигнув низшей точки к осени 1949 г., продолжали и дальше оставаться предельно напряженными. Носившая антиюгославский характер пропагандистская истерия распространилась на всю советскую сферу влияния. Особенно ощутимо она проявилась в балканских странах, а также в Венгрии. Геополитическое положение страны на стыке Центральной Европы и Балкан, наличие протяженной границы с «ревизионистской» Югославией способствовали тому, что в военно-стратегических планах Кремля на случай перерастания «холодной» войны в «горячую» Венгрии отводилось чрезвычайно важное место. В 1949 г. была увеличена численность контингента Советской Армии, находившегося в Венгрии в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г.⁵ Сосредоточение на венгеро-югославской границе большого количества войск и боевой техники увеличивало вероятность вооруженного конфликта.

На рубеже 1940-х—1950-х годов под давлением Москвы в восточно-европейских странах принимаются меры по укреплению военно-промышленного комплекса. Решению этой задачи служило совещание в Кремле в начале 1951 г. По его итогам странам «народной демократии» было навязано заметное увеличение расходов на содержание армии и развитие тяжелой промышленности (в первую очередь ее оборонных отраслей)⁶. Соответственно и в Венгрии главный упор в экономической политике правящего режима был сделан на создание мощного потенциала тяжелой индустрии — черной металлургии, машиностроения, химической промышленности. Идеологическим обоснованием нового курса явился тезис о подготовке страны к неизбежной войне с «агрессивным англо-американским империализмом» и югославским «ревизионизмом».

Экономическая политика ВПТ в немалой мере была, таким образом, навязана извне, что в то же время не снимает с Ракоши и его окружения ответственности за собственное исключительное рвение в ее осуществлении. Эта политика носила крайне волонтаристский характер, мало считаясь с объективными

возможностями Венгрии и еще менее — с катастрофическими социальными последствиями проводимых кардинальных реформ, не замедлившими сказаться уже в начале 1950-х годов. Принятый в конце 1949 г. первый пятилетний план, ориентированный на превращение Венгрии в страну «железа и стали» и несбыточный уже в первой своей редакции, в 1951 г. был откорректирован в сторону еще большего завышения плановых показателей. Поглощая огромные средства, ускоренная индустриализация вела к резкому снижению жизненного уровня населения. Если к концу 1949 г. реальная зарплата трудящихся выросла на 10–20% в сравнении с довоенным уровнем, то в 1952 г. она была на 20% ниже уровня 1949 г.

Задачу сохранения жизненного уровня основной массы граждан в условиях индустриализации отнюдь не могло решить и резкое увеличение объема обязательных поставок сельхозпродукции, ведущее к разорению мелкого собственника и тем самым способствовавшее падению производительности сельского хозяйства. Средний доход крестьянства на душу населения в 1949–1952 гг. понизился примерно на одну треть. Не менее негативные последствия имели также развернувшиеся с конца 1940-х годов коллективизация и огосударствление земельной собственности. Повсеместно создававшиеся госхозы и производственные кооперативы не были рентабельны, к тому же доходы крестьян в них были существенно ниже, чем у единоличников. Никакого экономического стимула для вступления в кооперативы у крестьян не было, и коллективизацию приходилось проводить по советскому образцу, с применением насилия. В результате такой политики общий объем сельскохозяйственного производства в начале 1950-х годов был на 15% ниже довоенного уровня и, таким образом, аграрная реформа 1945 г. не принесла ожидаемых результатов. В 1951 г. снова вводится карточная система, отмененная в конце 1940-х годов. Едва ли не впервые в своей истории Венгрия в середине 1950-х годов была вынуждена импортировать зерно.

Ложившаяся тяжким бременем на плечи трудящихся экономическая политика ВПТ не могла не вызывать острого недовольства населения. Хотя установившаяся тоталитарная власть создала мощный репрессивный аппарат, негодование временами прорывалось наружу. Так, 1 июня 1953 г. состоялась забастовка рабочих ряда цехов крупнейшего в Венгрии Чепельского комбината.

Симптомы явного неблагополучия в экономике, грозившего в перспективе привести к дестабилизации политического режима в Венгрии, становились известными в Москве из дипломатических донесений, а вероятно, также и по каналам КГБ⁷. После смерти Сталина так называемое «коллективное руководство» КПСС, столкнувшись с необходимостью оценить положение дел в мировом коммунистическом движении и советском лагере, проявило особую обеспокоенность ситуацией именно в Венгрии. 13–16 июня 1953 г. приглашенная в СССР делегация ВПТ во главе с генеральным секретарем ее Центрального Руководства (ЦР) М.Ракоши выслушала резкую критику в свой адрес со стороны членов Президиума ЦК КПСС. Речь шла, в частности, об игнорировании в ходе экономической политики специфических особенностей страны, о недостатках в расстановке кадров, «перегибах», допущенных при судебном преследовании чуждых социализму элементов⁸. Почти одновременно, 16–17 июня, в Восточном Берлине и других городах ГДР недовольство рабочих социальной политикой коммунистических властей приняло самые острые формы

протеста, вылившись местами в вооруженное выступление, подавленное с помощью советских войск. Десятки людей погибли, многие сотни были ранены⁹. Берлинские события явились наиболее серьезным сигналом, указавшим советским лидерам на неизбежность определенных корректировок во внутренней политике стран социалистического лагеря.

В Кремле в те дни приближалась к драматической развязке острая закулисная борьба между ближайшими сподвижниками скончавшегося 5 марта Сталина. Она закончилась устранением Л.Берия, арестованного 26 июня. За несколько дней до краха своей карьеры, в ходе июньской встречи с делегацией ВПТ Берия был резко критичен в отношении венгерского руководства и настаивал на решительных кадровых изменениях. Он высказался за разделение постов генерального секретаря ЦР партии и председателя Совета Министров (Ракоши с 1952 г. занимал обе эти должности) и за назначение главой правительства И.Надь¹⁰. Эта инициатива была в то время поддержана другими членами Президиума ЦК КПСС¹¹.

Критика, прозвучавшая в Москве, дала зеленый свет переменам в высших эшелонах власти в Венгрии. По итогам состоявшегося 27–28 июня пленума ЦР ВПТ Ракоши был освобожден Президиумом ВНР от обязанностей главы правительства, продолжая, однако, и далее стоять во главе ВПТ. Новым премьер-министром стал Имре Надь.

Биография этого деятеля, не будучи вполне типичной, все же не слишком сильно отличалась от биографий множества других высокопоставленных функционеров «братских партий», прошедших в межвоенный период идеологическую школу в ко-минтерновских структурах¹². Участник Первой мировой войны, Имре Надь в 20 лет, в 1916 г. попал в русский плен и стал очевидцем эпохальных социальных потрясений в России. В 1918 г. он вступил в партию большевиков, некоторое время воевал в партизанском отряде и служил в Сибири в органах ЧК, в 1921 г. вернулся в Венгрию, где принимал активное участие как в легальном социал-демократическом, так и в подпольном коммунистическом движении, подвергался преследованиям со стороны хортистских властей. С 1930 г. И.Надь снова жил в СССР, занимал достаточно видное положение в венгерской коммунистической эмиграции, работал в Москве в Международном аграрном институте, а в годы Второй мировой войны одно время — в венгерской редакции иновещания.

В начале 1990-х годов были опубликованы документы из российских архивов (в частности, архива КГБ), свидетельствующие об активной работе И.Надь в конце 1930-х годов в качестве осведомителя НКВД¹³. При том, что подлинность этих документов, на наш взгляд, трудно подвергнуть сомнению, возникает естественный вопрос: что могло бы ожидать в случае отказа от такого сотрудничества человека с довольно туманной биографией - долго работавшего за границей, исключавшегося в конце 1930-х годов из партии (эти документы, хотя и важны для составления полной картины об И.Наде как личности, вместе с тем не дают, на наш взгляд, сами по себе оснований пересматривать его роль в общественно-политической жизни Венгрии середины 1950-х годов и революции 1956 г.).

По возвращении в Венгрию в 1945 г. Надь в качестве министра земледелия в коалиционном правительстве сыграл немалую роль в проведении антифеодальной аграрной реформы, оставшись в народной памяти как министр,

распределявший землю, что способствовало в 1950-е годы его популярности в широких слоях населения. С ноября 1945 г. по март 1946 г. он был министром внутренних дел, в 1947—1949 гг. председателем Государственного собрания. И после смены режима антифашистской коалиции монопартийной коммунистической диктатурой он продолжал оставаться на ведущих ролях в партийной иерархии, будучи членом Политбюро ЦК ВПТ. Правда, в 1949 г. Надь, настаивавший на более умеренных темпах кооперирования крестьянства, вступил в конфликт с Ракоши и большей частью партийного руководства, был обвинен в «правом уклонизме» и на время выведен из Политбюро, продолжая, однако, и в дальнейшем занимать ответственные государственные посты — министра продовольственного обеспечения и т.д. (восстановление его в Политбюро состоялось еще в 1951 г.).

Таким образом, Имре Надь более 30 лет был связан с коммунистическим движением, имел опыт работы в структурах Коминтерна, хорошо знал сельское хозяйство, подъем которого был признан первоочередной задачей экономической политики в Венгрии на новом этапе. Все это в совокупности давало советскому руководству основания видеть именно в И.Наде наиболее приемлемую фигуру для проведения нового, измененного в сравнении с предшествующим, курса — при том, что приверженность нового премьер-министра «правому уклону» замечалась за ним ранее не только в Будапеште, но и в Москве¹⁴.

В выдвигании И.Надя сыграл свою роль и еще один немаловажный фактор. Поиски внутреннего и внешнего врага, никогда не прекращавшиеся в условиях сталинской системы, начиная с 1949 г. приобрели все более отчетливую антисемитскую направленность¹⁵. Наряду с «делом врачей» в СССР (прекращенным, поскольку умер Сталин) важнейшей составной частью крупномасштабной антиссионистской кампании, не ограниченной рамками Советского Союза, но охватившей также страны «народной демократии», явился процесс по делу Р.Сланского и ряда других высокопоставленных чехословацких коммунистов, состоявшийся осенью 1952 г.¹⁶. По некоторым сведениям, аналогичный показательный процесс затевался и в Венгрии, где в начале 1953 г. уже начались аресты тех, кому предстояло исполнить роль обвиняемых. Все-таки планы Москвы по подключению Венгрии к шумной антиссионистской кампании наталкивались на немалые трудности. В письме посольства СССР в Венгрии в МИД СССР от 21 марта 1953 г.-.- (хотя Сталин умер 5 марта, оставались пока еще в действии все прежние установки советской внешней политики) говорилось о том, что ни одна из центральных венгерских газет «не поставила в полной мере вопрос о необходимости самой суровой борьбы с вражеской деятельностью сионистов в Венгрии». Советское посольство объясняло это тем, что «многие ответственные посты в партийном и государственном аппарате занимают евреи, в силу чего руководство, возможно, считает неудобным вести разговоры на тему о сионистах, смазывая тем самым необходимость борьбы против еврейских буржуазных националистов»¹⁷. И действительно, раздувать антисемитизм было явно не в интересах Ракоши и его ближайшего окружения.

Освобождение в апреле 1953 г. арестованных по «делу врачей» свидетельствовало о том, что наследники Сталина решили несколько приглушить антиссионистскую кампанию. Вместе с тем вопрос о преодолении «перекоса», сложившегося в Венгрии, продолжал и после этого считаться в Москве актуальным, поскольку наиболее влиятельные члены Политбюро ЦК ВПТ

М.Ракоши, Э.Гере, М.Фаркаш, И.Реваи, а также многие другие ответственные функционеры были евреями. Это вызывало в венгерском обществе все усиливавшееся недовольство и ставило перед руководством проблему обуздания стихийного антисемитизма. Этот вопрос затрагивался, в частности, Берия в ходе переговоров советского руководства с венгерской делегацией 13 –16 июня¹⁸. И.Надь евреем не был и значение этого аргумента в пользу выдвижения его кандидатуры на пост главы правительства нельзя недооценивать.

Всего через несколько дней после июньского пленума, 4 июля 1953 г., Имре Надь, выступая на сессии Государственного собрания ВНР от имени правительства, изложил основные положения новой правительственной программы, и речь его, переданная по радио, произвела, без преувеличения, эффект разорвавшейся бомбы. «Премьер-министром Венгрии Москва назначила И.Надя. И случилось чудо – Имре Надь впервые за пять лет назвал вещи своими именами. Миллионы в прямом смысле слова рыдали у репродукторов», – вспоминал впоследствии Арпад Генц, в 1990–2000 гг. президент Венгерской республики¹⁹.

Наряду с резкой критикой прежней экономической политики в речи И.Надя содержалось обоснование новой. С трибуны Госсобрания было сказано о несбыточности первого пятилетнего плана, провозглашен отказ от односторонней ориентации на тяжелые отрасли индустрии. Новая экономическая программа была нацелена на повышение жизненного уровня трудящихся и делала главный упор на производство предметов потребления и всестороннее развитие сельского хозяйства. В этой связи было обещано оказать поддержку мелкому товаропроизводителю и обеспечить право свободного выхода из кооперативов тех крестьян, которые были загнаны в них силой²⁰. В выступлении премьер-министра был затронут и вопрос о нарушениях законности, обещана широкая амнистия.

Содержание речи И.Надя внешне не противоречило новой линии экономической политики в СССР. Ведь в августе 1953 г., выступая на сессии Верховного Совета СССР, председатель Совета Министров СССР Г.М.Маленков провозгласил задачу «всемерно форсировать развитие легкой промышленности»²¹. Решения сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 г. ориентировали на подъем сельского хозяйства. Были заметно увеличены заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты, сдаваемые колхозами государству, отменена часть обременительных для колхозников обязательных поставок с каждого двора, приняты меры по развитию подсобных хозяйств, радикально снижен сельхозналог на землю под крестьянским подворьем. (В отличие от Г.М.Маленкова Н.С.Хрущев сделал упор не на интенсивную, а на экстенсивную сторону развития сельского хозяйства, и в ходе реализации в 1954 г. решений сентябрьского пленума восторжествовала именно его, довольно спорная доктрина, суть которой состояла в освоении целинных земель). Однако при всем своем созвучии новой линии Москвы программа И.Надя с самого начала превосходила ее в радикализме разрыва с прежним курсом, и это не могло остаться незамеченным советскими дипломатами. По сообщению посольства, И.Надь не совсем ясно сформулировал некоторые вопросы, и это вызвало в обществе сомнения и даже смятение. Острая критика им прежней экономической политики и слишком большой упор на необходимость поддержки мелкого собственника привели к растерянности среди государственных и партийных

работников Венгрии и «явились настоящим откровением для венгерской печати, которая ранее проходила мимо вскрывшихся теперь недостатков»²². Так, еженедельник «Új világ», пытаясь отразить настроения масс, писал 9 июля: «Тысячи людей спрашивают: что случилось? Поражение? Отступление? Каждого патриота волнует этот вопрос. Как? Мы до сих пор шли по неправильному пути? ... Теперь мы должны начинать сначала?».

Дальнейшее развитие событий, однако, способствовало большей определенности политической ситуации. И главные импульсы снова исходили из Москвы. 10 июля в «Правде» было опубликовано информационное сообщение о пленуме ЦК КПСС, заслушавшем и обсудившем доклад «о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П.Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала» и принявшем решение «вывести Л.П.Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа». Ракоши, позиции которого в июне значительно ослабли, воспринял сообщение об устранении Берия как сигнал для контрдуара. Ведь хотя решения июньского пленума ЦР ВПТ, отражавшие новую линию Москвы, не подлежали кардинальному пересмотру, вместе с тем с арестом Берия И.Надь лишился в глазах Ракоши наиболее могущественного своего покровителя, как можно предположить, инициировавшего само его выдвижение на пост главы правительства. Наблюдая со стороны развернувшуюся в Кремле «схватку бульдогов под ковром» (по образному выражению у Черчилля), Ракоши, имевший огромный опыт участия в закулисной политической борьбе, увидел для себя неплохой шанс сыграть на противоречиях в советском руководстве в интересах укрепления собственных пошатнувшихся позиций. 11 июля 1953 г. первый секретарь ЦР ВПТ под видом прояснения ряда «не совсем правильно понятых» положений правительственной программы выступил на партактиве в Будапеште по сути дела в контрреформаторском духе. Упор в его речи был сделан на сохранение преемственности с прежним курсом при всей неизбежности некоторой его корректировки в соответствии с требованиями времени. Выступление Ракоши положило начало длительному противоборству двух тенденций в руководстве ВПТ — охранительно-сталинистской и реформаторской, об этом противоборстве вскоре узнали и с тревогой наблюдали за ним в Москве.

Задача успешной реализации провозглашенного курса требовала создания эффективного механизма реформ. В Венгрии образуются новые органы (в частности, Секретариат Совета Министров во главе с З.Вашем), сторонники премьер-министра занимают ответственные должности в государственном аппарате. Сам И.Надь в месяцы, последовавшие за июньским пленумом, продолжал развивать и уточнять свою концепцию аграрной политики, по-прежнему акцентируя внимание на поддержке мелкого собственника — главного производителя сельскохозяйственной продукции. «Непременным условием быстрой ликвидации отсталости нашего сельского хозяйства и подъема производства является зажиточность среднего крестьянства, укрепление его хозяйства, рост товарности его производства», — заявил он, в частности, выступая на сессии Госсобрания ВНР в январе 1954 г.²³. На страницах теоретического журнала ВПТ «Társadalmi Szemle» и других изданий публикуются статьи в защиту нового курса. В наиболее смелых из них проводились параллели с нэпом 1920-х

годов в СССР, развивалась в сущности не противоречащая марксизму идея о мирном вращении мелкого сельского товаропроизводителя в социализм, названная в 1929 г. в СССР правоуклонистской²⁴.

Первым следствием политики «нового этапа строительства социализма» (так в соответствии с решениями июньского пленума определил свою программу И.Надь) явился массовый выход крестьян из кооперативов. Этот процесс, развернувшийся с осени 1953 г.²⁵, был ускорен рядом конкретных мер, призванных усилить личную заинтересованность крестьян-единоличников в своем труде (снижение объема обязательных поставок, помощь в обеспечении сельскохозяйственной техникой и т.д.). Как констатировало в июне 1954 г. советское посольство, «частно-собственнические стремления крестьян-единоличников за последнее время значительно усилились... Исконная мечта середняков — разбогатеть и стать зажиточными — получила реальную возможность для осуществления»²⁶. По мнению советских дипломатов, этому способствовало бытующее «среди многих венгерских работников... мнение о том, что в дальнейшем в стране не следует заниматься кооперативным строительством, а главное внимание должно быть обращено на поддержку единоличного крестьянского хозяйства»²⁷.

Хотя урожаем 1953 г. был неплохим и положение с продовольствием в стране в целом несколько улучшилось, перемены, происходившие на селе, все же не привели к резкому повышению эффективности сельскохозяйственного производства. План госпоставок и сбора денежного налога с единоличников, хотя и значительно более низкий, чем в предыдущие годы, был за первую половину 1954 г. выполнен всего на 60%. Оживление рынка не всегда в полной мере компенсировало нарушение поставок. В снабжении городов продуктами на протяжении 1954 г. периодически возникали перебои.

В течение первой половины 1954 г. несколько выросла зарплата рабочих. Определенному повышению жизненного уровня населения способствовали также снижение цен на некоторые продукты и предметы повседневного спроса, расширение объема жилищного строительства. Однако и в 1954 г. многие рабочие выражали недовольство своим материальным положением, по-прежнему весьма высокими ценами на продовольствие, состоянием жилищной проблемы. Посольство СССР в Венгрии в одном из донесений не могло не признать, что главную причину трудностей венгерские трудящиеся видели в медленном претворении в жизнь новой программы²⁸. Когда летом 1954 г. из Швейцарии пришло известие о том, что главная гордость Венгрии, сильнейшая в мире сборная по футболу, прервала четырехлетнюю серию своих блистательных побед, проиграв команде ФРГ финальный матч чемпионата мира, недовольство выплеснулось наружу, тысячи молодых людей вышли поздно вечером на улицу, и органам внутренних дел с трудом удалось удержать ситуацию под контролем. В тот день звучали и антисоциалистические лозунги.

Выпуск потребительских товаров вырос за 1954 г. более, чем на 10%. Вместе с тем резкое изменение приоритетов в структуре производства привело к ряду диспропорций. Дальнейшее развитие легкой промышленности стало все более тормозиться из-за трудностей в обеспечении сырьем и средствами производства. Это требовало новых корректировок в экономической политике, и в частности, принятия мер по модернизации тяжелой индустрии.

Изменения в трудовом законодательстве с целью облегчить положение рабочих (понижение норм выработки, отмена сверхурочных часов, смягчение наказаний за трудовые провинности) были с удовлетворением восприняты рабочим классом. В то же время они привели к заметному падению трудовой дисциплины и снижению производительности труда, поскольку должных материальных стимулов введено не было. Английская газета «Daily telegraph», анализируя в марте 1955 г. весьма противоречивые итоги экономической политики И.Надя, не без сарказма отмечала: «сделать коммунистический режим менее тираническим — это еще не значит сделать его более эффективным»²⁹.

Курс «нового этапа» не ограничивался только экономикой. Планы реформ политической сферы общества также во многом противоречили ультралевым доктринам, господствовавшим в предшествующий период. В ряде выступлений И.Надя, относящихся прежде всего к осени 1954 г., ставился вопрос об активизации деятельности Отечественного Народного фронта (ОНФ), придании подлинно представительских функций этой организации, служившей режиму Ракоши лишь одним из «приводных ремней» в манипулировании обществом³⁰. Принимается решение о повышении роли местных советов (правда, оно так и не успело найти реальное воплощение за недолгие месяцы реформаторских начинаний И.Надя). Планы некоторой, хотя и очень ограниченной плюрализации политической системы, создания внепартийного противовеса всеильному аппарату ВПТ в лице ОНФ были с особым воодушевлением встречены в кругах интеллигенции, а также среди активистов тех левых политических партий, которые, хотя и не были запрещены в юридическом порядке, однако после 1949 г. существовали лишь формально — в частности, партии мелких хозяев и национальной крестьянской³¹.

Пожалуй, самым важным завоеванием новой политики стали первые, пускай робкие, но все же реальные шаги по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий. В 1953 — 1954 гг. получают разрешение покинуть места вынужденного поселения некоторые из представителей аристократических и буржуазных фамилий, высланных из столицы в насильственном порядке в 1951 г. Начинается пересмотр фальсифицированных судебных дел начала 1950-х годов, освобождаются первые политзаключенные.

Попытки либерализации существующего режима с самого начала вызвали скрытое, а затем и все более открытое противодействие со стороны Ракоши и его сторонников. Вынужденный под давлением Москвы поступиться частью своих, прежде неограниченных полномочий партийный лидер, отчаянно цепляясь за власть, прилагал немалые усилия для мобилизации преданного ему аппарата на саботаж проводимых реформ, грозивших партийным функционерам утратой многих привилегий, тем более, что И.Надь (к немалому раздражению партаппаратчиков) последовательно стремился перенести центр тяжести в принятии важнейших решений с партийных органов на государственные. «Хорошо образованный, обладавший дипломатическим чутьем, умный, изобретательный и гибкий политик, он не знал непреодолимых препятствий, недозволенных средств борьбы и был одержим идеей личной власти, которую отождествлял с властью народной», — пишет о Ракоши один из венгерских исследователей³².

Отсутствие единства в партийно-государственном руководстве поначалу в соответствии со строгими правилами большевистского этикета тщательно скрывалось от широких масс, хотя и не всегда успешно. Председатель

Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилов, посетивший Венгрию в мае 1954 г. как глава делегации КПСС на III съезде ВПТ, писал в Президиум ЦК КПСС о том, что накануне съезда слухи о нездоровых отношениях в руководстве ВПТ широко распространились в первичных организациях партии³³. Тем не менее партийный съезд удалось провести в духе показного единства. Ворошилов в своем отчете с удовлетворением отмечал, что съезд прошел организованно, на высоком уровне, критика недостатков была «деловой и здоровой». «Товарищи Ракоши и Надь правильно поступили, не затронув в своих докладах вопрос о расхождениях, имевших место в руководстве ВПТ. Если бы эти расхождения были вынесены на съезд, это не принесло бы пользы и не способствовало укреплению единства партии и ее руководства... Делегация КПСС пришла к выводу, что руководство ВПТ является единым и сплоченным, что имевшиеся расхождения устранены»³⁴.

Серьезные разногласия внутри ВПТ не были, таким образом, секретом и для советских лидеров. Ракоши и Надь- «давно враждовали, а мы из Москвы всячески пытались их примирить», — вспоминал впоследствии Н.С.Хрущев³⁵. Обе стороны, в полной мере осознавая роль советского фактора в восточноевропейских делах, прилагали усилия к тому, чтобы заручиться поддержкой руководства СССР, склонить его в свою пользу. В апреле 1954 г. Ракоши и Надь в составе делегации ВПТ были приняты в Кремле членами Президиума ЦК КПСС. Советские лидеры продолжали оказывать доверие И.Надю и пока еще не видели в его деятельности какой-либо «правой угрозы», хотя и отметили ряд недостатков в осуществлении «нового курса»³⁶. Членов Президиума ЦК КПСС больше всего беспокоило, что разногласия И.Надя и М.Ракоши могут вылиться в публичную перепалку между ними с трибуны III съезда. То, что это не случилось, несколько успокоило Москву. Летом 1954 г., когда послом СССР назначили Ю.В.Андропова, «во внутренних событиях в Венгрии не ждали чего-либо неожиданного и плохого. Спокойно было», — вспоминал впоследствии В.М.Молотов³⁷.

Но спокойствие продлилось недолго. В конце лета 1954 г., пока И.Надь был в отпуске, противники реформ предприняли контрнаступление. По инициативе влиятельного члена Политбюро Э.Гере решено было сократить ассигнования на социальную сферу, увеличить налоги с крестьян. Мотивировалось все это перерасходом бюджета в течение первой половины 1954 г. Узнав о подобных планах, Надь впервые решился пойти ва-банк. В начале октября он выступил на пленуме ЦР с резкой критикой контрреформаторских тенденций, а 20 октября, пренебрегая всеми нормами коммунистической этики, не позволяющими выносить на суд широкой общественности внутрипартийные разногласия, опубликовал на страницах газеты «Szabad Nép» статью, в которой прямо заявил, что экономические трудности проистекают не из его политической линии, а из противодействия ей³⁸. Надь подчеркнул, что речь идет не о каких-либо частных расхождениях, а о различном понимании сущности социализма: концепция, доминировавшая в политике ВПТ до июня 1953 г., отождествляла социализм с максимальным производством железа и стали. Ускоренная сверхиндустриализация становилась, таким образом, самоцелью, а человек, его интересы и насущные потребности из такой концепции социализма начисто выпадали. После опубликования этой статьи для всего общества стало очевидным существование в высших кругах ВПТ острейших разногласий. На выступление И.Надя не могли не отреагировать и западные наблюдатели. Парижская «Le Monde», откровенно

называвшая курс И.Надя «венгерским нэпом», предсказывала 22 октября, что «дуэль Надь-Ракоши должна закончиться победой одного из двух противников».

По мере противодействия ракошистских сил политике «нового этапа» внутри аппарата происходило все более резкое размежевание, вокруг И.Надя спланивались сторонники его курса. Осенью 1954 г. важной опорой премьер-министра и его политики становится пресса — активные приверженцы обновления занимали ответственные должности в редакциях центральных газет «Szabad Nép», «Népszava» и др., способствуя пропаганде реформаторской линии. Голоса в поддержку И.Надя звучали на партсобраниях в Будапештском университете, Высшей партийной школе.

Хотя первоотлчком перемен в Венгрии явились импульсы, полученные из Москвы, реформы, предпринятые И.Надем в 1953 — 1954 гг., были уникальной, в то время не имевшей аналогов в других странах попыткой придать социализму более гуманный характер. Не удивительно поэтому, что положение дел в Венгрии, где к осени 1954 г. стал намечаться довольно значительный отход от сталинских образцов, вызвало новый прилив обеспокоенности в Москве — тем более, что Ракоши во время своего почти двухмесячного пребывания на лечении в СССР в октябре-ноябре 1954 г. сумел настроить «коллективное руководство» КПСС против «зарвавшегося» венгерского премьера.

Продолжению в Венгрии «нового курса» не слишком-то благоприятствовала и международная обстановка. 23 октября 1954 г. в Париже были подписаны соглашения, означавшие не только признание США, Великобританией и Францией полного суверенитета Западной Германии, но в самой ближайшей перспективе и включение ее в НАТО. Эти планы вызвали крайне негативную реакцию в Кремле. Произошедшее в результате временное похолодание международных отношений предопределило новый зигзаг в политике Москвы, незамедливший сказаться на соотношении сил в Будапеште, поскольку «враждовавшие внутри руководства ВПТ фракции то и дело апеллировали к руководителям КПСС, надеясь найти поддержку то у одного, то у другого из них и строя свои расчеты на усилении в КПСС именно той тенденции, которую они считали наиболее благоприятной для своей фракции»³⁹. Начало нового витка в гонке вооружений предопределило усиление внимания к тяжелой промышленности. Это нанесло удар прежде всего по концепции и позициям Г.М.Маленкова — не прекращавшееся в кремлевских коридорах выяснение отношений между наследниками Сталина приводит в феврале 1955 г. к его отстранению от должности Председателя Совета Министров СССР, чему предшествовала резкая критика на январском пленуме ЦК. Пленум расценил как «теоретически неправильное и политически вредное противопоставление темпов развития тяжелой промышленности темпам развития легкой и пищевой промышленности»⁴⁰.

За две недели до этого, когда И.Надь в составе венгерской партийно-правительственной делегации был вызван в Москву для серьезного разговора, члены «коллективного руководства», включая и Г.М.Маленкова, проявили полное единодушие в резко критической оценке всей деятельности венгерского премьер-министра. Речь шла о недооценке значения новых капиталовложений в промышленность, о чрезмерном поощрении мелкого собственника в ущерб кооперативам, о попытках противопоставить партии Отечественный Народный фронт, о националистических перекосах в идеологии⁴¹. Как справедливо заметила

10 марта английская газета «Daily telegraph», «планы Надя по увеличению выпуска продукции легкой промышленности за счет тяжелой были обречены на очевидный провал, когда подобная же политика подверглась анафеме в Москве». Особое возмущение советских лидеров вызвали сам факт публикации и содержание статьи в «Szabad Nép» от 20 октября. В связи с ней И.Надю были предъявлены упреки во фракционности.

Лишившись покровительства советского руководства, И.Надь зимой 1955 г. оказался перед нелегким выбором. Он мог, последовав свежему примеру Г.М.Маленкова, пойти на уступки, выступить с самокритикой и тем самым сохранить за собой если не кресло премьер-министра, то во всяком случае место в партийном руководстве и возможность так или иначе влиять на политический курс (отдельные положения своей программы, «несвоевременные» из-за сложностей международной обстановки, он сберег бы на будущее и пошел бы в удобный момент в контрнаступление). Либо он мог продолжать вопреки всем правилам большевистского кодекса отстаивать свою правоту и после того, как партия вынесла свой вердикт. Надь избрал для себя второй путь, не поддавшись уговорам приехавшего в Будапешт в феврале 1955 г. секретаря ЦК КПСС М.А.Сулова, ведавшего вопросами Коминформа. Это грозило уже более серьезным обвинением во фракционной деятельности и не могло не иметь последствий. Состоявшийся 2–4 марта пленум ЦР ВПТ, не подвергнув сомнению правильность решений июньского пленума 1953 г., вместе с тем отметил, что их осуществление затруднялось в результате правого уклона. Как было сказано в решениях этого и последующего, состоявшегося в апреле пленума ЦР ВПТ, И.Надь представлял правооппортунистические взгляды, которые сложились в систему и проявились в различных областях политической, хозяйственной и культурной жизни, тормозя социалистическое строительство и нанеся «тяжелый ущерб» народной демократии. Было признано необходимым принять меры по ускоренному развитию тяжелой промышленности. Программа аграрной политики, провозглашенная весной 1955 г., в противовес концепции И.Надя делала упор не на поддержку мелкого собственника, а на развитие кооперативов⁴². Как отмечалось в решениях мартовского и апрельского пленумов, И.Надь в интересах осуществления своей «правооппортунистической» политики «прибег к антипартийным и даже фракционным методам», несовместимым с партийной дисциплиной⁴³. Было подчеркнуто, что «основное препятствие успешному проведению правильной политики партии на данном этапе представляет возросшая правая опасность. Поэтому главной задачей партии является идеологический разгром вредных правых взглядов, полная их изоляция»⁴⁴.

В апреле 1955 г. И.Надь под давлением ортодоксальных сил во главе с Ракоши, предпринявших массированное контрнаступление на реформы, был вынужден оставить пост премьер-министра, был выведен из Политбюро и ЦР ВПТ. На эту меру решились пойти не сразу — Ракоши и его окружение осознавали популярность И.Надя, с именем которого ассоциировались реформы, направленные на улучшение положения населения. «Исключение Надя Имре из состава руководства в настоящее время было бы серьезной ошибкой, так как он имеет сейчас большую популярность в партии и народе, особенно среди крестьян», — говорил 1 января 1955 г. послу СССР Ю.В.Андропову член Политбюро ЦР ВПТ И.Ковач⁴⁵.

Таким образом, первая в истории стран Восточной Европы попытка реформировать сталинскую систему сверху, придать ей более гуманистическую сущность и более привлекательное лицо завершилась неудачей. В конечном итоге судьбу «нового курса» предопределил продолжавший оставаться решающим внешний фактор — очередной поворот во внутренней политике КПСС сузил поле самостоятельных действий сторонников демократизации социализма в Венгрии. Кратковременная «оттепель» сменилась новым «похолоданием»: застыл, едва начавшись, процесс реабилитации невинно осужденных, ужесточилась цензура, усилились гонения на инакомыслящих, были свернуты все дискуссии в прессе по проблемам реформ экономического и политического механизма.

В экономической политике происходит частичный возврат к неоправдавшей себя концепции начала 1950-х гг., выдвигавшей задачу превращения Венгрии в страну «железа и стали». Принимаются, в частности, решения о новых, разорительных для страны капиталовложениях в строительство крупных промышленных объектов. Интересно, что, хотя новый поворот в политике ВПТ был обусловлен в первую очередь переменами, происходившими в Москве, посещавшие в 1955 г. Венгрию представители СССР обращали иной раз внимание на ошибочность проводимого с весны 1955 г. курса в экономической политике⁴⁶.

Налоги с крестьян-единоличников были повышены настолько, что им приходилось иногда закупать на рынке зерно для новых посевов. О ненормальности подобной ситуации также говорилось в советских дипломатических донесениях⁴⁷.

И.Надь, оказавшись в опале, продолжал упорно отстаивать свою правоту в письмах, адресованных ЦК ВПТ⁴⁸. Главный их пафос заключался в стремлении выработать такую концепцию социалистического строительства в Венгрии, которая не копировала бы иностранные образцы, а в полной мере учитывала национальную специфику страны, считая главным критерием правильности принимаемых решений их соответствие интересам граждан. Некоторые активные сторонники бывшего премьер-министра, также лишившиеся своих постов в государственном аппарате и органах печати, поддерживали с ним тесные контакты. Это дало основание партийному руководству увидеть угрозу зарождения серьезной оппозиционной фракции в рядах ВПТ. В декабре 1955 г. И.Надь по обвинению во фракционности был исключен из рядов партии. Апофеозом антиреформаторского курса явилось принятое в конце 1955 г. постановление ЦК ВПТ «О правых явлениях в литературной жизни». Группа писателей и деятелей искусств, обратившихся в высшие партийные органы с меморандумом протеста против ряда запретительных акций в культурной жизни, была обвинена в подрыве руководящей роли партии⁴⁹. Развернувшаяся вслед за этим кампания травли многих видных представителей творческой интеллигенции не приносила, однако, прежнего эффекта. «Оттепель» пустила достаточно глубокие корни в венгерском обществе, чтобы воспрепятствовать расправам с политическими оппонентами методами, подобными тем, которые имели место до 1953 г. С другой стороны, в венгерском обществе стала исчезать атмосфера страха, и это было главным завоеванием политики «нового этапа», связанного с деятельностью И.Надя. Чем более шумными становились нападки на оппонентов, тем сильнее накалялась, грозя обернуться мощным взрывом, внутриполитическая обстановка в стране.

«Спокойной и уверенной поступью вступает Венгрия в Новый год», — передавал из Будапешта 1 января 1956 г. корреспондент «Правды» С.Крушинский. Но кажущееся спокойствие было обманчивым. Советские дипломатические донесения начала 1956 г. полны сообщений об усилении оппозиционных настроений в обществе и в партии. Так, первый секретарь дьёрского обкома ВПТ говорил 20 января советскому дипломату о том, что часть интеллигенции и служащих с недоверием относится к руководству ВПТ, не понимает, как можно делать столь резкие зигзаги в политике. «Имеют место разговоры, почему в руководстве партии остаются те люди, которые на протяжении ряда лет допускают серьезные ошибки... Имен этих людей, как правило, прямо не называют, но имеются в виду товарищи Ракоши и Гере»⁵⁰. Как читаем в другом донесении тех дней (о беседе сотрудника посольства с заместителем министра просвещения Г.Кашшай), большинство студентов и преподавателей филологического факультета Будапештского университета не поддержало постановление «О правых явлениях в литературной жизни», несогласие с линией партии проявляется и в других вопросах⁵¹. Критика того же самого партийного постановления раздавалась на партсобрании в дьёрском театре (некоторые его актеры впоследствии, осенью 1956 г., сыграли заметную роль в утверждении революционной власти в этом городе), других учреждениях культуры⁵². В донесениях также указывалось на сильные настроения в поддержку опального И.Надя, в том числе среди секретарей сельских парторганизаций⁵³.

В атмосфере все большего недовольства самых широких масс политикой Ракоши и его окружения делегация ВПТ во главе с ее первым секретарем выехала в феврале 1956 г. в Москву для участия в работе XX съезда КПСС.

2. XX съезд КПСС и общественный подъем в Венгрии весной 1956 года.

Усилия Москвы по поддержке Ракоши

XX съезд КПСС (14–25 февраля 1956 г.), состоявшееся на нем разоблачение Сталина, равно как и провозглашение тезиса о многообразии форм перехода к социализму, образовали ту новую систему идейных ориентиров, в соответствии с которой лидеры зарубежных компартий должны были откорректировать свои программные установки. Разные компартии с неодинаковой степенью готовности подошли к решению этой задачи, что было обусловлено множеством факторов — раскладом сил на политической арене той или иной страны, характером взаимоотношений коммунистов с их союзниками по левому лагерю, не в последнюю очередь тем, в какой мере скомпрометированными оказывались те или иные национальные коммунистические лидеры своей причастностью к политике Сталина и его окружения. Если П.Тольятти, решительно взяв курс на опережение официальной линии СССР в критике культа личности, сумел нажить для себя и для своей партии немалый политический капитал как внутри страны, так и в рамках мирового коммунистического движения¹, то более косное руководство французской компартии, оказавшись в незавидной роли «догоняющего Москву», в первые же месяцы после съезда в значительной мере подорвало свое влияние в кругах левой интеллигенции Франции². Но и попытки публично отмежеваться от Сталина и сталинизма не всегда могли гарантировать политический выигрыш. Так, 4 марта 1956 г. В.Ульбрихт выступил в «Neues Deutschland» со статьей «О XX съезде КПСС», где, в частности, заявил, что «Сталина нельзя считать классиком марксизма-ленинизма». Неожиданно резкие выпады против Сталина со стороны известного своей ортодоксальностью ком-

мунистического политика были расценены многими наблюдателями как тактический ход с целью предупредить наступление внутрипартийной оппозиции на руководство СЕПГ и вызвали скорее негативную реакцию. Корреспондент «Правды» П.Наумов в записке о реакции в компартиях обеих Германий на решения XX съезда КПСС, направленной 12 апреля главному редактору газеты секретарю ЦК КПСС Д.Шепилову и послу СССР в ФРГ В.Зорину, писал: «Среднее руководящее звено и партийный актив возмущены тем, что Ульбрихт и Рейман (лидер западногерманских коммунистов — А.С.) говорят об ошибках Сталина в таком тоне, как будто сами они к культу личности не причастны. Они по-прежнему выступают как непогрешимые вожди, рассчитывая, что партийная масса поверит без доказательств и объяснений каждому их слову»³.

При всей непоследовательности в выявлении сущности сталинизма решения XX съезда КПСС дали мощный импульс реформаторским силам в странах советского лагеря, ведь критика тех или иных сторон тоталитарной системы, за которую прежде представители оппозиционно настроенной интеллигенции подвергались беспощадным гонениям, вдруг получила неожиданную поддержку из самой Москвы. Наряду с Польшей движение с требованием демократизации существующего режима весной 1956 г. достигло наибольшего размаха в Венгрии.

Сильный удар по позициям Ракоши был нанесен уже в дни XX съезда публикацией 21 февраля в «Правде» статьи известного ученого-экономиста академика Е.Варги (в 1919 г. народного комиссара Венгерской советской республики) «Семидесятилетие со дня рождения Белы Куна», в которой последний был назван не только «фактическим руководителем Венгерского Советского правительства» 1919 г., но и выдающимся деятелем международного коммунистического движения. Если учесть, что вся пропагандистская машина ВПТ долгие годы создавала миф о Ракоши как основателе венгерской компартии, вожде Венгерской советской республики 1919 г., лидере коммунистического движения в 1920-е годы, то нетрудно представить себе, что означала для него официальная реабилитация Москвой репрессированного в 1938 г. Белы Куна. Но в нелегком положении оказался не только Ракоши, но и партийные работники всех уровней, которым предстояло давать соответствующие разъяснения рядовым коммунистам. «Появление статьи в газете «Правда» о Беле Куне и его реабилитация для многих членов партии, даже руководящих работников ЦК ВПТ, были неожиданными и никто к этому не был подготовлен», — жаловался 23 февраля советскому дипломату высокопоставленный партийный функционер, зав. отделом ЦР ВПТ⁴. А первый секретарь обкома Дьёр-Шопрон сетовал несколькими днями позже: «До сих пор в истории ВПТ Кун Бела считался троцкистом и изменником, а сейчас придется разъяснять в партийных организациях совершенно обратное. Это, конечно, представляет определенную трудность, учитывая сравнительно невысокую политическую сознательность многих членов и кандидатов ВПТ»⁵. Основные упреки в связи со сложившимся положением раздавались в адрес руководства ВПТ: «Необходимо было своевременно поставить в известность актив партии о реабилитации т. Белы Куна, тогда появление подобной статьи не вызвало бы недоумений и различного рода разговоров и слухов»⁶.

Как явствует из выступления Ракоши на мартовском 1956 г. пленуме ЦР ВПТ, для него реабилитация Белы Куна отнюдь не была неожиданной. По версии, изложенной Ракоши, еще летом 1955 г. по примеру «польских товарищей»,

всерьез занявшихся восстановлением справедливости в отношении безвинно пострадавших в СССР в 1930-е годы коммунистов из Польши, ЦР ВПТ (очевидно, под давлением влиятельных ветеранов компартии и родственников пострадавших) проявил инициативу, послав в Москву запрос о судьбе 65 репрессированных в СССР венгерских коммунистов. В числе многих других в список вошел и Бела Куна. В сентябре была получена информация о том, что делом Б. Куна занимаются и он будет реабилитирован, а уже в феврале 1956 г., перед самым открытием XX съезда, из Москвы по телефону сообщили, что реабилитация состоялась. Находясь в Москве, Ракоши узнал о намерении газеты «Правда» отметить 70-летие со дня рождения Белы Куна публикацией статьи. Чтобы не дать своим венгерским недоброжелателям лишних оснований говорить о том, что лишь давление Москвы вынуждает руководство ВПТ признать невиновность репрессированных сталинским режимом коммунистов, Ракоши принял решение об одновременном опубликовании в газете «Szabad Nép» статьи аналогичного содержания, что и было осуществлено⁷.

Делая хорошую мину при плохой игре, Ракоши в своем выступлении на мартовском пленуме пытался записать факт реабилитации Белы Куна в свой актив, подав это как собственную заслугу⁸. Однако не только в Венгрии, но и за ее пределами многим было очевидно истинное значение этого события для дальнейшей судьбы первого секретаря ЦР ВПТ. Так, австрийская газета «Die Presse» отмечала 22 февраля: «После реабилитации в Венгрии Белы Куна пересмотр процессов Райка в Венгрии и Сланского в Чехословакии становится не более чем вопросом времени. Во всяком случае это может иметь для «лучшего венгерского ученика великого Сталина Матяша Ракоши» далеко идущие последствия. Ракоши, который является самым динамичным из всех руководителей коммунистических партий и который до сих пор при всех без исключения изменениях в направлении своей партии сумел выходить целым и невредимым, должен теперь напрячь все свои силы, если он хочет спастись»⁹.

Если к реабилитации Б.Куна Ракоши был в известной мере подготовлен, то знаменитое выступление Н.С.Хрущева на закрытом заседании в конце работы XX съезда явилось для него, как он признал впоследствии в мемуарах, настоящей неожиданностью¹⁰. Как известно, иностранные гости XX съезда не были приглашены на это заседание. Текст выступления Хрущева Ракоши получил от сотрудников Международного отдела ЦК КПСС. «Едва начав читать, я сразу понял, что речь идет о документе чрезвычайной важности... Мы (члены венгерской делегации на XX съезде — А.С.) находились под впечатлением от доклада о Сталине и культе личности. Несмотря на то, что доклад был предназначен строго для внутреннего пользования, было ясно, что рано или поздно его содержание просочится в открытую печать, и это всех нас беспокоило... Теперь я уже понял, что и статья, опубликованная в связи с днем рождения Белы Куна, и даже реабилитация польской коммунистической партии¹¹ были частью плана, направленного на то, чтобы показать, какой ущерб причинил Сталин международному коммунистическому движению... Никакая особая необходимость не требовала вынесения этого вопроса на суд общественности в такой форме, и Хрущев оперировал каменным топором там, где нужно было применить тончайший медицинский ланцет»¹².

Опытный Ракоши правильно сумел оценить, какая мина замедленного действия была заложена в выступлении Хрущева. Хотя секретный доклад и не

предназначался для публикации, подготовленный на его основании текст вскоре после съезда был зачитан на многочисленных партсобраниях в СССР, стал известным и в странах «народной демократии»¹³, вызвав громадный отклик и поставив в непростое положение партийных лидеров, служивших «верой и правдой» официальной Москве.

То, что в оценке деятельности Сталина наметился некоторый поворот в сравнении с предшествующими годами, внимательные наблюдатели могли почувствовать из ряда съездовских выступлений еще до того, как прозвучал закрытый доклад Хрущева¹⁴. Но настоящая дискуссия развернулась в Венгрии уже по окончании работы съезда. Как сообщали в марте 1956 г. советским дипломатам сотрудники аппарата ВПТ, никогда прежде в низовых парторганизациях не было такой активности и столь высокой посещаемости партийных собраний. Начала меняться сама внутрипартийная атмосфера: «Люди свободнее стали чувствовать себя, свободнее высказывать свои мысли. Стали больше чувствовать себя хозяевами жизни»¹⁵. В ходе обсуждений остро поднимался вопрос о нарушениях законности в Венгрии, о том, что виновные не понесли наказания, при этом назывались конкретные фамилии, в частности, бывшего члена Политбюро ЦК ВПТ М.Фаркаша¹⁶. Вызвал отклик и провозглашенный XX съездом тезис о мирном сосуществовании как генеральной линии ЦК КПСС во внешней политике, причем некоторые из выступавших напрямую связывали его с требованием нейтралитета Венгрии¹⁷.

Вернувшись из Москвы в Будапешт, «лучший венгерский ученик товарища Сталина», как долгие годы называла Ракоши партийная пресса, в первую очередь был озабочен тем, чтобы свести к минимуму всем очевидные расхождения между идеями XX съезда КПСС и собственной досъездовской политической линией. Этой цели было призвано служить его выступление на расширенном пленуме ЦК ВПТ, состоявшемся 12–13 марта. Подчеркнув значение съезда для дальнейшего развития марксизма-ленинизма и для дела социалистического строительства, Ракоши заметил: «Без преувеличения можно сказать, что едва ли есть в решениях XX съезда положение, которое с соответствующими изменениями нельзя было бы применить в наших условиях»¹⁸. В связи с критикой Хрущевым культа личности Сталина первый секретарь ЦК ВПТ не мог не признать, что «... дух культа личности оказал влияние и на страны народной демократии, в том числе и на нашу страну, где он сопровождался тяжелыми последствиями, пока не был ликвидирован»¹⁹. Таким образом, расценив культ личности как явление уже преодоленное в Венгрии, Ракоши одновременно возложил значительную часть вины за возвеличивание собственной персоны на своих подчиненных²⁰.

Значительное место в выступлении Ракоши заняло обоснование правомерности мартовского поворота 1955 г. — не удивительно, ведь в атмосфере более свободных дискуссий, порожденной XX съездом КПСС, вопрос о судьбе И.Надя и его политического курса не мог заново не привлечь внимания. Подчеркнув, что съезд КПСС ни в коей мере не оправдал венгерских «правоуклонистов», Ракоши назвал решения мартовского пленума 1955 г. (как и ноябрьское постановление «О правых явлениях в литературной жизни») правильными и актуальными. В том, что авторитет ВПТ «заметно снизился», главную роль, по мнению первого секретаря ЦК, сыграла именно сознательная и последовательная линия И.Надя, направленная на ослабление ведущей роли партии²¹. В целом оптимистически оценив будущее (поскольку партия вопреки

всему «сильна и едина»), Ракоши в то же время не мог не предвидеть новых экономических трудностей и заранее попытался списать их на счет И.Надя: «...в первые годы второго пятилетнего плана (который предстояло принять летом 1956 г. — А.С.) повышение народного благосостояния будет в определенной мере тормозиться тяжкими последствиями той безответственной и демагогической экономической политики, которой ЦР нашей партии положил конец своим прошлогодним мартовским постановлением»²².

Ход работы пленума отразил недовольство высшего партактива политикой Ракоши и его окружения, губительной для страны и все более подрывавшей влияние партийного руководства среди рядовых коммунистов. Причем некоторые из выступавших (И.Реваи, З.Санто) явно стремились воспользоваться новой политической обстановкой в целях сведения личных счетов с Ракоши. На пленуме с непривычной остротой прозвучала критика в адрес Политбюро и лично первого секретаря. Речь шла о нарушениях коллегиальности в управлении, об отрыве от партийных масс, о медленных темпах восстановления законности, новых проявлениях администрирования в кооперативном строительстве и т.д. Как комментировал в беседе с советским дипломатом итоги пленума секретарь комаромского обкома ВПТ, Политбюро, не учтя послесъездовской атмосферы, пыталось направить ход работы пленума в привычное русло — информировать членов ЦР о съезде, не вдаваясь при этом в венгерские проблемы, заслушать несколько стандартных выступлений, принять заранее подготовленную резолюцию. Однако пленум не пошел по старому пути²³. Развернувшаяся на нем дискуссия свидетельствовала об изменении расклада сил в ЦР в пользу сторонников определенной корректировки прежнего политического курса. Говорить, однако, о какой-либо кристаллизации в составе ЦР реформаторского крыла со своими лидерами и четкой идейной программой едва ли приходится. Показательно, что никто из тех, кто в 1953 — 1954 гг. в той или иной мере поддерживал И.Надя, не решился в марте 1956 г. на пленуме открыто выступить в защиту его линии, продолжавшей считаться «правоуклонистской» (наиболее последовательные сторонники опального премьера не были представлены в составе ЦР, некоторые из них, такие, как Ф.Яноши, М.Вашархейи и др., в 1955 г. лишились своих номенклатурных постов).

Попытка Ракоши убедить товарищей по ЦР ВПТ в созвучии собственной политической линии идеям XX съезда КПСС не имела, таким образом, успеха. Первый секретарь Будапештского обкома ВПТ член Политбюро И.Ковач имел все основания констатировать в беседе с послом СССР Ю.В.Андроповым 30 марта: влияние Ракоши снизилось, все больше людей среди высшего партийного актива настаивает на его самокритике; Ракоши, привыкший видеть в любом критическом замечании вылазку «справа», упорно сопротивляется; он пытается оказать давление на более молодых членов партийного руководства и заручиться их поддержкой в стремлении укрепить свое пошатнувшееся положение в партии²⁴.

Обсуждение решений мартовского пленума на партийных собраниях в еще большей степени, нежели сам пленум, свидетельствовало об ослаблении позиций Ракоши в ВПТ. Рядовые коммунисты все более открыто выражали неудовлетворенность как содержанием выступления первого секретаря ЦР ВПТ, так и принятой резолюцией, носившей общий характер, плохо привязанной к насущным задачам, стоявшим перед страной²⁵.

Как и в осенние месяцы 1955 г., авансценой борьбы за демократизацию режима становится литературная жизнь, где тон задавала группа писателей-коммунистов старшего и более молодого поколения (Т.Дери, Д.Хай, З.Зелк, Т.Ацел и др.), полных решимости добиваться не только возврата партийного руководства к программе, выдвинутой июньским пленумом 1953 г., но и выработки национально специфической концепции социализма в соответствии с идеями XX съезда КПСС о многообразии форм перехода к новому обществу²⁶. 30 марта на партсобрании в Союзе венгерских писателей звучала острая критика в адрес Ракоши за «неспособность» извлечь уроки из решений XX съезда, раздавались требования довести до конца реабилитацию жертв незаконных репрессий и, в частности, пересмотреть дело Л. Райка, видного деятеля компартии, казненного в 1949 г. на основании сфальсифицированных обвинений²⁷. Сходные призывы прозвучали на собраниях и в ряде других организаций Будапешта и провинции, причем ставился вопрос даже об отставке Ракоши²⁸.

Судебный процесс над Л. Райком и его товарищами, состоявшийся в сентябре 1949 г., имел, как известно, ярко выраженную антиюгославскую направленность: ряд видных венгерских коммунистов был обвинен в подрывной деятельности в пользу режима Тито, и «дело Райка» в полном соответствии с задуманным дало толчок еще большему разжиганию антиюгославской кампании, переходу ее как бы на новый виток, когда Югославия провозглашалась страной, находящейся во власти уже не просто ревизионистов, а «шпионов и убийц»²⁹. Однако с 1954 г. начал медленно, но неуклонно разворачиваться процесс нормализации советско-югославских отношений, набравший полную силу к концу мая 1955 г., когда приехавший в Белград Н.С.Хрущев фактически признал ответственность советской стороны за обострение конфликта. Уже тогда многим венграм стало ясно, что неминуем пересмотр «дела Райка». В одном из выступлений середины 1955 г. Ракоши в обтекаемой форме был вынужден признать несправедливость выдвигавшихся в ходе сентябрьского процесса 1949 г. обвинений против Югославии, хотя полной реабилитации Райка тогда еще не последовало. Главная ответственность за раздувание в Венгрии антиюгославской истерии в связи с «делом Райка» была возложена на Берия и его венгерского коллегу, председателя Управления государственной безопасности Т.Петера, арестованного еще в январе 1953 г. Как отмечалось в советских дипломатических донесениях за март 1956 г., «дело Райка» крайне болезненно воспринималось многими членами партии: они не верили в виновность одного лишь Петера и непричастность к неблагоприятным действиям других руководителей ВПТ, требовали полной реабилитации Райка³⁰. Особенно много вопросов возникало по «делу Райка» в свете продолжавшегося сближения «народно-демократического» лагеря с Югославией: трудящимся непонятно, почему осенью 1949 г. Тито именовали не иначе, как «цепным псом» американского империализма, а теперь называют товарищем, — говорил советскому дипломату работник аппарата ВПТ³¹.

Столкнувшись с непривычно резкой критикой, Ракоши был вынужден пойти на уступки — в конце марта, выступая на партактиве в Эгере, он признал полную несостоятельность обвинений против Райка и осужденных вместе с ним коммунистов. Вместе с тем, желая оградить себя от ответственности, первый секретарь ЦР ВПТ переложил ее на М.Фаркаша, одного из своих сподручных, министра обороны в 1948—1953 гг., действительно в немалой мере причастного к организации репрессий. После июньского пленума 1953 г. Фаркаш сделал ставку

на И.Надя и некоторое время поддерживал его реформаторскую линию. И хотя позже он отмежевался от И.Надя, ему не могли простить «предательства». Весной 1955 г. Фаркаш был выведен из высших органов партии и, оказавшись в опале, направлен в Москву слушателем Военной академии. Решением мартовского пленума ЦР ВПТ 1956 г. была создана специальная партийная комиссия для изучения и вынесения решения по делу М.Фаркаша в связи с его непосредственным участием в фабрикации незаконных обвинений против Райка и многих других коммунистов (включая высокопоставленных военачальников) в 1949 – 1951 гг. Возглавивший КОМИССИЮ руководитель будапештской парторганизации И.Ковач 30 марта доверительно говорил Ю.В.Андропову о намерении высших органов ВПТ «провести расследование дела Фаркаша как можно организованнее и не дать ему возможность переложить свою вину на т. Ракоши»³². Мартовский пленум ЦР 1956 г. подтвердил принятое еще раньше решение отозвать Фаркаша из Москвы. Имея основания опасаться серьезного наказания, бывший министр обороны, ссылаясь на болезнь, в течение нескольких недель, вплоть до начала мая, не возвращался. Понимая, что задержка Фаркаша в СССР дает пищу для критики в адрес партийного руководства за стремление выгородить одного из главных виновников репрессий, Политбюро на своих заседаниях вновь и вновь обращалось к этому вопросу, настаивая на возвращении Фаркаша. Уже начиная с марта в высшем партийном руководстве дискутировался и вопрос о мере наказания для него. Когда вскоре после мартовского пленума речь зашла об объявлении Фаркашу партийного взыскания, Ракоши, по словам Ковача, резонно заметил, что «теперь этим уже не отделаешься»³³.

28 марта 1956 г. в «Правде» была опубликована большая редакционная статья «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?» Подобного рода установочные статьи, как правило, без промедления перепечатывались или подробно излагались в партийной прессе стран «народной демократии», распространяя таким образом свое директивное воздействие на всю советскую сферу влияния. В публикации от 28 марта главный акцент был сделан на том, что не надо «ослаблять борьбы против пережитков культа личности». Естественно поэтому, что статья была воспринята сторонниками реформ с воодушевлением, как еще одно свидетельство поддержки их позиции официальной Москвой. Провозглашенная руководством ВПТ еще в конце 1940-х годов и неизменно остававшаяся в силе установка на широкое и всестороннее использование (а по сути дела копирование, механическое насаждение) советского опыта, на протяжении ряда лет служившая орудием массивной сталинизации, в конкретных условиях, сложившихся после XX съезда КПСС, вдруг неожиданно заработала на зарождающуюся внутрипартийную оппозицию, позволила ей, выдвигая свои требования, ссылаться на авторитетный советский пример. Так, в отчете о посещении 30 марта г. Дебрецен сотрудники посольства СССР писали, что на различных собраниях «выступающие подчеркивают, что ЦК ВПТ не ставит так смело и открыто вопрос о культе личности в применении к венгерским условиям, как это было в Советском Союзе, хотя подобные ошибки были и в Венгрии. Значительную часть ошибок этого рода выступающие связывали с именем тов. М.Ракоши»³⁴.

Но апеллировать в своих интересах к советскому примеру венгерские реформаторы могли недолго. Политический климат в Москве не отличался устойчивостью. Обсуждение решений XX съезда в первичных организациях

КПСС достигло такого критического накала, что перепуганным партийным аппаратчикам пришлось дать задний ход развернувшейся кампании. «Шли на оттепель в руководстве, в том числе и я в этом коллективе, сознательно. И сознательно побаивались этой оттепели, потому что как бы из этой оттепели не наступило половодье, которое бы захлестнуло и с которым было бы трудно справиться. А это возможно во всяком политическом деле. Поэтому мы как бы сдерживали эту оттепель», — комментировал впоследствии Н.С.Хрущев зигзаги своей политики после XX съезда³⁵. А посол Югославии в СССР В.Мичунович уже 20 апреля зафиксировал в своем дневнике: «Волна, вызванная XX съездом, разбилась о сталинистский утес советской системы и общества. Сейчас она откатывается назад и уже уносит с собой кое-что из того, что выплеснула было на поверхность»³⁶.

Одним из первых симптомов произошедшего похолодания явилась статья в «Правде» от 5 апреля «Коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму», во многом противоположная по духу публикации от 28 марта. Пафос новой статьи заключался в том, что «политика партии во все периоды ее истории была и остается ленинской политикой». Газета резко осудила «отдельные гнилые элементы», которые «под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильность политики партии». В унисон с этой публикацией действовала другая — перепечатка в «Правде» 7 апреля (с некоторыми сокращениями) статьи в «Женьминь жибао» от 5 апреля «Об историческом опыте диктатуры пролетариата». Если содержание этой статьи свидетельствовало о более чем сдержанном отношении руководства второй по своему реальному влиянию компартии мира к идеям XX съезда КПСС, то самый факт ее перепечатки в «Правде» говорил о готовности лидеров КПСС откорректировать свои принципиальные позиции с учетом мнения Пекина.

В те же самые дни, а конкретно 6 апреля, в «Szabad Nép» была опубликована поздравительная телеграмма председателя Совета Министров СССР Н.А.Булганина и первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева своим венгерским коллегам А.Хегедюшу и М.Ракоши по случаю годовщины освобождения Венгрии от фашизма. В ней со всей очевидностью подчеркивались заслуги Ракоши в деле строительства социализма в Венгрии. «У многих текст этой телеграммы вызвал недоумение. Некоторые решили после такой телеграммы просто замолчать, так как она шла вразрез с царившими в то время в Венгрии настроениями», — так зав. отделом МИД ВНР Л.Мараз впоследствии, в сентябре 1956 г., описывал в беседе с советским дипломатом В.А.Крючковым резонанс, который вызвала публикация этой телеграммы среди той части партийно-государственного аппарата, которая достаточно серьезно восприняла идеи XX съезда КПСС³⁷.

Сторонники реформаторского курса составляли, однако, лишь меньшинство среди партийных функционеров, основная же их масса видела в ослаблении монополии ВПТ угрозу собственному общественному положению и в силу этого упорно сопротивлялась даже самым робким переменам. Эти люди, выступавшие в качестве главной опоры Ракоши, встретили телеграмму Булганина и Хрущева с нескрываемым воодушевлением. Так, первый секретарь комитета ВПТ области Комаром, ссылаясь на мнение «большинства партийных работников области», сказал в середине апреля советскому дипломату, что «поздравительная телеграмма товарищей Н.С.Хрущева и Н.А.Булганина товарищам Ракоши и Хегедюшу была своевременной и оказала серьезную помощь в правильном

понимании вопроса культа личности, тем более, что в ВПТ после мартовского пленума с. г. оппортунистические элементы старались прикрыть критикой культа личности свои необоснованные нападки на Политбюро и тов.Ракоши». В этой обстановке «телеграмма показала, что КПСС доверяет руководству ВПТ»³⁸. Аналогичные донесения поступали и из других мест. «Коммунисты еще раз убедились, что КПСС доверяет руководству ВПТ, товарищу Ракоши как испытанному ветерану революционного движения, а для венгерских коммунистов мнение КПСС является решающим», – говорили сотрудникам советского посольства секретари комитета ВПТ области Шомодь³⁹. По свидетельствам заместителя министра просвещения ВНР Г.Кашшаи и секретаря ЦК Союза трудящейся молодежи Я.Гостони, после упомянутой телеграммы на собраниях в среде интеллигенции и студенчества Будапешта выпады против Ракоши первое время заметно утихли⁴⁰. Председатель Совета министров А.Хегедюш, первый секретарь будапештского горкома ВПТ И.Ковач, секретарь ЦР ВПТ Б.Салаи, беседуя с Андроповым 13 – 14 апреля, также говорили о некотором «улучшении» положения в ВПТ⁴¹.

Активизируется критика «правого уклона» в прессе. «Если правое крыло, потерпевшее поражение год тому назад, думает, что XX съезд в каком бы то ни было отношении оправдал их и они могут начать сначала то, что им не удалось в 1953 г., то мы им ответим, что XX съезд является оружием победоносного социализма, а не мелкобуржуазных капитулянтов, реставраторов буржуазной идеологии», – писал на страницах «Szabad Nép» 20 апреля ее главный редактор М.Хорват.

Контрнаступление, предпринятое антиреформаторскими силами в обстановке общественного подъема, вызванного XX съездом КПСС, было все же малоэффективным. Едва ли можно было говорить и о каком-либо затишье. В середине апреля на партсобрании в Союзе писателей снова звучала резкая критика в адрес партийного руководства⁴². Развернувшийся после XX съезда КПСС процесс формирования внутрипартийной демократической оппозиции, таким образом, отнюдь не застопорился.

Вопреки тому, что из тактических соображений говорил Ракоши на мартовском пленуме, никакого единства партии не было, XX съезд КПСС лишь ускорил процесс размежевания сил как в низовых организациях, так и в верхних эшелонах ВПТ. Хотя нормы партийной жизни всячески препятствовали вынесению верхушечных баталлий на суд широкой общественности, от последней все же не могло ускользнуть наличие серьезных противоречий и трений в партийном руководстве. В обстановке, когда после долгого перерыва в венгерской политике вновь начал, пусть и очень робко, заявлять о себе такой фактор, как общественное мнение, Ракоши, судя по его беседам с советским послом Ю.В.Андроповым, проявлял все большую обеспокоенность политической активизацией ряда своих потенциальных противников, которые могли рассчитывать на поддержку снизу. Особенно серьезную угрозу своему положению первый секретарь ЦР ВПТ увидел в росте популярности Я.Кадара. «Кадар стал героем, все оппозиционно настроенные элементы сделали его имя своим знаменем в борьбе против партийного руководства», – говорил он советскому послу в ходе их встречи 18 апреля⁴³.

Один из лидеров венгерского коммунистического подполья в годы Второй мировой войны, Я.Кадар в послевоенные годы был членом Политбюро и

заместителем генерального секретаря ЦР ВКП, затем ВПТ, занимал также правительственные должности, в частности, в 1948–1950 гг. был министром внутренних дел. Как и некоторые другие видные коммунисты (и бывшие социал-демократы), до 1945 г. работавшие «дома», в Венгрии, Кадар плохо вписывался в ракошистское руководство ВПТ, где все более задавали тон старые коминтерновцы, которых неизменно поддерживали молодые партийцы послевоенного призыва. Видя в Я.Кадаре, как и в Л.Райке, опасного конкурента, Ракоши задумал его устранение. Арестованный в апреле 1951 г., Кадар был обвинен в сотрудничестве с хортистской охранкой и приговорен к пожизненному заключению. Реабилитированный летом 1954 г., он сначала возглавил райком ВПТ в одном из рабочих районов Будапешта, а затем Пештский обком, распространявший свое действие на окрестности столицы⁴⁴. Пользуясь немалым авторитетом среди ветеранов коммунистического движения, да и в более широких кругах ориентированной на коммунистов части будапештского пролетариата⁴⁵, и обладая незаурядными данными политического деятеля, Кадар мог вполне рассчитывать на продолжение своей карьеры. Весной 1956 г. часть партийного актива, склонявшаяся к ограниченным реформам в духе XX съезда, но не разделявшая более радикальной программы Имре Надя и его сторонников (не представленных в высших органах партии), начала усиленно проталкивать Кадара в высшие эшелоны партии. Требования о кооптации его в ЦР и восстановлении в составе Политбюро неоднократно звучали с марта 1956 г. на заводских и районных партсобраниях. Для того чтобы несколько «попридержать» потенциального соперника, Ракоши задумал принять меры по ознакомлению членов ЦР, а при необходимости и более широких партийных кругов с содержанием материалов, свидетельствовавших о весьма неблагоприятной роли Кадара, в то время министра внутренних дел, в фабрикациях обвинений против Л. Райка в 1949 г. Только собственная причастность к расправе над Райком и его соратниками заставляла Ракоши подходить к этому делу с предельной осторожностью, без излишней спешки.

В Москве в это время продолжали делать ставку на Ракоши. Ситуация в Венгрии в марте-апреле 1956 г., судя по всему, пока не вызывала слишком большого беспокойства, и вопрос о каких-либо существенных кадровых переменах в верхах ВПТ еще не встал на повестку дня. Руководствуясь, как и подобало советскому послу, официальной линией Москвы, Андропов стоял на платформе безусловной поддержки Ракоши. В силу этого он с немалой настроенностью воспринял усиление политической активности Кадара и расценил его предполагаемое восстановление в Политбюро как «серьезную уступку правым и демагогическим элементам», угрожающую единству ВПТ и потому крайне нежелательную для дела построения социализма в Венгрии⁴⁶. Вопрос о кооптации Я.Кадара в ЦР и его избрании в Политбюро был решен на заседании Политбюро в конце апреля по инициативе Э.Гере и И.Ковача и вопреки настойчивым предостережениям Ракоши. Принятое решение мотивировалось тем, что пленум «все равно потребует его ввода в состав Политбюро, даже вопреки воле Политбюро»⁴⁷. О своих опасениях в связи с предстоящим избранием Кадара, как и Й.Реваи, в Политбюро Андропов сообщил в Москву. О том, сколь серьезно было воспринято в Кремле это сообщение, свидетельствует хотя бы тот факт, что телеграмма Андропова явилась предметом обсуждения на

заседании Президиума ЦК КПСС 3 мая, поручившем М.А.Суслову углубленно изучить положение дел в Венгрии и переговорить с Андроповым⁴⁸.

В мае идеи демократического обновления социализма все более решительно высказывались в прессе. На страницах газеты Союза писателей «Irodalmi Ujság» Д.Хай и другие публицисты выступали за прекращение административного вмешательства в культуру, расширение гласности⁴⁹. Главным форумом формировавшейся в партийных низах антисталинистской оппозиции стал в эти месяцы Кружок Петефи, дискуссионный клуб студенчества и молодой интеллигенции, функционировавший как орган политпросвещения в системе Союза трудящейся молодежи⁵⁰. Происходившие на заседаниях кружка дискуссии по актуальным проблемам экономики, политических реформ, гуманитарных наук, литературы и искусства привлекали все большее внимание широкой публики, собирали значительную аудиторию⁵¹. Большинство их участников заявляло о своей приверженности марксизму, доминировала идея очищения социализма от сталинских «искажений», антисоциалистическая тенденция не находила сколько-нибудь заметного проявления. Тем не менее эти дискуссии вызывали серьезную озабоченность не только партийно-государственного руководства Венгрии, но и советского посольства. В них виделся один из симптомов того, что процессы, происходящие в обществе, начинают выходить из-под контроля властей.

Расследование по делу Фаркаша, между тем, продолжалось, и И.Ковач, возглавлявший следственную комиссию, периодически информировал советского посла о ходе ее работы. 7 мая он рассказывал Андропову: комиссия выявила материалы, свидетельствующие о том, что Фаркаш был «кровавым убийцей», при этом косвенная ответственность падает как на Ракоши, так и на советников МГБ СССР, работавших в Венгрии в 1949 г. Эту ответственность необходимо «смазать», — продолжал Ковач. Сложившийся еще во времена Сталина характер отношений между СССР и странами Восточной Европы делал естественным для члена Политбюро ЦК ВПТ обращаться за советом к послу СССР даже по вопросам сугубо внутренним. Андропов в свою очередь, зная, насколько весома для венгерского руководства позиция Москвы, опасался давать какие-либо конкретные рекомендации без предварительного согласования с Президиумом ЦК КПСС и МИД СССР. Когда Ковач спросил совета, надо ли привлекать Фаркаша к суду, «я уклонился от ответа, сказав лишь то, что дело Фаркаша, по моему мнению, следовало бы расследовать так, чтобы от этого укрепился авторитет партии и ее руководства среди венгерского народа», — докладывал посол в Москву⁵². Как явствует из другого документа, относящегося к тем же дням, Андропов соглашался с Ракоши в том, что уже само «обсуждение дела Фаркаша на пленуме ЦК неизбежно вызовет известное обострение положения в партии, поскольку правые и враждебные элементы наверняка попытаются перенести огонь «с Фаркаша на него, Ракоши», стремясь добиться удаления его из руководства... или, во всяком случае, сильной его компрометации»⁵³.

«Андропов не боялся принимать ответственные решения, но при этом проявлял разумную осмотрительность, избегал чрезмерного риска», — вспоминает его сослуживец В.Крючков, будущий шеф КГБ, а в 1956 г. скромный сотрудник (пресс-атташе и третий секретарь) посольства СССР в Венгрии⁵⁴. Личные качества несомненно накладывают отпечаток на деятельность любого дипломата, тем более важно учитывать их при анализе действий Андропова, при

всей его осмотрительности человека крайне честолюбивого, который обладал всеми данными для заметного возвышения по ступеням служебной лестницы и блестяще воспользовался предоставившейся ему возможностью отличиться в Венгрии (донесения Андропова из Венгрии — вообще ценнейший источник для изучения немаловажного в его биографии «венгерского этапа», показывающий, как готовился разбег для прыжка на кремлевский Олимп). Однако распорядиться своими личными качествами любой дипломат мог не иначе, как в рамках принципиальной политической линии советского руководства. Надо иметь при этом в виду и четкие пределы полномочий советского посла, ограниченность его функций. «Наша дипломатия 30-х, 40-х, 50-х годов была очень централизованной, послы были только исполнителями определенных указаний», — вспоминал впоследствии В.М.Молотов⁵⁵. Следование официальной линии и строгое выполнение указаний, поступающих из центра, впрочем, не означало, что послы не имели возможности превышать свои полномочия и вмешиваться, обычно ссылаясь на мнение руководства ВКП(б) - КПСС, во внутренние дела стран «народной демократии». Иной раз это вызывало жалобы партийно-государственных лидеров той или иной страны, и с весны 1953 г. руководство КПСС не всегда смотрело на такие жалобы сквозь пальцы. Так, в 1954 г. посол СССР в Польше Г.Попов (в прошлом первый секретарь Московского горкома партии) был отозван из Варшавы и подвергся резкой критике Хрущева на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г., в частности, за нетактичное вмешательство в дела ПОРП. «Учитывая «уроки» деятельности Попова, мы дали твердые указания всем послам в народно-демократических странах не превышать полномочия, не вмешиваться во внутренние дела», — говорил тогда Хрущев⁵⁶. Горький опыт Попова не мог не учитывать в своей деятельности Андропов. Вместе с тем ситуация за два года изменилась. Нарастание в первой половине 1956 г. в ряде стран Восточной Европы кризисных явлений часто требовало оперативного отклика советской дипломатии и способствовало повышению роли послов, тем более, что четкие указания из Москвы не всегда поступали⁵⁷.

Отсутствие четких указаний, на наш взгляд, объяснялось тем, что новая концепция отношений со странами «народной демократии», адаптирующая фразеологию XX съезда КПСС и вместе с тем стремящаяся сохранить завоеванные при Сталине позиции СССР в Восточной Европе, находилась пока еще только в стадии проработки. Особенно много головной боли доставлял советским лидерам югославский вопрос.

Сближение с титовской Югославией, вследствие известного конфликта 1948 г. оказавшейся на положении изгоя в мировом коммунистическом движении, стало в 1954—1955 гг. одной из важнейших стратегических задач советской внешней политики, тем более насущной, что усиление скрытых проюгославских симпатий среди коммунистов во всем мире было фактом, не ускользавшим от внимания Москвы. Уже на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г. министр иностранных дел СССР В.М.Молотов заявил: «Президиум ЦК пришел к выводу, что нельзя дальше продолжать проводившуюся в последнее время линию в отношениях с Югославией. Стало ясно, что поскольку нам не удалось решить определенную задачу лобовым ударом, то следует перейти к другим методам. Было решено установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами, связанными с Северо-Атлантическим агрессивным блоком, — послы, официальные телеграммы, деловые встречи и пр.»⁵⁸. Приведенная в словах

Молотова оценка места Югославии на международной арене явно искажала реальную ситуацию. Оказавшись в состоянии блокады со стороны СССР и стран «народной демократии», Югославия была вынуждена активизировать в начале 1950-х годов внешнеэкономические связи с Западом, но при этом последовательно дистанцировалась от блока НАТО, выступая в роли нейтрального государства. Все-таки устами Молотова (кстати сказать, наиболее жесткого ортодокса в советском руководстве, менее других склонного к преодолению сталинского наследия в том числе и в югославском вопросе) была заявлена готовность к определенному компромиссу. 31 июля 1953 г. посол СССР В.А.Вальков вручил президенту ФНРЮ И.Броз Тито верительную грамоту. В Москву в те же недели прибыл посол Югославии Д.Видич. После годичного выжидания 22 июня 1954 г. Н.С.Хрущев от имени ЦК КПСС направил письмо в ЦК СКЮ, в котором содержалось предложение о встрече высокопоставленных делегаций двух стран в целях преодоления имеющихся наслоений в двусторонних отношениях. Тито в ответном письме от 11 августа благосклонно отнесся к этому предложению, подчеркнув при этом решимость Югославии не поступаться самостоятельностью своей внешней политики⁵⁹. Осенью 1954 г. окончательно сходит на нет антиюгославская пропаганда в советской прессе, распускаются антититовские организации югославских коммунистов, взявших в конфликте сторону Коминформа, принимается решение об изъятии из широкого обращения книг и брошюр, в которых имелись антиюгославские выпады, «находящиеся в противоречии с политикой нормализации отношений между СССР и Югославией»⁶⁰. 20 октября «Правда» по случаю 10-летия освобождения Белграда от фашистских захватчиков провозгласила тезис о братстве народов СССР и Югославии. О готовности СССР пойти на сближение с Югославией говорилось и 6 ноября на торжественном заседании по случаю 37-й годовщины Октябрьской революции. 28 ноября представители советского руководства приняли участие в торжественном приеме в югославском посольстве в Москве по случаю Дня независимости ФНРЮ. 20 декабря были начаты переговоры о торговых отношениях, завершившиеся в январе 1955 г. подписанием соглашения о товарообмене на 1955 г.

Между тем, в вопросе о пределах сближения с Югославией в Президиуме ЦК КПСС имелись серьезные разногласия, в первую очередь связанные с особой позицией В.М.Молотова. Не возражая против нормализации отношений с Югославией, Молотов вместе с тем последовательно отрицал ее принадлежность к числу стран социалистического лагеря. Но большинство членов советского руководства, включая Н.С.Хрущева, придерживалось иной платформы. Подвергая критике формировавшийся с начала 1950-х годов югославский «самоуправленческий социализм» за отступления от советского образца, они в то же время не оспаривали социалистического характера общественных отношений в этой стране⁶¹. Белградская встреча советских и югославских лидеров в начале лета 1955 года продемонстрировала стремление руководства КПСС пойти на гораздо более решительное, чем предполагалось в 1953 г., сближение с режимом Тито. Хотя поначалу рассматривавшаяся в качестве про-граммы-максимум идея присоединения Югославии к только что образованной Организации Варшавского Договора была вскоре отброшена, после июньской встречи заметно активизируются всесторонние связи с Югославией.

После XX съезда КПСС задача сближения с Югославией, вовлечения ее в орбиту советского влияния продолжала считаться приоритетной на восточноевропейском направлении советской внешней политики. Поскольку межгосударственные отношения к этому времени вполне нормализовались, на очереди был следующий шаг — установление тесных межпартийных связей между КПСС и Союзом коммунистов Югославии, что предполагало общность подходов к наиболее важным вопросам мирового коммунистического движения. Между тем последовательная линия Югославии в активизировавшемся диалоге двух стран не давала оснований для чересчур оптимистических прогнозов, когда вставал вопрос о пределах такого сближения. Тито, с начала 1950-х годов проводивший активную и независимую внешнюю политику, а в середине 1955 г. наряду с лидерами ряда азиатских стран явившийся одним из организаторов движения неприсоединения, отнюдь не проявлял склонности оказаться в роли советского вассала. Таким образом, концепция отношений внутри «народно-демократического» лагеря и — шире — международного коммунистического движения подлежала определенной корректировке с тем, чтобы отразить специфику как советско-китайских⁶², так и советско-югославских отношений. Провозглашенная на XX съезде формула о многообразии путей перехода к социализму скрывала в подтексте именно такую направленность, сама постановка этого вопроса была в 1956 г. актуальна прежде всего из-за невозможности подведения под общий ранжир не только китайской, но в не меньшей мере и югославской специфики. Формальная ликвидация Коминформа в апреле 1956 г. также явилась прежде всего жестом доброй воли в отношении Югославии, поскольку в антиюгославской кампании конца 1940-х — начала 1950-х годов именно Коминформ был главным инструментом (утратив после 1953 г. подобную роль, он сразу же потерял свое прежнее значение). Образовавшийся с ликвидацией Коминформа вакуум предстояло чем-то заполнить, однако весной 1956 г. в вопросе о новых формах осуществления советского влияния в странах Восточной Европы не было полной ясности.

В условиях, когда уже не всегда работали прежние сталинские схемы унификации отношений внутри соцлагеря, но еще не до конца было ясно, какие новые формы контроля над «братскими партиями» придут на смену изжившим себя старым формам, особое значение приобретала информация, поступающая из посольств. Послы были уже не просто проводниками линии Москвы, своими оценками ситуации и рекомендациями они в известной мере ее формировали, что отчетливо видно как раз на примере донесений Андропова, неоднократно выносившихся на обсуждение Президиума ЦК.

Между тем привычные подходы, рожденные в сталинскую эпоху представления об особой миссии СССР в социалистическом лагере, равно как и о критериях безопасности СССР, и после XX съезда продолжали довлеть в сознании советских дипломатов, что хорошо показывают послания Андропова, оценка им конкретной внутривосточной ситуации в Венгрии весной 1956 г. и ее возможных перспектив с точки зрения долгосрочных советских интересов⁶³. Главный гарант их обеспечения в одной из стран «народной демократии» виделся в сохранении власти у «наших друзей» — так на языке донесений Андропова и его коллег по дипломатической службе назывались просоветски настроенные партийно-государственные функционеры, которым противопоставлялись «правые» и тем более «контрреволюционные» элементы, то есть самый широкий

спектр политических сил — от сторонников робких реформ в духе «национального коммунизма» до непримиримых противников социализма как такового. При этом даже на общем фоне дипломатических донесений из восточноевропейских столиц докладные Андропова иной раз выделялись исключительной жесткостью позиций. Даже самый умеренный реформаторский курс в «подответственной» ему стране будущий генсек считал чреватым ослаблением контроля со стороны Москвы, а потому крайне нежелательным для Кремля, и это особенно наглядно проявилось весной 1956 г. в отношении Андропова к Я.Кадару. Понятно также, что когда внутри ВПТ встал вопрос о доверии Ракоши, Андропов однозначно продолжал связывать интересы Москвы с поддержкой первого секретаря ЦР ВПТ, которого он воспринимал как гаранта стабильности в Венгрии, и именно в этом духе формировал мнение в Кремле и на Смоленской площади. Ракоши в свою очередь также не мог не видеть в советском после своего союзника.

Судя по известным отзывам и по дальнейшей карьере Андропова, его практическая деятельность, не только созвучная линии Москвы, но в известной мере и предопределявшая взгляд из Кремля на венгерские проблемы, вполне отвечала тем требованиям, которые руководство КПСС предъявляло в новой обстановке послам. Исключительная бдительность советского посла в Венгрии и его нетерпимое отношение к любым попыткам формировавшейся внутрипартийной оппозиции пойти дальше дозволенного в толковании идей XX съезда воспринимались с неизменным одобрением. Характерен более поздний отзыв Н.С.Хрущева, относящийся уже к концу 1960-х годов: «Советским послом в Венгрии был тогда Андропов. С посольскими делами он справлялся хорошо и отлично разбирался в других событиях. Он докладывал нам обо всем со знанием местной обстановки и давал полезные советы, вытекавшие из сложившейся ситуации»⁶⁴.

Прошел еще месяц работы комиссии по делу М.Фаркаша, и 4 июня 1956 г. член Политбюро ЦР ВПТ Э.Гере говорил Андропову: комиссия зашла настолько далеко, что «при наличии собранных ею материалов не так-то легко будет принять о Фар-каше «спокойное» решение, как это хотелось бы Политбюро». Для того, чтобы «избежать весьма вероятных политических осложнений», необходимо как можно тщательнее подготовиться к пленуму⁶⁵. Между тем некоторые шаги ряда членов Политбюро, в особенности И.Ковача, заставляют несколько усомниться в единодушном стремлении всего высшего партийного руководства принять о Фаркаше «спокойное» решение и «смазать» тем самым ответственность Ракоши, не допустить его компрометации на предстоящем пленуме. Начиная с мая, отдельные лица из ближайшего окружения Ракоши сначала очень осторожно, а затем все более открыто и решительно совершают «подкоп» под первого секретаря, формируют против него мнение советской дипломатии, а опосредованно и официальной Москвы. Ракоши «за последнее время мало занимается крупными политическими и народно-хозяйственными вопросами, работает неровно, временами даже не проявляет должного интереса к важным и неотложным задачам, стоящим перед партией», — говорил, например, Андропову 4 мая председатель Совета Министров А.Хегедюш⁶⁶.

Еще более решительно действовал И.Ковач. Ракоши, докладывая он Андропову 5 июня, постоянно нарушает коллегиальность в работе Политбюро, «многие хорошие меры по улучшению руководства... разбиваются о консерватизм

т. Ракоши». В словах Ковача о том, что «надо упорно добиваться от т. Ракоши, чтобы он изменил методы руководства Политбюро в духе решений XX съезда КПСС, и серьезно переговорить с т. Ракоши относительно его личной роли в осуществлении решений XX съезда»⁶⁷, явно прочитывается желание склонить советских руководителей повлиять надлежащим образом на лидера ВПТ. Но Ковач шел и дальше. В дни, когда происходила его беседа с Андроповым, ожидался приезд в Будапешт высокопоставленного представителя КПСС. Зная об этом, Ковач стремился заранее прозондировать почву: как поведет себя Москва, если вдруг обнаружит, что об избавлении от Ракоши начинают уже подумывать даже в Политбюро ЦР ВПТ. Как поступить, если совет со стороны ЦК КПСС не совпадет с точкой зрения Политбюро и, главное, ЦР на предстоящем пленуме? — в такой осторожной форме Ковач пытается нащупать тот путь, который мог бы в перспективе привести к отстранению Ракоши, не вызвав бы при этом негативной реакции Кремля⁶⁸.

Несколько иную тактику избрал Э.Гере. Встречаясь с Андроповым 11 мая и 4 июня, он сетовал на то, что комиссия Ковача зашла слишком далеко в своих разоблачениях, собрала огромный материал, компрометирующий все руководство партии, и не подумав о последствиях, торопится сделать далеко идущие выводы⁶⁹. Вместе с тем Гере, обладая немалым весом в партийном руководстве, не предпринимал сколько-нибудь заметных усилий для того, чтобы направить ход работы комиссии в более «спокойное» русло, вероятно, понимая, что при раскладе политических сил, существующем в ЦР и в более широких кругах партактива, может сложиться такая ситуация, когда сохранить Ракоши окажется просто невозможным, поэтому более перспективна выжидательная позиция; поплыв же «против течения», можно только усугубить собственное положение. Инстинкт самосохранения, таким образом, оказывался сильнее личной преданности вождю; членам Политбюро, включая наиболее влиятельного из них Гере, очевидно, все более приходилось свыкаться с мыслью о том, что ради спасения системы и сохранения своего положения в ней придется, возможно, пожертвовать первым секретарем партии. Явные усилия Ковача по компрометации Ракоши происходили при молчаливой поддержке Политбюро ЦР ВПТ.

В атмосфере, сложившейся после XX съезда КПСС, мысль об устранении Ракоши путем «дворцового переворота» уже не была утопией — его позиции значительно ослабли. Хотя Ковач и жаловался Андропову, что «в Политбюро пока мало людей, которые бы имели собственную точку зрения и отваживались бы высказывать ее даже в тех случаях, когда она не совпадает с мнением т. Ракоши»⁷⁰, из документов следует, что не в последнюю очередь именно под давлением Политбюро первый секретарь ЦР ВПТ 18 мая выступил на будапештском партактиве с непривычно острой самокритикой, публично, перед широкой аудиторией признал свою ответственность за культ личности и репрессии⁷¹. Об ослаблении позиций Ракоши свидетельствовало и то, что он так и не смог поставить преград на пути следствия по делу Фаркаша, чреватого крайне нежелательным исходом для него самого, как и не смог воспротивиться выдвиганию кандидатур своих политических оппонентов Й.Реваи и Я.Кадара в Политбюро. Первый секретарь не мог не видеть того, что готовилось за его спиной. В его беседе с Андроповым от 6 мая явно сквозило недовольство Ковачем, проявляющим «излишнюю подозрительность»⁷². В сложившихся условиях Ракоши более всего, естественно, заботился о восстановлении своего пошатнувшегося положения. Начав терять

опору в лице своих ближайших соратников, он теперь видел главного союзника в Андропове и рассчитывал почти исключительно на поддержку Москвы. «Ракоши чувствовал надвигавшуюся опасность, судорожно искал выход, пытался советоваться с Москвой..., неоднократно обращался за помощью к нашему послу в Будапеште Ю.В.Андропову, интересовался его личным мнением», — вспоминает В.Крючков⁷³, о мая Ракоши высказал Андропову свое пожелание о приезде одного из членов Президиума ЦК КПСС на предстоящий пленум ЦР ВПТ⁷⁴.

Встречаясь с Андроповым, члены партийно-государственного руководства Венгрии (особенно Ковач, но в какой-то мере также Гере) наряду с подготовкой почвы для возможного удаления Ракоши решали и еще одну тактическую задачу — примирения Москвы с идеей включения Кадара в состав Политбюро. Если Ракоши убеждал Андропова в том, насколько опасно вводить в высший орган ВПТ этого деятеля, «имеющего большой опыт партийной работы и обладающего сильным характером и неплохими организаторскими способностями»⁷⁵, то второй по своему реальному влиянию человек в партии и стране, Гере, упорно доказывал послу, что Кадар вне Политбюро опаснее, чем в его составе. Гере и Ковач вели тонкую игру, стремясь с вовлечением довольно популярного среди низшего слоя партактива Кадара в Политбюро не только сделать его своим союзником в интригах против Ракоши, но и повысить авторитет высшего партийного органа. Они стремились нейтрализовать попытки более умеренного крыла зарождающейся внутрипартийной оппозиции сделать Кадара своим знаменем, равно как и не допустить блокирования сил, стоявших за Кадаром, с более радикальным крылом внутрипартийной оппозиции, ориентированным на Имре Надя. Выражая опасения, что Кадар «может вести себя в Политбюро не так, как надо», Ковач вместе с тем успокаивал Андропова, говоря, что Кадар дружественно настроен в отношении СССР, обладает незаурядными качествами партийного работника и от его включения в Политбюро партийное руководство получит несомненный политический выигрыш, укрепит свои позиции⁷⁶. Надо также иметь в виду, что у Гере и его единомышленников было на всякий случай припасено сильное оружие против Кадара — возможность использовать против него материалы следствия по делу Райка, к фабрикации которого он, будучи в 1949 г. министром внутренних дел, был причастен самым непосредственным образом⁷⁷.

Таким образом, весной 1956 г. под влиянием импульсов, исходивших из Москвы, в Венгрии активизировалось движение за либерализацию коммунистического режима. Формировавшаяся внутрипартийная оппозиция сделала главной мишенью своих нападок первого секретаря ЦР ВПТ М.Ракоши. В этих условиях часть руководства ВПТ, осознавая крайнюю непопулярность Ракоши и его очевидную политическую обреченность, в интересах укрепления собственных позиций предприняла за его спиной первые, пока еще очень робкие шаги к тому, чтобы через посла Ю.В.Андропова повлиять на Москву в целях признания ею необходимости кадровых перемен в верхушке ВПТ.

Активизация закулисной внутрипартийной борьбы в верхах ВПТ, как и рост оппозиционных настроений в партийных низах, происходили на фоне усиления в обществе недовольства существующим режимом, чему способствовали серьезные экономические трудности, которые продолжала переживать страна. Развитие промышленности тормозилось резкой сменой приоритетов в экономической политике, произошедшей в 1955 г. во второй раз за два года.

Наметился спад в производстве предметов потребления, спрос населения на многие товары оставался неудовлетворенным. Структурные сдвиги в экономике болезненно сказывались на жизненном уровне трудящихся, лишая работы или прежних доходов десятки тысяч людей. Росло число нетрудоустроенных, люмпенизированных элементов, крайне недовольных своим положением и в силу этого восприимчивых к радикалистским лозунгам (в октябрьские дни многие из них устремились на баррикады). В крайне неблагоприятные условия были поставлены в 1955 г. мелкие городские ремесленники и торговцы, оживившиеся летом-осенью 1953 г. — лишение всяческой государственной поддержки, большие налоги вели к их разорению. Объявленное в апреле 1956 г. понижение цен не распространилось на основные продукты питания и повседневного спроса, и таким образом звучная пропагандистская кампания, сопутствовавшая этой популистской инициативе, не была эффективна, вызвала скорее негативный отклик⁷⁸. Из западных областей Венгрии приходили сообщения об участившихся случаях бегства венгерских граждан в Австрию, среди крестьян, продолжавших испытывать на себе методы принуждения со стороны государства, все более открыто проявлялись антикооперативные настроения⁷⁹.

Усиление социальной напряженности в Венгрии, о котором посольство систематически информировало ЦК КПСС и МИД СССР, не могло не вызвать беспокойства в Москве. Для того чтобы на месте изучить положение дел и дать рекомендации венгерским коллегам, 7 июня в Будапешт прибыл член Президиума ЦК КПСС М.А.Суслов. В сравнении с донесениями посольства его докладная, переданная в ЦК КПСС накануне отъезда, 13 июня, отличается большей сдержанностью в оценке масштабов «правой» опасности⁸⁰. Признав, что «допущенные в 1949—1952 гг. действительно серьезные нарушения законности», «медлительность в исправлении... ошибок» дают основания для критики в адрес партийного руководства, Суслов счел неправильным относить «всех недовольных... к враждебным или к правооппортунистическим элементам».

С визитом Суслова было связано изменение отношения в Москве к Кадару. В отличие от Андропова, упорно нагнетавшего страсти вокруг этой фигуры, Суслов счел, что возвращение Кадара к активной политической деятельности не представляло угрозы для режима. «После длительной беседы с Кадаром, — сообщал он, — я сомневаюсь, что он отрицательно настроен против СССР. Введение же его в Политбюро значительно успокоит часть недовольных, а самого Кадара морально свяжет». Кроме того, Политбюро ВПТ уже «фактически положительно решило этот вопрос (о предполагаемом на предстоящем пленуме избрании Кадара, как и Реваи, в состав Политбюро — А.С.), и об этом здесь многие знают»; в этих условиях «выступить нам против этого предложения» нецелесообразно. Но в донесении Суслова прочитывается и большее. «Что касается Кадара, то известная польза от его пребывания в Политбюро будет, поскольку у него еще полностью не изжито чувство обиды против Ракоши». Как видно из этих слов, в отношении Москвы к Ракоши к июню 1956 г. произошла определенная подвижка — при том, что Ракоши продолжал пользоваться поддержкой Кремля, высокопоставленный представитель ЦК КПСС в это время уже не считал целесообразным укреплять единовластие в венгерском Политбюро. Кадар же представился ему фигурой, которая могла бы уравновесить негативные моменты, связанные с единоличным лидерством первого секретаря. Однако явной компрометации Ракоши Суслов не хотел, видя в этом подрыв авторитета всего

партийного руководства. А потому он с немалой тревогой воспринял кампанию по расследованию «дела Фаркаша». Проведя ряд конфиденциальных бесед с влиятельными членами партийного руководства и хорошо разобравшись в ситуации, он понял, что деятельность комиссии Ковача есть составная часть закулисных аппаратных игр, направленных против Ракоши. «У меня создалось впечатление, — доносил Суслов в Москву, — что эти товарищи (в частности, Ковач и Кадар — А.С.) имели намерение использовать рассмотрение дела Фаркаша для атаки на т. Ракоши». В силу этого, предвидел он, «можно ожидать, что обсуждение дела Фаркаша будет тяжелым для Политбюро». Если сейчас речь идет об исключении Фаркаша из партии и лишении его генеральского звания, то «возможно, что участники Пленума поставят вопрос о привлечении Фаркаша к судебной ответственности». Суслову удалось убедить своих венгерских коллег отказаться от первоначальной идеи рассмотреть дело Фаркаша на специальном пленуме ЦР без постановки на нем каких-либо других вопросов. Решено было на предстоящем очередном пленуме ЦР рассмотреть в качестве первоочередного вопрос о новом пятилетнем плане. Обсуждение этого вопроса, — предполагал Суслов, — «отодвинет дело Фаркаша на второй план»⁸¹. Визит Суслова, таким образом, продемонстрировал, что принципиальная линия Москвы на поддержку Ракоши в качестве первого секретаря ЦР ВПТ оставалась в силе. Это вызвало разочарование части партийного актива, связывавшего с приездом Суслова определенные надежды на изменение позиции Кремля в этом вопросе⁸².

Из донесения Суслова отчетливо видно, как посещавшие Венгрию руководящие деятели КПСС оказывали воздействие на формирование политической линии ВПТ и принятие сугубо внутрипартийных решений. Подобная форма вмешательства во внутренние дела суверенного государства тогда еще не вызывала протеста в высших органах ВПТ, воспринимаясь как нечто естественное в установившейся с конца 1940-х годов системе межгосударственных и межпартийных отношений между СССР и КПСС, с одной стороны, и странами восточного блока и их правящими партиями, — с другой. Но в атмосфере, сложившейся весной 1956 г. (во многом под влиянием XX съезда КПСС), все более слышным в странах Восточной Европы становился голос тех, кто справедливо считал унижительной сложившуюся практику. Пройдет всего 4 месяца, и прибывшая в

Варшаву в октябре 1956 г. без приглашения делегация КПСС во главе с самим Н.С.Хрущевым, оказав массивное давление на ЦК ПОРП, так и не сумеет достичь своих целей. Тенденция к достижению странами «народной демократии» большего политического суверенитета, как и активизировавшаяся весной-летом 1956 г. в Венгрии и Польше борьба за придание коммунистическому правлению более гуманного облика явились главными симптомами все углублявшегося кризиса социализма в Восточной Европе.

3. Формирование внутрипартийной оппозиции в ВПТ и Кружок Петефи. Закулисная борьба в руководстве ВПТ и советская дипломатия

Дни пребывания Суслова в Будапеште совпали по времени с новым подъемом выступлений с требованиями демократизации режима. Формировавшаяся демократическая оппозиция была почти исключительно внутрипартийной. Даже исключенный из ВПТ Имре Надь в принципе не отрицал руководящей роли партии. Легальные форумы типа Кружка Петефи также изначально были лишь элементом в коммунистической системе общественных организаций, а их

активисты — носителями марксистской идеологии¹. Члены ВПТ преобладали среди участников оппозиционного движения в Союзе писателей. «Открытое выражение политических взглядов было возможно только в рамках партии, таким образом, партийная оппозиция в те времена была выразителем протеста всего общества», — справедливо отмечают венгерские историки Ч.Бекеш и Я.М.Райнер².

Вместе с тем в начале лета уже проявляются самые первые признаки формирования внепартийной оппозиции, выходят из небытия фигуры, игравшие заметную роль в общественной и духовной жизни Венгрии до 1948 г. и вытесненные после установления диктатуры ВПТ. Так, 30 мая на дискуссии Кружка Петефи, посвященной положению в исторической науке, выдающийся историк Д.Кошари, никогда не разделявший марксистских убеждений, сорвал бурные аплодисменты молодой аудитории, выступив с убедительной критикой вульгаризаторской официальной историографии, тогда как отвечавшая перед руководством ВПТ за состояние дел на «историческом фронте» Э.Андич (работавшая в 1930-е годы в советской эмиграции) была едва ли не освистана собравшимися в зале.

Пафос дискуссии заключался, однако, отнюдь не в отказе от марксистской методологии. Как заметил один из выступавших, «нынешняя дискуссия направлена не против марксизма, а за марксизм, за более чистую, более правдивую, более научную марксистскую историографию»³. На примере своих учеников Д.Кошари попытался передать ощущение молодой интеллигенции, проявлявшей серьезный интерес к марксизму, но не удовлетворившейся его официальной интерпретацией: «Я помню, с каким воодушевлением ждала в 1949 г. студенческая молодежь, что даст ей новый мир марксизма, новая система познания развития общества. Получила ли она то, чего ждала? Нет». Разочаровавшись в предложенных догмах, продолжал Кошари, молодежь сама обратилась к поискам ответов на волновавшие ее вопросы, в этих исканиях и застал ее XX съезд КПСС⁴.

Социальные перемены, произошедшие после 1945 г., привели к заметному количественному увеличению интеллигенции рабоче-крестьянского происхождения, и это стало определенным достижением не только самых первых послевоенных лет, когда был взят курс на демократизацию системы образования, но и всего переломного десятилетия⁵. Молодая интеллигенция, в значительной своей части преданная социалистической идее, но по мере утверждения ракошистского режима все более осознававшая масштабы пропасти между своими идеалами и их реальным воплощением, как раз и составляла социальную базу Кружка Петефи. Итоги политики в сфере образования второй половины 1940-х — первой половины 1950-х годов были неоднозначны. С одной стороны, многие десятки тысяч рабоче-крестьянских детей получили доступ в гимназии и вузы. С другой стороны, господство в университетах догматизированного марксизма, последовательное вытеснение из учебного процесса иных мировоззрений обернулось для нового поколения интеллигенции большими потерями, что не могло не ощущаться наиболее мыслящими его представителями. По мере духовного взросления молодежь все более явственно ощущала противоестественное положение, когда изучение объективной реальности подменялось идеологизированными штампами, которые сами в свою очередь зависели от колебаний политической конъюнктуры. «Часто случалось, что нам приходилось

учить как раз противоположное тому, что учили в прошлом году, иногда учебный материал по истории менялся ежемесячно», — вспоминал с трибуны Кружка Петефи молодой преподаватель истории Д.Литван⁶. Опытный Д.Кошари говорил о том, насколько пагубно влияло на духовное становление молодежи, когда она узнавала, «как вырывались или же заклеивались в учебниках некоторые страницы»⁷.

Не меньший протест вызывало бездумное восхваление СССР и механическое копирование советского опыта, способное нанести лишь ущерб делу советско-венгерской дружбы: «Мы учили венгерскую молодежь цинизму и тогда, когда постоянно, буквально на каждом шагу говорили о передовом примере Советского Союза, подчеркивая это и в тех случаях, когда для этого не было никаких оснований»⁸. Причем такое отношение к СССР проецировалось на прошлое, на всю, в действительности отнюдь не безоблачную картину истории российско-венгерских отношений, искажая историческое сознание подрастающего поколения: «Сколько раз ко мне приходили жаловаться на то, — говорил Кошари, — что в учебнике по истории для средних школ подробно описывается, как артиллерия и солдаты Петра Первого помогали Ракоци в освободительной борьбе, хотя учащиеся точно знали, что во всем этом, естественно, нет ни слова правды»¹⁰.

К весне 1956 г. оттепель уже настолько сильно прогрела все поры общественной жизни Венгрии, что вопреки всем закономерностям однопартийной системы исключение И.Надя из партии не стало для него равносильным политической кончине. Обстановка, сложившаяся после XX съезда КПСС, благоприятствовала политической активизации опального премьер-министра. Он продолжал поддерживать тесные связи с довольно широким кругом лиц, часть которых по-прежнему занимала ответственные должности в партийном аппарате, министерствах, прессе. Требования восстановить Надя в партии, вернуть его в руководство ВПТ раздавались на партийных собраниях в редакциях ряда центральных газет, Союзе писателей, учреждениях Академии наук параллельно с резкой критикой в адрес Ракоши. «Даже те массы населения, которые не симпатизировали социализму ни в какой форме, предпосылки для изменения режима видели все же в приходе к власти Имре Надя», — пишут Ч.Бекеш и Я.М.Райнер¹¹.

Малейшие признаки активности И.Надя начиная уже с марта неизменно вызывали озабоченность как Политбюро ЦК ВПТ, так и советского посольства. Основываясь на беседах с партийными функционерами, посольство информировало Москву о том, что бывший премьер-министр, находясь не у дел, продолжал спланировать вокруг себя своих сторонников¹². От внимания советской дипломатии не ускользнул, таким образом, тот факт, что весной 1956 г. происходило формирование не только умеренного, но и более радикального крыла внутрипартийной оппозиции, ориентированного отнюдь не на Я.Кадара, а на находившегося вне партии Имре Надя¹³. При этом само исключение И.Надя из партии в декабре 1955 г. Андропов счел преждевременным, расценил как тактическую ошибку, лишившую партийные органы возможности влиять на поведение фрондирующего ветерана ВПТ¹⁴.

6 июня Имре Надь отмечал свое 60-летие. Празднование юбилея вылилось в скромную политическую демонстрацию оппозиционной направленности. В дом опального премьера, находившийся под постоянным наблюдением

соответствующих служб, пришли не только виднейшие деятели культуры, состоявшие в непростых отношениях с коммунистической властью (всемирно известный композитор З.Кодай, живой классик венгерской литературы Д.Ийеш, его товарищ по движению «народных писателей», в 1940-е годы один из идейных вождей левого аграризма П.Верещ), но и некоторые ответственные партийные и государственные работники, даже министры, писавшие затем объяснительные записки в ЦР ВПТ. И Политбюро ЦР, и советское посольство весьма нервозно отреагировали на состоявшееся у Имре Надя «рукопожатие» коммунистов-реформаторов и внепартийной интеллигенции¹⁵.

Не меньший, а даже больший общественный резонанс имела дискуссия о перспективах развития марксистской философии в Клубе Петефи 14–15 июня. Собравшаяся тысячная толпа с энтузиазмом встретила Дьердя Лукача, философа с мировым именем, одного из главных представителей марксистской мысли XX века. Подвергнутый разносной критике с ортодоксально-догматических позиций в ходе идеологической кампании 1949–1950 гг., имевшей широкий международный отклик, Лукач теперь снова включался в активную общественную жизнь. Как вспоминает очевидец, «триумфально вернувшийся Лукач убедил всех в том, что для восстановления авторитета марксизма чуть ли не больше всех в мире предстоит сделать венграм», и сквозь подобную оптику не казались чуждыми даже самые абстрактные философские предметы¹⁶.

Через две недели, 28 июня, в лекции «Борьба прогресса и реакции в современной культуре», прочитанной в Политической Академии ВПТ, Лукач в общих чертах изложил свою концепцию обновления социализма, рассмотрев значение XX съезда КПСС в широком международном контексте. «Главнейшая аксиома, определявшая сталинскую политику, аксиома о неизбежности непрерывного обострения противоречий проявлялась не только во внутренней политике Советского Союза..., но означала неизбежно и перспективу третьей мировой войны». Только с завершением эпохи, связанной с именем Сталина, говорил он, перед мировым коммунистическим движением открылись новые возможности. Краеугольным камнем новой политики должен стать принцип мирного сосуществования. «Чем серьезнее мы будем относиться к сосуществованию, то есть чем человечнее будем строить социализм, человечнее для нас самих, для нашей же пользы, с точки зрения нашего развития, тем лучше мы будем содействовать окончательной победе социализма в международном масштабе... Потому что если нам удастся сделать социализм привлекательным, он не будет больше пугающим чудищем для масс... Будем совершенно откровенны: на Западе есть еще огромные массы рабочих, которые шарахаются от сегодняшних форм социализма, не говоря уже об очень широких крестьянских массах, интеллигенции, чье отчуждение можно преодолеть только делами»¹⁷.

18 июня на заседании Клуба Петефи собрались ветераны подпольного антифашистского движения. Многие из этих людей оказались не у дел после установления в Венгрии сталинистской диктатуры, некоторые прошли через тюрьмы и лагеря. Всеобщее потрясение вызвало очень эмоциональное выступление вдовы Л.Райка, призвавшей всех присутствующих осознать, какой чудовищной несправедливостью были предъявленные ее мужу обвинения, а еще более то, что многие тысячи людей заставили поверить в его виновность.

Ознакомление с референтурой посольства СССР в Венгрии в Архиве внешней политики МИД РФ показывает, что все эти события не остались незамеченными советской дипломатией¹⁸. Представители посольства СССР бывали на отдельных заседаниях Кружка Петефи, узнавали о ходе дискуссий из бесед с их участниками и свидетелями. У советских дипломатов был постоянный круг информаторов. Обращает на себя внимание его заведомая узость, причем большинство людей, контактировавших с посольством СССР, делали это достаточно регулярно. В беседах с сотрудниками посольства венгерскую сторону представляли почти исключительно те, кто причислялся к категории «наших друзей». Как правило, это были не просто люди с активной просоветской ориентацией, но приверженцы охранительной, контрреформаторской линии – партийные функционеры высшего и среднего звена, ответственные работники государственного аппарата, реже деятели культуры, прежде всего из числа представителей бывшей московской коммунистической эмиграции 1920-х – первой половины 1940-х годов (в частности, писатель Ш.Гергей, в откровенно клеветническом духе преподносивший сведения о положении в литературной жизни Венгрии¹⁹). Эти люди, стоявшие в большинстве своем на крайне ортодоксальных позициях и сыгравшие свою роль в насаждении в Венгрии сталинской модели социализма, трактовали происходящие события очень тенденциозно, что несомненно влияло на содержание и тональность поступавших в Москву донесений²⁰. Записи бесед Ю.В.Андропова и его подчиненных с венгерскими гражданами, а также составленные на их основании докладные записки и отчеты посольства направлялись в МИД СССР, наиболее важные из них пересылались из МИДа в ЦК КПСС, иной раз, как уже упоминавшаяся телеграмма Андропова от 29 апреля, становясь предметом обсуждения на Президиуме ЦК.

21 июня Ракоши отбыл в Москву. Как раз перед этим советские лидеры впервые после восстановления нормальных отношений принимали у себя дома И.Броза Тито. Визит югославского маршала в Советский Союз, длившийся более 20 дней (с 1 по 23 июня), был организован с большой помпой. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на стадионе «Динамо» 19 июня призван был символизировать полное преодоление взаимного недоверия. В угоду сближению с Тито в Москве готовы были даже пойти на существенные кадровые перестановки. Буквально в день приезда Президента ФНРЮ происходит смена караула на Смоленской площади – на смену стопроцентному ортодоксу и консерватору В.М.Моло-тову, последовательно сохранявшему особую позицию в югославском вопросе, приходит более молодой, либеральный (конечно, по кремлевским меркам) и мобильный Д.Т.Шепилов, имевший репутацию главного интеллектуала партии. С первых недель своего пребывания во главе МИДа он развил активную деятельность, постоянные поездки нового министра за рубеж и его встречи с иностранными лидерами настолько резко контрастировали с дипломатическим стилем предшественника, что заставили политических наблюдателей во всем мире проводить аналогии с челночной дипломатией Дж.Ф.Даллеса. Большая открытость внешней политики СССР способствовала укреплению советского влияния, в частности, в странах «третьего мира» – Москва в это время попыталась, и не безуспешно, разыграть восточную карту, сделать своим союзником активизировавшиеся после второй мировой войны антиколониальные движения в странах Азии и Африки. Путь в «третий мир»

также мог лежать через сближение с Югославией, ставшей одним из инициаторов движения неприсоединения еще до его формального провозглашения в 1961 г.

Сверхзадача переговоров не была решена. Осознавая экономическую выгоду сотрудничества с СССР, Югославия в то же время нисколько не хотела поступаться своим суверенитетом и продолжала сохранять некоторую дистанцию от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания вступать в ОВД и СЭВ. Тем не менее московская июньская встреча 1956 г. (как и состоявшаяся годом ранее, в конце мая-начале июня 1955 г. белградская встреча) ознаменовала собой важную веху в сближении советского блока со страной, после 1948 г. на протяжении ряда лет находившейся на положении отщепенца. Среди вопросов, поднимавшихся в ходе бесед Хрущева и Тито, был и венгерский. В свое время, в конце 1940-х – начале 1950-х годов, управляя из Москвы шумной антиюгославской оргией, Сталин и его окружение отвели именно режиму Ракоши роль первой скрипки в оркестре (уже говорилось о подчеркнуто антиюгославской направленности дела Райка). После этого не кажется удивительным, что в июне 1956 г. Тито прямо дал понять Хрущеву: пока у власти в Венгрии находится Ракоши, желаемая Москвой нормализация венгеро-югославских отношений весьма проблематична²¹. Однако и после этого в Москве, как показало последующее развитие событий, некоторое время продолжали склоняться к мнению, что альтернативы Ракоши в Венгрии нет. Состоявшаяся 22–23 июня в СССР рабочая встреча руководителей компартий стран Восточной Европы подтвердила это. Как можно судить по выступлению Ракоши на Политбюро ЦК ВПТ сразу же по возвращении, первый секретарь вернулся из Москвы в Будапешт не разуверенный в поддержке своей персоны со стороны советского руководства в момент, когда он особенно нуждался в этой поддержке²².

Совещание представителей компартий стран «народной демократии», в котором от Венгрии участвовали М.Ракоши, А.Хегедюш, Э.Гере и А.Береи, было посвящено в первую очередь вопросам экономического сотрудничества. Но на следующий день после его окончания, 24 июня, в отсутствие югославских и китайских представителей состоялась еще одна беседа, на которой обсуждались итоги визита в СССР И.Броза Тито, а также внутривосточная ситуация в странах Восточной Европы после XX съезда КПСС.

Подписанная перед этим советско-югославская декларация носила со стороны СССР явно компромиссный характер. По справедливому наблюдению югославского посла В.Мичуновича, отраженному в его дневнике, в ней и речи не было ни об «идеологическом единстве», ни о «социалистическом лагере»²³. Чтобы в корне пресечь любую попытку извлечения в других странах Восточной Европы нежелательных для Москвы выводов из этого документа, «русские... ясно дали понять лидерам стран лагеря, что то, что они подписали с Тито, не имеет значения для политики СССР по отношению к государствам и коммунистическим партиям стран лагеря»²⁴. Применительно к Венгрии это прозвучало как предупреждение отнюдь не в адрес Ракоши, положение которого во главе ВПТ уже всецело зависело от прихоти Москвы, а в адрес его политических оппонентов, все более видевших для себя в югославском примере путеводную звезду (тезис о большой популярности югославского опыта среди оппозиционно настроенных венгерских коммунистов стал летом 1956 г. общим местом в донесениях советских дипломатов из Будапешта). Ракоши же из итогов июньской встречи мог почерпнуть для себя совсем другое: напуганный размахом критических

выступлений дома и в ближнем зарубежье и раздосадованный публикацией в американской прессе²⁵ своего секретного доклада, Хрущев призывал лидеров социалистического лагеря к более жесткой реакции на оппозиционные настроения, оживившиеся после XX съезда КПСС. «Нельзя забывать, что к врагам мы должны применять власть. Нельзя властью злоупотреблять, как это делал Сталин, но употреблять ее надо. Вражеским устремлениям нужно противопоставить госбезопасность, суды, репрессивные органы», — говорил он²⁶. Мнение Москвы стало для Ракоши тем более ценным козырем, что в самый день многосторонней встречи, 24 июня, дома произошло событие, вызвавшее немалое раздражение первого секретаря ЦР ВПТ: главная газета партии «Szabad Nép», все более попадавшая под влияние реформаторски настроенной части партаппарата, опубликовала статью в поддержку Круга Петефи и развернувшихся на его заседаниях дискуссий²⁷.

Таким образом, в Москве Ракоши получил не только заверения в поддержке, но и напутствия в борьбе с формировавшейся оппозицией. Однако развитие событий в последующие дни внесло заметные коррективы в уже заготовленный и согласованный с советским руководством сценарий предстоящего пленума ЦР ВПТ и более того — заставило лидеров КПСС изменить свое отношение к «проблеме Ракоши». Прежде всего, 28 июня в польском городе Познань демонстрация рабочих, выступивших за улучшение условий труда, вылилась в вооруженные беспорядки, подавленные с помощью армии. 73 человека погибло, более 300 получили ранения²⁸. Познаньские волнения, ставшие первым серьезным испытанием на прочность заявленной с трибуны XX съезда КПСС готовности к преодолению сталинского наследия, наглядно продемонстрировали всему мировому сообществу, что на подобные эксцессы в советском лагере будут и впредь реагировать только силой.

В Венгрии в те же дни происходят события, которые перепуганные партийные функционеры тут же окрестили «идеологической Познанью». Дискуссия о проблемах печати на собрании Круга Петефи 27 июня превзошла все предшествующие по количеству участников — более 6 000 человек заполонило не только вместительный зал будапештского Дома офицеров, но и улицу, слушая эмоциональные речи выступавших через громкоговорители. Небывалым был и накал страстей в ходе дискуссии. Выступлением одного из крупнейших писателей Венгрии Тибора Дери был сделан шаг от поверхностной критики отдельных лиц и явлений к стремлению выявить коренные пороки системы, «ущемляющей права личности и возлагающей на нее чрезмерные тяготы». «В нашем отечестве мы решили построить социализм, однако по ходу дела случилось нечто неслыханное: мы забыли, более того, исключили из нашей системы именно то, на чем социализм основывается, — доверие к человеку. Самый серьезный недостаток нынешнего руководства состоит, очевидно, в том, что оно не верит в человека, не верит в нас, строит на недоверии свое мышление, методы, практику, недооценивает разум людей, с которыми мы хотим создать социализм, не только их порядочность, но и жажду справедливости, одним словом, нравственную силу народа, его интеллектуальные и творческие способности», — говорил Дери²⁹. Импульсы, полученные от XX съезда КПСС, позволили собравшимся обратиться к обсуждению одного из самых животрепещущих вопросов, волновавших венгерскую интеллигенцию, — проблемы гласности. Информацию о дискуссии 27 июня советское посольство получило от очевидцев, один из которых в беседе с

дипломатом отмечал, что никто из выступавших и «не помышлял» о свержении «народно-демократической власти», что речь шла лишь о необходимости найти более гуманный вариант продвижения к социализму, и с такой же энергией, с какой устраивалась овация при упоминании Имре Надя, аудитория кричала «Да здравствует партия!»³⁰ Эти уверения однако мало успокоили Андропова, расценившего дискуссию как свидетельство дальнейшего усиления тенденций, ведущих к подрыву диктатуры ВПТ, а следовательно, угрожающих советским интересам в Венгрии. В очередном донесении в Москву его выводы вполне определены: органы государственной безопасности Венгрии «не проявляют должной решительности в борьбе против контрреволюционных элементов, которые стали вести себя недопустимо нагло»³¹. Подобной оценке дискуссии о печати суждено было стать определяющей на долгие годы. Характерно, что на протяжении трех десятилетий официальная венгерская и советская историография рассматривала эту дискуссию как главную в те месяцы «ревизионистскую вылазку», важное звено в идеологической подготовке «октябрьского путча»³².

Дискуссия о печати вызвала немалый переполох в партийных верхах Венгрии. 30 июня состоялся внеочередной пленум ЦР³³, своей резолюцией осудивший «правых оппортунистов». Напутствия, полученные в Москве, придали Ракоши уверенности в борьбе с оппозицией. Т.Дери и Т.Гардош за острокритические выступления на дискуссии о печати были исключены из партии. Иницируется шумная кампания в прессе. 4 июля члены руководства ВПТ в беседе с Андроповым с удовлетворением отмечали, что тон венгерской печати стал более «твердым и наступательным»³⁴. Статья «Szabad Nép» от 24 июня, где о Кружке Петефи говорилось в положительном ключе, была признана ошибочной.

Однако курс на ужесточение вызывал сильное противодействие, и не только в среде интеллигенции, но даже в самом партийном аппарате. Как информировал Андропова Гере, 30 июня «сложилась такая обстановка, при которой почти половина членов ЦК или возражала, или проявляла колебания при обсуждении проектов решения пленума»³⁵. Причем такие влиятельные члены ЦР, как З.Ваш и Э.Мольнар, открыто высказались против осуждения Кружка Петефи на том основании, что подобное решение может разочаровать партию, которая ждет от своих руководителей в первую очередь самокритики. За 3 дня до этого, 27 июня, З.Ваш, выступая на дискуссии о печати, говорил о «новой революции, которую должно возглавить ЦР». Подобная постановка вопроса о руководящей роли партии в современных условиях не только не соответствовала представлениям Ракоши и его единомышленников, но явно опережала установки XX съезда.

Таким образом, никакого единства в партийных верхах не было³⁶. Лидеров ВПТ настораживало и то, что среди значительной части интеллигенции решения пленума 30 июня были встречены «либо отрицательно, либо с недоумением». Об этом свидетельствовал ряд собраний в Союзе писателей и учреждениях Академии наук, где не только выражалось несогласие с партийной резолюцией, но дело доходило до требований отставки Ракоши, занесенных в протоколы собраний³⁷. «Опасные» настроения проникли и в среду рабочего класса. На ряде предприятий, узнав о повышении норм выработки, рабочие угрожали забастовкой. Все это давало Андропову основание сделать вывод о том, что выполнение решения от 30 июня «не будет идти гладко, а потребует от венгерских товарищей серьезных усилий по преодолению сопротивления, оказываемого со стороны

интеллигенции и части партийного актива»³⁸. В донесении советского посла упор по-прежнему делался на необходимость проведения более твердых мер. Но обстановка в стране уже настолько накалилась, а позиции Ракоши настолько ослабли, что он теперь едва ли мог последовать совету албанского лидера Эн-вера Ходжи, который как-то предложил венгерским коллегам расстрелять ряд «контрреволюционеров», чтобы показать народу, что такое диктатура пролетариата³⁹.

Имре Надь не был участником дискуссии 27 июня и вообще имел мало отношения к Клубу Петефи. Тем не менее за этой дискуссией, как и за другими выступлениями с требованиями реформ неизменно мерещилась «направляющая рука» опального премьера⁴⁰. Но этим дело не ограничивалось. Усиление оппозиционных настроений внутри ВПТ вызывало тем большую обеспокоенность в партийном руководстве, что в нем видели характерное проявление более общей тенденции. Посетив 6 июля Андропова для того, чтобы поделиться своими опасениями относительно «очень и очень серьезной» политической ситуации, Гере пытался подвести посла к далеко идущему выводу, который, надо сказать, имел под собой некоторые действительные основания. Истоки переживаемых лидерами ВПТ трудностей он увидел в том, что в международном коммунистическом движении все яснее «начинает выкристаллизовываться» правое течение, которое характеризуют приверженность тезису о «национальном коммунизме» и требование ограничить влияние Москвы. Очевидно, что в роли форпоста этого течения выступала Югославия. Венгерская внутренняя «реакция», говорил Гере, так «нагнетает» именно потому, что получает постоянную моральную поддержку со стороны югославской прессы. «Борба», «Политика», югославское радио недоброжелательно высказывались о внутренней политике ВПТ и, в частности, о решениях пленума от 30 июня. Более того, Югославия, по его словам, имела в Венгрии разветвленную сеть агентуры, оппозиционно настроенные представители венгерской интеллигенции поддерживали связи с югославским посольством, информировали дипломатов о внутриполитических событиях⁴¹. Что касается активистов Клуба Петефи, то они и не скрывали своих симпатий к югославским концепциям социализма⁴². Обращает на себя внимание та планомерность и последовательность, с которой летом 1956 г. венгерские лидеры через советское посольство настраивали Москву против Белграда. Вероятно, догадываясь об аналогичных шагах, предпринимаемых Тито против ракошистского руководства, последнее стремилось перехватить инициативу в деле формирования в свою пользу мнения официальной Москвы относительно причин неурегулированности венгеро-югославских отношений. Эта задача была нелегкой, потому что в свете XX съезда КПСС политическая конъюнктура более благоволила лидерам Югославии как жертвам сталинских «искажений», а не скомпрометировавшему себя проведением твердой сталинистской линии партийно-государственному руководству Венгрии. Для понимания тогдашней позиции Москвы интересно, что даже такой ортодокс, как К.Е.Ворошилов, в своей докладной Президиуму ЦК КПСС о встрече с Ракоши в Москве в конце июня замечал: что касается нормализации отношений с Югославией, то Ракоши, кажется, еще «не сбросил с себя груз прошлого», «у него еще много настороженности и неуверенности»⁴³.

Конечно, в руководстве ВПТ (мыслившем и действовавшем все менее в унисон с мыслями и действиями своего первого секретаря) отдавали себе отчет в том, что

наметившееся сближение Москвы и Белграда есть та безусловная реальность, которая мало зависит от Венгрии. Тот факт, что фигура Ракоши оказывалась препятствием на пути нормализации венгеро-югославских отношений, не упускался при этом из виду в поисках аргументов, которыми в случае острой необходимости можно было бы склонить Москву к отказу от поддержки первого секретаря ЦР ВПТ. Так, Хегедюш в беседе с Андроповым 19 июня выражал сожаление, что даже в дни пребывания Тито в СССР Ракоши продолжает видеть в сближении с Югославией одни только отрицательные стороны⁴⁴.

Однако настороженное отношение к Югославии отличало позицию не только Ракоши, но и тех членов Президиума ЦР ВПТ, на поддержку которых первый секретарь уже все менее мог положиться. Наряду с Тито «правое течение» в международном коммунистическом движении венгерские лидеры связывали с фигурой П.Тольятти, выступления которого с критикой культа личности как «системы» имели в Венгрии большой отклик не только в среде оппозиционно настроенной интеллигенции, но даже среди рабочих, о чем венгерские лидеры также с озабоченностью информировали советское посольство. Так, 23 июня секретарь ЦР ВПТ Л.Ач в беседе с советником посольства В.В.Астафьевым «коснулся интервью т. Тольятти, которое было опубликовано в газете «L'Unita» (вероятно, имеется в виду его интервью от 17 июня — А.С). Он сказал, что ответы т. Тольятти вызвали большой интерес среди венгерской интеллигенции и даже части рабочих. На одном из крупных заводов Будапешта (название завода он не сказал) было обнаружено восемь экземпляров газеты «L'Unita». На заводе нашлись люди, которые знают итальянский язык, и «эти газеты зачитывались буквально до дырок»⁴⁵. Чтобы несколько снизить накал страстей, было принято решение опубликовать интервью Тольятти в сокращении в «Szabad Nép», что и случилось 22 июня.

Под влияние правого течения, продолжал Гере, попали многие венгерские коммунисты, и не только рядовые, но даже члены ЦР и часть партийной прессы. И в аппарате ЦР не всех можно считать надежными: иногда, приезжая на периферию, работники центрального аппарата провоцируют местных функционеров на проявления недовольства линией Политбюро. На предстоящем пленуме возможны осложнения, и его надо хорошо подготовить, — сделав подобное резюме, Гере не упустил случая напомнить Андропову: если у ЦК КПСС есть советы, мы бы с радостью приняли их. А нужда в новых советах есть, поскольку за три недели, прошедшие после отъезда Сулова, ситуация значительно изменилась. В конце беседы Гере выложил главное: комиссия по делу Фаркаша получила письмо от находящегося в тюрьме бывшего руководителя госбезопасности Г.Петера⁴⁶. В нем говорится, что главный виновник уничтожения Райка — не кто иной, как Ракоши. Он лично давал Петеру основные указания, редактировал текст обвинительного заключения. «Если это письмо будет оглашено на очередном пленуме

ЦК, то т. Ракоши окажется в весьма затруднительном положении»⁴⁷. В сравнении с более ранними, относящимися к маю — началу июня беседами с Андроповым, Гере теперь с гораздо большей определенностью выражал свое сомнение в целесообразности прежней твердой установки кремлевского руководства на сохранение любой ценой Ракоши во главе ВПТ. Впоследствии, вскоре после июльского пленума, Гере говорил Андропову, что лично у него мысль о том, что т.

Ракоши не сможет дальше оставаться на посту первого секретаря, возникла незадолго до июльского пленума, однако он не решился сказать об этом прямо⁴⁸.

Подробно проинформировав Москву о содержании беседы с Гере, Андропов не решился выступить с какими-либо собственными рекомендациями по вопросу, который далеко выходил за рамки его компетенции, лишь повторил уже звучавший в прежних его донесениях вывод: «... наши друзья до сих пор слабо реализуют данные им советы ... о проведении твердой линии в отношении враждебных элементов и демагогов»⁴⁹. Докладными Андропова из Венгрии вообще ставится под сомнение сложившийся в перестроечной публицистике конца 1980-х годов миф об Андропове как о человеке, еще задолго до прихода на высший пост в КПСС осознавшего необходимость далеко идущих реформ в рамках социалистического выбора. Скорее, наоборот, венгерский опыт лишь укрепил в нем анти-либералистский и антиреформаторский синдром. Показательно, что донесения более высокопоставленных эмиссаров, выезжавших летом 1956 г. в Венгрию (не только слывшего наибольшим либералом в постсталинском «коллективном руководстве» А.И.Микояна, но также М.А.Суслова), отличались, как правило, большей умеренностью в оценке политической ситуации в стране и перспектив разрешения кризиса, хотя, конечно, здесь надо учитывать, что члены Президиума ЦК КПСС обладали значительно большей свободой суждений, чем посол, сильно связанный установками, поступавшими из центра. Своими докладными Андропов достаточно адекватно передавал остроту ситуации, но единственный выход из нее видел в дальнейшем усилении пресса, проведении репрессий. Склонность посла к предельной драматизации венгерских событий, нагнетанию обеспокоенности Москвы положением дел в Венгрии, слабой реакцией руководства ВПТ на происки «враждебных элементов» была на протяжении всех месяцев кризиса той постоянной составляющей, которую необходимо учитывать при рассмотрении факторов, определявших советскую политику в Венгрии.

Через 5 дней после визита Гере, 11 июля, состоялась беседа Андропова с Ковачем, который, не испытывая противодействия со стороны коллег по Политбюро, продолжал вести свою прежнюю линию, направленную на то, чтобы, опираясь на материалы следствия по делу Фаркаша, загодя подготовить Москву к мысли об отказе от прежней ставки на Ракоши. Ковач, возглавлявший комиссию по делу Фаркаша, более подробно проинформировал Андропова о ходе следствия. Ракоши, непосредственно руководивший подготовкой процесса над Райком, нес, по его словам, главную ответственность и за «перегибы» в карательной политике в последующие годы, он лично давал распоряжения избивать заключенных. Свой приход к послу Ковач мотивировал необходимостью посоветоваться перед принятием принципиально важного решения: надо ли на пленуме, докладывая, как было запланировано, об итогах работы комиссии, огласить письмо Петера? Какой выбор сделать: пойти на обман пленума или же поставить Ракоши в явно безвыходное положение? Ведь в сложившейся ситуации после оглашения на пленуме письма Петера оставить Ракоши во главе партии будет невозможно, это означало бы окончательный подрыв авторитета партийного руководства, и пленум на это при существующем раскладе сил ни в коем случае не пойдет. Поскольку Политбюро, продолжал Ковач, «связано в решении вопроса о т. Ракоши советами, которые были даны тов. Сусловым», оно не хочет действовать вразрез с мнением КПСС. Но обстановка изменилась, и

вопрос о Ракоши на предстоящем пленуме может возникнуть в гораздо более острой форме, чем можно было ожидать в дни пребывания Сулова в Будапеште. Что делать? Я осознаю, заметил Ковач, необычность своей просьбы, но в интересах партии готов пренебречь формальной стороной. Ведь речь идет о будущем партии, ее авторитете в обществе. Андропов снова попытался уклониться от совета по существу дела. В Москву он докладывал о принятом венгерским партийным руководством решении о том, что пленуму ЦК должно предшествовать обсуждение письма Петера на Политбюро в присутствии самого Ракоши. По мнению посла, такое обсуждение заставило бы членов Политбюро более четко определить свои позиции перед пленумом, а Ракоши помогло бы увидеть реальное положение дел. «Из беседы с тов. Ковачем, — резюмировал Андропов, — у меня создалось впечатление, что упомянутое письмо Петера написано с целью обострить и без того сложную обстановку в ВПГ». Андропов, таким образом, хорошо осознавал, что письмо Петера было инициировано в целях компрометации Ракоши и, очевидно, с прицелом на оглашение его перед высшим партийным форумом. Посол не мог не понимать, что Ракоши уже лишился поддержки людей даже из своего ближайшего окружения, более того, часть этого окружения, движимая инстинктом самосохранения, хотя и с оглядкой на Москву, но упорно и последовательно подготавливает уход Ракоши, стараясь придать ему по возможности форму наиболее безболезненную для себя. Она пытается спустить конфликт на тормозах, избежать на пленуме ЦК открытого «бунта на корабле» со всякими непредвиденными последствиями. Как и подобало послу, Андропов по-прежнему руководствовался в своих оценках рекомендациями вышестоящего лица, в данном случае Сулова. Поэтому он не только не поставил перед своим начальством вопрос о нецелесообразности дальнейшей поддержки Ракоши, но сделал прямо противоположные выводы: венгерские товарищи идут к пленуму «без должной ясности и уверенности в успехе», у многих членов Политбюро «нет должной уверенности и готовности решительно защищать точку зрения, принятую ими в связи с советами, высказанными т. Суловым». Они боятся повредить собственному положению, некоторыми руководят сугубо личные мотивы. Что касается Ракоши, то и он «в последнее время» дает основания упрекать себя в зазнайстве, «не делает все необходимое, чтобы помочь честным работникам укрепить авторитет коллективного руководства». «В связи с этим, — подводил итоги своего донесения посол, продолжавший придерживаться самой жесткой линии, — было бы крайне необходимо до пленума ЦК, назначенного на 17 июля, в удобной форме еще раз высказать венгерским друзьям наши опасения относительно создавшейся внутривластной обстановки, которая опасна не потому, что враги являются очень сильными, а главным образом тем, что Политбюро ЦК ВПГ, оказавшись перед фактом известного вражеского нажима, не проявляет должной уверенности и решительности в руководстве партией и страной»⁵⁰.

Таким образом, к началу июля фигура Ракоши, вызывавшая острое раздражение в обществе, становится серьезной обузой для венгерского руководства, предпринимавшего все более явные для Москвы и едва ли не скоординированные усилия в целях избавления от этого балласта. В момент, когда оно, готовясь к пленуму, все с большим нетерпением ждало из Москвы благословения на отставку Ракоши (что далеко выходило за пределы компетенции посла Андропова, который в соответствии с полученными

указаниями продолжал отстаивать линию на защиту первого секретаря ЦР ВПТ), в Будапешт в тайне от широкой общественности прибыл член Президиума ЦК КПСС А.И.Микоян⁵¹.

4. Секретная миссия в Будапешт. Роль А.И.Микояна в подготовке отставки М.Ракоши

Длившаяся чуть более недели (с 13 по 21 июля 1956 г.) миссия одного из членов Президиума ЦК КПСС в Будапешт не афишировалась в прессе тех дней. В «Правде» краткое сообщение ТАСС о пребывании А.И.Микояна «проездом» в Венгрии без указания точных дат приезда и отъезда было опубликовано лишь 24 июля. В Венгрии столь же лаконичная информация о визите Микояна появилась в прессе чуть раньше, дав иностранным наблюдателям обильную пищу для толкований. Лондонская «Times» 23 июля писала о «таинственной роли» Микояна в событиях, произошедших в Венгрии на предшествующей неделе.

При отсутствии документальных подтверждений историкам почти четыре десятилетия приходилось строить свои версии событий тех дней на предположениях и догадках, в основе которых лежали, как правило, определенные стереотипные представления о стиле работы Президиума ЦК КПСС, механизме принятия им ответственных решений. «Едва ли приходится сомневаться в том, что Микоян в июле 1956 года прибыл в Будапешт вовсе не для сбора информации и обмена мнениями и не для внесения «предложений», а с однозначным решением советского Политбюро (вынесенным, к слову, по требованию Тито) о смещении Ракоши и даже удалении его из страны», — писал, например, в 1992 г. Д.Литван¹.

Эту версию в известной мере подтверждает в своих мемуарах и бывший председатель Совета Министров ВНР А.Хегедюш, согласно которому Микоян уже в машине по пути из аэропорта в город, ссылаясь на мнение Президиума ЦК КПСС, предложил Ракоши подумать об отставке². Ознакомление с документами, введенными в научный оборот в последние годы, приводит к выводу о том, что реальная картина была неизмеримо сложнее привычных Схем и стереотипных представлений, пусть даже основанных на свидетельствах очевидцев.

Решение о поездке Микояна в Венгрию было принято на заседании Президиума ЦК КПСС, состоявшемся в два захода — 9 и 12 июля. На этом заседании на основании информации, поступившей из Будапешта от Андропова³, обсуждалась обстановка, сложившаяся в Венгрии. Источник, по которому мы можем судить о ходе дискуссии, — фрагментарные записи заведующего общим отделом ЦК КПСС В.Н.Малина, на протяжении всего 1956 г. регулярно присутствовавшего на заседаниях Президиума ЦК и составлявшего их протоколы⁴. Обострение положения в Венгрии, равно как и познаньские события в Польше, были расценены как следствие подрывной деятельности империалистов, стремящихся «ослабить интернациональные связи, под флагом самостоятельности пути ... разобщить и по-одиночке разбить» социалистические страны. В связи с «делом Райка» Н.С.Хрущев, Г.М.Маленков, К.Е.Ворошилов высказались за то, чтобы «облегчить положение Ракоши». А.И.Микояну, срочно вылетавшему в Будапешт, было поручено «переговорить с Ковачем и твердо поговорить»⁵. Но на следующий день, 13 июля, ЦК КПСС направляет в Рим телеграмму в адрес П.Тольятти: «Положение в Венгрии изменилось, так как руководство партии признало, что сохранить Ракоши генеральным секретарем ЦК, вероятно, будет невозможно. Товарищ Микоян, находящийся в Будапеште,

считает, что сейчас, очевидно, другого выхода нет. ... Прямая поддержка Ракоши, очевидно, в силу изменившихся условий в последние два дня была бы несвоевременна»⁶. Как явствует из документов, 11 июля советское руководство через находившуюся в Москве делегацию ИКП во главе с Д.Пайеттой обратилось к Тольятти с просьбой еще до пленума ЦР ВПТ высказаться по поводу ситуации в Венгрии. Ожидалось, что лидер итальянских коммунистов даст интервью газете «Szabad Nép», в котором укажет на значение пролетарского интернационализма, недопустимость каких-либо выступлений внутри коммунистического движения под флагом независимости от Москвы⁷. Попытка склонить к такому выступлению именно Тольятти была неплохо продуманным тактическим ходом — лидер итальянской компартии, пошедший гораздо дальше Хрущева в критике сталинизма, был весьма популярен среди венгерских сторонников реформ, а потому предостережение против «правонационалистической» угрозы в мировом коммунистическом движении прозвучало бы в его устах убедительнее, чем в чьих бы то ни было (не считая разве что Тито)⁸. Однако в течение двух дней ситуация изменилась: уже 13 июля возникла необходимость скорректировать предполагаемое интервью Тольятти с выводом о бесперспективности дальнейшей ставки на Ракоши, к которому пришел Микоян в первый же день своего пребывания в Венгрии и который должны были принять во внимание его коллеги по Президиуму ЦК КПСС⁹. Что же происходило в те дни в Будапеште?

Самолет с высокопоставленным советским визитером приземлился утром 13 июля и сразу же после прилета состоялась встреча Микояна с Ракоши, Гере, Хегедюшем и секретарем ЦР ВПТ Б.Вегом¹⁰. Вопреки полученным рекомендациям «твердо переговорить» с Ковачем тактика Микояна на встрече с венгерскими лидерами с самого начала отнюдь не свидетельствовала о его связанности установкой во чтобы то ни стало сохранить Ракоши. Можно сделать предположение, что в советском руководстве в ходе обсуждения 12 июля не было единства в вопросе о дальнейшей поддержке Ракоши и, хотя в записи заседания Президиума эта задача была зафиксирована со всей определенностью, не исключалось и альтернативное решение: Микоян получил необходимые полномочия на то, чтобы самому разобраться на месте в обстановке и определить, целесообразно ли и дальше делать ставку на Ракоши или же интересы сохранения советского влияния в Венгрии требуют пойти здесь на уступку силам, добивающимся удаления этого политика, не только полностью скомпрометировавшего себя организацией незаконных репрессий, но и (что было важнее для Москвы) не способного вывести страну из кризисного состояния¹¹. В течение своей недельной миссии Микоян подробно информировал Москву о ходе переговоров с венгерскими лидерами, держал соратников по Президиуму ЦК в курсе относительно каждого сделанного шага, однако ведущая роль в принятии решения о Ракоши принадлежала, как вытекает из документов, ему самому.

В первой же беседе Микояна с венгерскими лидерами речь зашла о чрезвычайном усилении активности оппозиционных сил, при котором возможны открытые антиправительственные выступления, подобные тому, что произошло в Познани. Микоян в соответствии с принятыми Москвой (не без влияния Андропова) установками поначалу делал упор на необходимость более твердого руководства, что среди прочего предполагало проведение «репрессий и арестов в отношении главарей враждебных элементов». Но даже Ракоши, более других склонявшийся именно к таким методам, подал на это реплику, что «положение

настолько осложнилось и напряжение так усилилось, что аресты не помогут. Арестуем одних, — сказал он, — появятся другие, арестуем других — появятся третьи, и этому не будет конца»¹².

Человек, на редкость искушенный в аппаратной борьбе, Микоян сразу же понял в ходе беседы, происходившей в присутствии Ракоши, что в руководстве ВПГ давно назрела мысль о необходимости замены первого секретаря. Однако сторонники подобного решения боялись открыто ставить этот вопрос без предварительного согласования с Москвой. «Все они ожидают постановки вопроса о Ракоши с нашей стороны», — сообщал Микоян в тот же день в Кремль¹³. (На следующий день, 14 июля, Я.Кадар, встречаясь с А.И.Микояном, объяснял высокопоставленному советскому гостю, почему «актив партии не доверяет Ракоши, а также и Гере. Все считают, что реабилитация арестованных, прекращение режима террора в партии — все это произведено под давлением, под нажимом как со стороны Москвы, так и с низов. Все боятся, что если обстановка несколько изменится, в частности, международная обстановка, Ракоши и Гере снова приступят к новым арестам, репрессиям и восстановят свой режим произвола. После 1953 г. они имели полную возможность исправиться, однако они это делали нехотя, зигзагами, каждый раз под нажимом.»¹⁴).

Выслушав в ходе первой беседы сообщения венгерских коллег о политической ситуации и признав ее «очень сложной и острой», Микоян откровенно высказал свое мнение: «Пока т. Ракоши возглавляет руководство партии, ЦК не сможет защитить себя от обвинений в необоснованных репрессиях... против честных коммунистов»¹⁵, преодолеть недоверие со стороны многих рядовых коммунистов, а значит, не будет и единства партии¹⁶. Вопрос, таким образом, упирается в пребывание Ракоши на посту первого секретаря ЦР ВПГ. Придя к подобному выводу, Микоян решил пойти навстречу ожиданиям, предложив Ракоши «в интересах партии... самому подать в отставку, чтобы облегчить партии сохранить свое руководство и разгромить оппозицию и враждебные элементы»¹⁷. Гере, Хегедюш и секретарь ЦР ВПГ Б.Вег, участвовавшие в беседе, были «обрадованы такой постановкой вопроса, вздохнули свободно»¹⁸. На состоявшемся в тот же день заседании Политбюро ЦР ВПГ, как доносил в Москву Ю.Андропов, «ни один из присутствующих товарищей не высказался против предложения об отставке т. Ракоши с поста первого секретаря ЦК», некоторые члены Политбюро «прямо указывали, что, анализируя создавшееся положение, они и раньше приходили к такому выводу, что без отставки т. Ракоши добиться разрядки напряжения не удастся». Не только потому, что Ракоши «является главным виновником необоснованных репрессий против честных коммунистов (столь откровенные обвинения едва ли могли прозвучать в адрес Ракоши прежде, когда за ним стояла поддержка Москвы — А.С), но и потому, что он после XX съезда КПСС не сумел преодолеть последствий культа личности, продолжал руководить старыми порочными методами, вызывавшими серьезные возражения со стороны партийных масс» и затруднявшими членам Политбюро «возможность защищать т. Ракоши от нападков со стороны враждебных элементов и оппортунистов»¹⁹.

Обстоятельства смещения Ракоши, таким образом, хорошо показывают, сколь значительным было влияние высокопоставленного посланца КПСС на принятие руководством «братской партии» ключевых решений, выносимых в срочном, можно даже сказать, пожарном порядке.

На заседании Политбюро, состоявшемся 13 июля с участием Микояна, Ракоши согласился со своей отставкой нехотя, «вынужденный к этому силой обстоятельств. Видимо, он добивался остаться в руководстве венгерской партии, в составе Политбюро, чтобы тем самым сохранить фактически свое руководство в партии»²⁰.

Вслед за первой проблемой предстояло решать и вторую — о преемнике Ракоши. Вопреки высказывавшимся некоторыми венгерскими историками суждениям о том, что выдвижение кандидатуры Гере на пост первого секретаря ЦР ВПТ не могло не быть predetermined соответствующим решением Президиума ЦК КПСС, Микоян, как явствует из документов, первоначально (надо сказать, весьма не настойчиво) предлагал членам Политбюро ЦР ВПТ сделать выбор в пользу А.Хегедюша²¹. При обсуждении конкретных кандидатур, как и за месяц до этого, в ходе визита Суслова, всплыл вопрос о желательности исправления того не совсем здорового «перекоса», который издавна сложился в руководстве ВПТ и питает в венгерском обществе ненужные настроения. Речь шла о том, что среди лидеров партии почти нет «лиц венгерской национальности» или, если с привычного партийного жаргона перейти на все более слышимый язык улицы, в руководстве страной слишком много евреев²². Никак не будучи в названном смысле «лицом венгерской национальности», Гере, сославшись на замечание Суслова, сразу же отвел свою кандидатуру (выдвинутую А.Хегедюшем) и предложил в первые секретари Кадара, которого на предстоящем пленуме надо было не только заново избрать в Политбюро, но перед этим кооптировать в ЦР. Помимо всего прочего, это мотивировалось тем, что на пленуме едва ли удастся миновать обсуждение кандидатуры Кадара, учитывая его немалый авторитет среди ветеранов партии.

По существу, при отсутствии третьей сильной кандидатуры выбор предстояло делать фактически лишь между Гере и Кадаром, один из которых представлял охранительно-сталинистское, другой — умеренно-реформаторское крыло (предложенная Микояном кандидатура 34-летнего Хегедюша не могла рассматриваться всерьез — и сам Хегедюш, и Гере, и участвовавший в обсуждении Ракоши признали, что старые коммунисты, которые будут задавать тон в работе пленума, никогда не допустят избрания столь молодого и к тому же непопулярного в партийной среде человека). Между тем, предлагая Кадара, Гере совершал несомненно только тактический ход, призванный замаскировать его стремление самому вознестись на вершину партийного Олимпа. Это заметил и опытный Микоян, доносивший 16 июля в Москву, что Гере «видимо, в душе... все время стоял за свою кандидатуру, с тем, однако, чтобы это не шло вразрез с нашим желанием»²³. В этой связи характерно, что на другом заседании Политбюро, уже в отсутствие Микояна, Гере, вероятно, опасаясь, что кандидатура Кадара найдет поддержку большинства членов Политбюро, предложил избрать первым секретарем не его, а Хегедюша, что одобрения не получило²⁴.

Выдвигая в присутствии Микояна кандидатуру Кадара (по сути дела единственного своего конкурента), Гере, вероятно, исходил из того, что она наверняка не будет поддержана Москвой, психологически не готовой к тому, чтобы поставить во главе «братской» партии человека, прошедшего через репрессии, — на нем продолжало лежать клеймо недоверия и не столько из-за прежних мифических «проступков», послуживших основанием для ареста, сколько потому,

что в нем видели человека, которого личная обида может подтолкнуть к каким-либо непредсказуемым шагам. Должны были пройти еще долгие, полные драматизма месяцы, пока В.Гомулка и тот же Я.Кадар не завоевали делом доверие Кремля. А летом 1956 г. Микояну и его коллегам по Президиуму ЦК КПСС приходилось преодолевать известный психологический барьер, соглашаясь даже на избрание Кадара в Политбюро ЦК ВПТ. Состоявшаяся 14 июля беседа с Кадаром убедила Микояна, что тот вполне довольствуется своим избранием в Политбюро и не будет претендовать на большее, зная, что «ракошисты» едва ли это допустят²⁵. «Впечатление о Кадаре положительное. Видно, что он прямой, открытый и правдивый человек, имеет свое мнение по всем вопросам, в курсе всей политики», — докладывал Микоян в тот же день в Москву, обосновывая свое согласие на избрание Кадара в состав Политбюро²⁶.

При обсуждении кандидатур на пост первого секретаря опытный Микоян считал тактически правильным не настаивать на первоначально предложенной им кандидатуре Хегедюша, не давить лишний раз на принятие венграми окончательного решения, старался избежать слишком уж подчеркнутого вмешательства во внутривнутрипартийные дела ВПТ. «Товарищи Ракоши и Хегедюш информировали меня о наметках Политбюро и спрашивали — есть ли замечания? Я сказал, что поскольку они сами подробно обсуждали, поскольку они лучше понимают свои дела, не думаю, чтобы со стороны нашего ЦК были бы замечания по этому вопросу», — сообщал он в Москву²⁷. Подобную же установку он сохранял и при обсуждении конкретной кандидатуры Кадара: «Я свое отношение к Кадару не высказал. Условились, что этот вопрос следует дальше обсудить в составе Политбюро. Я в своем выступлении на Политбюро не коснулся вопроса, кем же заменить Ракоши, считая, что лучше мне не касаться этого вопроса»²⁸.

Выбор на Политбюро был сделан в пользу Э.Гере, что не вызвало возражений Микояна. Избрание Гере, последовательного сторонника ориентации на Советский Союз и ближайшего соратника Ракоши, означало максимальное сохранение преемственности прежнему курсу. Оно, несомненно, избавляло Москву от излишних беспокойств в связи с возможностью слишком резкого изменения политики ВПТ. В Кремле, однако, не могли не понимать, что с избранием Гере была лишь приглушена, но отнюдь не разрешена проблема недоверия партийных низов к своему руководству. Характерно, что уже через несколько дней после окончания пленума Андропов в своем донесении был вынужден признать: «Гере не пользуется должной популярностью среди широких партийных масс, сухость в обращении с людьми заставляет многих работников сдержанно принимать его кандидатуру»²⁹.

Сделанный выбор, таким образом, едва ли мог принести даже кратковременный эффект. Долгосрочная же заинтересованность СССР в политической стабильности в Венгрии требовала от Москвы признания необходимости более решительных перемен. Хрущев признал это уже через несколько месяцев, в начале ноября 1956 г.: «Моя и Микояна вина, что Гере предлагали, а не Кадара. Поддались Гере», — говорил он 3 ноября на заседании Президиума ЦК КПСС, предшествовавшем военной акции по приведению правительства Я.Кадара к власти³⁰.

В дни, предшествовавшие пленуму, окончательно назначенному на 18 июля, Микоян принял активное участие в его подготовке. Поскольку Гере был явно непопулярен, существовала реальная опасность того, что члены ЦК

забаллотировать его кандидатуру и дальнейшее течение пленума примет бесконтрольный характер («Не получится ли, что сейчас, выдвинув т. Гере на должность первого секретаря, мы окажемся в такой обстановке, когда не сможем сохранить его в руководстве партии в роли члена Политбюро?» — предостерегал Микоян своих венгерских коллег³¹). «Чтобы не иметь сюрпризов на пленуме ЦК», — докладывал он в Москву, — я посоветовал провести «неофициальные встречи и беседы членов Политбюро с наиболее влиятельными членами ЦК или теми, которые могут быть против решения Политбюро» об избрании Гере³². Такие беседы состоялись. Никто из более последовательных сторонников де-сталинизации (З.Ваш, Ш.Ногради, Э.Мольнар и др.) не решился фрондировать на пленуме, не будучи уверенным в успехе при существовавшем в ЦР раскладе сил. Пленум прошел в целом без сюрпризов. «Даже оппозиционные ораторы выступали выдержанно, в духе единства, доверия к составу ЦК и его руководству», — отмечал в том же донесении Микоян³³. Критика в адрес Гере, звучащая из уст многих выступавших, не помешала его единогласному избранию на пост первого секретаря³⁴.

Ракоши, вероятно, до последнего дня не распрощавшись с надеждой сохранить за собой место в Политбюро, пытался, насколько можно судить по материалам пленума, побороться за это. Он мог рассчитывать на поддержку ряда своих молодых выдвиженцев, которые в ходе пленума (особенно в начале его работы, что, по всей видимости, было подготовлено Ракоши) выражали сожаление об уходе первого секретаря, предлагали оставить его в составе Политбюро. Они мотивировали свою позицию тем, что «всю партию настроили еще не так давно в пользу безусловной поддержки Ракоши, а теперь сообщение о его отставке может вызвать потрясение у членов партии»³⁵. За этими выступлениями, как правило, скрывалась обеспокоенность молодых аппаратчиков, не имевших авторитета в партийных кругах, за собственную судьбу в случае ухода столь сильного покровителя³⁶. Попытка Ракоши, однако, не увенчалась успехом, пленум прошел по запланированному сценарию³⁷.

В первый день работы пленума, 18 июля, по просьбе Гере с речью выступил и Микоян, обозначив позицию Москвы, — выступления посланцев КПСС на пленумах братских партий были не столь уж частым явлением, практиковались лишь в самых ответственных случаях³⁸. «Я сообщил о том, — докладывал он затем в Президиум ЦК КПСС, — что у нашей партии и у братских партий есть тревога за судьбу Венгрии и что после уроков Познани не хотелось бы, чтобы в Венгрии случилось что-либо подобное». А к этому уже шло. «Дискуссия в клубе Петефи — это идеологическая Познань без выстрелов». «Поведение коммунистов на этой дискуссии, — продолжал Микоян, — говорит об элементах распада партийности среди них, ибо там коммунисты растворились в мелкобуржуазной среде». Это надо решительно пресечь, необходимо «восстановить дисциплину для... членов партии и начать наступательную борьбу на идеологическом фронте», ибо «разрядка международной напряженности и лозунг сосуществования не предполагает, а... исключает уступки в идеологии и примиренчество к враждебным взглядам»³⁹.

Отставку Ракоши Микоян расценил как поступок, основанный на интересах укрепления единства партии, а пополнение высших органов партии новыми членами (в том числе кооптацию в ЦР ряда в прошлом репрессированных деятелей) — как шаг, способствующий расширению базы влияния ЦР. Советский

эmissар такого ранга, как Микоян, имел несомненно возможность влиять на принятие пленумом ЦР ВПТ решений по конкретным персоналиям. Стараясь не злоупотреблять этим правом, чтобы не вызывать негативных эмоций со стороны венгерских коллег, Микоян все же решил в одном случае своим правом воспользоваться. Он задумал при выборе членов Политбюро «провалить» кандидатуру бывшего идеолога компартии, одного из старейших ее членов И.Реваи — этот «больной, неуравновешенный человек с сильной склонностью к демагогии»⁴⁰, видимо, подобно другим ультралевым интеллектуалам, воспринимался кремлевской партноменклатурой как несколько инородное тело и при всей своей безусловной коммунистической ортодоксальности не внушал полного доверия. Все-таки Микоян отказался от своего первоначального замысла после того, как Реваи «хорошо и принципиально выступил на пленуме»⁴¹.

Дело Фаркаша было рассмотрено на пленуме в качестве одного из текущих вопросов. Используя письмо Г.Петера в интересах окончательной дискредитации Ракоши, члены партийного руководства были теперь в большинстве своем заинтересованы в том, чтобы поставить точку в этом деле. Но вызывало опасения поведение Фаркаша, который в целях самооправдания мог пойти по пути компрометации не только Ракоши, но и других лидеров партии. Микоян по просьбе Гере встречался с Фаркашем и убеждал его «в интересах партии» не тянуть за собой бывших коллег по Политбюро, а ценой некоторого смягчения наказания смириться с ролью «козла отпущения»⁴². Доклад Ковача подвел итоги работы комиссии по делу Фаркаша⁴³. Это дело, как комментировал Микоян, решено было «кончить внутри партии, не выносить его за пределы ее и не устраивать громкого суда». Обращаясь к членам ЦР ВПТ, ветеран КПСС преподал им полезный урок большевистской этики. Он убеждал их, что хотя «Фаркаш сам по себе заслуживает четвертования, но речь идет не о нем, а о партии. ЦК должен вынести высшую меру наказания, которая бывает в партии. На этом лучше кончить дело, если же устроить суд, продолжится лихорадка партии и авторитет ее еще больше упадет в глазах масс»⁴⁴. Эти строки с предельной откровенностью раскрывают ту характерную аппаратную логику, которая руководствовалась несложной аксиомой: партия или, точнее, узкая партийная элита стоит над обществом как круг избранных, своего рода орден меченосцев, действия ее членов неподсудны общим, гражданским законам. Как бы ни был виновен руководящий член партии, его наказание бросит тень на всю партию, а потому нельзя выносить «сор из избы», доводить дело до гражданского суда. Едва ли Микоян не осознавал при этом всей фарсовости «дела Фаркаша», организованного с тем, чтобы разрядить напряженность в венгерском обществе и вывести из-под ответственности других виновников репрессий, в первую очередь самого главного из них — Ракоши. Для высокопоставленного советского эmissара не было секретом, что многие венгры не без оснований считают Ракоши «ответственным за нарушение законности больше, чем Фаркаша»⁴⁵. Интересы партии, однако, ни в коей мере не допускали предъявления первому секретарю ЦР ВПТ тех же самых обвинений, что и Фаркашу, даже если он в такой же, если не в большей мере, «заслуживал четвертования».

Июльский пленум исключил Фаркаша из партии, его лишили генеральского звания, но уголовное дело решили не возбуждать. Лишь в середине октября, когда обстановка была уже совсем взрывоопасной и после перезахоронения главной

жертвы режима Л. Райка нельзя было больше тянуть с судом над Фаркашем, уголовное дело было возбуждено и Фаркаш арестован⁴⁶.

Э.Гере в своем выступлении на пленуме говорил о значении идей XX съезда для всего социалистического лагеря, о продолжающемся процессе демократизации в Венгрии, который «враг» небезуспешно попытался использовать в собственных интересах, частично подчинив своему влиянию некоторых «честных, но ошибающихся» людей. Была подтверждена правильность решения пленума 30 июня, осудившего Кружок Петефи⁴⁷. После XX съезда в осуществлении правильной стратегии, по словам Гере, наблюдались колебания и волокита, Ракоши «при всем желании» не мог перестроить свою работу и деятельность Политбюро в соответствии с новыми требованиями. В новых условиях было предложено сосредоточить главное внимание не на ошибках прошлого, а на задачах созидательного труда. В материалах пленума содержались конкретные предложения по повышению роли Госсобраний, по расширению самостоятельности местных советов, в то время так и не реализованные. Директивы нового пятилетнего плана (1956—1960), утвержденные пленумом, в сравнении с первоначальным проектом были несколько скорректированы в пользу производства предметов потребления и повышения реальной зарплаты рабочего класса. Подлежала дальнейшему численному сокращению армия и уменьшались военные расходы. Намечались некоторые шаги по децентрализации промышленности. В аграрной политике акцент делался на добровольность при проведении кооперирования, при этом, однако, продолжала оставаться в силе критика «правоуклонистских» тенденций в осуществлении линии партии на селе в 1953—1955 гг.⁴⁸. В целом пленум прошел под знаком компромисса охранительно-сталинистских сил во главе с Гере и умеренных реформаторов, сумевших добиться восстановления Кадара в Политбюро, ряда других кадровых изменений.

Таким образом, пленум 18—21 июля был проведен в соответствии с заранее составленным сценарием. Гере и его соратники по Политбюро ЦР ВПТ в сложной внутривластной обстановке склонились к тому, чтобы пожертвовать своим вождем Ракоши ради спасения системы и сохранения своего ведущего положения в ней. Решение пленума о смещении Ракоши было подготовлено изнутри партии, людьми из ближайшего окружения первого секретаря. Москва в лице А.И.Микояна в сложившихся условиях сочла целесообразным отказаться от первоначальной ставки на Ракоши и поддержала Гере.

Кооптация в ЦР ряда ветеранов ВПТ, в том числе прошедших через репрессии, восстановление в Политбюро Я.Кадара и Д.Марошана были позитивно восприняты в достаточно широких партийных кругах, о чем свидетельствует не одно дипломатическое донесение⁴⁹. Хотя пребывание Микояна в Венгрии особенно не афишировалось в прессе, общественное мнение справедливо связало его приезд в страну с падением Ракоши, и это записывалось в актив Советскому Союзу⁵⁰.

И все-таки июльский пленум лишь в очень ограниченной степени снял остроту политических противоречий в венгерском обществе. Развитие событий после пленума чем далее, тем более подтверждало правоту члена ЦР ВПТ З.Ваша, заявившего в ходе обсуждения кандидатуры первого секретаря, что если ранее перед партией стояла проблема Ракоши, то теперь будет стоять аналогичная проблема Гере⁵¹. «Назначение Гере — полурешение. Это игра с огнем, так как в

широких кругах он известен как крайне левый коммунист»; «В партии ошибаются, что уход Ракоши разрешил все вопросы. Наоборот, этот уход только замаскировал процессы» — эти характерные отклики в венгерском обществе на решения июльского пленума были зафиксированы агентурой КГБ и стали известны в Москве⁵². Показательно, что и сам Гере, беседуя 23 июля с Андроповым, говорил об отсутствии должного доверия к Политбюро ВПТ со стороны части партийного актива⁵³.

Июльский пленум стал, таким образом, тем последним клапаном, который позволил выпустить пар и отсрочить развязку. Но подлинно поворотным он стать не мог из-за половинчатости принятых на нем решений. Это отчетливо показали октябрьские события.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕНГРИЯ НА ПОРОГЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ. РЕАКЦИЯ МОСКВЫ НА СОБЫТИЯ 23 ОКТЯБРЯ

1. Политическая обстановка в Венгрии после июльского пленума ЦР ВПТ 1956 г. и советское посольство

Первые несколько недель после июльского пленума ЦР ВПТ характеризовались некоторой стабилизацией обстановки, относительным затишьем в общественно-политической жизни. Как в партии, так и в самом обществе доминировали настроения выжидания. «По мнению т. Гере, дела в стране идут пока нормально», — отмечалось в отчете посольства о беседе с новым лидером ВПТ 28 августа¹. Другие высокопоставленные партийные и государственные функционеры, встречаясь с советскими дипломатами, также указывали на известное ослабление внутривнутриполитической напряженности. Так, член Политбюро ЦР ВПТ Б.Салаи говорил 4 августа советнику посольства СССР А.Ковалеву, что на партактиве VIII района Будапешта, где сосредоточено много «интеллигентских» учреждений и, соответственно, существует почва для сильной оппозиции, обсуждение решений пленума прошло спокойно, «демагогические выступления носили единичный характер»². И через месяц, 5 сентября, тот же Салаи имел основания констатировать, что при всех имеющихся трудностях обстановка в стране за последнее время улучшилась, в частности, по его мнению, уже не было того опасного разрыва между ЦР и партактивом, который имелся до пленума³. Другой видный функционер, секретарь ЦР ВПТ Д.Эгри 10 августа также говорил советнику посольства СССР В.Астафьеву о разрядившейся внутривнутриполитической обстановке: «Прежде всего не стало напряженного ожидания «каких-то» изменений в стране и требований о проведении этих изменений. Некоторое ожидание новых мероприятий, конечно, имеется и в настоящее время, но в этом ожидании нет уже прежней напряженности»⁴. Отдельные «рецидивы» антипартийных настроений в интеллигентской среде, по мнению Эгри, уже не могли представить опасности.

Как можно судить на основании имеющихся источников, решения июльского пленума были встречены с определенным облегчением теми работниками низшего и среднего звена партийно-государственного и хозяйственного аппарата, которым приходилось непосредственно общаться с массами. Теперь мы сами

«согласны с тем, что говорим рабочим, тогда как раньше, в силу партийной и государственной дисциплины мы были вынуждены говорить им то, в чем сами не были полностью убеждены», — замечал в разговоре с советским дипломатом, состоявшемся в конце июля, директор одного из госхозов⁵. Рабочие, продолжал он, также стали с большей открытостью воспринимать поступающие сверху директивы. Едва ли, однако, можно спорить с тем, что «сохранение сторонников скомпрометированной политики в составе высшего руководства ставило низовой партийный актив в двусмысленное положение перед лицом широких масс, вынуждало защищать авторитет руководителей, к которым сами коммунисты не питали доверия»⁶. Если сразу после июльского пленума и сложились несколько более благоприятные условия для конструктивного диалога между властью и обществом, свои реальные плоды они могли принести только при последовательном осуществлении реформаторской линии, иначе весьма ограниченный кредит доверия должен был очень быстро исчерпаться.

Отмечая признаки относительной нормализации обстановки, лидеры ВПТ осознавали, сколь неустойчивым было достигнутое равновесие. В самом начале сентября Э.Гере перед уходом в месячный отпуск и отъездом в СССР жаловался Андропову, что покидает страну без уверенности в том, что «в партии будет все хорошо»⁷. Через целый ряд августовских бесед лейтмотивом проходила мысль о том, что оппозиция, хотя и притихла, но отнюдь не сложила оружия. Она лишь изменила тактику. Восприняв решения пленума только как первый шаг, она ожидает дальнейших уступок⁸. Едва ли не в первую очередь это касалось влиятельной в широких кругах интеллигенции «литературной оппозиции». Один из руководителей Союза венгерских писателей И.Кирай говорил 3 августа советскому дипломату: при том, что на состоявшемся после пленума заседании партактива союза писателей едва ли не впервые за несколько лет не прозвучало выступлений против партии, оппозиционно настроенные писатели и журналисты рассматривают решения пленума как свою победу и это не может не повлиять на их дальнейшую тактику⁹. По справедливому замечанию исследователя, после июльского пленума общественность первое время присматривалась к деятельности партийного руководства: «цель, стоявшая перед глазами оппозиции в течение предыдущих месяцев — отстранение Ракоши — была достигнута, и должно было пройти время, прежде чем оппозиционные силы поставят новые конкретные задачи и начнут спланироваться и активизироваться для их решения»¹⁰. Мнение о том, что «положение в стране все еще неустойчивое и партия все еще далека от единства, о котором говорилось», доминировало в августе — первой половине сентября и в сознании западных дипломатов, работавших в Венгрии¹¹.

Провозглашенная Гере с трибуны июльского пленума декларация о том, что ВПТ начнет политику «с чистого листа», не вызывала доверия большинства венгров. Во-первых, и в предыдущие годы политику партии отличали резкие виражи и зигзаги, причем каждый новый поворот (июнь 1953 г., март 1955 г.) сопровождался радикальной сменой курса и решительной критикой предшествующего этапа. Во-вторых, не внушала никакого оптимизма сама фигура первого секретаря ЦР ВПТ, имя которого было неразрывно связано с порочной политической практикой режима Ракоши. «Все считают Гере «переходной фигурой», высказывают мнение, что «он долго не удержится», ожидают каких-то радикальных изменений», — читаем в отзывах, характерных

для тех дней¹². При этом наиболее вероятным преемником Гере назывался Кадар. Как говорил 5 сентября сотруднику посольства СССР заместитель министра просвещения Г.Кашшай, у многих членов партии нет уверенности, что решения пленума будут осуществляться, поскольку способность ряда руководителей и прежде всего самого Гере перестроить работу в соответствии с новыми требованиями вызывает явные сомнения¹³.

Таким образом, недоверие широких партийных и внепартийных масс к руководству страной и партией сохранялось и после июльского пленума. Существовала и другая проблема — «кризиса верхов» (по известному выражению В.Ленина). Ведь никакого единства не только в ЦК, но и в Политбюро ЦК ВПГ не было. 3 сентября Я.Кадар говорил Андропову о том, что в Политбюро с уходом Ракоши создалась более здоровая обстановка, при которой «каждый товарищ имеет возможность выступать свободно и откровенно, не опасаясь того, что какая-либо ошибка или неточность в его выступлении будет использована против него»¹⁴. Но, с другой стороны, тот же Кадар замечал, что в высшем органе партии наблюдаются разногласия по ряду принципиальных вопросов: была ли правильной политика ВПГ до последнего пленума, надо ли отменить как несправедливые партийные взыскания, наложенные, в частности, на участников дискуссий Кружка Петефи и других оппозиционеров, насколько строгие меры следует принять в отношении виновников репрессий?¹⁵

Споры о том, какую тактику избрать во внутренней политике, в августе-сентябре 1956 г. происходили на фоне все более заметного идеологического брожения в рядах рабочего класса. В пролетарской среде широко обсуждались идеи производственного самоуправления, в этой связи возрастал интерес к югославской концепции социализма. Проведенные на ряде предприятий легкой промышленности робкие эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности с учетом югославского опыта находили поддержку рабочих¹⁶.

Еще более показательным симптомом начавшегося размывания тоталитарных политико-идеологических основ явилось оживление отечественных социал-демократических традиций, особенно на крупных заводах Будапешта. В составе девятисоттысячной ВПГ к осени 1956 г. находилось, по разным данным, от 200 до 300 тыс. бывших социал-демократов. Они все активнее проявляли себя на партсобраниях, ссылаясь на опыт своей прежней партии, требуя его признания и применения. Весьма положительный отклик среди пролетариата вызвала реабилитация в 1956 г. большой группы прошедших репрессии активистов социал-демократической партии. В условиях, когда огосударствленные профсоюзы представляли собой лишь элемент в системе бюрократического принуждения, обращение к богатому идейно-политическому наследию венгерской социал-демократии было направлено на поиски более эффективных средств защиты интересов трудящихся.

В сложившихся условиях партийное руководство не могло не считаться с внушительной социал-демократической массой и было вынуждено пойти ей на уступки в целях внутривнутрипартийной консолидации. Летом 1956 г. бывшие социал-демократы, после 1950 г. представленные в руководстве страной и партией, пожалуй, одним лишь Ш.Ронаи, получили ряд ответственных должностей. Очевидной целью этой акции было усиление поддержки высших партийных органов со стороны потомственного квалифицированного пролетариата, в большинстве своем и после 1948 г. хранившего верность социал-демократическим

идеалам. Д.Марошан через несколько месяцев после выхода из тюрьмы был не только кооптирован июльским пленумом в ЦР, но избран в Политбюро, был назначен заместителем Председателя Совета Министров, курирующим легкую промышленность. Отношение к нему рабочих было весьма неоднозначным. Бывшие члены социал-демократической партии не могли простить Марошану активнейшего участия в подготовке объединительного съезда ВКП и СДПВ, на котором в июне 1948 г. произошло слияние двух партий на коммунистической идейной платформе. Все же сам факт избрания в Политбюро бывшего члена СДПВ многими был воспринят с удовлетворением, как первый шаг партийного руководства на пути к признанию социал-демократических традиций в качестве одной из составляющих идейно-политического наследия ВПТ. 14 сентября секретарь парткома дьерского вагоностроительного завода говорил советскому дипломату о том, что избрание Марошана способствовало заметной активизации бывших социал-демократов, составлявших 40–45% заводской парторганизации¹⁷. З.Хорват, также прошедший тюрьму, вновь, как и в 1940-е годы, стал редактором профсоюзной газеты «Népszava» (до лета 1948 г. органа СДП). Агентура КГБ зафиксировала в конце июля произнесенные им слова о необходимости дальнейшего давления на руководство ВПТ в целях новых уступок в пользу бывших социал-демократов¹⁸. Бывшего председателя СДП, президента Венгрии в 1948 – 1949 гг. А.Сакашича предполагалось привлечь к работе по линии Отечественного народного фронта (как и другого бывшего президента страны, лидера партии мелких хозяев З.Тилди)¹⁹. Важно отметить, однако, что состоявшаяся в 1956 г. реабилитация левой социал-демократии, выступавшей до 1948 г. за союз с ВКП, совершенно не распространялась на правое крыло партии, отстаивавшее до объединительного съезда самостоятельную социал-демократическую платформу и принципиально дистанцировавшееся от коммунистов. Между тем, правые социал-демократы также то и дело заявляли о себе. Согласно донесениям КГБ, июльский пленум был расценен ими как свидетельство провала многолетней политики коммунистов, вынуждающего их идти на серьезные уступки. В неформальных разговорах высказывались мнения о постановке на повестку дня новой сверхзадачи – восстановления самостоятельной социал-демократической партии и формирования коалиционного правительства²⁰. Все более громко и открыто среди бывших социал-демократов звучала критика советской модели как «ненастоящего социализма»²¹.

Решения июльского пленума имели определенный отклик и на селе. Как говорил в середине августа Андропову председатель Совета Министров ВНР А.Хегедюш, «враждебные элементы» пытались «распространять провокационные слухи о том, что после ухода т. Ракоши из руководства партии проведение работы по кооперированию будет приостановлено, а созданные кооперативы будут распущены»²². В силу этого, по его мнению, центр тяжести в борьбе за укрепление социализма в Венгрии должен переместиться именно на вопросы производственного кооперирования сельского хозяйства. Крестьян, естественно, в первую очередь заботила намеченная пленумом программа дальнейших преобразований в аграрной сфере. Среди постановлений пленума были опубликованы плановые показатели по проведению кооперирования в годы второй пятилетки. В соответствии с планом предполагалось, что к 1960 г. около 60% мелких сельских собственников станут членами производственных

кооперативов. Обнародование цифр, предрекавших судьбу сотен тысяч крестьян, вызвало крайне негативную реакцию в деревне, на что обратил внимание и Андропов, в своей записке Президиуму ЦК КПСС о внутривнутриполитическом положении в Венгрии от 29 августа расценивший этот шаг как серьезную тактическую ошибку, способную лишь усилить антикооперативные настроения²³. О заметном росте таких настроений с озабоченностью говорили советским дипломатам многие функционеры ВПТ²⁴. В западных областях Венгрии, где нарушения принципа добровольности при создании кооперативов в прежние годы приобрели особый размах, выход крестьян из сельхозартелей принял массовый характер. В ряде мест произошли нападения крестьян на партийных активистов, проявлявших чрезмерное усердие при проведении коллективизации. Осуществлять намеченные планы «социалистического переустройства» села было тем более трудно, что в самом партийном руководстве существовали принципиальные разногласия в вопросах аграрной политики. Так, З.Ваш, ссылаясь на югославский опыт, предлагал отказаться от масштабной коллективизации, сделать упор на мелкого собственника.

Антикооперативные выступления крестьян находили действенную поддержку со стороны церкви, заметно активизировавшей летом 1956 г. свою деятельность. Встречаясь с советскими дипломатами, работники ВПТ говорили им о переполненных церквях, о том, что священники (как католические, так и протестантские²⁵) стали смелее выступать с критикой в адрес властей²⁶. Уроки закона божьего к этому времени посещало 30–40% детей, в том числе дети членов партии. Представители церкви обращались к государству с требованием увеличить тиражи церковных газет, разрешить создание юношеских организаций. Не дожидаясь позволения властей, церковные круги создавали для молодежи спортивные секции, для женщин курсы шитья и т.д., привлекавшие немалое количество участников. В г. Эгере, одном из католических центров Венгрии, широко было отмечено столетие местной базилики — после 1948 г. страна не видела многотысячных религиозных шествий. Заметным было участие церкви и в прошедших в августе 1956 г. торжествах по случаю 400-летия белградской победы венгров над турецким войском. Формальный (санкционированный Ватиканом) глава венгерской католической церкви кардинал Миндсенти, в 1949 г. приговоренный к пожизненному заключению, в 1955 г. был переведен под домашний арест. Если Миндсенти продолжал занимать непримиримые позиции, то другой подвергавшийся репрессиям церковный иерарх, епископ И.Грес (с весны 1956 г. руководивший католической церковью Венгрии) выразил готовность к компромиссу с властями, рассчитывая на ослабление преследований церкви.

Главную заботу партийного руководства в конце лета — начале осени 1956 г. вызывали, однако, не активизация церкви и даже не ставшие более открытыми антикооперативные выступления среди крестьян, а настроения интеллигенции, которая в месяцы, предшествовавшие пленуму, задавала тон в общественной жизни. В августе было принято постановление ЦК ВПТ «О некоторых вопросах нашей политики в отношении интеллигенции». Важный акцент в нем делался на происходящем по мере строительства социализма стирании различий между лояльной режиму старой «буржуазной» интеллигенцией и новой, рабоче-крестьянской. Те, кто добросовестно работают на благо социализма, отмечалось в постановлении, не могут подвергаться дискриминации на основании

социального происхождения²⁷. Помимо всего прочего постановление предусматривало повышение зарплаты некоторым категориям работников умственного труда, среди которых с весны 1956 г. особенно заметно проявлялось недовольство. Близкий И.Надю журналист Г.Лошонци, комментируя постановление об интеллигенции на страницах газеты «Művelt nép» 2 сентября, писал о нем как о свидетельстве «более здорового духа, проникающего в нашу политику», ранее носившую подчеркнута антиинтеллигентский характер: «На семинарах учили, что все заговорщики были интеллигентами, ненавидевшими рабочих и крестьян, противниками политики рабочих кадров и т.д. и т.п... Сколько представителей интеллигенции было совершенно необоснованно исключено из партии, сколько лиц было оскорблено произволом, самодурством, бесчеловечностью»²⁸. Но о реальных плодах нового курса, продолжал он, можно будет говорить лишь тогда, когда интеллигенция на собственной судьбе почувствует улучшение положения. Для этого среди прочего необходимо было, по мнению Лошонци, публично пересмотреть ранее принятые документы, несовместимые с постановлением (в частности, те, где были подвергнуты несправедливой критике некоторые явления литературной жизни).

Демонстрируя свое стремление к сближению с интеллигенцией, партийные органы несомненно рассчитывали на ее умиротворение. Эти ожидания, однако, не оправдались. Принятое постановление, как показали события последующих недель, не снизило оппозиционный накал в среде интеллигенции и в то же время вызвало весьма неоднозначную реакцию пролетариата, так же не удовлетворенного своим материальным положением и ждавшего аналогичных мер по его улучшению.

В первой половине сентября все больше признаков свидетельствовало об исчерпании даже того совсем небольшого кредита доверия, который сложился в венгерском обществе под влиянием решений пленума. После месячного затишья стал намечаться новый подъем выступлений с требованиями демократизации. Вновь, как и ранее, в эпицентре борьбы за реформы оказалась творческая и гуманитарная интеллигенция Будапешта. При всей половинчатости принятых мер июльский пленум все же способствовал некоторому ослаблению партийного диктата в области культуры и массовой информации. С разрешения властей возобновляет работу Кружок Петефи²⁹. Осенью на его заседаниях обсуждались проблемы педагогики, экономических реформ и т.д. Кружки по тому же образцу возникают в ряде провинциальных городов. Отменяется запрет на постановку некоторых пьес. Выходят книги, долгое время лежавшие без движения в издательствах. Начинается подготовительная работа по созданию ряда новых периодических изданий литературного и гуманитарного профиля.

В центре общественного внимания оказывается пресса, публиковавшая острые материалы по самому широкому кругу проблем, которые прежде упорно замалчивались (от привилегий партноменклатуры до нелегкого положения венгров в Трансильвании). Возобновивший критику ретроградных сил в ВПТ литературный еженедельник «Irodalmi Újság» за считанные недели увеличил тираж с 8 до 30 тыс. экземпляров. Большой резонанс вызывали также публикации в газетах «Esti Budapest», «Magyar Nemzet», «Szabad Ifjúság», «Hetfői hírlap». К разрыву со старыми методами, отказу от сталинской политической практики все чаще призывал и центральный партийный орган «Szabad Nép». Считая отставку Ракоши лишь первым шагом на пути демократизации, радикально настроенные

публицисты (Д.Хай, Г.Лошонци и др.) хорошо осознавали, что кадровые изменения на вершине пирамиды власти, как и некоторые послабления интеллигенции, направлены прежде всего на нейтрализацию оппозиции и носят тактический, а не принципиальный характер. Главным тормозом на пути обновления им представлялись уже не отдельные лица, а вся антидемократическая система.

Проблему свободы печати затронул 8 сентября на страницах «Irodalmi Újság» Д.Хай. Для литераторов, отмечал он, «не должно быть запретов ни в чем, кроме того, что запрещено законом для всего общества... И, напротив, писателю, как и всем смертным, должно быть позволено без ограничений говорить правду; критиковать всех и вся..., верить в Бога, не верить в него; сомневаться в правильности плановых показателей; думать не по-марксистски..., считать несправедливым то, что официально, быть может, считается справедливым; не любить отдельных руководителей; изображать недостатки, не предлагая при этом рецептов их устранения..., использовать непривычный стиль..., называть никудышними произведения, которые некоторыми авторитетами выдаются за образцовые; высказывать определенные литературные мнения, чихать на определенные литературные мнения и т.д. и т.п... Вот свобода, за которую нам, писателям, нужно стоять до конца». В статье открыто поднимался вопрос о противоестественности существования в демократическом обществе учреждений, специально созданных для контроля за мыслью. «Ослабленная узда — это еще не свобода... Всякий открытый или завуалированный, прямой или косвенный надзор за выпуском книг, спектаклями, всякую цензуру нужно упразднить государственным актом... Пока этого не произойдет, мы не можем говорить о свободе литературы, а можем говорить, самое большее, лишь о временном, в любую минуту могущем быть опять ликвидированным либерализме». Не предварительная цензура должна определять, что можно и что нельзя публиковать в прессе, а сами редакторы, на которых тем самым будет возложена гораздо большая ответственность.

Г.Лошонци на страницах газеты «Művelt per» 2 сентября писал, что «роковая пропасть между словами и делами» начнет исчезать лишь с принятием конкретных, далеко идущих решений, направленных на улучшение положения трудящихся. Для укрепления веры народа в решимость партийного руководства к подлинному обновлению курса публицист среди прочего считал необходимым сделать выводы в отношении лиц, которые своей «сектантской ослепленностью, нетерпением и упрямой бесчеловечностью нанесли людям трудно заживаемые раны, но несмотря на это продолжают находиться на руководящих постах». Лошонци вторил писатель Л. Коня в газете «Irodalmi Újság» 22 сентября: «Я до тех пор буду сомневаться в том, что законность укрепляется не на словах, а на деле, пока высший страж ее, государственный прокурор, официально не возбудит обвинений против всех тех, кто отнимал свободу и жизнь у невинных людей, незаконно мучил и пытал их». Долгие годы, проведенные в хортистской тюрьме, не могут стать охранной грамотой и для Ракоши, совершившего тяжкие преступления перед народом.

Как явствует из многих записей бесед советских дипломатов с венгерскими гражданами за сентябрь 1956 г., подобные статьи широко обсуждались в венгерском обществе, особенно в кругах интеллигенции и студенчества³⁰.

С конца августа в среде интеллигенции ширилась кампания с требованием отмены ноябрьского 1955 г. и июньского 1956 г. решений ЦР (о «правых явлениях» в литературной жизни, о Кружке Петефи), восстановления в партии и на ответственных должностях в органах прессы ряда литераторов и журналистов, ранее подвергнутых гонениям. Вопрос этот стоял настолько остро, что становился предметом обсуждений на Политбюро³¹. Часть партаппарата, включая Я.Кадара и некоторых других членов Политбюро, склонялась к компромиссу. Зав. отделом культуры ЦР ВПТ Д.Каллаи (ветеран подпольного коммунистического движения, как и Кадар, прошедший через репрессии) говорил 14 августа советскому дипломату о поспешности исключения из партии не только И.Надя, но и Т.Дери, которого венгерские трудящиеся «уважают и ценят за его писательский талант и считают его во всяком случае не врагом народной демократии»³². Существовало и прямо противоположное мнение. Так, влиятельный член Политбюро И.Ковач выступал за сохранение жесткого подхода к оппонентам, предостерегая своих соратников от проявлений беспринципных уступок и «капитулянтства»³³.

Линия июльского пленума, предусматривая коррективы экономической политики и совершенствование системы «приводных ремней» в целях расширения социальной базы власти (что включало в себя повышение роли Госсобраний и местных советов, назначения на ответственные должности бывших социал-демократов, активизацию ОНФ и др. меры), вместе с тем не предполагала послаблений в идеологической сфере. Дозированные уступки не исключались, но лишь при условии абсолютного контроля, за деятельностью средств массовой информации, культурных институтов. Характерно, что еще 13 июля в ходе беседы Микояна с членами Политбюро было признано необходимым «подготовить в ближайшие дни и осуществить практический план нанесения удара по антипартийным, враждебным группировкам и разгрома образовавшихся центров их деятельности». Для этого предполагалось, в частности, «отстранить с поста тех редакторов газет, руководителей радио, которые отказываются проводить линию ЦК, с привлечением их к партийной ответственности», «провести мероприятия по очищению аппарата ЦК от лиц, которые не согласны с линией ЦК и ведут с ней борьбу»³⁴. Осуществить на практике подобный курс было, однако, очень трудно, так как в условиях широко развернувшегося общественного подъема он неминуемо вел бы к дальнейшему усилению открытых оппозиционных выступлений, еще большему падению престижа власти, в чем правительство при остром дефиците народного доверия было крайне незаинтересовано³⁵. Приходилось волей-неволей идти на уступки.

16 сентября «Szabad Nép» опубликовала сообщение о снятии партийных взысканий с ряда писателей и журналистов (Д.Хая, З.Зелка, Т.Ацела и др.)-Т.Дери, получивший уведомление о благосклонном отношении партийного руководства к пересмотру его партийного дела, отказался написать заявление с просьбой о восстановлении в ВПТ, не желая в сложившейся политической обстановке связывать себя партийной дисциплиной.

Внимательно наблюдая за развитием событий в Венгрии, Андропов весьма критически отнесся к тактике умиротворения. Хотя внутривластная обстановка стала менее напряженной, но все-таки продолжает оставаться довольно сложной и требует к себе пристального внимания, писал он в Президиум ЦК КПСС 29 августа³⁶. Тревогу посла вызывало то, что выполнение обещаний, данных на пленуме, «наши друзья не сочетают с проведением твердой политики,

обеспечивающей укрепление власти в стране, они очень нерешительно используют власть даже в таких случаях, где это совершенно необходимо». Пользуясь нерешительностью руководства, «враждебные элементы», поначалу потерявшие почву под ногами, инспирируют все новые требования. Линия на умиротворение, по мнению Андропова, «в течение некоторого времени действительно позволит нашим друзьям избежать столкновений с оппозиционными элементами, но в своей основе она является неправильной и опасной, поскольку она может привести венгерских товарищей к сползанию с позиций марксизма-ленинизма». В сложившихся условиях, напротив, «было бы особенно важным продемонстрировать твердость партийной линии, крепость государственной власти»³⁷. Крайне жесткая позиция посла строилась на явных противоречиях. Андропов был недалек от истины, когда замечал, что отсутствие должного авторитета партии и власти в обществе — одна из основных причин неуверенности и непоследовательности «венгерских товарищей». Между тем, ужесточение политики никак не могло вести к повышению авторитета. К осени 1956 г. руководство ВПТ оказалось в ситуации, когда в одинаковой мере пагубной для нее была любая из альтернатив — идти на новые уступки, упуская власть из рук, и завинчивать гайки, еще более усиливая напряженность в обществе. У первого секретаря обкома ВПТ области Комаром, беседовавшего с советским дипломатом 13 сентября, уже были все основания констатировать: обстановка в стране стала настолько напряженной, что уже не отличается от той, что была до пленума³⁸.

Круг общения сотрудников посольства СССР, как и весной, как правило ограничивался противниками реформ; которые, опасаясь за собственное положение, оценивали происходящее все более панически. Критика Политбюро за нерешительность и уступчивость, становившаяся главным лейтмотивом в ходе бесед, обычно находила понимание Андропова и его подчиненных³⁹. Особую обеспокоенность советского посольства вызвали острые публикации в венгерской прессе. На основании своего анализа обстановки Андропов делал вывод, что «командные высоты» на идеологическом фронте постепенно переходят в руки «правых сил», связанных между собой не только идейно, но и организационно, стремящихся к созданию «второго идеологического центра». Опубликование статьи Д.Хая с требованием предоставления «полной свободы» литературе «показывает, насколько далеко зашли венгерские писатели в своих выступлениях против партийного руководства и насколько ЦК ВПТ выпустило из своих рук дело руководства литературой», отмечалось в записке МИД СССР от 28 сентября, составленной на основании донесений посольства СССР в Венгрии и адресованной в ЦК КПСС М.А.Суслову⁴⁰.

Кульминационным моментом в деятельности «литературной оппозиции» явился состоявшийся 17 сентября съезд венгерских писателей. Впервые за много лет на нем свободно, без заранее одобренных свыше списков, было избрано руководство творческого союза, большинство в котором теперь стало принадлежать сторонникам демократизации. Хотя в выступлениях на съезде затрагивались и специфические проблемы художественного творчества, ведущей темой обсуждения были все же вопросы актуальной политики. Требования отменить партийные взыскания, вынесенные участникам оппозиционных выступлений, вернуть в руководство партии и в правительство Имре Надя, гарантировать демократические свободы звучали из уст многих ораторов. «Мы, венгерские писатели, вне зависимости от различия наших партийных и философских

позиций заключаем между собой священный союз в борьбе за право говорить правду», — говорил Д.Хай⁴¹.

Вопреки той версии происходивших в Венгрии событий, которая излагалась в посольских донесениях, в рядах «литературной оппозиции» тон задавали отнюдь не противники социализма, а убежденные коммунисты. «Разумеется, я не собираюсь отказываться от своих принципов, от тех убеждений, которые в юности привели меня в рабочее движение. Сегодня я знаю, что этим принципам... я изменил тогда, когда вместе с другими поверил, что правому делу можно служить, отвлекаясь от гуманизма, от нравственности, от национальных ценностей» — говорил с трибуны писательского съезда поэт З.Зелк⁴². Забегая немного вперед, отметим, что основные деятели «писательской оппозиции», включая Т.Дери, Д.Хая, З.Зелка, после подавления восстания понесли наказание по обвинению в подрывной антигосударственной деятельности, идейной подготовке «контрреволюционного путча». Действительно заметная роль писателей и публицистов в общественно-политической жизни Венгрии накануне октябрьских событий способствовала впоследствии формированию мифа, согласно которому вооруженное восстание 23 октября явилось, в первую очередь, результатом подстрекательства узкой группы интеллигенции. Этот миф определял и сознание Н.С.Хрущева. Когда 22 октября состоявшееся в Центральном Доме литераторов в Москве обсуждение романа В.Дудинцева «Не хлебом единым» вылилось в критические выступления ряда писателей против идейного наследия сталинской эпохи, а на следующий день из Будапешта пришли сообщения о многотысячных митингах, перерастающих в вооруженные столкновения, разгневанный Хрущев в промежутке между почти не прекращавшимися в те дни заседаниями Президиума ЦК вызвал к себе руководителей Союза писателей и, устроив им головомойку, кричал о международном заговоре писателей против социализма⁴³.

В числе проблем, занимавших в начале осени 1956 г. не только «литературную оппозицию», но всех сторонников перемен, был вопрос о последовательном доведении до логического завершения процесса реабилитации. Под давлением общественности партийное руководство было вынуждено дать согласие на перезахоронение останков Ласло Райка и его товарищей. Этому акту, запланированному на 6 октября, массовое сознание придавало символическое значение как свидетельству полного разрыва со сталинским наследием.

2. Октябрь 1956 г. Дальнейшее обострение кризиса

Вопрос о пересмотре «дела Райка» впервые открыто поставил весной 1955 г. журналист М.Гимеш, за свою неслыханную по тем временам дерзость исключенный из партии. Ситуация изменилась лишь после поездки Н.С.Хрущева в Белград в конце мая — начале июня 1955 г. и принесенных им от имени руководства СССР извинений за «ошибки», повлиявшие на ухудшение советско-югославских отношений. В июле 1955 г. И.Броз Тито выступил с резким заявлением в адрес венгерских лидеров, настаивая на внесении ясности в «дело Райка». Ракоши в ответ 8 августа 1955 г. на митинге перед рабочими Чепельского комбината был вынужден назвать несостоятельными прозвучавшие на «процессе Райка» обвинения против Югославии, однако признание полной невиновности самого Райка и осужденных вместе с ним коммунистов заставило ждать себя до весны 1956 г., когда Верховный суд Венгрии провел официальную реабилитацию¹.

Вопрос о торжественном перезахоронении Л. Райка был публично инициирован летом 1956 г. его вдовой Ю.Райк. 10 августа 1956 г., уже после отстранения Ракоши от должности, секретарь ЦР ВПТ Д.Эгри говорил советнику посольства СССР В.Астафьеву: «Несколько подогревает страсти всякого рода оппозиционных и недовольных элементов поведение вдовы Райка, которая по-прежнему требует наказания виновных за гибель мужа и организации его публичных похорон, ссылаясь при этом на обещание, данное ей т. Ракоши о возможности устройства таких похорон в ближайшем будущем. Однако это не представляется возможным, во-первых, по политическим соображениям, а, во-вторых, и потому, что труп Райка сейчас разыскать невозможно»². В последующие недели давление снизу настолько усилилось, что вопрос пришлось пересмотреть. Смогли найти и останки казненных в 1949 г. коммунистов. Состоявшееся 6 октября перезахоронение Л.Райка и осужденных вместе с ним деятелей партии стало прологом венгерской революции.

Моросивший весь день дождь не помешал многим тысячам жителей Будапешта и провинции прийти в субботу 6 октября на Керепешское кладбище в центре города, где состоялось торжественное перезахоронение жертв ракошизма. Сам выбор даты имел символическое значение — 6 октября 1849 г. в тран-сильванском городе Араде австрийские власти казнили 13 генералов венгерской революционной армии, потерпевшей поражение в национально-освободительной борьбе. Публицистика конца сентября — начала октября 1956 г. хорошо передает нравственное состояние значительной части венгерского общества. «Мы вдруг поняли, — писал от имени своего поколения коммунистической интеллигенции молодой литератор О.Майор, — что служили преступным политическим замыслам и были орудием клеветы и обмана. Нас, конечно, обманывали, но это не уменьшает всей тяжести нашей личной ответственности. У некоторых это вызвало нервный шок. Другие... приходили в ярость или впадали в самое мрачное отчаяние... Именно этот кризис привел к моральному сплочению писателей, в основе которого было торжественное обещание никогда впредь не лгать и никогда не служить бесчеловечному делу»³.

Состоявшийся 6 октября траурный митинг, а затем и массовое шествие под лозунгами обновления социализма явились важным психологическим рубежом — десятки тысяч людей впервые вышли на улицы, почувствовав в себе достаточно внутренних сил для открытого противостояния диктатуре. Значение этого события не укрылось и от советского посольства. После гигантской массовой манифестации «было очевидно, что решающая схватка не за горами и что вопросы будут решаться теперь не в кабинетах, а на улицах», — вспоминает В.А.Крючков, в то время секретарь посольства СССР⁴.

Осознав, насколько накалилась атмосфера в венгерском обществе, власти были вынуждены пойти на новые уступки. 13 октября в Будапеште состоялась еще одна церемония, также ставившая со всей остротой вопрос об ответственности правящей верхушки за вопиющие нарушения законности — земле торжественно был предан прах бывшего начальника генерального штаба Л.Шойома и нескольких казненных вместе с ним в 1950 г. генералов. Накануне, 12 октября, под давлением общественного мнения был арестован один из главных виновников беззаконий М.Фаркаш⁵.

Все более взрывоопасная обстановка в обществе делала невозможным дальнейшее промедление с решением «проблемы Имре Надя». Восстановление 13

октября в рядах ВСРП опального премьера без какой-либо самокритики с его стороны было явным компромиссом руководства ВПТ в пользу внутрипартийной оппозиции.

Слухи о скором восстановлении И.Надя в партии широко циркулировали в Будапеште еще до июльского пленума. А.Хегедюш, встречаясь с Андроповым 26 июня, говорил о том, что часть сторонников бывшего премьера связывала с состоявшимся приездом М.Суслова в Венгрию (7–14 июня) свои надежды на политическую реабилитацию И.Надя и назначение его на какой-либо ответственный пост⁶. Власть опровергла эти ожидания решениями пленума 30 июня с осуждением Кружка Петефи. Ответственность за новые «вылазки» оппозиции была тогда вопреки реальным фактам возложена именно на окружение И.Надя. Отставной премьер-министр попытался опротестовать несостоятельные обвинения. В письме от 1 июля, адресованном в ЦР ВПТ, он осудил своих оппонентов, по его мнению, стремившихся доказать собственную правоту "самыми примитивными сталинскими методами: не в открытой дискуссии, но с помощью политической компрометации, ложных обвинений». Главное препятствие на пути решения партией насущных проблем Надь видел не в «заблуждениях», возникающих в ходе дискуссий, а в «отчетливо проявляющемся сопротивлении реализации принципов XX съезда». Он выразил сожаление, что некоторые люди в партийном руководстве «воспользовались тяжелыми познаньскими событиями как предлогом для растаптывания демократии»⁷. Через несколько недель, уже после июльского пленума, И.Надь в другом письме высказал возражения в связи с неадекватным отображением своей позиции на страницах теоретического журнала партии «Társadalmi Szemle»⁸.

Вопреки нежеланию даже наиболее «либеральной» части партаппарата выносить внутрипартийные проблемы на всеобщее обсуждение, вопрос об Имре Наде, возможностях его новой политической активизации находился в центре общественного внимания на протяжении всего лета – ранней осени 1956 г. Имя этого деятеля ассоциировалось с более либеральной политикой, надеждами на обновление и реформы, поэтому представители самых разных слоев населения так хотели его возвращения в руководство. Литературовед И.Кирай говорил 12 июля советскому дипломату В.Крючкову о том, что многие венгры считают именно И.Надя «подлинным выразителем чаяний народа», при этом, что было характерно для настроений в венгерском обществе, проводят параллели с Тито, поскольку именно в СКЮ «видят блестящий пример партии, смело отстаивающей национальные интересы своего народа»⁹. О том, насколько в течение ряда месяцев проблема И.Надя занимала официальную Москву, можно судить даже по сугубо формальному признаку: о позиции бывшего премьер-министра и его отношениях с партией, а также о возлагавшихся на него в различных кругах надеждах речь заходила едва ли не в каждом дипломатическом донесении посольства СССР за июль – первую половину октября 1956 г., а также в отчетах Суслова и Микояна из Венгрии¹⁰.

Крестьяне-единоличники, откровенно говорилось в посольском донесении от 18 сентября, «связывают с Надем свои надежды на проведение политики снижения и отмены заготовок, свертывания производственно-кооперативного движения»¹¹. Член Политбюро, секретарь ЦР ВПТ Б.Салаи 5 сентября в беседе с советником посольства СССР А.Ковалевым также не скрывал, что чаяния основной массы венгерского крестьянства имеют мало общего с воплощением

идеи социалистического кооперирования. Крестьяне ждут, говорил он, что Имре Надь встанет во главе правительства и кооперированию придет конец; особенно велико влияние Надя на середняков¹². То же самое отмечал в одной из бесед и председатель Госплана А.Береи¹³.

Интеллигенция, делая ставку на Имре Надя, рассчитывала на расширение демократических свобод (следует сказать, что к окружению бывшего премьер-министра относился ряд популярных в широких кругах представителей реформаторски настроенной коммунистической интеллигенции — журналисты Г.Лошонци и М.Вашархейи, экономист Ф.Донат и др.)¹⁴. «Ритуальная» критика Имре Надя на заводских партийных собраниях вызывала все более явное раздражение и со стороны будапештских рабочих. В письме чепельского рабочего, опубликованном на страницах газеты Союза писателей «Irodalmi újság» 13 октября, «новый курс» И.Надя, провозглашенный в 1953 г., был назван «оазисом в пустыне безумной сталинской политики», тогда как мартовское постановление 1955 г. об отстранении И.Надя, как отмечалось, «помяло слабые побеги веры в демократический дух»¹⁵.

В связи с немалой популярностью И.Надя и повышением роли общественного мнения во внутривластной жизни, со «строптивым» политиком приходилось считаться. Привычные методы компрометации уже не работали, надо было искать более тонкие способы нейтрализации его влияния. Так возникла идея «приручения» Надя, причем некоторая ставка делалась и на «большевистскую» сознательность этого человека, без малого 40 лет состоявшего в компартии.

В июле на Имре Надя попытка повлиять встречавшийся с ним за закрытыми дверями А.И.Микоян. Согласно более поздним, августовским сообщениям Андропова, И.Надь широко распространялся об этой особо секретной по изначальному замыслу встрече, пытаясь изобразить ее как «изменение отношения со стороны руководителей КПСС к нему, как полную его реабилитацию» и желание видеть его в центральных органах партии. Даже некоторые члены Политбюро ЦК ВПТ, судя по информации посольства, верили в это¹⁶. Впрочем, и в самом советском посольстве ходили слухи о том, что Микоян вселил в Надя уверенность в скором восстановлении в партии. «Как мне рассказывали, беседа Микояна с Надем носила характер глубокого зондажа и завершилась обоюдным выводом о целесообразности взаимного сотрудничества», — вспоминает Крючков¹⁷. Согласно его позднейшей версии, Микоян «верил» Надю и связывал именно с ним надежды на политическую стабилизацию в Венгрии¹⁸.

Как бы там ни было, проходивший с участием Микояна июльский пленум вопреки некоторым ожиданиям не поставил точки в деле И.Надя. И какова бы ни была реальная позиция Микояна в этом вопросе, на встрече с лидерами ВПТ 13 июля он, выступая от имени всего кремлевского руководства, обозначил мнение, едва ли дающее простор толкованию, предложенному Крючковым: мы «считали и считаем ошибкой исключение из партии Надя Имре, хотя он своим поведением этого заслужил. Если бы Надь остался в рядах партии, он был бы обязан подчиняться партийной дисциплине и выполнять волю партии. Исключив его из ВПТ, товарищи сами себе затруднили борьбу с ним. Следовало бы откровенно заявить Надю, что, борясь с партией, он закрывает себе возможность вернуться в ее ряды. Путь борьбы с партией — это путь, который неизбежно ведет его в тюрьму. Наоборот, если он изменит свое поведение, то он может рассчитывать на восстановление его в рядах партии»¹⁹.

С конца июля представители венгерского партийно-государственного руководства несколько раз встречались с И.Надем и в ходе бесед пытались убедить его в необходимости выступить публично с критикой своих «правых» ошибок, после чего он сможет вернуться в партию без ущерба для ее авторитета²⁰. Однако Надь, чувствуя прочную опору в общественном мнении, не выражал никакого желания следовать навязываемой ему логике действий и возвращаться в партию на условиях признания собственной неправоты в интересах очередного публичного покаяния во имя непогрешимости партии. В письмах партийному руководству, а также в ходе встреч с представителями ЦР он предлагал вынести свою деятельность во главе правительства в 1953 – 1955 гг. на внутривнутрипартийную дискуссию, призванную определить: содержались ли в его «новом курсе» элементы «правого уклона» или же XX съезд КПСС полностью доказал его правоту²¹. Несомненно, Имре Надю не могло не окрылять развитие событий в Польше, где в соответствии с решениями состоявшегося 18 – 28 июля VII пленума ЦК ПОРП в начале августа было официально объявлено о полной политической реабилитации и восстановлении в партии В.Гомулки, который в конце 1940-х гг. был обвинен в «правонационалистическом уклонизме», а в 1951 г. взят под стражу и до конца 1954 г. находился под домашним арестом. Как и лидеры ВПТ, советское посольство в лице Андропова видело в упорстве бывшего венгерского премьера покушение на «святая святых» большевистской этики – единство партии, о чем с тревогой информировало Москву²². Уступка Имре Надю считалась в высших партийных органах невозможной, так как могла бы повлечь за собой серьезное усиление «правых настроений» и фракционных тенденций в партии²³. С другой стороны, трудно было и отмахнуться от «проблемы И.Надя», пустив ее решение на самотек: слишком велико было давление низовых партийных организаций, особенно интеллигентских²⁴. Сам И.Надь, упорно настаивавший на собственной правоте, также в свою очередь ссылался на единство партии, но трактовал его несколько по-иному. «В то время, когда новые и великие проблемы, возникшие после июльских решений 1956 г., настоятельно требуют принципиального, политического и организационного единства рядов партии, – писал он в своем обращении в ЦР ВПТ от 4 октября, – неопределенность моего партийного дела и все увеличивающаяся вокруг него неясность осложняют единство действий в партии и разделяют ее ряды»²⁵. Хотя в принятом 13 октября на Политбюро и опубликованном на следующий день в прессе решении о восстановлении И.Надя в партии и отмечалось, что он допускал «политические ошибки», сам факт отмены декабрьской резолюции 1955 г. о его исключении из рядов ВПТ означал победу бывшего премьер-министра в его длительном противостоянии партийному руководству.

Э.Гере, более месяца отдохнувший в СССР, и Я.Кадар, в сентябре посетивший Китай в качестве главы делегации ВПТ на VIII съезде КПК, а на обратном пути побывавший в Москве²⁶, вернулись в Венгрию 7 октября и могли воочию убедиться, насколько изменилась обстановка за время их отсутствия. Когда 12 октября Гере встретился с Андроповым, у советского посла «создалось впечатление, что он довольно сильно нервничает и растерян». Первый секретарь говорил о том, что положение в стране значительно острее, чем он ожидал: «если 3–4 месяца назад недовольство выражала только интеллигенция, то теперь настроения недовольства начинают довольно широко проникать в среду рабочих, не говоря уже о крестьянстве, которое заметно волнуется, требуя во многих местах

ропуска кооперативов». «Спекулируя на экономических и, главным образом, на политических трудностях, реакция вновь подняла голову, по существу смыкаясь с оппозиционными элементами внутри партии». По мнению первого секретаря, именно «похороны останков Райка нанесли тяжелый ущерб руководству партии, авторитет которого был и без того не очень высоким». Имре Надь, с которым Гере встретился вскоре после возвращения в Венгрию, 9 октября, по-прежнему решительно настаивал на своей правоте, заявляя, «что сама жизнь показала, что по всем спорным вопросам оказался прав он, Надь». Партийный лидер в беседе с советским послом впервые был вынужден признать, что власть постепенно выпадает из рук: «создалась такая обстановка, при которой Политбюро не может в ряде случаев влиять на решение вопросов». Прогнозируя дальнейший ход событий, Гере заметил: «Надо предвидеть, что через некоторое время Надя, вероятно, придется взять в руководство штрии — в ЦК, а, может быть, и в Политбюро, так как нажим в этом направлении очень сильный. Придя же в Политбюро, Надь может оказаться «хозяином положения». Его политика «передышки» в развитии промышленности, мнимый демократизм и антикооперативные настроения довольно популярны в партии, поскольку они означают линию наименьшего сопротивления и не требуют напряжения сил... В случае, если Надь получит возможность осуществить свою политику (а такая опасность в данное время имеется), в Венгрии в ближайшем будущем могут произойти такие изменения, в результате которых ее общественный и государственный строй будут походить на социалистический еще менее, чем это имеет место в Югославии»²⁷. Как видно из записи беседы, ни венгерский коммунистический лидер Гере, ни высокопоставленный советский дипломат Андропов не придавали слишком серьезного значения фразеологии XX съезда КПСС о многообразии путей к социализму. Последний они по-прежнему по сути дела отождествляли с эталонной советской моделью, любые отступления от которой расценивались как проявления антисоциалистической тенденции.

Весьма сдержанно относившийся к югославской модели социализма Гере все же, несмотря на крайне сложную внутривнутриполитическую обстановку в Венгрии, не собирался отказываться от запланированной поездки в Югославию. Приняв решение о визите в Белград, он, несомненно, исходил из того, что готовность к сближению с Тито могла быть позитивно воспринята общественным мнением, записана в актив лично ему и всему руководству²⁸.

Надо сказать, что Тито и его окружение в июле с явным разочарованием отреагировали на избрание Гере первым секретарем ЦР ВПТ и не были склонны форсировать процесс двустороннего сближения²⁹. Газеты «Борба» и «Политика» с немалой долей скептицизма оценивали реформаторский потенциал обновленного венгерского руководства и не скрывали своих симпатий к И.Надю³⁰. В свою очередь представители внутривнутрипартийной оппозиции в ВПТ продолжали пропагандировать в массах югославские образцы, обычно ими идеализировавшиеся. При этом они все более открыто противопоставляли их режиму, сложившемуся в Венгрии, что не могло не вызывать раздражения верхов³¹. Вдобавок югославские дипломаты не упускали случаев вступать в контакты с венгерскими оппозиционерами, жалобы на такого рода их деятельность высказывались едва ли не в каждой беседе высокопоставленных функционеров ВПТ с Андроповым и его подчиненными³².

Таким образом, венгеро-югославские отношения и после июльского пленума не отличались гладкостью. Но поскольку Москва еще не потеряла надежду на более плотное пристегивание Югославии к советскому блоку, что в свою очередь предполагало преодоление трений между ФНРЮ и странами «народной демократии», Хрущев по собственной инициативе взял на себя посредническую миссию. В конце сентября в Крыму состоялась неформальная встреча отдохавших в это время в Советском Союзе И.Броз Тито и Э.Гере, на которой и было принято решение о поездке партийно-правительственной делегации ВНР в Югославию. Этот визит призван был обозначить поворот в венгеро-югославских отношениях. Отъезд представительной делегации ВПТ с участием Э.Гере и Я.Кадача в Белград 15 октября свидетельствовал о том, что хотя и под явным давлением Москвы, но все же ускорился непростой процесс нормализации отношений двух соседних государств.

По итогам состоявшегося 12 октября разговора с Гере, не скрывавшим своей растерянности, Андропов лишь утвердился в прежнем мнении о причинах обострения ситуации. По представлениям посла, продолжавшего придерживаться самой жесткой линии и именно в таком духе формировавшего позицию официальной Москвы, «нерешительность Политбюро и ряд беспринципных уступок, которые оно делало без всякого политического выигрыша, сильно расшатали положение венгерского руководства, а похороны останков Райка еще больше способствовали этому»³³.

Через два дня после беседы Андропова с Гере советского посла посетил по собственной инициативе член ЦР ВПТ З.Ваш. Круг общения сотрудников посольства почти не включал сторонников И.Надь и в этом смысле беседа с Вашем представляет собой одно из немногих исключений. Один из старейших и влиятельнейших членов компартии, бывший член Политбюро, коминтерновец, прошедший 15 лет в хортистских застенках и освобожденный вместе с Ракоши осенью 1940 г., откровенно высказал Андропову свое мнение о бесперспективности и ошибочности советской политики, упорно продолжающей делать ставку на людей, не пользующихся поддержкой в обществе. «Ваш считает, что наступило время, когда член ЦК должен выбирать, с кем ему идти. Лично он, Ваш, решил, что пойдет с Надем», который в самом ближайшем будущем будет возглавлять партию и правительство на том посту, который сам для себя выберет (в окружении бывшего премьер-министра уже всюду обсуждается состав нового партийного руководства, добавил Ваш). Надь, по мнению Ваша, хорошо разбирается в обстановке, имеет ясную программу действий по выведению страны из кризиса и, самое главное, обладает поддержкой народа, без чего невозможна крепкая власть. В беседе с Андроповым Ваш попытался опровергнуть бытовавшее в советском посольстве убеждение о том, что И.Надь якобы «является антисоветски настроенным человеком». В то же время ветеран ВПТ охотно признал, что И.Надь хочет строить социализм по-своему, «по-венгерски, а не по-советски»³⁴. Для Андропова идея построения социализма «по-венгерски» означала (наряду с отходом от образцовой модели) ослабление советского влияния в стране и поэтому была неприемлема в принципе. В телеграмме, направленной в Москву, посол охарактеризовал своего собеседника как человека с «крайне правыми настроениями». Занимая самые жесткие позиции в отношении оппонентов партийного руководства, Андропов, как видно из этого и других его сообщений, вместе с тем достаточно адекватно оценивал остроту ситуации и

прогнозировал дальнейшее развитие событий. «Если наши друзья будут и дальше вести такую же непротивленческую политику, появление Надя Имре, как руководителя партии и страны, представляется делом вполне возможным», — отмечал он 12 октября³⁵, за день до восстановления И.Надя в партии и за одиннадцать дней до начала восстания.

В середине октября в стране сложилась ситуация, когда реформаторски настроенное крыло ВПТ, ощущая за собой поддержку самых широких масс, с каждым днем овладевало новыми и новыми позициями в различных областях общественной жизни, тогда как партийное руководство, не способное проводить реформы сверху, все более и более выпускало из своих рук контроль за ходом событий. Кризис власти приобретал угрожающий характер для тех, кто стоял у руля страны.

В различных провинциальных городах активизировали свою деятельность дискуссионные клубы, созданные по образцу будапештского Кружка Петефи. В городе Дьере на западе страны 16 октября на заседании с участием известного писателя Д.Хая впервые публично прозвучало требование о выводе советских войск из Венгрии. О неправомерности пребывания иностранной армии на территории страны в тот же день говорилось и в г. Сегеде, где митинг студентов городских вузов, собравший 1600 человек, принял решение о восстановлении распущенной в конце 1940-х годов самостоятельной студенческой организации, независимой от официального Союза трудящейся молодежи. Монолитная политическая система, при которой общественные организации были не более, чем «приводными ремнями» правящей партии, дала трещину, тем более серьезную, что речь шла о потере контроля за студенчеством, одной из самых динамичных и политически активных социальных прослоек. Внутрипартийная оппозиция весны-лета 1956 г. со всей очевидностью перерастала в широкое и разнородное демократическое движение, отнюдь не ограниченное рамками ВПТ³⁶. На горизонте уже обозначился вопрос о многопартийности и альтернативных выборах в Госсобрание — 20 октября он в осторожной форме затрагивался на заседании специального комитета Отечественного народного фронта, обсуждавшего планы реформ политической системы общества³⁷.

Программа, утвержденная на сегедском собрании, во многом предвосхищала «16 пунктов», с которыми через неделю, 23 октября, вышли на демонстрацию, положившую начало венгерской революции, студенты Будапешта. Разосланная по всем вузам страны, сегедская программа обсуждалась на многочисленных студенческих митингах 20–22 октября, в дни, когда внимание многих венгров было приковано к событиям в Польше — массовым уличным выступлениям с требованиями демократизации и национального суверенитета, экстренно созванному 19–21 октября VIII пленуму ЦК ПОРП.

Активизация студенческого движения заставила власти незамедлительно отреагировать на некоторые из требований студентов. В пятницу, 19 октября министр образования А.Коня распорядился об отмене обязательного изучения русского языка в венгерских вузах.

Одним из идейных центров оппозиции продолжал оставаться Союз венгерских писателей. 17 октября его партийная организация потребовала от руководства ВПТ созвать внеочередной съезд партии для срочного разрешения назревших проблем.

В середине октября с невиданной после 1948 г. остротой в прессе поднимались проблемы материального положения трудящихся. «На средства, сэкономленные недоеданием рабочих», содержатся многочисленные показательные учреждения, «не делающие абсолютно ничего полезного», говорилось в одной из статей. Андропов, увидев в этой публикации «прямой призыв к выражению недовольства», назвал тон подобных статей, написанных представителями оппозиции, «явно угрожающим», а методы написания «провокационными»³⁸.

К этому времени сторонники И.Надя, отстаивавшие концепцию национального, венгерского пути к социализму, контролировали уже значительную часть средств массовой информации, включая радио. Редактор «Szabad Nép» многоопытный М.Хорват, по донесениям советского посольства, также внутренне поддерживал И.Надя, а решения Политбюро старался выполнять только из чувства дисциплины. В канун восстания член Политбюро Л.Ач жаловался Андропову, что для публикации в центральном органе партии ряда материалов он был вынужден обращаться за «разрешением» к публицистам из окружения Надя Ш.Харасты и Г.Лошонци, не занимавшим важных постов в партийной номенклатуре, но имевшим огромное неформальное влияние. Вопреки противодействию Политбюро редакции центральных газет и Союз венгерских журналистов выразили солидарность с польской «ТгуЫипа Ludu», которая в те дни вступила в открытую полемику с «Правдой», подвергнувшей критике некоторые статьи польской прессы³⁹. О фактах вмешательства СССР во внутренние дела Польши, когда прилетевшая в Варшаву без приглашения делегация КПСС во главе с самим Н.С.Хрущевым попыталась 19 октября воспрепятствовать намеченным кадровым перестановкам на пленуме ЦК ПОРП, сотни тысяч венгров узнали уже не только из зарубежных «голосов», но и из передач собственного радио.

Тезис о «международном империалистическом заговоре», жертвой которого якобы стала Венгрия в октябре 1956 г., долгие годы был общим местом венгерской и советской пропаганды. На самом деле его трактовка была далека от действительности (при том, что нельзя, конечно же, абстрагироваться от реалий «холодной войны» с присущими ей острым противостоянием двух блоков, действиями спецслужб, «психологической войной» и т.д.). Очевидно, что решающую роль в развитии события в Венгрии играли внутренние факторы и прежде всего недовольство населения медленными темпами десталинизации, экономическим положением, отсутствием полного суверенитета своей страны в сложившемся после Второй мировой войны «советском блоке». Труднее ответить на вопрос о том, почему именно 23 октября 1956 г. и почему именно в Венгрии произошло столь мощное народное восстание, потрясшее основы тоталитарной системы. Ведь экономическое положение в Венгрии в 1956 г., хотя и довольно сложное⁴⁰, было благоприятнее, а жизненный уровень населения несравнимо выше, чем в соседней, менее развитой Румынии. Процесс восстановления законности, реабилитации невинно осужденных шел здесь намного быстрее, чем в Чехословакии с ее более зрелым (в чешских землях) гражданским обществом и более развитыми демократическими традициями. К тому же для экономики индустриальной Чехословакии начавшиеся коммунистические реформы и переориентация связей на Восток имели еще более пагубные, чем для венгерской экономики, последствия. Польша обладала уникальным историческим опытом политического и военного противостояния России (а позже СССР), но и в этой

стране массовое антитоталитарное движение 1956 г. под национальными лозунгами уступило в своем размахе венгерскому.

Ключ к ответу на поставленный вопрос нам видится прежде всего в том, что «оттепель», наступившая после смерти Сталина, затронула Венгрию глубже, чем другие страны, здесь был накоплен к осени 1956 г. большой опыт десталинизации. Реформаторские планы И.Надя в бытность его главой правительства в 1953 – 1955 гг. шли гораздо дальше, нежели попытки реформ в СССР и других государствах «советского блока». В Венгрии начиная уже с 1954 г. происходило формирование внутрипартийной оппозиции, последовательно выступавшей с требованиями большей гуманизации существующего строя. К лету 1956 г., когда состоялись основные дискуссии в Кружке Петефи, ее деятельность приобрела несравнимый с другими странами (за исключением Польши) размах. Движение за либерализацию социализма к осени 1956 г. охватило довольно широкие круги интеллигенции, получило поддержку в прессе, распространилось в некоторой мере и на рабочий класс. Если польские трудящиеся пережили в июне 1956 г. шок познаньской расправы, то в Венгрии массовая манифестация 6 октября продемонстрировала ее участникам страх власть имущих и вселила во многие тысячи людей уверенность в возможности открытого протеста.

Сыграл свою роль, безусловно, и еще один, субъективный, фактор – постоянное запаздывание венгерских лидеров с решением назревших проблем. В отличие от В.Гомулки в Польше руководители ВПТ оказались неспособны осуществить тот видимый поворот к утверждению в своей политике национальных приоритетов, который мог бы предотвратить соскальзывание к вооруженной конфронтации.

Однако, как бы ни велики были внутренние факторы, для того, чтобы в полной мере понять те мотивы, которые днем 23 октября вывели на улицы сотни тысяч жителей венгерской столицы, необходимо принимать во внимание и импульсы, исходившие извне. Важнейшую роль здесь сыграл, безусловно, польский фактор.

Борьба за демократизацию социализма и политические реформы к середине октября достигла в Польше своего апогея; проходившие в стране массовые митинги постоянно грозили выйти из-под контроля. На 19 октября было назначено открытие VIII пленума ЦК ПОРП. Опасаясь радикальных перемен и прежде всего удаления из руководства ПОРП деятелей четко выраженной просоветской ориентации (маршала К.Рокоссовского и др.), Москва прибегла к политике силового давления на Варшаву. 18 октября были приведены в боевую готовность советские войска, дислоцированные в Польше, а также Балтийский военный флот и ряд соединений Прибалтийского военного округа. 19 октября советская танковая дивизия, получив приказ, двинулась в направлении Варшавы. Хотя на многих ключевых позициях в Войске Польском (начиная с должности министра обороны) находились советские офицеры, система контроля Москвы за польской армией дала сбой: ряд вооруженных частей (прежде всего внутренних войск МВД, где иностранных советников было меньше) начал подготовку к отражению наступления советских войск. Возникла реальная угроза вооруженного конфликта между странами-союзницами по Варшавскому пакту, грозившая (учитывая численность и боеспособность Войска Польского, а также настроения в польском обществе) самыми непредсказуемыми последствиями. В

этих условиях в Варшаву к началу пленума неожиданно прибыла делегация КПСС в составе членов Президиума ЦК Н.С.Хрущева, Л.М.Кагановича, А.И.Микояна и В.М.Молотова и главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского договора маршала И.С.Конева. Непрошенным гостям пришлось выдержать продолжавшиеся всю ночь в Бельведерском дворце жаркие споры и вернуться 20 октября в Москву, не достигнув цели, — главные требования внутрипартийной оппозиции, касающиеся кадровых изменений в руководстве ПОРП, были выполнены несмотря на упорное противодействие делегации КПСС. Первым секретарем ЦК ПОРП был избран В.Гомулка, с трибуны пленума поставивший вопрос о пересмотре польско-советских отношений на основе равноправия⁴¹. Опасения военного конфликта заставили Хрущева еще 19 октября дать приказ о приостановке продвижения войск, хотя вопрос о возможном советском военном вмешательстве в Польшу еще в течение нескольких дней оставался открытым.

Решительные действия Гомулки и его сторонников, пришедших к руководству ПОРП на волне народного подъема, несколько разрядили обстановку, нейтрализовали грозившие обернуться мощным взрывом антикоммунистические настроения в Польше, поскольку конфликт разрешился триумфом польской нации на новом витке исторического спора с Россией. «В первый раз со времени своего возникновения польский коммунизм освободился от обвинений в том, что является российской марионеткой, обреченной на вечный и непримиримый конфликт с польскими национальными устремлениями... В первый раз за свою долгую, переменчивую и трагическую карьеру польский коммунизм взял на себя роль выразителя национальных устремлений к независимости и свободе», — писал в те дни на страницах журнала «Scotsman» уроженец Польши, выдающийся британский левый политолог Исаак Дойчер⁴².

Вести о событиях в Польше, заставшие Гере в Югославии, привели его «в заметное волнение, да и мы, остальные, пребывали в полной неопределенности относительно того, что нас ожидает дома, — вспоминал впоследствии А.Хегедюш. — Аналогия с Гомулкой создавала новое, благоприятное положение для Имре Надя и могла опрокинуть заключенные с ним не слишком твердые договоренности»⁴³. Стало очевидным, что возвращение И.Надя на политический олимп — дело самых ближайших дней. Среди членов ЦР уже вовсю обсуждались грядущие кадровые перестановки — назначение И.Надя премьер-министром, кооптация большой группы его сторонников в ЦР на предстоящем внеочередном пленуме, избрание некоторых из них в Политбюро.

В отсутствие Гере, Кадара и Хегедюша, уехавших в Белград, работу Политбюро возглавлял молодой секретарь ЦР Л.Ач. Едва ли не каждый день встречаясь с Андроповым, он признавался, что не видит путей улучшения ситуации. «Касаясь решений последнего заседания ЦК ПОРП, т. Ач сказал, что «польские события» вызывают у венгерского руководства серьезное беспокойство, поскольку эти события могут явиться «плохим примером». В Венгрии в данное время имеются значительные силы, которые могут использовать эти события для того, чтобы вызвать в Венгрии «беспорядки»»⁴⁴. Дабы избежать эксцессов, Политбюро поручило силовым органам принять соответствующие меры. Был разработан план по наведению порядка в Будапеште на случай, если массовые шествия примут неконтролируемый характер. 19 октября министр обороны И.Бата отдал приказ о приведении воинских частей столичного гарнизона в

повышенную боевую готовность⁴⁵. Однако то, что в донесениях Андропова называлось «нездоровыми настроениями», к этому времени в известной мере распространилось и на армейские верхи: многие офицеры и генералы открыто ставили под сомнение правомерность использования армии для разгона демонстраций. Оказавшись перед лицом возможного неповиновения своих подчиненных, Бата, довольно слабый военный специалист и в силу этого человек весьма непопулярный в офицерской среде, уже на следующий день, дабы не разжигать страсти, отменил свой приказ. В беседе с главным военным советником генерал-лейтенантом М.Ф.Тихоновым он не скрывал, что венгерский генералитет уже приготовился не только к смене правительства, но и к возможным потрясениям. Страна, по мнению Баты, находится «на пороге грозных событий», доносил Андропов в Москву⁴⁶.

Вопреки всем усилиям верхов нейтрализовать влияние из Польши, длительная традиция польско-венгерских связей в освободительной борьбе против экспансий как с Запада, так и с Востока, заработала в те дни в общественном сознании с новой силой. В знак солидарности с происходившей в Польше борьбой за обновление и реформы студенты будапештского строительного-технического университета на собрании, состоявшемся в понедельник 22 октября, выступили с инициативой провести на следующий день массовую демонстрацию под лозунгами демократизации социализма в Венгрии.

3. Начало восстания

Лозунги, с которыми выступили непосредственные организаторы демонстрации, назначенной на вторник, 23 октября, заметно превосходили своим радикализмом те, что звучали в ходе июньских дискуссий Кружка Петефи, сентябрьских выступлений «писательской оппозиции». Назначение И.Надя премьер-министром и созыв внеочередного съезда ВПТ по-прежнему фигурировали в списке требований, но упор в нем теперь уже делался не на внутрипартийные реформы, а на решение общедемократических задач и меры по обеспечению национального суверенитета. Окрыленные первым успехом польских реформаторов, сумевших вопреки давлению Москвы обновить руководство ПОРП, их венгерские единомышленники шли дальше, настаивая на немедленном выводе из Венгрии советских войск, разрешении политических партий и проведении свободных выборов в Национальное собрание на альтернативной основе, что совсем уже не вписывалось в рамки сложившихся во времена Ленина коммунистических идейных парадигм. Ими ставился также вопрос о суде над Ракоши и Фаркашем, ответственными за преступления прошлых лет. Среди прочего в списках студенческих требований¹ значились восстановление национальных символов, отмененных в годы господства коммунистического режима (в первую очередь герба Кошута²), осуществление свободы печати, создание независимой ежедневной газеты как органа образованного в самый канун революции Венгерского Союза студентов, неподконтрольного ВПТ и Союзу трудящейся молодежи.

Лозунги демонстрации под броским заголовком «16 пунктов» вызвали в исторической памяти венгров ассоциации с «12 пунктами», с которыми молодежь Пешта выступила в марте 1848 г. против власти Габсбургов. Требования студентов были размножены в большом количестве экземпляров, разосланы не только во все будапештские вузы, но и на крупные заводы, в военные училища. Рабочие венгерской столицы живо откликнулись на планы проведения 23 октября

манифестации солидарности с Польшей, возникла даже идея забастовки в поддержку требований демонстрантов, так что студенческим вожакам, опасавшимся чрезмерного обострения обстановки, пришлось заняться увещанием рабочих, отговаривать их от политической стачки.

Руководство Кружка Петефи заседало в ночь на 23 октября. В сложившейся взрывоопасной ситуации у реформаторски настроенных аппаратчиков Союза трудящейся молодежи возникли некоторые сомнения в целесообразности проведения массовой манифестации. Но осознав, что машина уже запущена в ход, они решили участвовать в демонстрации, чтобы повлиять на течение событий, направить его в более спокойное русло. Программа, с которой выступил Кружок Петефи, была менее радикальной, чем студенческая. По большому счету она не выходила за рамки курса И.Надя в 1953 – 1954 гг. То же самое можно сказать и о программе Союза венгерских писателей, распространенной в день демонстрации⁴. Осторожные действия «литературной оппозиции» 22–23 октября в корне опровергают предположение Н.С.Хрущева, прозвучавшее на встрече с лидерами братских компартий 24 октября: «почву для путча подготовили писатели, а студенты их поддержали»⁵. Пожалуй, более адекватно реальную роль писателей в событиях 23 октября оценил впоследствии известный публицист Ш.Фекете: «Мы виноваты не в том, что вышли на улицу и повернулись к народу, а в том, что сделали это не слишком быстро и решительно»⁶.

Вечером 22 октября организаторы демонстрации пытались добиться разрешения зачитать свои требования по радио. Хотя во главе радиокomiteта стояла сторонница И.Надя В.Бенке, им этого не разрешили: реформаторы в партаппарате не были уверены, что им удастся удержать ситуацию под контролем, если на улицы выйдут сотни тысяч людей. Многих из них охватило серьезное беспокойство – показательно, что один из главных авторитетов внутрипартийной оппозиции журналист Ш.Харасты накануне событий, по свидетельству Андропова, пытался выяснить в ЦР ВПТ, «будет ли применена сила» в ответ на возможные «уличные выступления»⁷. И все-таки стремление к единению со студентами перевешивало над опасениями возможных эксцессов. Поскольку в прессе к этому времени тон задавали приверженцы обновления, программу из 16 пунктов удалось опубликовать или хотя бы изложить в ряде газет, сделав ее, таким образом, достоянием самого широкого общественного мнения.

С приветствием к студенческой молодежи обратился в своей редакционной статье от 23 октября главный печатный орган партии, газета «Szabad Nép». Жаркая атмосфера на молодежных собраниях последних дней, писала газета, похожа скорее «на весенний разлив, чем на течение вод, направленное в искусственные каналы». Справедливое недовольство, долгое время копившееся в душах молодых людей, со стихийной мощью прорвалось наружу. Партия и ее газета «подают руку юному поколению, приветствуют эти митинги и желают всяческих успехов разумным, творческим форумам молодежи», выступающей за «чистоту социализма», расширение социалистической демократии. «Мы согласны с тем, что молодежь во всеуслышание осуждает людей, надругавшихся над социалистическим гуманизмом. Мы согласны с тем, что в руководстве партией и страной должны занять свое место старые деятели рабочего движения, которые и прежде поднимали свой голос против сталинских ошибок. Мы согласны с тем, что в нашем руководстве не место людям, которые не могут или не хотят

последовательно двигаться по пути, намеченному XX съездом». Отметив политическую зрелость молодежи, проявившуюся в стремлении найти конструктивные решения по выведению страны из кризиса, и высоко оценив ее глубокое чувство ответственности за судьбу венгерской народной демократии, авторы передовой статьи в то же время, желая умерить революционное нетерпение студентов, указали на невыполнимость некоторых наиболее радикальных политических требований в ближайшем будущем. Предостерегая от возможных провокаций, тем более опасных, что «любая буржуазная провокация в данных условиях льет воду на мельницу сектантства», газета вместе с тем сочла несерьезными опасения «буржуазной реставрации» в Венгрии⁸.

Начало демонстрации было назначено на 14–14.30. Располагая информацией о масштабах готовящегося шествия и опасаясь нежелательных инцидентов, МВД Венгрии в 12.53 объявило по радио о запрещении демонстрации. Это вызвало широкое возмущение: в здание ЦР ВПТ направились многочисленные депутации с требованием отменить запрет. Редколлегия главной газеты партии «Szabad Nép» явилась с этой целью едва ли не в полном составе.

Столкнувшись с угрозой повсеместных несанкционированных митингов, министр внутренних дел Л.Пирош ровно через полтора часа после запрещения демонстрации, в 14.23, отменил первоначальный указ, демонстрация была разрешена. Непоследовательность властей, то и дело отдававших противоречащие одно другому распоряжения, «усиливала впечатление слабости правительства, его неуверенности в своих силах и в правильности своих действий, подбадривала оппозицию на выдвижение новых и новых требований, все менее учитывающих мнение властей»⁹.

С течением времени демонстрация приобретала все больший размах, менялся и состав ее участников. По окончании трудового дня в ряды демонстрантов влились служащие государственных учреждений, расположенных в центре венгерской столицы, с промышленных окраин города в его центральные районы стекались заводские рабочие. «Улица — наша!» — этот броский заголовок передовой статьи центральной молодежной газеты «Szabad Ifjúság», вышедшей специальным выпуском к вечеру 23 октября, довольно точно передавал настроение многотысячных масс¹⁰. С увеличением числа участников демонстрации (до 150–200 тыс. человек) заметно радикализировались лозунги, скандировавшиеся многотысячной толпой; все более распространенным становилось требование о выводе советских войск из Венгрии и установлении равноправных отношений с Советским Союзом.

Большой митинг во второй половине дня состоялся на будайском берегу Дуная у памятника польскому генералу Ю.Бему, герою венгерской революции 1848 г. Оттуда толпа двинулась в Пешт, к зданию парламента, и «просторная площадь перед парламентом — Государственным собранием страны — показалась демонстрантам такой же тесной, как несколько часов назад крохотная площадь Петефи»¹¹, где 15 марта 1848 г. великий поэт-революционер призывал венгерскую молодежь к борьбе с австрийским абсолютизмом (традиция 1848 г., сознательно поддерживавшаяся организаторами манифестации, проявилась и в выборе маршрута шествия).

Насколько можно судить по многочисленным свидетельствам очевидцев, масштабы демонстрации уже в самые первые ее часы превзошли ожидания внутрипартийной демократической оппозиции, тщетно пытавшейся направить

шествие в организованное русло. Один из ее идейных центров, руководство Союза писателей, поначалу возглавило одну из основных колонн манифестантов, но когда на площади Ю.Бема председатель Союза П.Вереш (один из популярных народных трибунов второй половины 1940-х годов, в то время председатель национальной крестьянской партии) обратился к тысячам собравшихся, его голос совершенно утонул в гуле толпы. Не имела успеха и аналогичная попытка руководителей Кружка Петефи. «Думаю, и тем, у кого было некоторое право гордиться, что они причастны к подготовке событий, — и во сне не снилось, что на самом деле произойдет...», — писал одиннадцатью днями позже в свободной венгерской прессе живой классик национальной литературы Ласло Немет¹².

Если внутривластная оппозиция, как явствует из ее выступлений в канун восстания, в некоторой степени была готова к неконтролируемому развитию событий, в меньшей мере это можно сказать про большинство членов партийного руководства. «Хотя мы в качестве пугала для оппозиции часто говорили о контрреволюционной опасности, на деле в нее всерьез никогда не верили», — признавал впоследствии А.Хегедюш¹³.

Первый секретарь ЦР ВПТ Э.Гере вернулся в Будапешт из Белграда только утром 23 октября. Зная о сложности обстановки в стране, руководители партии и правительства все же не ожидали такого развития событий. В два часа дня началось заседание Совета Министров, где организаторы демонстрации были охарактеризованы как «недобросовестные люди», преследующие корыстные цели. Записи высказываний участников заседания свидетельствуют о том, что некоторые из них (включая главу правительства А.Хегедюша, предложившего созвать ближайший пленум ЦР 31 октября) явно не осознавали всей серьезности ситуации¹⁴. Когда в 17 часов началось заседание Политбюро ЦР ВПТ, оценка происшедшего в городе была уже более адекватной, что в свою очередь только усиливало растерянность власть имущих. Как вспоминает А.Хегедюш, партийное руководство как таковое вечером 23 октября перестало существовать, заседала группа людей, находившихся в замешательстве и совершенно неспособных повлиять на дальнейшее течение событий¹⁵.

К вечеру 23 октября эти события уже отнюдь не ограничивались пределами венгерской столицы. В главном городе восточной Венгрии Дебрецене студенты местного университета организовали после полудня демонстрацию по образцу будапештской. Ее программу удалось опубликовать в областной газете «Néplap». Во многом перекликаясь с «16 пунктами» студентов столичного технико-строительного университета, она содержала и ряд других требований: постановка на международных форумах вопроса о положении венгерского меньшинства в соседних странах, прежде всего в Румынии; подготовка конференции стран Средней Европы с участием не только ряда стран-союзников СССР, но также Югославии и Австрии. Около 18 ч. вышедшие на демонстрацию студенты осадили здание областного управления внутренних дел. Полиция открыла огонь, ранив более десятка и убив четырех человек, которые стали первыми жертвами октябрьских событий в Венгрии. В городе был введен комендантский час.

Около 8 часов вечера по радио прозвучало выступление Э.Гере. Выдержанное в духе привычной коммунистической риторики, оно содержало резкие выпады в адрес устроителей демонстрации, которые, «распространяя среди нашей молодежи отраву шовинизма», злоупотребили предоставленными им демократическими свободами¹⁶. Речь Гере вызвала гневную реакцию тех, кто в это

время мог слышать ее по радио. На следующий день, 24 октября, Президиум Центрального Совета профсоюзов в официальном заявлении прямо и без обиняков назвал выступление первого секретаря ЦР ВПТ «провокационным» и «издевательством над рабочим классом»¹⁷. Впоследствии некоторые западные комментаторы, анализируя поведение Гере во второй половине дня 23 октября (сначала его видимое многочасовое бездействие в условиях ширившейся манифестации, затем его одиозную речь по радио), выдвигали версию о том, что лидер ВПТ едва ли не нарочно спровоцировал мятеж, чтобы получить повод просить помощи у СССР для укрепления своей власти. «Провокационное» радиовыступление первого секретаря было, таким образом, частью «хитрого маневра»¹⁸. На эту версию работали и свидетельства о тогдашних опасениях Й.Надя, на самом деле допускавшего, что «Гере готовит против него крупномасштабную провокацию, которая состояла в том, чтобы, умышленно доведя дело до восстания наподобие познаньского, получить возможность ударить сразу по всей партийной оппозиции»¹⁹. Нам представляется все-таки, что подобного рода «макиавеллизм» был едва ли по плечу стопроцентному аппаратчику и бюрократу Гере, относительно сильному лишь в кабинетной, закулисной политике и слишком плохо ощущавшему настроения масс, чтобы, пойдя на очевидный риск, попытаться сыграть в своих интересах на разбухнувшей стихии. Речь скорее может идти о крайней растерянности Гере, ощутившего свою неспособность справиться со стихией привычными ему политическими методами и допускавшего явные тактические ошибки. «Неумные» в тактическом плане шаги партийного руководства вроде речи Гере действительно сыграли известную провокативную роль, став, по словам Л. Немета, «искрой над бензиновой цистерной величиной с нацию»²⁰.

Впрочем, не только сталинист Э.Гере, но и реформатор И.Надь оказался вечером 23 октября совершенно бессилем обуздать массовое народное движение. Все его действия в тот день отличали предельная осторожность, стремление воздержаться от каких-либо поспешных, необдуманных шагов, способных повлиять на развитие событий в ту или иную сторону. В дни, предшествующие восстанию, И.Надь находился в провинции, на виноградниках, куда специально удалился, чтобы в предгрозовой атмосфере середины октября не стать объектом притяжения многих тысяч недовольных режимом и все более открыто заявлявших о своем недовольстве людей. На предложение соратников возглавить студенческую демонстрацию бывший премьер-министр, опасаясь провокации со стороны Гере, ответил самым категоричным отказом. Не менее решительно он отверг предложение своего единомышленника Г.Лошонци выступить по радио. Первый биограф И.Надя Т.Мераи (в 1956 г. известный журналист реформаторского направления, лично знавший персонажа своей будущей книги) пишет о том, что отставной премьер очень надеялся, что демонстрация не перерастет рамок мирного выступления. Только в этом случае она могла бы, по его мнению, сыграть положительную роль — внушить страх власть предержащим и заставить их призвать на помощь И.Надя, как человека единственно способного вызволить страну из кризиса²¹.

Когда толпа, собравшаяся перед парламентом вечером 23 октября, потребовала выступления И.Надя, для его приезда к зданию Госсобрания понадобились не только длительные уговоры единомышленников, но и — что было для него важнее — просьба со стороны ЦР ВПТ. «Надь, как

дисциплинированный партиец, заставил толпу ждать в течение двух часов, и этих двух часов, похоже, оказалось достаточно, чтобы контроль над событиями — на все время или по крайней мере на несколько дней — выскользнул из его рук», — так впоследствии комментировал события того дня их активный участник А.Генц, будущий президент посткоммунистической Венгерской Республики²².

Прибыв наконец после 9 часов вечера к зданию парламента, И.Надь в своем коротком выступлении с балкона, усиленном мощными репродукторами, призвал собравшихся соблюдать порядок, предоставить решение насущных социальных проблем обновленному партийному руководству и правительству и мирно разойтись по домам. Фактически провозглашенный им возврат к программе 1953 г. ни в коей мере уже не мог удовлетворить чаяния народа; к этому времени на повестку дня выступили гораздо более радикальные лозунги — о многопартийности, выводе советских войск. Речь Надя вызвала всеобщее разочарование, а состоявшееся к рассвету следующего дня (одновременно с вводом в Будапешт советских войск) его восстановление в должности премьер-министра уже не имело и сотой доли ожидавшегося им и его ближайшими друзьями эффекта.

К вечеру 23 октября город «изменился до неузнаваемости, начали действовать законы толпы, где уже совсем другая, не поддающаяся предсказанию логика»²³. В событиях вечера 23 октября проявилась закономерность многих революций в их начальной стадии — стихийное стремление митингующих к овладению средствами массовой информации. Примерно в 18 часов большая группа молодежи устремилась к зданиям венгерского радио и предприняла попытку проникнуть в них, чтобы зачитать основные программные требования манифестантов. Штурм радиокомитета продолжался несколько часов. За это время демонстранты овладевают рядом складов огнестрельного оружия — на пунктах гражданской обороны, в полицейских участках. Начальник будапештской полиции Ш.Копачи, еще днем предупредивший Политбюро о своем категорическом нежелании применять оружие в случае беспорядков, в момент, когда беспорядки уже начались, отдал подчиненным указание о несопротивлении, а в последующие дни открыто перешел на сторону восставшего народа²⁴. Таким образом, примерно к 21 часу носившая до тех пор исключительно мирный характер акция приобретает иное качество, формируются первые повстанческие группы. Попытка захватить радиокомитет привела к вооруженному столкновению с частями госбезопасности, в ходе которого после 21 часа появились первые в столице убитые и раненые²⁵. Военское подразделение, прибывшее на помощь защитникам радио, перешло на сторону восставших, передало им часть боеприпасов. В течение ночи радиокомитет пал.

Радиовещание еще в вечерние часы было перенесено в здание Госсобрания. Тональность выступлений венгерского радио в полной мере отражала крайнюю растерянность властей в критической обстановке. «Венгерское радио, работающее из подвальных помещений парламента, ежечасно «запрещает революцию». Оно просит, умоляет, льстит, пускается в объяснения, угрожает, обольщает, предупреждает (одумайтесь, мол, а то в воскресенье не состоится футбольный матч). Но к этому времени мостовая уже обогрета кровью 250 человек», — вспоминал впоследствии А.Генц²⁶.

В те же часы, когда в центре Пешта, в районе Национального музея, восставшая молодежь штурмовала здания радиокомитета, в другом районе

города, около одного из главных парков венгерской столицы многотысячная толпа в порыве гнева и ликования снесла и разбила на куски гигантскую статую Сталина, один из символов тиранической власти²⁷.

В ночные и ранние утренние часы толпа молодежи захватила также здание газеты «Szabad Nép». «Весенний разлив» творческой энергии юного поколения, который утром 23 октября газета приветствовала в своей передовой статье, не пощадил находившуюся в надежных реформаторских руках редакцию главного органа ВПТ: ворвавшиеся юнцы крушили мебель и жгли книги. Бесмысленные бесчинства разъяренной толпы, где все более выходил на поверхность разного рода люмпенский элемент (включая выпущенных из тюрем уголовников), на все последующие дни становятся одним из неотъемлемых атрибутов венгерской революции, реальный исторический опыт которой (как, впрочем, почти любой революции) решительно восстает против любой романтизации и мифологизации революционного насилия.

Однако основную суть событий начиная с утра 24 октября определял уже не стихийный выброс накопившейся за годы тирании энергии протеста против доморощенного коммунистического режима, а другой, внешний, фактор — закономерное возмущение миллионов венгров противоправным советским военным вмешательством во внутренние дела страны.

4. Решение о первом военном вмешательстве

Конкретные обстоятельства принятия в Москве поздним вечером 23 октября решения о вооруженном вмешательстве в Венгрии можно реконструировать на основе целого ряда источников. Самый известный из них, хотя и требующий весьма критического отношения из-за множества фактических неточностей — воспоминания Н.С.Хрущева¹. Из литературы мемуарного жанра следует назвать также воспоминания А.Хегедюша² и М.Ракоши³, которого советское руководство привлекало к консультациям. Особую ценность среди источников представляют рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС, которые вел в те напряженные дни заведующий общим отделом ЦК КПСС В.Малин⁴, а также запись совещания членов Президиума ЦК КПСС и представителей компартий ряда социалистических стран в Москве 24 октября, выполненная помощником чехословацкого партийного лидера А.Новотного Я.Свободой и найденная венгерским историком Т.Хайду в архиве ЦК КПЧ в Праге⁵. Мемуары генерал-лейтенанта Е.И.Малашенко, осенью 1956 г. полковника, исполнявшего обязанности начальника штаба Особого корпуса советских войск в Венгрии, описывают события такими, какими они виделись глазами человека, получавшего приказы из Москвы⁶. Картина, которая вырисовывается в результате сопоставления имеющихся источников, страдает некоторой неполнотой.

В канун восстания руководство ВПТ не исключало возможности развития в Венгрии событий, подобных познаньским в Польше. Вместе с тем едва ли кто-то из высокопоставленных аппаратчиков сомневался в способности силовых структур навести порядок с большими или меньшими усилиями. Так, 21 октября на партактиве Чепельского металлургического комбината представитель ЦП ВПТ говорил, что любое вооруженное «контрреволюционное» выступление войска сумели бы подавить в течение 30 минут⁷. Однако вечером 23 октября уже в самые первые часы восстания властям пришлось убедиться в необоснованности подобного рода оптимизма. В ходе перестрелки у зданий радио ни полиция, ни посланные на подмогу охранникам радиокомитета воинские части не проявили

готовности дать отпор восставшим. Напуганное размахом народного движения руководство ВПГ, непрерывно заседавшее с позднего вечера в течение всей ночи, засомневалось в эффективности собственных вооруженных сил в сложившейся ситуации⁸. На повестку дня встал вопрос о советской военной помощи⁹.

В какой мере политическое руководство СССР было застигнуто врасплох происходившим в Венгрии? Председатель КГБ И.А.Серов еще 26 июля в донесении высшим партийным органам приводил высказывания своей агентуры о возможности в Венгрии через несколько недель «открытых бунтов». Это предупреждение едва ли было принято всерьез Хрущевым, лично ознакомившимся 31 июля с донесением Серова¹⁰. В Венгрии только что получила видимость решения «проблема Ракоши», обстановка несколько разрядилась и не внушала слишком больших опасений. В последующие месяцы на создание в головах советских руководителей образа наступающей в Венгрии «контрреволюции» в немалой мере работали донесения Андропова. Под влиянием информации, поступавшей из посольства, в Кремле все более осознавали серьезность обстановки. Вместе с тем в партийных верхах существовало мнение о том, что посол несколько «перегибает», чересчур нагнетает страсти. Столь мощного взрыва народного негодования, как тот, что произошел 23 октября, конечно же, не ожидали¹¹.

В первой половине дня 23 октября, когда уже вовсю шла подготовка демонстрации, Андропов направил в МИД свою последнюю до начала основных событий телеграмму, в которой писал, что «оппозиционеры и реакция» активно подготавливают «перенесение борьбы на улицу». В очередной раз отметив в своем донесении «растерянность венгерских товарищей и, как нам кажется, известную потерю уверенности в том, что из создавшихся затруднений еще можно выйти», посол высказал предположение, что «в создавшейся обстановке венгерские товарищи вряд ли смогут сами начать действовать смело и решительно без помощи им в этом деле»¹². Телеграмма Андропова была получена на Смоленской площади в 12.30, а к 15.20 расшифрована, отпечатана и разслана членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, собиравшимся поздно вечером на заседание.

Хотя такая телеграмма, несомненно, могла добавить советским лидерам озабоченности осложнением обстановки в Венгрии, все-таки, пока в Дебрецене и Будапеште не прозвучали выстрелы, руководство КПСС считало своей приоритетной задачей разрешение польского кризиса. Хотя продвижение советских войск на Варшаву и было приостановлено 19 октября, военное вмешательство еще продолжало некоторое время рассматриваться в Кремле как один из возможных способов сохранения советского влияния в Польше¹³.

Во второй половине дня 23 октября Н.С.Хрущев позвонил первому секретарю ЦК ВПГ Э.Гере и пригласил делегацию ВПГ на следующий день, 24 октября, вылететь в Москву для участия во встрече представителей компартий СССР, Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Гере, сославшись на сложность обстановки в венгерской столице, от приглашения отказался. На повестку дня запланированной встречи был поставлен польский вопрос — предстояло выработать общую тактику действий советского лагеря в отношении Польши. Венгерские события, однако, изменили первоначальный сценарий встречи: поскольку драма, разыгравшаяся в Венгрии, в известной мере заслонила

собой события в Польше, в ходе состоявшегося 24 октября заседания венгерскому вопросу пришлось уделить несколько большее внимание, чем польскому¹⁴.

В свете имеющихся документов нельзя однозначно установить, в какой мере инициатива обращения за помощью к СССР исходила от Гере и какова была роль советской стороны. Хрущев, излагая события того вечера на встрече лидеров соцстран на следующий день, 24 октября, сделал акцент на просьбе венгерских товарищей¹⁵. Эту версию, однако, опровергают не только мемуары Ракоши¹⁶, но в известной мере также запись заседания Президиума ЦК КПСС, начавшегося в Кремле около 10 часов вечера 23 октября. Никакого упоминания об инициативе с венгерской стороны в этой записи не содержится, хотя в силу серьезности принимаемого решения трудно было обойти этот важный формальный международно-правовой вопрос¹⁷.

Инициатива, исходившая от руководства ВПТ, в самом деле была, по-видимому, не очень решительной. Известно, что примерно в те же часы, когда состоялась первая телефонная беседа руководителей КПСС и ВПТ, (и, вероятно, еще до этого разговора) Гере попытался прозондировать почву относительно возможного участия советских войск в наведении порядка. Для этого он связался с посольством СССР¹⁸. Обращает на себя внимание, что первый секретарь ЦР ВПТ по возможности хотел решить вопрос «местными силами» Советской Армии (то есть прибегнуть к помощи дислоцированных в Венгрии частей Особого корпуса советских войск), без официального обращения к Москве, согласовав вопрос лишь с посольством и командованием Особого корпуса. Он не хотел привлекать чрезмерного внимания советских лидеров к волнениям в Венгрии, предпочел бы поставить их перед свершившимся фактом подавления нежелательных эксцессов.

Посол Ю.Андропов живо откликнулся на обращение первого секретаря ЦР ВПТ. Еще в первой половине дня он беседовал по телефону с командующим Особым корпусом генерал-лейтенантом П.Н.Лашенко, указывал на чрезвычайность ситуации, настаивал на приведении войск в полную боевую готовность. Около 19ч., уже после звонка Гере, Андропов попытался склонить Лашенко к принятию решения о вступлении частей Особого корпуса в Будапешт (главным образом, в целях демонстрации силы)¹⁹.

Особый корпус, подчинявшийся непосредственно министру обороны СССР Г.К.Жукову, включал в себя 4 дивизии (две механизированные и две авиационные), а также ряд других частей. Командование корпуса находилось в г. Секешфехерваре в 60 км к юго-западу от Будапешта. Вступивший в силу в 1947 г. мирный договор с Венгрией сохранял за СССР право держать на территории страны только воинские части, необходимые для поддержания коммуникационных связей с советской зоной оккупации в Австрии. В 1949 г. в обстановке резкого обострения советско-югославских отношений численность контингента Советской Армии в Венгрии была, как уже отмечалось, увеличена, причем по инициативе венгерской стороны²⁰. В течение трех месяцев после прекращения оккупационного режима в Австрии советские войска должны были оставить венгерскую территорию. В мае 1955 г. был подписан Государственный договор четырех великих держав с Австрией, определивший ее международно-правовой статус. В соответствии с этим договором части Советской Армии покинули Австрию. Подписанный в те же дни Варшавский договор не мог стать должной, отвечающей нормам международного права юридической основой для оставления в Венгрии (как и в соседней Румынии) советских войск, поскольку

военное присутствие СССР в восточноевропейских странах этим договором никак не предусматривалось²¹. Однако контингент Советской Армии не только не покинул Венгрию — его численность в стране заметно увеличилась, поскольку большинство частей, выведенных из Австрии, задержалось в Венгрии. В сентябре 1955 г. приказом министра обороны был образован Особый корпус.

С весны 1956 г. в условиях общественно-политического подъема недовольство населения пребыванием иностранной армии проявлялось все более открыто, что находило отражение как в донесениях Андропова, так и в докладных генерала Лащенко²². Командование Особого корпуса было достаточно хорошо информировано о ходе событий в стране, о нарастании оппозиционных выступлений. Так что для Лащенко перспектива участия советских войск в операциях по подавлению внутренней оппозиции не была неожиданной. «Информацию о внутривластной обстановке в Венгрии мы иногда получали и от советского посла Юрия Владимировича Андропова. Выступая перед руководящим составом наших войск в Секешфехерваре накануне июльского пленума ЦП Венгерской партии трудящихся, он рассказал о сложной обстановке в партии и в стране, о наличии оппозиции и враждебных настроений. Ориентируя нас в развитии событий, сказал, что венгерское руководство может обратиться к нам за помощью. Теперь, через много лет, мне кажется, что некоторые инициативы в оказании помощи венгерскому правительству исходили именно от Ю.В.Андропова», — вспоминает генерал-лейтенант Е.И.Малашенко²³. В июле, вскоре после познаньских событий, весьма взволновавших руководство КПСС, из Москвы был получен приказ разработать план действий Особого корпуса по поддержанию и восстановлению общественного порядка в Будапеште и на всей территории Венгрии в случае возможного подключения советских войск к решению этой задачи. Такой план был еще летом разработан²⁴. Функция советских войск в соответствии с этим планом была вспомогательной, сводилась к прикрытию западных и южных границ²⁵, действовать в Будапеште советские части не были должны.

В последующие месяцы в штабе Особого корпуса еще более внимательно следили за политической ситуацией. После перезахоронения Райка 6 октября Андропов несколько раз встречался с командованием корпуса, призывал к усилению бдительности²⁶. Лащенко в свою очередь информировал о ходе событий Генштаб²⁷. В середине октября принимается комплекс мер по повышению боеготовности Особого корпуса²⁸. Допускалась также возможность переправки в Венгрию дополнительных частей из СССР. По некоторым сведениям, 20 и 21 октября на границе в районе Захони были наведены понтонные мосты через Тису²⁹. «В те дни мы в общих чертах знали о назревающих в Будапеште и в Венгрии событиях, однако случившееся превзошло наши предположения и ожидания», — резюмирует Е. И. Малашенко³⁰.

Когда Андропов около 19 часов 23 октября предложил Лащенко направить войска в Будапешт, генерал, не имевший соответствующего приказа от министра обороны, ответил отказом³¹. Примерно через час, около 20 ч. по средневропейскому (около 22 ч. по московскому) времени, из Генштаба поступил приказ о приведении соединений Особого корпуса в полную боевую готовность³². Хотя принципиальный вопрос о военном вмешательстве не был еще решен политическим руководством СССР, по линии Министерства обороны происхо-

дили предварительные приготовления к военной операции на случай, если поступят указания о ее осуществлении³³.

В течение вечера обстановка неуклонно продолжала обостряться и информация о ее ухудшении поступала в Президиум ЦК КПСС посредством телефонной связи — не только от Андропова, но также по каналам министерства обороны, а, вероятно, и КГБ. Обеспокоенное новыми сообщениями, «коллективное руководство» КПСС, собравшееся около 10 часов вечера на свое предварительно запланированное заседание, поручило Хрущеву соединиться по телефону с Гере и прямо обсудить с ним вопрос о военной помощи, который так и не был затронут в ходе предыдущего разговора лидеров двух партий, состоявшегося за считанные часы до этого.

Вызвав по телефону Будапешт, Хрущев сказал Гере, что просьба о военной помощи будет удовлетворена, если венгерское правительство представит ее в качестве официального письменного обращения к правительству СССР. Гере, очевидно, в той или иной мере стремившийся уклониться от ответственности за официальное приглашение советских войск, ответил на это, что не имеет возможности созвать правительство. Хрущев предложил подготовить такое письмо от имени председателя Совета Министров ВНР А.Хегедюша³⁴.

Обстановка, между тем, продолжала ухудшаться, в Москву из Будапешта направлялась информация о все более нарастающих масштабах уличных выступлений. Сравнив положение в Венгрии с тем, что происходило в те же дни в Польше, советские лидеры усмотрели, что ситуация в Будапеште более серьезна: «Идет свержение правительства. Сравнения с Польшей нет», — заметил Л.М.Каганович³⁵. Сочтя, что любое промедление может привести к непоправимым последствиям, то есть под угрозой будет поставлено само существование режима, Хрущев и его коллеги по Президиуму ЦК решили пренебречь формальностью. Выслушав сообщение Жукова, располагавшего более свежей информацией, полученной по армейским каналам, первый секретарь ЦК КПСС высказался за то, чтобы, не дожидаясь письменного обращения, ввести войска в Будапешт. При этом он был поддержан всеми членами Президиума за исключением А.И.Микояна, всерьез усомнившегося в целесообразности подобной акции. («Руками самих венгров наведем порядок. Введем войска, попортим себе дело. Политические меры попробовать, а потом войска вводить», — так, в сжатой форме зафиксировала его выступление запись, выполненная В.Малиным³⁶). Обычно на заседаниях Президиума ЦК решения (тем более столь ответственные) принимались единогласно или откладывались «на потом». Однако из-за упорства Микояна желаемое единогласие в вопросе о вводе войск в Будапешт так и не было достигнуто — случай редчайший для кремлевского ареопага.

Решение о вводе войск в столицу Венгрии было принято около 23 часов по московскому времени. В Будапеште в это время был 21 час — время штурма радиокомитета и крушения памятника Сталину. Что же касается письменного обращения, то оно было подготовлено задним числом — в ответ на запланированное на 28 октября обсуждение «венгерского вопроса» в Совете Безопасности ООН и вообще на негативную реакцию мирового общественного мнения в связи с отсутствием формальной просьбы о помощи³⁷. Датированное 24 октября и подписанное А.Хегедюшем, уже уступившим в ночь на 24-е свои

полномочия главы правительства Имре Надю, оно было зачитано с трибуны ООН советским представителем лишь 19 ноября.

Получив в 23 часа по московскому времени соответствующие указания из Кремля, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза В.Д.Соколовский отдал по телефону ВЧ командиру Особого корпуса советских войск в Венгрии приказ о вступлении воинских (в первую очередь, танковых) частей в Будапешт. Было приказано также ввести на территорию Венгрии ряд соединений Прикарпатского военного округа, а также дислоцированную в Румынии 33 гвардейскую механизированную дивизию³⁸. Две дивизии Прикарпатского округа (39-ая механизированная и 128-ая), приведенные в боеготовность еще в 21.45, начали переход границы в 2.15 ночи 24 октября. В общей сложности было приведено в движение пять дивизий — свыше 30 тыс. солдат, 1100 танков и самоходных артиллерийских установок. Тогда же для оказания помощи коллегам из венгерского Министерства обороны в овладении ситуацией в Венгрию вылетела собранная в срочном порядке группа военных советников — генералов и старших офицеров Генштаба, главного штаба сухопутных войск, главного штаба ВВС общей численностью около 80 человек во главе с первым заместителем начальника Генштаба генералом армии М.С.Малининым. Первые танки появились на окраинах венгерской столицы около 2 часов ночи по средневропейскому (в 4 по московскому) времени.

Планируя конкретное осуществление военной акции, советский генералитет имел перед собой опыт событий 17 июня

1953 г. в Восточной Германии, когда появление танков на улицах Берлина и других городов явилось началом перелома в развитии событий³⁹. Однако в Венгрии советским войскам пришлось встретиться с гораздо более сильным сопротивлением. Вступление танковых частей в Будапешт ранним утром 24 октября ставило своей основной целью демонстрацию военной силы, солдаты не получили приказа о применении огня. Задача заключалась в том, чтобы разоружать вооруженные группы и передавать их полиции. Но акция по устрашению с самого начала показала свою неэффективность. Ход событий подтвердил правоту Микояна, возражавшего против необдуманного ввода войск. Появление советских танков на улицах венгерской столицы оскорбило национальные чувства многих ее жителей, вызвало всплеск патриотических настроений, к тому же оживив в исторической памяти венгров события 1849 г. — интервенцию фельдмаршала И.Ф.Паскевича, оказавшего необходимую помощь Габсбургам в подавлении венгерской революции. Борьба сразу же приняла национально-освободительный характер. В разных частях города стали формироваться повстанческие отряды, возникали новые очаги сопротивления. «При входе в город советские части подвергались обстрелу и забрасывались камнями. На улицах находилось много народа, на окраинах уже соорудились баррикады. Несмотря на обстрел, наши воины огня не открывали, но сами уже несли потери», — вспоминает Е.И.Малашенко⁴⁰. Сведения об обстановке поступали самые противоречивые и не всегда точные. Так, утром 24 октября, когда здание радиокомитета уже пало под натиском восставших, штаб Особого корпуса располагал информацией о том, что оно все еще удерживается правительственными войсками.

Не всегда имея четкие приказы, плохо зная город, без поддержки пехоты, танкисты, с трудом маневрировавшие в узких улочках, становились жертвами

венгерских повстанцев, вооруженных бутылками с горючей смесью. Бои разыгрались даже у здания министерства обороны в центре Пешта — большой, хорошо вооруженный отряд повстанцев почувствовал такую уверенность в своих силах, что предпринял попытку овладеть этим зданием, в котором расположился командный пункт советских войск. Всего 24 октября в городе, по самым приблизительным подсчетам, действовало не менее 2000 вооруженных повстанцев⁴¹. Преодолевая сопротивление, части Советской Армии в течение дня 24 октября в соответствии с просьбой, поступившей от ЦР ВПТ⁴², взяли под охрану важнейшие объекты: здания ЦР ВПТ, парламент, горсовет, госбанк, главпочтамт, Западный и Восточный вокзалы, ранее захваченные повстанцами, мосты через Дунай. Район радиостанции был очищен от вооруженных элементов только к утру 25 октября.

Венгерские воинские части также вошли в город по приказу своего командования⁴³. Но попытки наладить взаимодействие двух армий с самых первых часов терпели неудачу. Венгерская армия стала фактически распадаться после того, как отдельные военнослужащие, а затем и целые подразделения начали переходить на сторону повстанцев. «В венгерском министерстве обороны царили нервозность и неразбериха». Министр обороны И.Бата и ряд других высших армейских чинов находились в панике, мало кто из них был в состоянии отдавать толковые распоряжения. «Никто из нас не понимал, почему полиция и венгерские воинские части ничего не делают для наведения порядка», но как бы там ни было, «рассчитывать на помощь венгерской полиции и армии и совместные с ними действия не приходилось», — вспоминает Е.И.Малашенко⁴⁴. Это свидетельство подтверждается донесением американского посольства от 24 октября: «части Венгерской Народной армии вели себя либо нейтрально, либо помогали, а в отдельных случаях даже передавали свое оружие демонстрантам, объясняя, как надо с ним обращаться... Впечатление посольских и военных наблюдателей таково: большинство частей Венгерской Народной армии перешло на сторону восставших, были и такие части, которые остались нейтральными, но братались с демонстрантами»⁴⁵. У американских дипломатов создалось также впечатление, что многие гражданские лица владеют оружием.

Операция по устрашению, таким образом, не удалась. С вступлением советских войск в Будапешт в ночь на 24 октября венгерский кризис вошел на новый виток. Основным его содержанием становится с этого дня уже не столько борьба демократической оппозиции с доморощенным режимом сталинского типа, сколько движение в защиту национального суверенитета.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЕЙСТВИЯ РУКОВОДСТВА СССР ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ВЕНГЕРСКОГО КОНФЛИКТА. ВЫБОР СИЛОВОГО ВАРИАНТА 31 ОКТЯБРЯ

Президиум ЦК КПСС, заседавший поздним вечером 23 октября, решил утром следующего дня направить в Будапешт двух своих членов — А.И.Микояна и М.А.Суслова¹. Микоян в качестве первого зампреда Совета Министров СССР курировал внешние экономические связи СССР, в том числе в рамках социалистического лагеря, Суслов был секретарем ЦК, непосредственно отвечавшим за контакты с зарубежными компартиями. Оба они в течение 1956 г.

уже выезжали в Венгрию и лучше других членов Президиума ЦК ориентировались в текущих венгерских делах. Почти одновременно с посланцами партии, хотя и на другом самолете, вместе с группой сотрудников силовых ведомств в столицу Венгрии отбыл председатель КГБ И.А.Серов.

День начала восстания был ясным и солнечным, но к утру 24 октября цюгода несколько испортилась. Самолет с Микояном и Суловым из-за тумана не смог приземлиться близ Будапешта, он сел на расстоянии 90 км от венгерской столицы. Заехав сначала в штаб Особого корпуса в Секешфехерваре (60 км от Будапешта), советские эмиссары по телефону связались с Гере. Первый секретарь ЦР ВПТ не мог не признать, что приход советских войск отрицательно сказался на настроении жителей, в том числе и рабочего класса². Из Секешфехервара машина с представителями КПСС в сопровождении танков двинулась к Будапешту. Дороги на подходах к городу и в самом городе были заполнены советской боевой техникой, местами происходили перестрелки. Примерно в 11.30 генерал Лашенко дал своим подчиненным приказ вести ответный огонь при нападении повстанцев. У Микояна и Сулова, наблюдавших за ситуацией из окон автомобиля, следовавшего в министерство обороны, сложилось впечатление, что «больше стреляли наши, на одиночные выстрелы наши отвечали залпами»³.

Накануне, беседуя по телефону с Гере между 10 и 11 часами вечера по московскому времени, Хрущев попросил руководство ВПТ до наведения порядка в Будапеште не открывать пленум ЦР. В этой просьбе, вероятно, сказались уроки недавних польских событий. Ведь пленум, собравшийся в столь экстраординарной обстановке, не мог не принять решений по кадровым вопросам, в том числе и таких, которые совершенно не удовлетворили бы Москву⁴. Просьба Хрущева не была, однако, выполнена. Рано утром 24 октября продолжавшееся всю ночь расширенное заседание Политбюро ЦР ВПТ, плавно переросшее в пленум Центрального Руководства, рекомендовало Президиуму ВНР освободить А.Хегедюша от обязанностей Председателя Совета Министров и назначить на этот пост И.Надя, в это же время кооптированного в ЦР и избранного в Политбюро. Одновременно был обновлен состав высших партийных органов, создан военный комитет по подавлению восстания⁵. Кооптация в ЦР ВПТ лидеров внутрипартийной оппозиции Г.Лошонци и Ф.Доната, избрание Лошонци кандидатом в члены Политбюро, а Доната секретарем ЦР свидетельствовали о том, что в сложившейся критической ситуации руководство ВПТ пошло на явный компромисс со своими недавними противниками, надеясь, что сторонникам И.Надя все-таки удастся обуздать стихию.

Вопрос о возможном привлечении И.Надя к руководству страной и партией рассматривался вечером 23 октября в Москве на заседании Президиума ЦК КПСС, где вызвал некоторую дискуссию. Если В.М.Молотов считал, что «руками Надя Венгрия расшатывается», то более умеренный А.И.Микоян полагал, что «без Надя не овладеть движением, дешевле и нам». Его в известной мере поддержал Хрущев: «Надя привлечь к политической деятельности. Но пока председателем [правительства] не делать»⁶. На Имре Наде в глазах советских лидеров продолжало лежать клеймо «правого угслониста». В то же время в Кремле, вероятно, особенно глубоко осознали, что партийное руководство Венгрии явно испытывает дефицит народной поддержки, поэтому популярность И.Надя могла бы подействовать во благо партии. Прибыв утром в Будапешт и оценив на месте ситуацию, Микоян и Сулов могли убедиться в том, что из прежней

коммунистической элиты, пожалуй, лишь И.Надь обладал еще некоторым кредитом доверия у многих тысяч людей, вышедших на улицы. Поэтому, желая воспрепятствовать оживлению более радикальных движений, они сочли в сложившихся условиях оправданной ставку руководства ВПТ на Имре Надя и выдвижение его на пост премьер-министра, что поздно вечером 23 октября отнюдь не входило в планы Хрущева. Узнав из первой же телефонограммы от Микояна и Суслова о том, что Надь «действует смело и решительно», Хрущев смирился с новым назначением⁷. Гере же, не сумевший обеспечить желаемой стабильности в Венгрии, напротив, не мог больше рассчитывать на поддержку советских лидеров. 25 октября с их ведома и согласия он был заменен на посту первого секретаря ЦР ВПТ Я.Кадаром.

Между тем, вступление И.Надя в должность совпало по времени с таким шагом властей, который явно не мог прибавить авторитета вновь назначенному главе правительства. В 4.30 утра по радио прозвучало повторенное затем в 7 часов сообщение Совета Министров с оценкой событий предшествующего дня. В нем говорилось, что «фашиствующие и реакционные элементы совершили вооруженное нападение на общественные здания и органы правопорядка. В интересах восстановления порядка в городе до особого распоряжения запрещаются любого рода собрания, митинги и демонстрации. Органам внутренних дел дано указание поступать с нарушителями по всей строгости закона»⁸. Речь шла, в частности, об учреждении решением правительства военно-полевых судов, обладающих правом вынесения смертных приговоров участникам вооруженных акций, которые в ближайшие часы не сложат оружия (об этом было прямо объявлено по радио в 8.45)⁹. Крайне жесткое определение тех, кто склонился к силовым методам борьбы, не уравновешивалось даже самой ритуальной самокритикой властей, признанием с их стороны оснований для недовольства масс существующим положением. Естественно, что такое заявление от имени правительства имело самый отрицательный отклик не только со стороны тех, кто взялся за оружие, но среди всех, кто хоть в какой-то мере признавал право народа на протест. После того как протестующую молодежь называли по радио фашистами, последующие сообщения о переменах в высших эшелонах власти не имели уже и десятой доли задуманного эффекта. Тем более, что у всех перед глазами был свежий польский пример: там тоже (летом в Познани) произошло кровопролитие, однако руководство ПОРП все-таки в конце концов признало те события в первую очередь следствием законного недовольства народа, а не результатом фашистского подстрекательства¹⁰.

Большинство предприятий города утром 24 октября не приступило к работе. По сути дела спонтанно возникла всеобщая политическая забастовка с требованием о незамедлительном выводе советских войск. В ряде мест происходили демонстрации и митинги протеста. По-прежнему находясь в немалой растерянности, власти не слишком уверенно импровизировали с различными мерами по разряжению обстановки. Введение утром 24 октября в Будапеште чрезвычайного положения и комендантского часа оказалось безрезультатным — тысячи людей продолжали в тот день находиться на улице. В последующие дни чрезвычайное положение в столице то отменялось, то снова вводилось. Неоднократно продлевались и сроки выполнения ультимативного требования к повстанцам о сложении оружия. Оно также не имело эффекта: вооруженные инциденты не прекращались. В разных частях города возникали

новые очаги сопротивления. Сил прибывало: с раннего утра 24 октября в столицу стекается множество людей из близлежащих и более отдаленных районов страны, готовых с оружием в руках отстаивать национальный суверенитет Венгрии. Меняется социальный состав участников массового движения — студенты, положившие своей демонстрацией начало событиям, отходят теперь на второй план, ударную силу повстанцев составляют рабочие. Вышел на поверхность и деклассированный, люмпенский элемент, включая явных уголовников. Но доминировали отнюдь не они.

Официальная венгерская и советская историография 1960-х— 1980-х годов, раздувавшая каждый факт участия в повстанческом движении выходцев из эксплуататорских классов, офицеров хортистской армии и преувеличивавшая также роль «общественного дна», закрывала глаза на реальность: основную массу участников вооруженного сопротивления составила молодежь рабоче-крестьянского происхождения, получившая прекрасную военную подготовку в обстановке антиюгославской истерии начала 1950-х годов (режим Ракоши, вкладывая большие средства в обучение венгерской молодежи навыкам воинского дела, по иронии судьбы сам готовил себе могильщика).

Советским воинским частям, вошедшим на рассвете в венгерскую столицу и встретившимся с ожесточенным сопротивлением, пришлось менять план действий на ходу. Поначалу предполагалось, что основная работа по охране объектов и разоружению повстанцев ляжет на плечи венгерской армии и полиции. Однако с первых часов советским командирам, как отмечалось, стала очевидной не только недееспособность, но и ненадежность венгерских частей¹¹. Наводить порядок в городе, таким образом, предстояло самим¹². С течением дня росло число жертв как среди советских солдат, так и среди повстанцев, а также мирного населения. По свидетельству генерала Е.Малашенко, к 19 ч. 24 октября советские части в Будапеште имели 20 убитых и 48 раненых¹³.

В 12.10 по венгерскому радио выступил Имре Надь. Суть произошедших накануне событий, по его словам, заключалась в том, что «присоединившиеся к мирной демонстрации венгерской молодежи враждебные элементы ввели в заблуждение многих честных трудящихся, выступили против народной демократии, народной власти». Правительство, заявил Надь, намерено «проводить политику не мести, а примирения». Призвав повстанцев сложить оружие и припугнув чрезвычайным судом тех, кто откажется это сделать до 14 часов, премьер-министр обещал приложить «все усилия для осуществления последовательной демократизации страны во всех областях партийной, государственной, политической и хозяйственной жизни на основе принципов июньской правительственной программы 1953 г.»¹⁴. Ссылка Надя на «новый курс» июньского пленума 1953 г., как и накануне перед зданием парламента, оказалась неэффективной — большинство людей, вышедших на улицы, явно не могло удовлетвориться простым возвратом к программе 1953 г., требовало более радикальных действий, и в частности, пересмотра характера отношений внутри соцлагеря¹⁵.

От имени руководства ВПТ вечером выступил наиболее влиятельный из секретарей ЦР Я.Кадар (избранный на следующий день первым секретарем ЦР). Он призвал всех людей, «потерявших ориентацию в часы хаоса», обманутых провокаторами и взявшихся за оружие, прекратить борьбу. Им было обещано дать возможность «спасти свою жизнь, свое будущее и вернуться в ряды честных

людей». В выступлении Кадара содержался призыв к коммунистам и беспартийным рабочим, всем жителям Будапешта и провинции «проявить твердость и упорство» «в защите власти трудового народа», помочь «введенным в заблуждение честным людям вернуться на правильный путь», поддерживать действия вооруженных сил и органов власти¹⁶.

Угрозы со стороны властей, таким образом, перемежались с увещаниями, столь же безрезультатными, ибо вооруженное сопротивление не прекращалось. Влиятельнейшие в стране люди, носившие в той или иной мере ореол мучеников ракошист-ского режима — бывшие президенты Венгерской Республики З.Тилди (1946—1948) и А.Сакашич (1948—1949), католический епископ Й.Грес — один за другим подходили к микрофону и призывали повстанцев сложить оружие¹⁷. С аналогичными призывами к народу обращались активисты реформаторского движения — писатель Д.Хай, руководитель Кружка Петефи Г.Танцош. Перестрелки, однако, продолжались.

Прибыв в Будапешт, Микоян и Сулов поначалу чересчур оптимистично оценили ситуацию. Вывод, сделанный ими, заключался в том, что руководители ВПГ «преувеличивают силы противника и недооценивают свои силы»¹⁸. Характеризуя обстановку, сложившуюся на 5 часов вечера по московскому (3 часа дня по средневропейскому времени), представители КПСС доносили в Москву: «Все очаги повстанцев подавлены, идет ликвидация самого главного очага, на радиостанции, где сосредоточилось около 4 тысяч человек... Поставлена задача в течение ночи закончить ликвидацию оставшихся еще отдельных групп, засевших в домах»¹⁹. Хрущев в тот же день на встрече с лидерами «братских» партий сослался на мнение Микояна и Сулова, полагавших, что «положение не столь катастрофично, как его изображают венгерские товарищи и советский посол»²⁰. Как явствует из выступления Микояна вечером 24 октября на заседании Политбюро ЦК ВПГ, после вступления советских войск в Будапешт он считал подавление восстания вопросом в принципе решенным — делом нескольких часов²¹.

В своем первом донесении Микоян и Сулов констатировали, что венгерская армия «показала себя плохо» (в отличие от органов безопасности!). Но поскольку перелом в событиях, по их мнению, уже произошел, советские представители предлагали смелее применять венгерские части для патрулирования и охраны объектов с тем, чтобы «подчеркнуть роль самих венгров в ликвидации беспорядков»²². Кроме того, они посоветовали руководству ВПГ уделить больше внимания вооружению партактива, формированию рабочих дружин на заводах и при райкомах. Эта идея, всецело поддержанная венгерскими руководителями, особенно И.Надем, себя не оправдала по ряду причин. Во-первых, назначение Надя премьер-министром отнюдь не вывело власть из состояния паралича, механизм исполнения решений совершенно застопорился. В результате сразу же возникли трудности с обеспечением и доставкой оружия (оружие и боеприпасы, предназначенные для так называемых «рабочих дружин», зачастую оказывались в руках повстанцев)²³. Во-вторых, лозунги защиты социализма от «контрреволюции», под которыми предполагалось создавать подразделения по охране порядка, могли привлечь разве что самую узкую прослойку обласканной режимом рабочей аристократии.

Оптимизм советских эмиссаров прибавил уверенности их венгерским коллегам. «Мы находимся на стадии ликвидации вражеского нападения», —

заявлял в своем вечернем радиовыступлении Кадар²⁴. Периодически по венгерскому радио звучали сообщения о том, что «банды» якобы уже ликвидированы. Это, однако, не соответствовало действительности. Прогноз о том, что к утру 25 октября удастся навести порядок в Будапеште, был, как показали последующие события, явно преждевременным. Разгон советскими танками толпы, собравшейся 25 октября на площади перед парламентом, повлек за собой многочисленные жертвы (более 60 человек было убито и около 300 ранено) и лишь усилил ожесточенность сопротивления²⁵. Значения этого события для активизации действий повстанцев и — шире — для дальнейшей эскалации насилия в стране никак нельзя недооценивать.

Повстанческое движение под лозунгами защиты национального суверенитета и ликвидации всевластия правящей партии принимало все более массовый и организованный характер, налаживается координация действий различных отрядов повстанцев. Очевидная неудача попыток внести перелом в развитие событий, действуя исключительно силовыми методами, заставляла власти идти на уступки. Донесения Микояна и Сулова и записи заседаний²⁶ явствуют, что уже начиная с 25 октября руководство ВПТ, столкнувшись с требованием снизу, рассматривало вопрос о вовлечении в формирующееся правительство И.Надя ряда левых некоммунистических политиков, в частности, представителей влиятельной в первые послевоенные годы партии мелких хозяев З.Тилди и Б.Ковача. Микоян и Сулов знали об этом. Планы И.Надя были восприняты ими достаточно спокойно, как хотя и нежелательный, но необходимый для защиты интересов социализма компромисс²⁷. «Считаем в создавшихся условиях допустимым и целесообразным, чтобы в Правительство было привлечено известное число мелкобуржуазных демократических влиятельных общественных деятелей для расширения общественной поддержки Правительства», — докладывали советские эмиссары в Москву, одновременно подчеркивая: «Мы их предупредили, что никаких дальнейших уступок быть не может, иначе это приведет к падению власти»²⁸.

Знакомясь на месте с обстановкой, представители ЦК КПСС довольно быстро отказались от чересчур оптимистических первоначальных своих прогнозов. Они все более отдавали себе отчет в том, что достичь нормализации невозможно, опираясь исключительно на мощь Советской Армии. 26 октября они пишут в Москву: «Мы считаем, что главное теперь уже не в военных мерах, а в овладении массами рабочих»²⁹. К этому времени массовое национальное движение охватывает всю страну. Во многих городах и областях происходит быстрый распад прежних, рожденных в эпоху коммунистического правления, государственных структур, власть на местах начинает переходить к стихийно формирующимся национальным, революционным комитетам, а на промышленных предприятиях — к рабочим советам, выступавшим с требованиями вывода советских войск, роспуска сил безопасности, широкой политической демократизации. В некоторых городах (например, в Мишкольце, где обком возглавлял бывший член Политбюро Р.Фельдвари) местные партийные власти пытались встать во главе масс и принимали участие в работе новых, революционных органов, в других они оказывали сопротивление, что, как правило, вело к утрате ими власти.

Другим показателем происходившего крушения тоталитарной системы явилось возникновение независимой прессы. 25 октября вышел первый номер

«газеты венгерской революционной молодежи» «Igazság» под редакцией коммуниста Д.Обершовского, эта газета отразила самооценку умеренного крыла участников вооруженного сопротивления и положила начало свободной прессе венгерской революции. «Восставший народ, — отмечалось в газете, — как уже не раз бывало в истории, когда переполняется чаша терпения, берет в свои собственные руки решение своей судьбы... От имени всех венгров мы протестуем против того, чтобы священную борьбу революционного народа преподносили как фашистские выступления. Произошла революция. Народ протестует не против строя, не против социалистических идей, а против тех, кто замарал и опорочил возвышенные идеи. Народ хочет социализма, но чистого и честного»³⁰. Аналогичное по содержанию и пафосу обращение участников борьбы было опубликовано 26 октября на страницах «Magyar Nemzet», органа Отечественного народного фронта: «Мы не контрреволюционеры, не фашисты. Борьба, которую мы ведем, выражает основополагающие чаяния венгерских масс... Мы хотим мира и порядка. Но мира в свободной стране»³¹. В руках альтернативных коммунистическим властям революционных комитетов, образованных в первые дни революции по всей Венгрии, оказались радиостанции городов Дьера, Мишкольца, Сольнока, Дебрецена, Сомбатхея и др. Попытки правительства ввести военную цензуру в прессе и на радио оказались абсолютно безуспешными, хотя ряд публикаторов несанкционированных листовок удалось арестовать.

В первые дни событий И.Надь не протестовал против участия советских войск в «наведении порядка» в Венгрии. Более того, выступая 25 октября по радио, он говорил, что вмешательство советских частей было необходимым в сложившейся обстановке³². Но постепенно в окружении премьер-министра, привлечшего к руководству страной ряд своих сторонников, все громче раздаются голоса с требованием не только более решительного отмежевания от прежней политики, поколебавшей веру народа в сам смысл строительства социализма, но и пересмотра отношения к вооруженным повстанцам³³. Мнение того крыла партийного руководства, которое стремилось к поискам компромисса с повстанцами, отразила газета «Szabad Nép» в номере, вышедшем 26 октября. Она осудила политику Гере и его команды, не сумевшей вывести страну из кризиса, признала, что многих людей «на путь вооруженной борьбы повела неудовлетворенность положением в стране». Наряду с честными гражданами, отмечалось в газете, выступили и контрреволюционные, антисоциалистические элементы, воспользовавшиеся народным недовольством в своих нечистых целях. Призвав повстанцев к прекращению огня, а все население к спокойствию, газета высказалась за поиски собственного, венгерского пути к социализму.

С течением времени изменилась и позиция самого И.Надя, в сознании которого, как и многих его соратников по партии, венгерский патриотизм перевесил глубокие коммунистические убеждения. Поскольку ввод советских войск практически совпал по времени с назначением И.Надя главой правительства, заявление по радио об обращении за военной помощью к СССР было сделано как бы и от имени нового премьер-министра. Сам этот факт, а тем более жесткие меры по пресечению народного движения (особенно кровавая бойня перед зданием парламента 25 октября) не могли не сказаться на падении доверия широких масс к правительству и лично к Имре Надю. О его «предательстве» не только писали в листовках, но даже вещали независимые радиостанции³⁴. Постепенно осознав невозможность нормализации с помощью

посторонней военной силы и почувствовав, что широкие массы отказывают в поддержке новому правительству, И.Надь 28 октября сделал решительный шаг к сближению с повстанцами. Для того чтобы в полной мере оценить поворот в позиции премьер-министра, достаточно сопоставить два его выступления по радио, между которыми лежали всего три дня. Если 25 октября Надь говорил о том, что «горстка подстрекателей-контрреволюционеров предприняла вооруженное выступление против строя нашей народной республики, которое поддержала часть трудящихся Будапешта, доведенных до отчаяния положением в стране»³⁵, то в его выступлении от 28 октября звучали уже совсем другие ноты: «... правительство осуждает взгляды, в соответствии с которыми нынешнее грандиозное народное движение рассматривается как контрреволюция... Это движение поставило своей целью обеспечить нашу национальную независимость... развернуть процесс демократизации нашей общественной, экономической, политической жизни, поскольку только это может быть основой социализма в нашей стране»³⁶. Заявлению И.Надя по радио, фактически признавшему победу народного восстания, предшествовало выступление на заседании Центрального Руководства ВПГ 27–28 октября, во многом раскрывающее ту логику мысли, которая побудила его к пересмотру позиций: «Если движение, опирающееся на широкую базу, мы будем считать контрреволюцией, как мы и оценивали его поначалу, то не остается другой возможности, как подавить его с помощью оружия, танков и артиллерии. Это трагедия. Теперь нам уже ясно, что это не наш путь... Нужно встать во главе тех огромных, мощных народных сил, которые пришли в движение»³⁷.

В тот же день, 28 октября, по указанию партийного руководства «Szabad Nép» опубликовала передовую статью «В соответствии с истиной», отразившую принципиальную смену установок. «Мы не согласны с теми, кто события прошедших дней огульно квалифицирует как попытку контрреволюционного, фашистского путча... Громадную патриотическую демонстрацию запятнали кровью, что явилось началом самой страшной братоубийственной борьбы». Хотя события начались с демонстрации студенческой молодежи, было бы ошибкой видеть в них только лишь молодежное движение. «Будапештская молодежь, — писала газета, — выразила глубинные, идущие из самого сердца народа чувства и благородные чаяния. Следует наконец признать, что в нашей стране развилось охватывающее весь народ и сплачивающее его воедино национальное демократическое движение, которому произвол прошедших лет не давал вырваться на поверхность и которое только в последние месяцы при первом дуновении свободы вспыхнуло ярким огнем». По мнению газеты, для партии было бы честью встать во главе этого движения, «ведущего страну к социализму по венгерскому и демократическому пути». Обращаясь к событиям 23 октября, газета не конкретизировала, в силу каких обстоятельств и по чьей вине демонстрация переросла в кровопролитие. Вместе с тем «Szabad Nép» замечала, что народ должен знать правду. «Правда же заключается в том, что при всем диссонансе лозунгов среди участвовавших в борьбе повстанцев... очень велика была доля честных патриотов, в том числе коммунистов... Трагические события не могут настолько исказить наше зрение, чтобы мы не увидели истину: подавляющее большинство повстанцев составляют рабочая молодежь и студенты из тех же рабочих, крестьян и интеллигенции, которых нельзя считать врагами народной демократии». Они, а отнюдь не люмпены и не злонамеренные

элементы из бывших эксплуататорских классов, также вышедшие на поверхность, определяют главную тенденцию событий. «Вызванные к жизни крепнувшим духом демократизма», в разных уголках страны образуются самодеятельные народные органы. Именно они должны стать опорой правительства и обновляющейся партии.

Профсоюзная газета «Népszava» (до лета 1948 г. орган социал-демократической партии) 28 октября ставила вопрос о привлечении к ответственности виновников расстрела демонстрантов у радио 23 октября и у парламента 25 октября, а также тех, кто втянул советское правительство во внутренние дела Венгрии. «Организованные венгерские трудящиеся, и прежде всего рабочий класс, с самого начала с пониманием и сочувствием поддерживали борьбу молодежи, во многих местах принимали в ней участие». На основании анализа обстановки газета пришла к выводу: несмотря на присутствие антисоциалистических элементов, «честное движение нашей молодежи не стало контрреволюционным восстанием, тем более восстанием бандитов-грабителей».

Изменение оценки происходящих событий побудило газету «Szabad Nép» вступить в полемику с «Правдой», опубликовавшей 28 октября статью своего собкора «Крушение антинародной авантюры в Венгрии»³⁸. Ответ «Правде», написанный публицистом М.Мольнаром, был опубликован 29 октября. «То, что произошло в Будапеште, — писала главная газета ВПТ, — не было ни антинародным, ни авантюрой, и не потерпело крушения. В течение пяти дней рвались снаряды, сеяли смерть пулеметы, в течение пяти дней страдал, истекая кровью, этот несчастный город, и все же, невзирая на сотни смертей, в сердцах людей горела истинная любовь к отчизне... и громче всего звучали лозунги социалистической демократии, но не реакции, не контрреволюции!» «Революционный народ Пешта и Буды хочет свободы, народной свободы, жизни без произвола, террора и страха, больше хлеба и национальной независимости. Разве это «антинародная авантюра»? То, что рухнуло, то, что действительно может быть названо антинародным, — это господство клики Ракоши — Гере».

Газета отвергла заявление «Правды» о решающей роли в событиях западных империалистов, «не жалеющих усилий для вмешательства в дела социалистических стран путем провокаций, диверсий, организации контрреволюционного подполья». «Это утверждение «Правды» унижает и оскорбляет все полуто-рамилионное население Будапешта», большая часть которого выражала сочувствие основным патриотическим и демократическим целям «великого народного выступления». «Кровавая и трагическая, но вместе с тем возвышающая борьба, кипевшая в течение пяти дней, была вызвана не какой-то там подрывной работой, а, увы, нашими собственными ошибками и преступлениями и, в первую очередь, той главной ошибкой и преступлением, что мы не хранили, не оберегали священный огонь, завещанный нам великими нашими предками, — национальную независимость». Как и во времена революции 1848 г., требование национальной независимости — главное наше национальное требование. «Венгрия должна быть свободной, должна быть независимой страной — и именно на этой основе она должна строить мирные и дружеские отношения со своим соседом — с Советским Союзом! За это мы и боролись, этого хотели и хотят писатель и журналист, борющиеся с пером в руках, инженер и рабочий, крестьянин и студент-демонстрант, этого хотят повстанцы — этого хочет премьер-министр страны. Тяжкое бремя, огромная

глыба свалились с наших сердец, когда новое правительство и новый руководящий орган партии одобрили это требование. Багровое, словно омытое кровью, но все-таки выглянуло из-за мрачных туч солнце свободы и мира!»³⁹.

28 октября и в последующие дни было объявлено о повсеместном прекращении огня, предстоящем упразднении Управления государственной безопасности, начале формирования новых органов охраны порядка с привлечением повстанцев. Правительство также санкционировало создание Революционного комитета обороны во главе с генералом Белой Кираем. Этот комитет предпринял попытку подчинить разрозненные повстанческие группы единому командованию.

В последние дни октября активизировался процесс возрождения партий, действовавших на политической арене Венгрии до установления коммунистической диктатуры в 1948 г. — были воссозданы партия мелких хозяйев, социал-демократическая партия, партия Петефи (бывшая национальная крестьянская) и др. Большинство вновь образованных партий были левыми либо центристскими по своей политической ориентации. Их программные заявления, как правило, указывали на необходимость сохранения «командных высот» экономики в руках государства, называющего себя социалистическим⁴⁰. «О старом мире не мечтает никто из нас. Мир графов, банкиров и капиталистов исчез навсегда», — публично заверил своих соотечественников лидер партии мелких хозяйев Б.Ковач⁴¹. Независимая газета «Magyar Világ» писала в это же время: «... если бы советские государственные деятели попытались понять, что же произошло в Венгрии, они не бросались бы так произвольно словом «контрреволюция»... Основы нашего народно-демократического строя никто не собирается подрывать... Венгры хотят подлинно народной власти, настоящей демократии, но землю помещикам, заводы капиталистам никто не думает возвращать. Об этом весьма твердо и решительно заявили руководители реорганизующихся демократических партий»⁴². Единственным крупным политиком, который открыто выступил в защиту «частной собственности, разумно и справедливо ограниченной социальными интересами», был ярый противник коммунизма глава католической церкви кардинал Миндсенти, освобожденный в конце октября из-под домашнего ареста и торжественно вернувшийся в Будапешт⁴³.

Правительство И.Надя, сформированное к 27 октября и принявшее на следующий день присягу, в последующие дни реорганизуется уже на многопартийной основе. Его программа также не предусматривала коренное изменение экономических отношений. В основе же внешнеполитической концепции нового правительства лежало требование национального суверенитета Венгрии, установления подлинно равноправных отношений с СССР.

Вопрос о выводе советских войск из Будапешта и начале переговоров об их выводе с территории страны был поставлен венгерской стороной еще 25 октября в выступлении И.Надя по радио⁴⁴. В сознании московских эмиссаров присутствие советских войск в Венгрии, естественно, увязывалось с военно-политическим противостоянием между Западом и Востоком, поэтому их возможное удаление оттуда воспринималось как ослабление советского влияния в регионе в пользу американского. В силу этого заявление И.Надя о предстоящих переговорах по выводу войск было расценено Микояном и Сусловым как его «грубейшая

ошибка», ибо уход советских войск, по их словам, неизбежно приведет к приходу американских войск⁴⁵.

Имела ли под собой какие-либо реальные основания подобная перспектива и что лежало в основе традиционных советских стереотипов об американской угрозе странам Восточной Европы? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо подробнее остановиться на политике США и других западных держав в отношении Венгрии и — шире — Восточной Европы в 1950-е годы.

Признавая ялтинско-потсдамские договоренности о разделе послевоенной Европы, США и их союзники неизменно воспринимали Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Албанию как страны, относящиеся к сфере влияния СССР. Вместе с тем с самого начала «холодной войны» в стратегических планах США не упускалась из виду сверхзадача десоветизации этих стран (в первую очередь Чехословакии, Польши и Венгрии), присоединения их к западному миру в целях ослабления реальной или мнимой экспансионистской угрозы с Востока. В качестве программы-минимум выдвигалась «тито-изация» восточноевропейских государств, т.е. установление в них неконтролируемых Москвой коммунистических режимов по образцу югославского. Усилия, направленные на решение этой задачи, предполагали целый набор методов политического, экономического, психологического давления. При президенте Г.Трумэне особенно большое внимание уделялось экономическому воздействию в целях создания перманентных трудностей в хозяйстве стран-союзников СССР. Начиная с 1948 г. принимаются меры по ограничению и даже прекращению экспорта в Восточную Европу таких товаров, которые способствовали бы укреплению промышленного и особенно военного потенциала стран советского блока. Вместе с тем в вопросе о масштабах сокращения экономических связей с Востоком в западном лагере существовали разногласия. Под давлением европейских союзников, более заинтересованных в торговле с Восточной Европой, правительству США неоднократно приходилось корректировать свою жесткую линию⁴⁶.

Президент Д.Эйзенхауэр, пришедший к власти в начале 1953 г., с самого начала отрицательно отнесся к системе торговых ограничений, способных ударить рикошетом по экономике союзников. «Мы не можем себе позволить, чтобы американская политика привела к снижению жизненного уровня в странах Западной Европы, если хотим, чтобы эти страны стояли на нашей стороне в противоборстве с Советским Союзом», — заявлял он⁴⁷. Отныне предпочтение отдавалось не экономическим, а психологическим формам давления. С приходом администрации Д.Эйзенхауэра с Д.Ф.Даллесом в качестве государственного секретаря концепция восточноевропейской политики США претерпевает существенные изменения: на смену трумэновской доктрине «сдерживания» коммунизма приходит доктрина «освобождения», провозглашавшая право США и западного сообщества на более активную, динамичную, наступательную политику в отношении стран-сателлитов СССР.

Основные положения новой доктрины были впервые сформулированы Дж.Ф.Даллесом в мае 1952 г. на страницах журнала «Life», а в июле того же года нашли отражение в предвыборной платформе республиканской партии, сформулированной при непосредственном участии Даллеса. В ней выражалось намерение «всемерно способствовать подлинному освобождению поработанных народов Восточной Европы», тогда как предшествующая политика

администрации Трумэна на восточноевропейском направлении называлась бесплодной и аморальной, поскольку «оставляла огромные массы людей во власти деспотизма»⁴⁸. Ради достижения этой цели не исключался даже пересмотр ялтинских соглашений, расценивавшихся как уступка мировому коммунизму. 24 августа 1952 г. Эйзенхауэр прибегнул к «освободительной» риторике на съезде Американского легиона в Нью-Йорке. В случае своего избрания президентом он обещал, что США используют все свое «влияние, силу и мощь, чтобы помочь народам стран-сателлитов сбросить «ярмо русской тирании»». Было подчеркнуто, что США никогда не признают «советскую оккупацию» Восточной Европы и что американская помощь «порабощенным народам» будет оказываться вплоть до их полного освобождения⁴⁹. В необходимых случаях делались важные оговорки о том, что правительство США считает приемлемыми только мирные способы воздействия на ситуацию в Восточной Европе.

Придя к власти, республиканцы положили новую доктрину в основу своей практической политики. Оживляется деятельность восточноевропейских эмигрантских организаций, возрастает их влияние на госдепартаментские структуры, причастные к выработке внешнеполитического курса США на восточноевропейском направлении. Заметно увеличиваются бюджетные расходы на содержание пропагандистского механизма, обслуживающего восточноевропейскую аудиторию и призванного поддерживать в обществах этих стран «дух сопротивления» и надежды на освобождение в обозримом будущем (Радио «Свободная Европа», запуск воздушных шаров с листовками). «Освободительная» риторика все чаще звучала из уст официальных лиц, внушая оппонентам коммунизма в самих странах Восточной Европы надежды на более активное вмешательство США в регионе в интересах смягчения тоталитарных режимов⁵⁰. Хотя официальной американской риторике не хватало конкретики, указаний на те или иные реальные способы достижения внешнеполитических целей США, ее активный, наступательный характер достаточно серьезно воспринимался в Москве, рассматриваясь в контексте усиления позиций США и их союзников в Европе вследствие включения Западной Германии в НАТО в 1955 г. Реакцией на расширение НАТО явилось подписание в мае 1955 г. Варшавского договора, юридически оформившего уже фактически складывавшийся начиная с 1948 – 1949 гг. военный блок восточноевропейских государств под эгидой СССР.

Острые разногласия между СССР и США (а также Великобританией и Францией) в вопросе об интеграции Западной Германии в североатлантические структуры не исключали, однако, возможностей для продолжения диалога, активизировавшегося после смерти Сталина. В ходе этого диалога американская сторона рассчитывала вынудить СССР на определенные уступки, добившись, в частности, ослабления тотальной власти СССР над странами Восточной Европы. При этом со своей стороны США проявляли готовность принять во внимание интересы безопасности СССР, дать гарантии того, что в случае смены восточноевропейских режимов соседи СССР не только не будут проводить открытую антисоветскую политику, но и не войдут в НАТО. Определенные надежды на результативность переговорного процесса вселяло подписание в мае 1955 г. договора о воссоздании независимой Австрии, в соответствии с которым советские войска были выведены из Восточной Австрии в обмен на гарантии австрийского нейтралитета. В июле 1955 г. на Женевском совещании глав государств и правительств 4 великих держав Дж. Ф. Даллес затронул вопрос о

проведении свободных выборов в странах советского лагеря. Однако обрисованная им перспектива «финляндизации» Восточной Европы была с ходу отвергнута советской делегацией.

В месяцы, последовавшие за XX съездом КПСС, концепция «освобождения» претерпевала некоторую эволюцию. В документации Совета национальной безопасности США, относящейся к июлю 1956 г., отмечалось, что в сегодняшней нестабильной ситуации возросли возможности американского влияния на развитие событий в Восточной Европе в целях ослабления советского диктата. При этом особо подчеркивалось, что США должны воздействовать не только на массы, но и на правительства, вынуждать их корректировать свою политику⁵¹. Это предполагало дифференцированный подход к отдельным странам, поиски слабых звеньев в цепи советского лагеря. Акцент на мирные способы воздействия на ситуацию в Восточной Европе в это время усиливается. 11 июля 1956 г. на пресс-конференции в госдепартаменте США Дж. Ф. Даллес особо подчеркнул: «Идея, что мы можем помочь лишь прямым вмешательством, является, я думаю, ошибочной идеей. Непосредственное вмешательство во внутренние дела очень редко способствует переменам в зарубежной стране... Я полагаю, наибольшее, что мы можем сделать, это придерживаться старой исторической американской традиции и показывать другим в пример добрые плоды свободы у себя дома..., показывать нашим поведением и примером, сколь хороши плоды нашего типа общества»⁵².

Вопреки всей предшествующей «освободительной» риторике непосредственная реакция администрации США на восточноевропейские события октября 1956 г. была весьма сдержанной. В своих выступлениях от 20 и 22 октября президент Д. Эйзенхауэр выразил солидарность с борьбой польского народа за подлинный суверенитет, обещал экономическую помощь новому польскому руководству, избравшему более самостоятельный, национально ориентированный внешнеполитический курс. Более определенно высказался по вопросу о характере американской помощи госсекретарь Дж. Ф. Даллес 22 октября. Он прямо заявил, что не считает вероятной посылку войск США в Восточную Европу в целях противодействия советскому давлению на Польшу. Польский народ, подчеркнул Даллес, лишь в самом крайнем случае захочет американского военного вмешательства⁵³.

Венгерское восстание, превзойдя ожидания правительства США и других западных держав, явно не предвидевших такого размаха оппозиционных выступлений в восточноевропейской стране, в еще большей мере, чем польские события, высветило стратегическую необоснованность доктрины «освобождения» Восточной Европы, с которой администрация Д. Эйзенхауэра последовательно выступала начиная с 1953 г. Опасаясь дальнейшего раздувания конфликта, грозившего перерасти в столкновение двух военных блоков, правительство США с первых дней революции осознало, что его реальные возможности оказать воздействие на ход событий в стране, всецело относящейся к советской сфере влияния, ограничиваются выражением моральной поддержки вооруженной оппозиции и обещаниями материальной помощи в будущем. Государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес 27 октября, выступая в г. Далласе, сделал принципиально важное заявление о том, что США, предлагая помощь восточноевропейским странам, стремящимся к освобождению от советского диктата, не обуславливает предоставление этой помощи сменой экономической

системы, интересам США в регионе в данных условиях отвечает не только либерализация, но и «титоизация» коммунистических режимов, т.е. ослабление влияния на них Кремля. Не менее отчетливо в выступлении Даллеса прозвучала мысль о том, что США в обозримом будущем не собираются рассматривать Венгрию как своего потенциального союзника⁵⁴. Посол США в СССР Ч.Болен получил специальное поручение донести содержание заявления Даллеса до советских лидеров, что и было незамедлительно сделано. Подобные заверения, однако, едва ли могли ослабить в сознании советских руководителей синдром перманентной военной угрозы со стороны США и их союзников. Рожденный в конце 1940-х годов, во время апогея «холодной войны», он продолжал определять доктрину безопасности СССР и в условиях некоторого потепления советско-американских отношений, которое стало намечаться после 1953 г.

Итак, как уже отмечалось, 25 октября руководство КПСС устами своих высокопоставленных представителей А.Микояна и М.Сулова самым категорическим образом высказалось против возможного вывода советских войск из Венгрии. Однако сколь ни было неприемлемо для лидеров СССР в начале венгерского восстания предложение об уходе Советской Армии, дальнейшее развитие событий в этой стране за считанные дни зашло настолько далеко, что такая перспектива стала восприниматься ими как достаточно реальная. Более того, венгерский кризис со всей остротой поставил перед ними вопрос об оптимальности прежних доктринальных основ восточноевропейской политики СССР, заставил оценить их с точки зрения эффективности.

Осознание неизбежности некоторых компромиссов в интересах стабилизации положения в Восточной Европе проявилось впервые в связи с польскими событиями. Еще 21 октября, через два дня после встречи советских и польских лидеров, Президиум ЦК КПСС, уступив давлению Варшавы, принял решение о том, чтобы отозвать советников из силовых структур Польши — в Кремле, вероятно, поняли, что их присутствие в этой стране лишь способствует усилению антисоветских настроений⁵⁵. Как явствует из тех же записей заседаний Президиума, в это время, однако, в Москве еще не до конца считали закрытым вопрос о методах разрешения польского кризиса и, в частности, о возможном применении военной силы в Польше. Венгерское восстание не только перенесло основное внимание с Польши на Венгрию, но и заставило сопоставить опыт двух стран, чтобы определить сущность событий в каждой из них и установить, в какой мере те и другие события угрожают интересам безопасности СССР. Как уже отмечалось, вечером 23 октября в ходе дискуссии сразу несколько выступавших (Г.К.Жуков, Л.М.Каганович, М.А.Сулов) обратили внимание на отличия венгерской ситуации от польской: последняя внушала меньше опасений с точки зрения угрозы социализму⁵⁶. Применительно к Польше был в конечном итоге разыгран мирный сценарий. Рискнув сделать ставку на Гомулку, выступавшего за расширение самостоятельности Польши в рамках социалистического выбора, в Москве сочли, что менее зависимое от Кремля, но в то же время более популярное у себя дома коммунистическое руководство может оказаться для СССР в известном смысле предпочтительнее марионеточного правительства, поскольку способно собственными силами нейтрализовать настроения недовольства и тем самым доставит меньше хлопот.

Подобный пересмотр тактики⁵⁷ означал для Москвы достаточно серьезный отход от ее традиционной доктрины безопасности и был безусловно нелегким в

психологическом отношении выбором — Гомулке с его прочной репутацией «право-националистического уклониста» по-прежнему не до конца доверяли. Но сделанный выбор стал с самого начала оправдывать себя — уже к середине 20-х чисел октября в Кремле не могли не видеть первых признаков начавшегося ослабления внутривластной напряженности в Польше. Смирившись с избранием Гомулки и пожертвовав маршалом К.Рокоссовским, вскоре освобожденным от поста министра обороны ПНР, а также большой группой советников от Минобороны, КГБ и МВД, советское руководство, однако, не лишилось Польши как своего военного союзника, предотвратило дальнейший сдвиг вправо в этой стране. Удача мирного варианта развития в Польше, равно как и очевидная неэффективность вооруженной акции в Венгрии заставили советских лидеров уже после ее осуществления всерьез рассмотреть вопрос о возможностях мирного, политического урегулирования венгерского кризиса, лишь обострившегося после применения военной силы.

Споры о том, какой сценарий принять в отношении Венгрии, проходили на заседаниях Президиума от 26 и 28 октября⁵⁸. Вначале безусловно доминировала идея вооруженного подавления. «Войска не выводим — подавить надо решительным образом», — говорил Ворошилов. В таком же духе высказывались и некоторые его коллеги по Президиуму ЦК⁵⁹. Микоян и Сулов были подвергнуты критике за чрезмерную уступчивость⁶⁰. Молотов продолжал открыто отстаивать за Советским Союзом право силы в отношениях со своими восточноевропейскими партнерами. Я.Кадар, проявивший готовность повести переговоры с постанцами, был подвергнут критике, а еще более склонный к компромиссу с революционными силами

И.Надь устами Ворошилова был объявлен «ликвидатором». Характерно предложение Ворошилова от 28 октября, предвосхитившее разыгранный несколькими днями позже сценарий с приходом к власти правительства Я.Кадыра: «Выработать свою линию, к ней присоединить группу венгерских людей». С Ворошиловым солидаризировался Булганин: «может быть придется назначить правительство самим»⁶¹.

Но как следует из записей заседаний Президиума ЦК КПСС, советские лидеры осознавали массовый характер народного движения в Венгрии, участие в нем рабочего класса⁶². Были приняты во внимание всевенгерский размах восстания, быстрота, с которой рухнула вся система органов власти в столице и на местах, переход части армии на сторону восставших. Склонность И.Надя к весьма далеко идущему компромиссу с повстанцами, с особой отчетливостью проявившаяся в его выступлении от 28 октября, также была фактором, с которым приходилось считаться при определении политической линии Кремля. «Надь вот-вот выступит против нас», — предрекал Молотов⁶³. Хрущев также опасался капитуляции Надя, но при этом заметил, что удержать под своим контролем действующее правительство — вариант более предпочтительный для Москвы, нежели создавать новое. Возможную отставку Надя в знак его несогласия с дальнейшим пребыванием советских войск в Будапеште Хрущев расценил как нежелательный поворот в событиях, предвидя резкий сдвиг вправо в случае, если Надя не сумеет удержать власть в своих руках⁶⁴. В сложившейся ситуации решено было проявить политическую гибкость (интересно, что о необходимости большей «политической гибкости» первым заговорил главный советский «силовик», маршал Жуков). Возникла идея подготовить обращение к венграм от имени советского правительства

в поддержку И.Надя («а то только стреляем», — красноречиво заметил при этом Хрущев⁶⁵). Решение о поддержке правительства И.Надя было принято 28 октября единогласно: в его пользу сдержанно высказались даже такие «ястребы», как В.Молотов и К.Ворошилов («Не на кого опираться. Иначе война»). Н.Булганин отметил, что продолжение боевых действий в Венгрии «нас втянет в авантюру», а Л.Каганович добавил, что оно «уведет нас далеко»⁶⁶. Решено было не возражать против требования правительства И.Надя о выводе советских войск из Будапешта в места их постоянной дислокации. Г.Маленков при этом затронул вопрос о необходимости согласия правительств соответствующих стран на пребывание советских войск.

В соответствии с полученным приказом советские танки 29 — 30 октября покинули улицы Будапешта. С удовлетворением приняв к сведению этот факт, «Szabad Nép» в статье под характерным заголовком «Светает» констатировала победу народного движения. Молодежная «Szabad Ifjúság» призывала повстанцев положить конец вооруженной борьбе, поскольку первоочередная цель была достигнута⁶⁷.

Стремление к компромиссу доминировало и на заседании Президиума ЦК КПСС от 30 октября⁶⁸, на котором была принята опубликованная на следующий день в «Правде» «Декларация об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами», важнейший документ тех дней, призванный выразить официальную позицию СССР перед мировой общественностью. В Декларации с известной самокритичностью был оценен характер отношений между СССР и европейскими социалистическими странами, указано на необходимость большего равноправия, обсуждения спорных вопросов, к числу которых относились и вопросы о пребывании советских воинских частей на территории других стран⁶⁹.

По мнению многих исследователей, принятие Декларации явилось не более чем тактической уловкой, призванной отвлечь внимание от военных приготовлений, тем более, что и в день ее принятия в Венгрию переправлялись новые воинские части из СССР⁷⁰. Однако запись ее обсуждения на Президиуме ЦК показывает, что советское руководство всерьез рассматривало вопрос о пересмотре характера отношений внутри лагеря. «Ходом событий обнаружился кризис наших отношений со странами народной демократии», — говорил министр иностранных дел СССР Д.Шепилов. Антисоветские настроения в этих странах широки, продолжал он, и для того, чтобы их преодолеть, необходимо «устранить элементы командования» из практики межгосударственных отношений⁷¹. Г.Жуков расценил венгерский кризис как урок «для нас в военно-политическом отношении». «Упорствовать дальше — неизвестно, к чему это приведет», — заключил он⁷². М.Сабуров связал истоки происходящих событий с недостаточно последовательным воплощением идей XX съезда КПСС⁷³.

Силовая политика в Венгрии, таким образом, не оправдывала себя. Очевидная неудача военного вмешательства 24 октября не только заставляла часть советских лидеров искать другие, более действенные способы разрешения венгерского кризиса, но и вплотную подводила их к мысли о необходимости некоторой корректировки всей системы отношений с восточноевропейскими странами, поскольку та, при всей видимой всеохватности советского контроля над Восточной Европой, на самом деле не решала главную свою задачу - сохранение

внутриполитической стабильности в странах этого региона, находящегося в непосредственной близости от СССР и входящего в сферу его жизненных интересов. Пребывая в состоянии немалой растерянности, когда все испытанные до тех пор средства показались неэффективными, советские руководители решили испробовать мирный вариант, увидев в курсе И.Надя на компромисс с повстанцами последний шанс стабилизировать обстановку.

Но и эти надежды не оправдывали себя. Нота беспокойства все отчетливее звучала в донесениях Микояна и Сулова за конец октября: положение ухудшается, в руководящих органах ВПГ чувствуется беспомощность, неспособность к овладению ситуацией⁷⁴. После получения Президиумом ЦК КПСС 30 октября (вероятно, к концу заседания) информации о реорганизации правительства И.Надя на основе многопартийности, Молотов заметил: политическая обстановка определилась, создано антиреволюционное, переходное правительство⁷⁵. Ожидался, таким образом, дальнейший сдвиг вправо.

Процесс плюрализации, развернувшийся в венгерском обществе с крахом прежней, монолитной системы тоталитарного типа, сопровождался, между тем, усиленными поисками дальнейших путей развития Венгрии. Большинство выступлений в независимой прессе тех дней, как правило, не выходило за рамки левого спектра политической жизни⁷⁶. Известный публицист М.Гимеш на страницах возникшей 30 октября новой газеты «Magyar Szabadság» не только затронул болезненную для венгерского национального сознания проблему присутствия советских войск, но и попытался обрисовать контуры формирующейся новой внешнеполитической доктрины Венгрии. Изгнание немецких войск Красной Армией в 1945 г. могло бы, по мнению автора, стать, но все же не стало «началом нового, счастливого этапа в венгерской судьбе». Страна не будет подлинно свободной до тех пор, пока на ее территории, «вопреки воле венгерского народа», размещены иностранные войска. Независимая внешняя политика, без которой «нет здорового развития нации», отнюдь не предполагает недружественную позицию в отношении «нашего могучего соседа» — СССР и «товарищей по исторической судьбе» — восточноевропейских народов. Однако и железный занавес вдоль западных границ не отвечает интересам Венгрии — ведь для маленькой страны, тем более переживающей серьезные экономические трудности, «каждый друг дороже золота». Наш народ героически сражался за свою свободу, противостоя огромной превосходящей силе. Но окончательная победа не может быть завоевана без дальновидной внешней и последовательной внутренней политики. Независимая Венгрия станет одновременно демократической Венгрией. Там, где пролилась кровь, должны взойти цветы свободы. «Нам нужна демократия — такое государственное устройство, где закон защищает или наказывает граждан с максимальной беспристрастностью, где наиболее полно осуществляются права человека: свобода слова, печати, совести, собраний, организаций, право на труд и образование, где в рамках, определенных законом, в максимально полной мере реализуется воля народа, где меньшинство подчиняется мнению большинства, а большинство безусловно уважает неотъемлемые права меньшинства». Причем основой нашего демократического строя станут три «важнейших, непреходящих достижения последних 12 лет: то, что земля принадлежит крестьянам, заводы — рабочим, право на образование — всем»⁷⁷.

Стоя, как и подавляющее большинство публицистов венгерской революционной прессы тех дней, на платформе социализма, М.Гимеш призывал венгров считаться с тем, что «за спиной сил национальной демократической революции затаились и реакционные, антинародные, враждебные прогрессу тенденции». Иногда они выступают открыто, что представляет серьезную опасность для нашей революции, поскольку «пятнает грязью чистоту нашей борьбы», может лишить венгерскую революцию симпатий мирового общественного мнения и повысить опасность нового иностранного вмешательства. Надо с абсолютной принципиальной непреклонностью бороться как против всех пережитков прежней политики, так и «против всяческих проявлений контрреволюции». «Только так мы сможем построить независимую, свободную, демократическую Венгрию, служить которой мы поклялись и в радости, и в горе». Опасность слишком резкого сдвига вправо осознавалась, таким образом, в независимой прессе тех дней, решительно выступавшей с программой обеспечения национального суверенитета.

1 ноября та же газета «Magyar Szabadság» опубликовала статью под характерным заголовком «Независимая Венгрия должна стать нейтральной». В ней проводилась мысль о Венгрии как о мосте между Западом и Востоком. О необходимости разбить «железный занавес», установить более тесные экономические связи с Западом писала газета «Magyar Világ». «Népszava», которая с восстановлением в конце октября социал-демократической партии снова (как и до 1948 г.) стала ее органом, освещала работу заседания бюро Социинтерна в Вене, где обсуждался вопрос о перспективах подключения Европейского Экономического Сообщества к экономическому возрождению Венгрии. Общей для публикаций самых разных газет была революционная патетика с неизменной оглядкой на мировое общественное мнение: мы «пишем всемирную историю»; мы «малая, но героическая нация, перед которой все народы мира приспускают флаги в знак почета и уважения». Революционная фразеология в известной мере отличала даже католическую газету «Ujjetber». В отличие от контрреволюции или путча,

«исполнители которых обычно стремятся просто к захвату власти», революция преследует не разрушительные, а созидательные цели, писала она. Подлинной революцией явились нынешние венгерские события. «Не ради реакции или реставрации отдали свою жизнь люди, которых в качестве героев уважает и оплакивает весь трудовой народ — рабочие, крестьяне и интеллигенция». Венгерский Октябрь был одной из «наиболее великих и правдивых революций венгерского народа»⁷⁸.

На международном аспекте событий сосредоточился в своем выступлении по радио 30 октября З.Тилди, в 1940-е годы влиятельный деятель партии мелких хозяев, в 1946—1948 гг. президент страны, отстраненный затем коммунистами от власти и проведенный 8 лет под домашним арестом (в конце октября он стал членом правительства И.Надя). «Народ должен сам, без вмешательства извне определять будущее страны... Мы — малая нация, но мы хотим свободно жить в своей стране, жить своей национальной жизнью. Жить во взаимном уважении с другими народами и нациями, которые также уважают свои национальные особенности, свою культуру, свою национальную волю... Я убежден, что если народы и руководители Советского Союза увидят, что они ведут переговоры не с униженной, а со свободной нацией, то их отношение к нам будет другим —

между нами будет больше взаимопонимания, уважения и любви. Теперь на всех вас лежит громадная ответственность. Мы должны возвести все здания новой национальной жизни. Мы должны начать нашу свободную жизнь, и вам самим предстоит охранять нашу свободу, которой угрожают не только насилие, но. и хаос. Будьте бдительны, защищайте все то, чего достигли и мы, и вы, все то, за что мы боролись, — это наше ценнейшее достояние».

«Воля народа, национальная революция победили! Эта воля выразилась в героической борьбе молодежи, писателей, сотен тысяч рабочих, крестьян, всей страны. Эту волю не смогли сломить ни насилие — в каких бы формах оно ни проявилось, ни сопротивление. Глубоко потрясенный, я стою перед микрофоном. Я не написал заранее своей речи, поэтому, возможно, в ней не все будет складно сказано, но я с любовью и радостью, переполняющими мое сердце, приветствую нашу дорогую венгерскую молодежь», достойно продолжившую героические традиции борцов революции 1848 г. «Венгерскому правительству остается только безотлагательно провозгласить национальным праздником тот день, когда вы начали свою борьбу»⁷⁹.

В те же самые часы, когда Тидди стоял перед микрофоном, на площади Республики перед зданием горкома ВПТ произошел кровавый, не до конца еще проясненный инцидент, жертвами которого стало более 20 человек, включая секретаря горкома

И.Мезе. При том, что первыми, по всей вероятности, открыли огонь охранявшие здание сотрудники госбезопасности⁸⁰, жестокая расправа над безоружными людьми получила единодушное осуждение самых разных политических сил, включая наиболее радикальные, что нашло отражение и на страницах вышедшей из-под цензурного контроля прессы, в том числе в выступлениях видных политических деятелей. Лидер воссозданной социал-демократической партии, непримиримая оппонентка режима Ракоши А.Кетли в этой связи напомнила трудящимся о «страданиях, которые начались в августе 1919 г. (время падения Венгерской советской республики — А.С.), о расправах над невинными, о сниженных наполовину заработках, о тюрьмах и концлагерях белых. Освободившись из одной тюрьмы, мы не позволим превратить нашу страну в тюрьму «другого цвета». Сегодня контрреволюция успокаивающе нашептывает нам, что у нее и в мыслях не было повторять то, что она совершила в свое время. Но мы должны быть бдительны и, восстанавливая партию, мы должны бороться за то, чтобы этот шепот не сменился ликующим хохотом. Мы должны защитить наши заводы, шахты и землю, которые должны остаться в руках народа, обеспечить возможность для творческого и созидательного труда»⁸¹. Пробил час не мести, а восстановления справедливости — подчеркивал в одной из статей другой последовательный антисталинист, писатель Т.Дери⁸².

Эксцесс на площади Республики вызвал отклики и за пределами Венгрии, указав мировой общественности, симпатизировавшей венгерским повстанцам, на реальную опасность разгула насилия, анархии и охлократии в случае распада органов государственной власти и неспособности правительства сдержать резкий сдвиг политической жизни вправо.

Об усилении анархических тенденций свидетельствовал и произошедший 29 октября захват повстанцами группы И.Дудаша здания газеты «Szabad Nép». Этот факт хорошо описал в своем «Венгерском дневнике» очевидец революции изве-

стный польский поэт и публицист В.Ворошильский: Вооруженные люди «явились в редакцию и стукнули кулаком по столу:

— Хватит кормить народ ложью и руганью.

Редакторы возмущенно заявили, что не станут разговаривать с хулиганьем, и покинули помещение.

„Szabad Nép“ перестала существовать»⁸³.

Почти одновременно с ликвидацией своего печатного органа прекратила существование, самораспустилась ВПГ. В условиях формирования многопартийности группа ее видных деятелей и ветеранов коммунистического движения, включая И.Надя, Я.Кадара, всемирно известного философа Д.Лукача, выступила инициатором создания новой партии — Венгерской социалистической рабочей, ВСРП, провозгласившей программу строительства социализма на основе полного разрыва со сталинским наследием⁸⁴. 1 ноября партия начала издавать газету «Népszabadság», главную газету страны на протяжении всей последующей, кадаровской эпохи.

При всем стремлении основателей новой партии не подчеркивать свою преемственность ВПГ многие видные коммунисты-реформаторы не торопились со вступлением в нее. Так, группа видных журналистов центральной прессы (М.Гимеш и др.) дистанцировалась от ВСРП и, отмежевавшись вместе с тем от социал-демократии, заявила о создании социалистической партии. Издаваемая этими людьми газета «Magyar Szabadság» провозгласила свободу всем партиям, кроме тех, которые хотят монополизировать истину и подавить другие идейно-политические течения.

Позицию той части интеллигенции, которая ориентировалась не на коммунистов, а на силы крестьянской демократии, но при этом упорно отстаивала социалистическую идею, выразил классик национальной литературы Л.Немет 1 ноября на страницах газеты «Új Magyarország». За минувшие десятилетия Венгрия, писал он, довольно далеко продвинулась по пути социализма. «Не учитывать этого в горячке разрушения старого режима — такой же огромный промах, как тот, что совершили коммунисты, когда, не принимая во внимание реальное состояние венгерской экономики», приступили к строительству социализма по советскому рецепту. Наша национальная традиция обязывает нас сохранять верность принципу социализма, о воплощении социалистической идеи многие из нас мечтали в молодости, мы держались за нее даже в годы сталинистского произвола, когда оказались лицом к лицу с «такими методами, перед которыми был бессилён накопленный венграми опыт». А потому сегодня спор идет не о том, сохранить ли в Венгрии социализм или реставрировать буржуазный строй, а «скорее о том, быть ли нашему социализму точной копией заграничных образцов или приспособлять общие принципы к венгерскому характеру, к венгерской экономической ситуации. Сейчас спор решился: нация... решила его сама. Но решение направлено не против социализма — лишь против его формы, чуждой для нас». Все партии правительственной коалиции, продолжал Немет, должны высказаться за верность некоторым кардинальным принципам социализма: например, сохранению заводов в собственности государства, невозвращению крупных земельных владений. «Особые цели и задачи партий начинались бы за пределами этих немногочисленных общих принципов, коренясь в специфических интересах представляемых ими общественных групп».

После победы революции, писал Л.Немет, встает вопрос и о будущем политическом устройстве Венгрии. Так как нация захочет воспользоваться своим вновь обретенным правом, необходимо будет провести свободные выборы, однако не хотелось бы восстанавливать в прежнем виде старую парламентскую систему с ее «мелочной суетой». А потому политики старшего поколения должны уступить место «сделавшей революцию и очистившейся в ней молодежи». По мнению Немета, выразившего довольно характерные для атмосферы тех дней умонастроения венгерской интеллигенции (и не только приверженцев социализма в какой-либо его форме), весь мир «после этой ошеломляющей революции ждет от нас образцовой модели политического устройства»⁸⁵.

В последние дни октября до образцовой модели было очень далеко. С выводом советских войск из Будапешта напряженность отнюдь не спала. Вести, ежечасно поступающие из Венгрии, вели к разочарованию руководства СССР в возможности удержания ситуации под контролем политическими средствами. Если 30 октября в Кремле еще продолжали искать мирный путь урегулирования кризиса (хорошо осознавая при этом пределы уступок — речь могла идти лишь о сохранении коммунистов у власти и о выполнении Венгрией своих союзнических обязательств), то уже на следующий день положение изменилось. При принятии решения о применении силы сугубо идеологические соображения перемешивались с геостратегическими, в которых доминировал привычный конфронтационный подход.

Как и неделей раньше, в ночь с 23 на 24 октября, при решении венгерского вопроса в советском руководстве не было полного единодушия. Возвратившийся 31 октября в Москву А.И.Микоян на следующий день, 1 ноября, на заседании Президиума ЦК решительно высказывался против нового военного вмешательства, считая не до конца исчерпанными политические средства разрешения кризиса⁸⁶. Его позиция однако в то время уже не нашла поддержки других членов Президиума ЦК, накануне, 31 октября, принявшего принципиальное решение о вооруженной интервенции, подготовке устранения действовавшего правительства И.Надя и формировании нового, полностью контролируемого Москвой⁸⁷.

Выбор, сделанный 31 октября, явился не просто плодом напряженных раздумий Н.С.Хрущева о судьбах социализма в Венгрии, красноречиво описанных им в широко известных мемуарах⁸⁸. На принятии решения сказались некоторые внешние факторы, в полной мере заявившие о себе в последние дни октября. Правительство США продолжало демонстрировать свою незаинтересованность в венгерских делах. 29 октября об этом прямо уведомил советских лидеров посол США в СССР Ч.Болен. Президент Д.Эйзенхауэр был в те дни озабочен предвыборной кампанией. 31 октября в своем предвыборном телевизионном выступлении он еще раз заверил мировую общественность о политике невмешательства США во внутренние дела других государств⁸⁹. В очевидном противоречии с официальной позицией американского правительства находилась деятельность радиостанции «Свободная Европа», максимально активизировавшей в те дни вещание на Венгрию. Звучавшие по радио призывы к повстанцам о продолжении сопротивления вплоть до прихода помощи от Запада (не обязательно военной, но прежде всего через ООН и по другим дипломатическим каналам) не только не способствовали прекращению кровопролития, но вели к новым человеческим жертвам⁹⁰. Судя по всему

советские лидеры, планируя свои действия в Венгрии, не переоценивали значения американской пропагандистской риторики и справедливо исходили из малой вероятности серьезного вмешательства США в Венгрии в случае советской интервенции (характерны слова Хрущева в ходе обсуждения: «большой войны не будет»). Укрепление пошатнувшегося советского влияния в Венгрии предстояло осуществить малой кровью⁹¹.

Следует сказать, что в правящих кругах США не было полного единства взглядов относительно американской реакции на венгерские события. Так, Пентагон занимал определенно более жесткие позиции, нежели внешнеполитическое ведомство⁹². Впоследствии администрация Эйзенхауэра, по мнению Г.Киссинджера, не сделавшая «ни малейших попыток поднять цену советской интервенции», подвергалась критике со стороны видных политических аналитиков именно за уступчивость⁹³.

Важным внешним фактором, повлиявшим на принятие в Москве окончательного решения по «венгерскому вопросу», явился разыгравшийся в те же октябрьские дни 1956 г. ближневосточный, суэцкий конфликт. Обязавшись финансировать строительство жизненно необходимой для Египта Асуанской плотины, США и Великобритания затем отказались от своего обещания, ссылаясь на активизировавшееся сотрудничество режима Г.А.Насера со странами советского блока (в том числе и в военной области – речь шла, в частности, о закупках вооружения у Чехословакии). В ответ на это президент Насер 26 июля, не спрашивая соизволения хозяев, подписал акт о национализации Суэцкого канала, принадлежавшего британско-французской компании. Пошлины, полученные с кораблей, проходящих по каналу, должны были стать источником сооружения плотины. Предпринимавшиеся в течение августа–сентября дипломатические усилия по урегулированию конфликта не увенчались успехом и в результате был избран силовой вариант.

Как доказывает в своей работе венгерский историк Ч.Бекеш, принципиальное решение о военных действиях в отношении Египта было принято еще до венгерского восстания⁹⁴. Это не означает, однако, что, выбирая момент для начала акции и планируя ее осуществление, правящие круги Великобритании и Франции совершенно не учитывали осложнения ситуации в Восточной Европе (прежде всего в Польше и Венгрии), способного до известной степени отвлечь внимание руководства СССР от происходящего на Ближнем Востоке и уж во всяком случае снизить вероятность активного советского противодействия политике европейских держав, в частности, посылки войск в район Суэцкого канала.

Зная о пограничных спорах Египта с Израилем, Великобритания и Франция нашли в последнем союзника для осуществления задуманной акции. 29 октября 10 израильских бригад вторглись на Синайский полуостров и предприняли наступление по египетской территории в направлении Суэцкого канала. На следующий день в соответствии с предварительно разработанным (согласованным с Израилем) планом Великобритания и Франция выступили с ультимативным требованием к двум враждующим сторонам отвести свои армии на 10 миль от канала, отрезавшего Синайский полуостров от остальной египетской территории. Это означало, что Египет лишался возможности дать отпор агрессору, Израиль мог беспрепятственно аннексировать Синайский полуостров, а Великобритания и Франция восстанавливали контроль над каналом.

Поскольку Насер не принял ультиматум, 31 октября британская авиация начала бомбардировки Каира и Порт-Саида.

Как свидетельствует из записей заседания Президиума ЦК КПСС, Хрущев уже 28 октября был осведомлен о военных приготовлениях Великобритании и Франции на Ближнем Востоке. Ближневосточная политика двух западных держав явилась для него одним из важных аргументов в пользу мирного варианта решения венгерской проблемы («Политически нам выгодно. Англичане и французы в Египте заваривают кашу. Не попасть бы в одну компанию»⁹⁵). Но по мере дальнейшего развития событий на Суэце менялся и взгляд на них из Москвы. Из записей заседаний Президиума ЦК КПСС за 31 октября⁹⁶ видно, что советское руководство в сложившейся обстановке мало надеялось на способность дружественного египетского режима к длительному сопротивлению, ожидало от него неминуемых уступок и в силу этого расценило ход событий на Суэцком канале как сдачу своих позиций на Ближнем Востоке. Поскольку в Венгрии Советскому Союзу также пришлось пойти на принципиальные уступки (дать согласие на вывод своих войск), напрашивалась явная параллель — как венгерские, так и ближневосточные события воспринимались как звенья одной цепи, два симптома ослабления советского влияния в мире («Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов-империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать. Мы проявим тогда слабость своих позиций. Нас не поймет наша партия. К Египту им тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет», — рассуждал Хрущев). Демонстрация военной силы в Венгрии могла опровергнуть подобное представление, и это было важным аргументом в пользу ее необходимости. Кроме того, антиегипетская акция трех стран, кстати, не поддержанная правительством США и осужденная многими западными, не только левыми, политиками, стала тем внешним фоном, на котором советская интервенция в Венгрии могла бы вызвать более снисходительное отношение мировой общественности. Наконец, и это самое важное, вовлеченность стран НАТО в ближневосточный конфликт снижала вероятность активного вмешательства этого блока в Восточной Европе, тем более в момент, когда внутри западного лагеря впервые за послевоенный период столь отчетливо проявились принципиальные разногласия⁹⁷. Таким образом, благодаря суэцкому кризису СССР получал больше свободы рук в венгерских делах.

На принятии в Москве решения в пользу силовых действий в Венгрии сказалось также давление китайского руководства. Позиция, занятая Пекином в отношении кризисных событий в странах Восточной Европы, не была однозначной и менялась с течением времени⁹⁸. 19 октября, в тот самый день, когда в Варшаве делегация КПСС так и не смогла склонить пленум ЦК ПОРП к принятию угодных советским лидерам решений, из Москвы в Пекин была направлена телеграмма с приглашением прислать представителей КПК для консультаций по «польскому вопросу». Узнав из телеграммы о разрабатываемых в Москве планах силового вмешательства в Польшу, Мао Цзедун выразил советскому послу П.Ф.Юдину свой решительный протест⁹⁹. В основе его позиции лежала объективная заинтересованность Китая как второй коммунистической державы мира в ослаблении советской гегемонии в социалистическом лагере, что стало бы важной предпосылкой укрепления китайского влияния. 24 октября в Москву прибыли представители высшего китайского руководства Лю Шаоци, Дэн Сяопин и др., находившиеся в СССР до 31 октября. В ходе встреч с советскими

лидерами эмиссары КПК критически отзывались о внешней политике СССР, высказывались за пересмотр всей системы отношений СССР со странами

Восточной Европы на основе большего равноправия и уважения национального суверенитета. Как отчетливо видно из записей заседаний Президиума, в принятии Декларации 30 октября немалую роль сыграли консультации с китайскими коллегами. В дальнейшем, однако, позиция руководства КПК претерпела существенные изменения. Усиление в Венгрии антикоммунистических тенденций вызвало в Пекине серьезную озабоченность; крайне негативно, как начавшаяся сдача завоеваний социализма, были расценены шаги И.Надь к сближению с повстанцами. Заседанию Президиума ЦК КПСС от 31 октября предшествовала новая встреча Хрущева и других членов Президиума с Лю Шаоци и Дэн Сяопином, которые проинформировали советских лидеров о состоявшемся 30 октября заседании Политбюро ЦК КПК, указавшем на опасность

«капиталистической реставрации» в Венгрии и выразившем решительное несогласие планам вывода советских войск из Венгрии.

На угрозу выхода венгерских событий из-под коммунистического контроля указал советским лидерам в своей телеграмме от 30 октября и лидер итальянских коммунистов П.Тольятти¹⁰⁰. К мнению одного из влиятельнейших деятелей мирового коммунистического движения не могли не прислушаться, тем более, что в глазах Москвы Тольятти на протяжении десятилетий балансировал на грани «правого уклона», никогда, впрочем, не переступая эту грань.

Таким образом, целый комплекс внешних факторов повлиял на произошедший 31 октября новый поворот в политике СССР. Сыграл свою роль и внутренний фактор — реальные опасения Хрущева, что утрата Венгрии как союзника вызовет негативный отклик многих его соратников по партии (не только самых крайних сталинистов), покажется им явным сипто-мом ослабления державного положения СССР за годы, прошедшие после смерти Сталина (характерно его высказывание на заседании Президиума ЦК КПСС 31 октября: «Мы проявим тогда слабость своих позиций. Нас не поймет наша партия»¹⁰¹). За один день установки кардинально изменились («Пересмотреть оценку, войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии»¹⁰²). С таким трудом, но, казалось бы, уже обретенная новая концепция восточноевропейской политики СССР, предоставлявшая союзникам большее поле самостоятельности, была на следующий же день отброшена, произошел откат к традиционной силовой политике. Хотя сложившаяся международная обстановка едва ли давала серьезные основания говорить о возможности вооруженного конфликта между Западом и Востоком, восторжествовал взгляд на Восточную и

Центральную Европу прежде всего как на сферу военно-стратегических интересов СССР в его противостоянии с западными державами. «Угроза нашей Родине, использовать хотят Венгрию как базу против нас», — прозвучало на заседании Президиума ЦК КПСС 2 ноября¹⁰³.

31 октября на Президиуме ЦК был утвержден текст телеграммы в адрес П.Тольятти, в котором советские лидеры с полной определенностью заявляли: поскольку И.Надь «все более подпадает под влияние реакционных сил», они не будут «мириться с поворотом событий в сторону разгула реакции»¹⁰⁴. Министру обороны СССР Г.К.Жукову было поручено «с учетом обмена мнениями на заседании Президиума ЦК КПСС разработать соответствующий план мероприятий, связанных с событиями в Венгрии»¹⁰⁵.

Покинув к концу октября венгерскую столицу, советские воинские части расположились в непосредственной близости от нее. Аэродромы около Будапешта были заняты бронетанковыми соединениями Советской Армии. Посол Андропов в беседе с И.Надем 1 ноября мотивировал это начавшейся подготовкой к выводу войск. На деле, однако, происходил ввод новых соединений. Получив информацию о переброске на венгерскую территорию дополнительных воинских частей из СССР, правительство И.Надя радикализовало свои требования в диалоге с Москвой. 1 ноября послу была вручена нота с протестом против происходивших без разрешения венгерской стороны военных передвижений. Не получив от Андропова удовлетворительных объяснений, венгерское правительство 1 ноября приняло постановление о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора, превращении ее в нейтральное государство, обращении в ООН с просьбой о помощи в защите своего нейтралитета¹⁰⁶. Таково было мнение всех партий, образовавших в начале ноября правительственную коалицию, в том числе Венгерской социалистической рабочей партии, объявившей себя преемницей реформ-коммунистических сил самораспустившейся в конце октября ВПП. В тот же день, 1 ноября, И.Надь направил в Президиум Верховного Совета СССР телеграмму с просьбой назначить делегацию для скорейшего начала переговоров, а также место и время переговоров о выводе войск из Венгрии (состав венгерской делегации был объявлен). Советское руководство дало формальное согласие на ведение переговоров, которые были назначены на 3 ноября.

Осуществлению запланированной акции предшествовала серия тайных встреч Хрущева и других членов политического руководства СССР с лидерами социалистических стран. Советская сторона проинформировала их о своих планах и заручилась поддержкой. Особую позицию занял лишь польский лидер В.Гомулка, только что пришедший к власти на волне демократического подъема. Встреча советских руководителей с ним и премьер-министром Ю.Циранкевичем состоялась 1 ноября в приграничном белорусском городе Брест, КПСС представляли на ней Н.Хрущев, В.Молотов и Г.Маленков, давшие по окончании встречи телефонограмму в Москву: «Было некоторое общее понимание. [Позиция —] какую ожидали. Это внутреннее дело. Вмешиваться не сл[едует]»¹⁰⁷. Более подробно о содержании встречи Хрущев впоследствии поведал в мемуарах: «Изложили мы свою точку зрения товарищам Гомулке и Циранкевичу. Они выслушали молча. Мы поставили вопрос: «Как быть?» Гомулка высказался в том смысле, что, хотя ситуация очень сложная, все-таки применять вооруженную силу не следует. [...]. Полагаем, что и войска выводить не следует, и пускать их в дело тоже не следует. Надо дать возможность правительству, занявшему контрреволюционные позиции, разоблачить себя. Тогда венгерский рабочий класс сам свергнет его». «А какое на это потребуется время?» Так и не пришли к общему мнению. Распрощались, они сейчас же уехали в Варшаву. А мы условились еще раньше, что Молотов возвращается в Москву и извещает Президиум ЦК о позиции польских товарищей»¹⁰⁸. Восприняв известие о готовящихся действиях в отношении Венгрии с явным неудовольствием, Гомулка и Циранкевич все же обещали воздержаться от публичного протеста. Можно предполагать, что в их принципиальном решении сыграли немаловажную роль соображения о необходимости сохранения статус-кво в межблоковых отношениях. Провозглашение Венгрией нейтралитета было равноценно ее

выходу из советской сферы влияния, а потому не без оснований воспринималось как посягательство на пересмотр ялтинско-потсдамской модели, гарантировавшей Польше очень выгодные западные границы. Для понимания позиции В.Гомулки весьма показательным его выступление на VIII пленуме ЦК ПОРП 19 октября 1956 г.: «Польша нуждается в дружбе с Советским Союзом в большей мере, нежели Советский Союз нуждается в дружбе с Польшей... Без Советского Союза мы не можем сохранить наши границы с Западом»¹⁰⁹. Наше предположение подтверждается также записями беседы Н.Хрущева и Г.Маленкова с югославскими лидерами в ночь со 2 на 3 ноября, выполненными присутствовавшим на обсуждении послом ФНРЮ в СССР В.Мичуновичем. Как явствует из этих записей, в ходе встречи руководителей СССР и Польши был затронут вопрос о границах ГНР и реваншистских проявлениях в Германии¹¹⁰.

Позиция Югославии, продолжавшей до известной степени дистанцироваться от социалистического лагеря и не связанной блоковой дисциплиной, интересовала советских лидеров еще более, чем мнение польских руководителей. 31 октября Президиум ЦК КПСС уполномочил Н.С.Хрущева и Г.М.Маленкова на ведение переговоров с И.Броз Тито¹¹¹. Их встреча с Тито и его близкими соратниками Э.Карделем и А.Ранковичем состоялась в ночь со 2 на 3 ноября на острове Бриони в Адриатике.

Как отмечал в мемуарах Хрущев, а обширная переписка между советскими и югославскими руководителями, относящаяся к ноябрю 1956 — февралю 1957 г.¹¹², еще раз подтверждает, брионская встреча вопреки опасениям советских лидеров показала почти полное единодушие двух сторон в оценке происходившего в Венгрии. Будучи, как и Хрущев, сторонником монопартийного социализма, Тито не мог не встревожиться отнюдь не только из-за террористических акций в соседней Венгрии, но и из-за начавшегося там перехода от однопартийной системы к коалиционному правлению. Он согласился с Хрущевым в том, что И.Надь фактически расчистил дорогу «контрреволюции», что «завоевания социализма» поставлены под угрозу, и это делает необходимым вооруженное вмешательство СССР.

В качестве главы нового венгерского правительства югославской стороной был предложен Я.Кадар, к этому времени тайно порвавший с правительством И.Надя и уже находившийся в Москве. Советские лидеры приняли этот выбор, отказавшись от своих первоначальных планов поставить во главе правительства Ф.Мюнниха. Единственный источник, раскрывающий обсуждение этого вопроса, — те же мемуары В.Мичуновича. «После десяти вечера мы перешли в соседний зал, ужинать. За столом Хрущев снова поднял вопрос, кто должен формировать правительство. Видно, что Кадара они переваривают с трудом и что не он настоящий их кандидат. Хрущев опять хвалит Мюнниха: он только сейчас узнал, что Мюнних с начала и до конца был против Ракоши. Мюнних — старый коммунист, Хрущев знает его более двадцати лет. Когда-то, в тридцатых годах, они, офицерами советской (правильно: Красной — А.С.) армии, вместе были на двухмесячных сборах. Жили в одной палатке. Дело выглядит так, что русские уже составили правительство, премьер-министром же сделали Мюнниха. Тут прошу слово я. И говорю, что хорошо знаю Мюнниха, часто встречался с ним в Москве¹¹³ и тоже могу сказать о нем только хорошее. Однако, если выбирать между ним и Кадаром, то нужно принимать во внимание одно существенное политическое различие. Мюнних при Ракоши был послом в Москве, Кадар же сидел в тюрьме в

Будапеште. В глазах любого венгра это будет решающим аргументом в пользу Кадара. Хрущев признает правоту моих доводов и больше не спорит»¹¹⁴.

Возвращение Н.С.Хрущева и Г.М.Маленкова с Бриони к вечеру 3 ноября означало, что все дипломатические приготовления остались позади. Теперь слово было за ведомством Г.К.Жукова.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАЧАЛО КОНСОЛИДАЦИИ КАДАРОВСКОГО РЕЖИМА И СССР

1. Политика «нормализации» в Венгрии. Образование правительства Я.Кадара и первые недели его функционирования

Назначенному на 4 ноября наступлению советских войск предшествовала операция по нейтрализации командования венгерской армии. Правительство И.Надя в ноте, переданной 2 ноября, потребовало немедленно начать переговоры о выводе советских войск с территории Венгрии¹. Руководство СССР, как уже говорилось, дало формальное согласие на это требование, и смешанная советско-венгерская комиссия собралась в здании парламента 3 ноября в 14 часов. Делегацию СССР возглавлял первый заместитель начальника Генштаба генерал армии М.С.Малинин, венгерскую — заместитель председателя Совета Министров ВНР Ф.Эрдеи. В состав венгерской делегации входили высшие армейские руководители, выдвинувшиеся уже в период революции, в конце октября 1956 г. — министр обороны генерал-полковник П.Малетер и начальник Генштаба генерал-лейтенант И.Ковач. Венгерская сторона ставила вопрос о выводе советских войск с территории страны в течение од-ной-двух недель. Участвовавший в переговорах посол Ю.В.Андропов назвал эти требования нереальными, однако переговоры продолжались². По инициативе делегации СССР поздно вечером 3 ноября они были перенесены на советскую военную базу Текел близ Будапешта. Примерно в полночь, когда члены смешанной комиссии прервались на совместный ужин, в зал заседания прибыл председатель КГБ СССР И.А.Серов и объявил об аресте всех членов венгерской делегации, включая П.Малетера и И.Ковача. «Арестованные размещались в отдельных комнатах в здании гауптвахты под усиленной охраной. Их ошеломило случившееся, но они старались держаться с достоинством», — вспоминает очевидец события генерал-лейтенант Е.И.Малашенко³.

На рассвете 4 ноября до сведения личного состава советских войск в Венгрии был доведен приказ главнокомандующего Объединенными вооруженными силами стран-участниц Варшавского договора маршала И.С.Конева, содержавший политическую оценку событий как контрреволюционного мятежа и поставивший перед войсками задачу «оказать братскую помощь венгерскому народу в защите его социалистических завоеваний, в разгроме контрреволюции и ликвидации угрозы возрождения фашизма»⁴. Наряду с этим документом, определявшим общую, политическую цель советского военного вмешательства, существовал и другой приказ, ставивший перед участвовавшими в военной операции соединениями конкретные боевые задачи⁵. По свидетельству военных

историков, в архивах Министерства обороны обнаружены только выписки из такого приказа, а также донесения командиров соединений и начальников политорганов вышестоящему командованию о том, как выполняется данный приказ.⁵ С процитированным выше документом перекликается и еще один документ Министерства обороны, содержащий более подробную политическую характеристику венгерских событий. Речь идет об информации министра обороны Г.К.Жукова для командного состава Советской Армии и ВМФ. В этом документе говорилось: «При прямом попустительстве Имре Надя, пришедшего в конце октября с.г. к руководству, власть в стране перешла в руки т.н.

«революционных комитетов», которые и в центре и на местах начали насаждать антинародные порядки, зверски расправляясь с общественными и политическими деятелями Венгрии, противодействующими установлению этих порядков. Через австрийскую границу в Венгрию хлынула из-за границы буржуазная и помещичья реакция. События показали, что кабинет Имре Надя поставил себе главной задачей оторвать Венгрию от лагеря социалистических стран, вывести ее из Варшавского пакта и присоединить к союзу т.н. западных демократий, что создает прямую угрозу Советскому Союзу»⁶. Этот документ, относящийся к 4 ноября, свидетельствует о том, что уже в то время советское руководство пришло к оценке деятельности Имре Надя не просто как попустительской в отношении контрреволюции, а сознательно преследовавшей свою целью отрыв Венгрии от социалистического лагеря. Кроме того, в нем едва ли не впервые отчетливо прозвучал довольно фальшивый пропагандистский тезис об активном участии в событиях сил, заброшенных в Венгрию с Запада.

Тем же днем, 4 ноября, датируется Обращение командования советских войск в Венгрии к венгерскому народу, подготовленное при участии МИД СССР⁷. Этот документ, составленный в духе официальных установок Президиума ЦК КПСС, призван был разъяснить населению Венгрии цель советского военного вмешательства.

Военная операция с участием 17 советских дивизий, получившая условное название «Вихрь», была начата 4 ноября в 4.15 по средневропейскому (в 6.15 по московскому) времени. Общее командование осуществлял маршал И.С.Конев, прибывший в Венгрию еще 1 ноября. Наряду с усиленным дополнительными (танковыми, воздушно-десантными, артиллерийскими) частями Особым корпусом, получившим задачу овладения Будапештом, были задействованы введенные из Прикарпатского военного округа 8-я гвардейская механизированная и 38-я армии под командованием генерал-лейтенантов А.Х.Бабаджанияна и Х.Д.Мамсурова. Общая численность советских военнослужащих, принимавших участие в операции, составляла около 60 тыс. человек, половина из которых сражалась в Будапеште⁸. «Очень молодые ребята в бурых шинелях... не всегда знают, куда их привезли, часто едва говорят по-русски. Но в одном глубоко убеждены: что в этом городе громят подлых предателей-фашистов», — свидетельствует очевидец событий польский публицист В.Ворошильский⁹. Исследователи, как правило, отмечают высокий боевой настрой военнослужащих, глубокую веру подавляющего большинства из них в справедливость выполняемой интернациональной миссии¹⁰. Получивший распространение в публицистике начала 1990-х годов миф о том, что сотни советских солдат были якобы расстреляны в подвалах посольства СССР в

Будапеште за неповиновение приказам по политическим мотивам, не имеет под собой оснований¹¹.

С 4 ноября задача советских войск заключалась уже не в демонстрации силы и не в оказании помощи венгерской армии в наведении порядка, а в подавлении преданных правительству И.Надя и готовых отстаивать независимость Венгрии повстанческих отрядов и регулярных армейских частей. О планировании каких-либо совместных акций с венгерскими войсками в новых условиях речи быть не могло, части Венгерской Народной Армии, не оказывавшие прямого сопротивления, разоружались. Некоторые формирования действующей армии (например, зенитно-артиллерийский полк в Дунапентеле) оказали серьезное сопротивление советским войскам. Отдельные военнослужащие и даже целые подразделения сражались в составе повстанческих отрядов. Но большинство венгерских солдат и офицеров в боях не участвовало. Некоторые командиры, осознавая громадный перевес советских войск в численности и боевой технике (достаточно сказать, что на венгерскую территорию было введено около 6 000 танков), во избежание бессмысленного кровопролития отдали своим частям приказ о разоружении.

О ходе боевых действий в Будапеште и провинции дают представление лаконичные, но содержательные сообщения министра обороны СССР маршала Г.К.Жукова, направлявшиеся в Президиум ЦК КПСС с 4 по 10 ноября – сначала 2 раза в день, а с 7 ноября ежедневно¹². Части трех дивизий Особого корпуса устремились к столице с разных сторон и, преодолев на подступах к городу и окраинах вооруженное сопротивление разрозненных повстанческих отрядов, ворвались в Будапешт к 7 часам утра 4 ноября. Одновременно ряд других соединений Советской Армии предпринял наступление в провинции, заняв к середине дня Дебрецен, Мишкольц, Дьер, некоторые другие города, ликвидировав национальные комитеты и прочие местные органы власти, созданные революцией. Хотя по мере продвижения к центру Будапешта советским войскам пришлось выдерживать все более сильное сопротивление, уже к 7 ч. 30 мин. ими были захвачены мосты через Дунай, здания парламента, Центрального Руководства партии, министерств внутренних и иностранных дел, горсовета. Были заняты аэродромы, перекрыты дороги на Запад. Группа десантников захватила здание министерства обороны, изолировав находившихся в нем генералов и офицеров.

Имре Надь застал известие о начавшемся наступлении советских войск в здании парламента. В предшествующие дни, когда происходила переправка новых соединений на территорию Венгрии, он настойчиво пытался предотвратить с венгерской стороны какие-либо неосторожные действия, способные спровоцировать СССР, дать ему повод для вмешательства во внутренние дела страны. Но когда на рассвете 4 ноября для него стала очевидной целенаправленность уже начавшейся акции по свержению правительства, премьер-министр в 5 ч. 20 мин. сделал заявление по радио: «Говорит Имре Надь, председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики. Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с очевидным намерением свергнуть законное демократическое венгерское правительство. Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем посту. Я сообщаю эту весть народу страны и общественному мнению мира»¹³. Тесно соприкасавшийся в начале ноября с Имре Надем командующий формировавшейся Национальной

гвардией и военный комендант Будапешта генерал Бела Кирай (впоследствии профессор военной истории в США) следующим образом расценил его выступление ранним утром 4 ноября: «... он не отдал приказа о вступлении в сражение, но и не приказал воинам сложить оружие»¹⁴. Очевидно, в сложившейся ситуации, осознав невозможность хоть как-то повлиять на дальнейшее развитие событий, Надь считал за лучшее уклониться от активного вмешательства в происходящее. Если в предшествующие дни в его позиции доминировало стремление сохранить завоевания венгерского октября по обеспечению национального суверенитета, то теперь, осознав иллюзорность «венгерского пути к социализму» в силу объективных внешних факторов, он в большей мере был озабочен предотвращением кровопролития¹⁵. Вскоре после своего радиообращения И.Надь и 14 политических деятелей из его окружения (в том числе государственный министр Г.Лошонци), а также члены их семей, всего несколько десятков человек, по инициативе, проявленной югославской стороной, нашли убежище в посольстве ФНРЮ.

Общая численность отрядов сформировавшейся под командованием генерала Б.Кирая национальной гвардии на первые дни ноября составляла уже около 25 000 человек. С началом наступления Советской Армии многие из бойцов бросили оружие, но несколько тысяч продолжало сопротивляться (в одном лишь Будапеште, по приблизительным подсчетам, 4–5 тысяч человек). В их распоряжении были не только винтовки, пулеметы, а также легендарные, многократно обыгранные в публицистике «коктейли Молотова» (бутылки с зажигательной смесью), но и крупнокалиберные противотанковые и зенитные орудия, самоходные артиллерийские установки и даже танки. В районе Чепеля огнем зенитных орудий удалось сбить советский военный самолет, высланный в разведывательных целях.

К концу дня 4 ноября в Будапеште остались два крупных очага сопротивления – в районе кинотеатра «Корвин» в центре Пешта и у площади Москвы в Буде. В каждом из них было сосредоточено от 500 до 1000 повстанцев. Эти очаги в результате массированного применения артиллерии были в основном ликвидированы к утру 6 ноября, после чего центр боевых действий переместился в район королевского дворца, а 7–8 ноября на остров Чепель – большой рабочий район на южной окраине Будапешта, где сражались отряды численностью до 700 человек, имевшие немало тяжелого вооружения.

Ожесточенные бои на Чепеле («Красном Чепеле», как называла этот район, богатый революционными традициями, коммунистическая пропаганда) продолжались до 10 ноября, а последние очаги вооруженного сопротивления были сломлены 12 ноября. В провинции под натиском превосходящей военной силы упорно оборонялись повстанцы и регулярные части в Дунапентеле, Дьере, Ясберени, Веспреме, Мишкольце, Озде, Секешфехерваре, ряде других населенных пунктов.

Силы сопротивления, таким образом, были рассредоточены по нескольким главным очагам боевых действий. Поскольку советские войска с самого начала операции «Вихрь» захватили важнейшие коммуникации, наладить единое командование всеми повстанческими группировками было чрезвычайно сложно. Тем не менее председатель Революционного комитета обороны генерал Б.Кирай пытался по радио осуществлять координацию действий повстанцев. Согласно донесению Г.К.Жукова, 7 ноября еще происходила перегруппировка отрядов

сопротивления. Теснимый советскими войсками, Кирай со своим штабом переместился из будайских гор в предместья Будапешта, а 9 ноября покинул страну. По современным официальным данным, за весь период боев в октябре-ноябре 1956 г. потери советских войск составили 640 человек убитыми и 1 251 человек ранеными¹⁶. Приблизительно половина из этих потерь пришлось на период с 24 по 28 октября 1956 г. Среди венгерского населения в результате восстания и военных действий, по данным статистики, (по всей видимости, не полным), за период с 23 октября по 31 декабря 1956 г. погибло 2 652 и было ранено 19 226 человек. В число погибших входят жертвы не только военных действий, но и расстрелов мирных демонстраций (около 350 человек за период с 23 октября по 12 декабря 1956 г.), а также жертвы с другой стороны — венгры, погибшие от рук соотечественников в результате самосудов или расстрелянные после пленения. Главным образом, это сотрудники УГБ, полиции и офицеры Народной Армии, несколько партийных работников — по некоторым, также, вероятно, неполным данным, всего 37 человек¹⁷.

«Наведение порядка» в Венгрии предполагало не только подавление вооруженного сопротивления, но и ликвидацию либо нейтрализацию порожденных революцией органов власти в Будапеште и провинции (национальных, революционных комитетов, рабочих советов). Поскольку прежние государственные структуры, распавшиеся во многих местах еще в первые дни восстания, продолжали оставаться парализованными и после 4 ноября, советским войскам пришлось взять на себя административные и хозяйственные функции. Повсеместно создавались военные комендатуры. Приказом №2 маршала Конева был определен круг их обязанностей — изъятие оружия у населения, патрулирование улиц в целях обеспечения общественного порядка, охрана госучреждений и предприятий, контроль за издательской деятельностью. Приказ №2 запрещал проведение митингов, приостанавливал работу кинотеатров, клубов, стадионов. В функции комендатур вошло также обеспечение бесперебойного снабжения населения продовольствием и медикаментами. С этой целью был налажен подвоз продуктов в Будапешт и другие города из сельской местности. Комендантом Будапешта был назначен генерал-майор КГБ К.Гребенник¹⁸. Процесс передачи властных функций новому венгерскому правительству осуществлялся постепенно, заняв несколько недель.

Что же представляло собой новое венгерское правительство, каковы были обстоятельства его формирования? Как уже отмечалось, окончательный выбор советского руководства пал (не без влияния югославской стороны) на Яноша Кадара. Его кандидатуру сочли более предпочтительной, нежели кандидатуру Ференца Мюнниха, которого в Москве до основных событий в Венгрии рассматривали как более надежного, преданного Советскому Союзу коммуниста¹⁹. Оба они, и 44-летний Кадар, и относившийся совсем к другому поколению 70-летний Мюнних принадлежали к числу скрытых политических противников Ракоши внутри венгерской коммунистической элиты, при этом их судьбы сложились в первой половине 1950-х годов по-разному. Ф.Мюнних в 1930-е годы находился на хозяйственной работе в СССР, участвовал в гражданской войне в Испании, в звании полковника сражался в действующей армии на фронтах Великой Отечественной войны. Будучи представителем венгерской коммунистической эмиграции в Советском Союзе, он в то же время никогда не занимал высоких постов в комин-терновской номенклатуре. Возвратясь по

окончании войны на родину, он в 1946 г. стал в условиях коалиционного режима начальником полиции Будапешта. Присутствие опытного коммуниста на этой малозаметной, но в действительности политически весомой должности было фактором, сыгравшим свою роль в успешном завершении межпартийной борьбы в пользу ВКП. В 1949 г. Мюнних был переведен на дипломатическую работу, которой отдал 7 лет жизни. С сентября 1954 по июль 1956 гг. он работал послом в СССР, затем был назначен послом в Югославии и вручил Тито верительные грамоты за считанные дни до начала венгерских событий. В ночь с 23 на 24 октября Мюнних был кооптирован в ЦР ВПТ. Сложив с себя 25 октября обязанности посла, он в качестве члена Военного комитета при ЦР ВПТ занялся вопросами подавления повстанческого движения, создания с этой целью военизированных дружин. Записи заседаний партийного руководства в те дни характеризуют его как сторонника твердой линии, в первые дни восстания явно не склонного к компромиссу с повстанцами²⁰. С первых же дней обсуждался и вопрос о включении Мюнниха в правительство в качестве одного из министров-силовики (назывался, в частности, пост министра обороны²¹). В конце концов 27 октября Мюнних стал министром внутренних дел и в этой роли уже содействовал осуществлению провозглашенного 28 октября И.Надем курса на изменение отношения к повстанцам и сближение с ними. Так, именно Мюнних подписал 29 октября указ о роспуске сил безопасности как самостоятельных формирований и занялся его практической реализацией. Вплоть до своего тайного отъезда в Москву 1 ноября Мюнних, таким образом, будучи министром, не выказывал какой-либо особой позиции, принципиально отличной от позиции главы правительства (ведь и Надь до 28 октября принимал, хотя и с оговорками, линию на подавление). Еще в большей мере это можно сказать про Яноша Кадара.

Как уже отмечалось, его персона долгое время не вызывала абсолютного доверия в Москве, планы кооптации Кадара в ЦР и его избрания в Политбюро были в апреле 1956 г. с настороженностью восприняты Андроповым, увидевшим в этом явную уступку «правым, демагогическим элементам». Встречи с Кадаром Сулова, а затем Микояна в июне-июле откорректировали такое представление о нем, Кадара перестали опасаться как потенциального национал-уклониста. Показательно в то же время, что и после июльского пленума Кадар не относился к числу людей, находившихся в постоянном контакте с советским посольством. Сознвая большое влияние Кадара как фактически второго секретаря ЦР, Андропов отнюдь не склонен был видеть в нем будущего лидера партии.

Западные дипломаты, работавшие в Будапеште, видели в Кадаре большого противника линии Ракоши и связывали с ним в этом плане определенные политические надежды. В советском посольстве знали об этом, оставляя, впрочем, сам факт без комментариев²². Знали в посольстве и о другом — о некотором разочаровании в Кадаре оппозиционно настроенных представителей интеллигенции и, в частности, журналистов, рассчитывавших поначалу на большую поддержку с его стороны²³. В.Ворошильский, встречавшийся в конце октября с будапештскими студентами, сторонниками далеко идущей демократизации венгерского социализма, обратил внимание на их довольно скептическое отношение к Кадару, который отнюдь не воспринимался в этих кругах как знамя национал-коммунизма²⁴. Впрочем, и И.Надь, поддержавший 24 октября советскую интервенцию, сделал это с немалым ущербом для своей репутации.

С началом октябрьских событий Кадар вначале поддерживал линию на подавление, одновременно выступая с резкой критикой прежней политики, ассоциировавшейся с именами Ракоши и Гере. Изменение отношения правительства к повстанцам, провозглашенное в выступлении И.Надь 28 октября, было поддержано руководством ВПТ, в которой Кадар с 25 октября занимал должность первого секретаря ЦР²⁵. В последующие дни и Я.Кадар, и И.Надь поддержали идею формального роспуска ВПТ, которая после 23 октября стремительно распадалась²⁶. Оба они явились основателями новой, обещавшей порвать со сталинизмом Венгерской социалистической рабочей партии, стали членами ее Исполкома. В правительстве И.Надь и Я.Кадар также работали вместе — при реорганизации правительства на многопартийной основе Кадар вошел в него 30 октября в качестве государственного министра, представляющего ВПТ, а затем ВСРП. 1 ноября он поддержал решение об обращении Венгрии в ООН с требованием защиты суверенитета.

Среди публичных выступлений Кадара в условиях кульминации венгерской революции особый резонанс имело его заявление по радио вечером 1 ноября, произнесенное от имени руководства ВСРП и носившее программный характер²⁷. Кадар с самого начала отмежевался от «Ракоши и его клики», которые «своей близорукостью и преступностью», авантюристической политикой превратили партию в «орудие тирании и национального рабства». Суть событий, развернувшихся в Венгрии начиная с 23 октября, была охарактеризована Кадаром довольно однозначно: «славное восстание нашего народа сбросило с шеи страны ярмо Ракоши, обеспечив народу свободу, а стране — независимость, без которых нет и не может быть социализма». В своей речи он дал заверение, что «новая партия раз и навсегда порывает с преступлениями прошлого». В выступлении была затронута и проблема пребывания советских войск: «Идя на кровавые жертвы, наш народ доказал, что он неизменно поддерживает требование правительства о полном выводе советских войск. Мы больше не хотим зависимости! Мы не хотим, чтобы наша страна стала ареной военных действий! Мы обращаемся ко всем ИСТИННЫМ патриотам. Сплотимся в борьбе за победу венгерской независимости, венгерской свободы!» С другой стороны, в выступлении Кадара отчетливо прозвучали тревожные ноты в связи с разгулом террора, слабой способностью действующего правительства контролировать ситуацию в столице и провинции, неопределенностью перспектив дальнейшего развития: «Мы говорим с вами откровенно. Ныне народное восстание стоит на перепутье. Или у венгерских демократических партий достанет сил, чтобы закрепить свои завоевания, или мы лицом к лицу столкнемся с открытой контрреволюцией. Не для того лилась кровь венгерской молодежи, солдат, рабочих и крестьян, чтобы на смену тирании Ракоши пришло господство контрреволюции. Не для того мы боролись, чтобы у рабочего класса отобрали шахты и заводы, а у крестьян — землю. Или восстание обеспечит нашему народу основополагающие завоевания демократии: свободу собраний и организаций, свободу и безопасность личности, правопорядок, свободу печати, гуманизм, человечность, или же мы вновь окажемся в рабстве у прежнего мира господ и одновременно с этим вновь попадем под чужеземное иго». Думается, что и эти предостережения не шли вразрез с линией И.Надь и его ближайшего окружения, осознававшего опасность резкого поворота вправо, выхода ситуации из-под контроля, что создавало угрозу самому существованию действующего правительства. Поэтому неожиданное исчезновение Я.Кадара

вечером 1 ноября не было воспринято в политических верхах Венгрии как самоустранение вследствие непримиримых политических противоречий, оно вызвало подозрения совсем иного рода²⁸.

Оказавшись в расположении советских войск, Кадар и Мюнних затем были переправлены в Москву (конкретные обстоятельства всей этой акции до сих пор покрыты мраком неизвестности, ибо имеющиеся источники не дают здесь полной картины). Известна протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС от 2 ноября с участием венгерских представителей Я.Кадара, Ф.Мюнниха, а также И.Баты, министра обороны до 24 октября, выехавшего 28 октября в СССР²⁹. Оно проходило в неполном составе — в отсутствии Н.Хрущева и Г.Маленкова, вылетевших 2 ноября на Бриони, Г.Жукова, занятого непосредственной подготовкой вторжения, еще нескольких членов и кандидатов в члены Президиума ЦК. Кадару была предоставлена возможность выступить с изложением своей версии происходящих в Венгрии событий. Как следует из обрывочных, лаконичных записей, в своем первом выступлении он отнюдь не собирался подлаживаться под какие бы то ни было ожидания, был весьма откровенен: «На периферии — массовые демонстрации, в них не было цели уничтожить строй народной демократии, многие требования — о демократизации и социальные требования. Вначале мы не видели этого, квалифицировали как контрреволюцию и повернули этим массы против себя — они не чувствовали себя контрреволюционерами. Лично присутствовал на одном собрании (совещании), никто не хотел контрреволюции» (это признание, впрочем, не помешало кадаровской власти впоследствии подвергнуть жестокой расправе многих участвовавших в этом собрании. Лидер повстанческой группировки, с которой встречался Кадар, — Й.Андял был казнен в декабре 1958 г.).

Далее речь зашла о всеобщем характере требований о выводе советских войск: «Надо сказать — все требовали вывода советских войск... Забастовка — требование вывода войск — будем голодать, но войска должны быть выведены». Организованный вывод советских войск из венгерской столицы 29 — 30 октября произвел, по словам Кадара, сильное впечатление на жителей венгерской столицы. «Хорошее впечатление и успокаивающее действие» оказала Декларация советского правительства от 30 октября. «Но массы очень напряжены, остро реагируют». Как только «началось передвижение советских войск — быстро распространились вести». Народ был взволнован, возмущен тем, что советское «правительство делает одно, а войска другое». «Венгерские подразделения окопались. Что делать, стрелять или не стрелять?». «1.XI в полдень — точка зрения в правительстве — нужно с советским правительством побеседовать, в определенное время — вывести войска». Неоднократно вызывавшийся Андропов не мог дать удовлетворительных объяснений в связи с передвижением советских войск по венгерской территории, вводом новых частей из СССР. Между тем советские танки уже окружили аэродромы, «Надь был убежден — готовится удар по Будапешту». Хотя правительство не давало приказа о вооруженном отпоре, «в армии — революционный совет. Малетер, Ковач, Кирай — правительству не подчиняются³⁰», настаивают на удалении неудобных им министров. «В правительстве нервозное положение... Все правительство было склонно к тому, что если войска будут двигаться к Будапешту — нужно защищать Будапешт. В этой атмосфере родилась мысль о нейтралитете». Ее инициатором явился Золтан

Тилли, деятель партии мелких хозяев, президент Венгрии в 1946—1948 гг. Другие члены кабинета поддержали его предложение. Вновь вызванный по инициативе Кадара Андропов своими разъяснениями опять не мог удовлетворить членов правительства. Все они, за исключением Кадара, ожидали от советского правительства обмана. Андропову прямо было заявлено о предстоящем обращении Венгрии в ООН³¹. «Когда Андропов ушел, они сделали свой шаг о нейтралитете и решили вопрос об обращении в ООН. Если это маневры, тогда отзовут вопрос из ООН. Когда Андропов ушел, то он, Кадар, тоже голосовал за нейтралитет». По убеждению Кадара, откровенно им высказанному членам Президиума ЦК КПСС, если в течение двух-трех месяцев советские войска выйдут из Венгрии, ВСРП и другие партии «могли бы бороться против контрреволюции». Правда, в успехе Кадар не был уверен, ибо «внутри коалиции нет единства». По его мнению, имевшему под собой определенные основания, главная причина слабости действующего правительства заключалась в его коалиционном характере: «Все силы направляют на воссоздание своих партий. Каждый хочет прибрать власть к своим рукам. Это еще больше подрывает авторитет правительства». Хотя правительство еще не успело полностью сформироваться, правящую коалицию уже раздирают межпартийные противоречия. Так, социал-демократы не выдвинули своего кандидата на забронированное за ними место в узком кабинете — очевидно, «они не хотят солидаризироваться с Надем». Серьезные разногласия существуют и в партии мелких хозяев — в частности, между З.Тилди и Б.Ковачем, выступающим за более решительное обновление старой программы. При этом Кадар справедливо подчеркнул, что «коалиционные партии не хотят контрреволюции», Б.Ковач в связи с воссозданием партии мелких хозяев открыто выступил «против возвращения помещиков и капиталистов».

Что же касается Венгерской партии трудящихся, то она, откровенно излагая свое мнение Кадар, скомпрометирована перед широкими массами — особенно расшатало ее авторитет дело Райка. Более того, она фактически перестала существовать — «низовые организации — разрушены». К тому же многие руководители на местах принимают участие в деятельности революционных комитетов. Сейчас эта партия возрождается уже под новым названием (ВСРП). С точки зрения Кадара, продолжавшего жить убеждением о поддержке подавляющим большинством венгров основных социалистических преобразований, у нее есть политические перспективы: «Народ верит в национализацию и считает ее своим делом. Если коммунисты заявят, что они поддерживают национализацию, авторитет других партий не возрастет». В ходе выступления Кадар не мог не высказать и своего отношения к И.Надю, однако был предельно лаконичен, ограничившись не очень ясным замечанием о том, что «в политике Надя есть контрреволюционные элементы».

Общий вывод, к которому приходил Кадар, заключался в том, что «с часа на час положение идет вправо». Есть реальная опасность, что контрреволюция сметет всю правящую коалицию. Что делать в этой ситуации? Наряду с рискованной ставкой на возможную стабилизацию положения в случае полного вывода советских войск есть и другой путь — «военными силами держать Венгрию». Но неизбежно сопротивление, произойдут вооруженные стычки. «Что будет потом? Моральное положение коммунистов будет сведено к нулю. Социалистические страны понесут урон. Есть ли гарантия, что в других странах

не создается тогда такое положение? Контрреволюционные силы не малы. Но это вопрос борьбы. Если восстанавливать порядок силой — пострадает авторитет социалистических стран». Беглая, обрывочная запись, выполненная заведующим общим отделом ЦК КПСС В.Малиным, со всей очевидностью раскрывает, таким образом, сдержанное отношение Кадара к перспективе советского военного вмешательства.

Выступивший вслед за Кадаром Мюнних попытался выявить истоки того, по его словам, «мрачного положения», которое сложилось в стране. Он говорил об оторванности прежних руководителей от масс, из-за чего в народе существует «убежденность, что только с поддержкой СССР существует и держится власть». Вывод советских войск бесспорно отвечал бы настроению масс. Но в обстановке полнейшего хаоса в стране это могло бы привести к тяжелым последствиям, ибо «антисоветские настроения расширяют контрреволюционные элементы», которые «получают подкрепление, а их действия не парализуются». «У нас нет больше сил... Мало уверенности, что путем политической борьбы удастся справиться с событиями», — такова была принципиальная позиция Мюнниха. Выдвиженец Ракоши И.Бата был еще более решителен в своем убеждении о необходимости силового решения. Он обвинил правительство И.Надя в том, что оно все делает, «чтобы было столкновение советских и венгерских войск». Для того чтобы изменить ситуацию, по мнению Баты, «надо военной диктатурой навести порядок. Изменить политику правительства»³².

На следующий день, 3 ноября, Кадар и Мюнних вновь были приглашены на заседание Президиума ЦК КПСС. Обсуждался в первую очередь состав будущего венгерского правительства. О том, как проходила дискуссия до приглашения в зал заседания Кадара и Мюнниха, свидетельствует лишь один источник, далеко не самый достоверный — мемуары Хрущева. После того как возникла кандидатура Кадара, «резко выступил против Кадара Молотов... Допустил оскорбительное выражение в адрес Кадара (правда, самого Кадара при этом не было). А основывалось у Молотова все на том, что Кадар продолжал себя рассматривать членом руководства во главе с Надем, теперь же, после того как он пробыл в Москве двое суток, пока мы с Маленковым отсутствовали, начал проявлять беспокойство и порывался вернуться в Будапешт. Да, я понимал Молотова: как можно выдвигать такого человека, если он сам себя рассматривает членом того руководства, против которого готовится удар? Он ведь должен возглавить борьбу против действующего правительства. «Я голосую за Мюнниха», — настаивал Молотов³³... «Давайте пригласим их обоих», — говорю. Их ввели к нам. Мы им тут же напрямую сказали, что в Венгрии началась контрреволюция, что против нее необходимо выступить войсками. Это — единственная возможность восстановить нормальное положение и ликвидировать восстание, которое бушует в Будапеште. Я внимательно смотрел на Кадара. Он слушал молча. Пришла его очередь говорить: «Да, — согласился он, — Вы правы, чтобы стабилизировать положение, сейчас требуется ваша помощь»... Мюнних тоже выразил свою поддержку действиям с помощью советских войск. И Кадар, и Мюнних высказали уверенность, что народ Венгрии в целом поддержит подавление контрреволюции. Начали мы формировать правительство. Этим занимались главным образом Кадар и Мюнних, они знали людей»³⁴.

О дальнейшем ходе обсуждения становится известным из двух записей. Одну из них вел министр иностранных дел Венгрии И.Хорват, также переправленный в

те дни в Москву и приглашенный вместе с Кадаром и Мюннихом на заседание Президиума ЦК КПСС³⁵. Другую выполнил В.Малин³⁶. Первым взявший слово Хрущев заговорил об ошибках прежнего руководства. При этом он признал ответственность КПСС и свою личную за то, что слишком долго делалась ставка на негодных людей: «Мы слишком поздно попросили сместить его» (Ракоши). Замена Ракоши на Гере также была, по мнению Хрущева, ошибочной: «Моя и Микояна вина, что Гере предлагали, а не Кадара. Поддались Гере». Одновременно Хрущев подчеркнул, что продолжает считать Ракоши и Гере «честными, преданными коммунистами», хотя и наделавшими «много глупостей», озлобившими и честных людей, выступивших в результате против социализма («Часть повстанцев не враги! Были озлоблены ошибками руководства»). Совсем другой характеристики удостоился в его устах Имре Надь: «...критиковали Имре Надя, думали, что оппортунист, но он и предатель... Сдаются революционные завоевания. Мы не можем считать Имре Надя коммунистом. Даллесу нужно такой (sic!), как Имре Надь³⁷... Предатели как ширму хотят использовать Кадара... Не можем быть посторонними наблюдателями».

Хотя отношение Хрущева к Имре Надю предстает здесь как вполне определившееся, от него все же ожидали уступок в пользу новой власти — добровольного ухода в отставку и передачи полномочий другому правительству. Для Надя, полагал Хрущев, это последний шанс искупить свою вину перед партией: «Если Имре Надь не подаст в отставку, то он на службе у врага». Для понимания тех пределов, в которых советская сторона была готова пойти на компромисс в Венгрии, примечательна ссылка Хрущева на Декларацию 30 октября и оценка в этой связи возможностей сотрудничества с правительством Имре Надя: «Мы придерживаемся Декларации. С Имре Надем это невозможно!» Согласно логике Хрущева, насильственная смена правительства в Венгрии при участии Москвы не означает нарушения Декларации или, точнее, является закономерной реакцией на нарушение, произошедшее с противоположной стороны. Ведь в Декларации со всей определенностью речь шла о равноправии социалистических государств в рамках союзнических отношений, события же в Венгрии зашли настолько далеко, что поставили под угрозу не только союзнический тип отношений, но и «социалистические завоевания», а потому залогом дальнейшего осуществления Декларации должно стать оказание необходимой «интернациональной помощи» Венгрии в целях сохранения устоев социализма.

Выступивший вслед за Хрущевым Кадар сосредоточился на проблеме прежнего руководства. Это было тем более актуально, что Ракоши и Гере привлекались советским руководством для консультаций, вопрос об их вхождении в новое венгерское правительство едва ли был окончательно закрыт. Указав на ошибочность решения июльского пленума об избрании Гере первым секретарем, Кадар вышел на более общую проблему — сложившейся в межгосударственных отношениях практики, когда узкая группа людей узурпировала все контакты с Москвой (право Кремля на последнее слово при решении кадровых вопросов в Венгрии им отнюдь не оспаривалось, а подразумевалось, вопреки всем ссылкам на Декларацию о равноправии): «...стоит говорить об ошибках, но долго, нет времени. Об одном деле — почему летом выбрали Гере секретарем. Всегда помогали советские товарищи, но была одна ошибка: только к 3—4 тт. венграм было полное доверие со стороны советских тт.:

Ракоши, Гере, Фаркаш. Но среди других — много порядочных людей. 3—4 чел. монополизировали отношения между Венгрией и СССР. Это источник многих ошибок. Ракоши скажет — это мнение советских тт. — и все замолкает... Критиковать Ракоши — значит выступать против советских тт.»

Согласно записи Малина, Кадар с гораздо большей определенностью, чем накануне, отмежевался от Имре Надя: «Коммунистов убивают. Контрреволюционеры убивают, а премьер Надь прикрывает. Правительство не имеет сил подавить». (Правда, И.Хорват зафиксировал слова Кадара иначе — так, что в его записи сделан явный упор не на злой умысел, сознательное прикрытие тех, кто убивает коммунистов, а на беспомощность правительства: «Дело выглядит так, что правительство Имре Надя прикрывает истребление коммунистов, но это лишь видимость. Правительство беспомощно». Различие трактовок оценки Кадаром роли И.Надя не меняло, однако, сути событий). Что делать в этой ситуации? «Отдать социалистическую страну контрреволюции невозможно. Согласен с вами. Правильные действия — образовать революционное правительство».

Согласившись с принципиальной позицией Москвы относительно необходимости смены власти в Венгрии, Кадар вместе с тем попытался «отвоевать» для будущего правительства предельно широкий в тех условиях круг самостоятельности: «Это правительство должно быть не марионеточным, и для его деятельности должна быть база, опора среди рабочих». Объявление пока еще действующего правительства Имре Надя контрреволюционным было бы в силу этого тактической ошибкой: тогда все партии, участвующие в нем, «подпадут под эту оценку», и это создаст трудности при формировании нового правительства, подорвет его социальную базу — нельзя ведь забывать о том, что «весь народ участвует в движении». Венгерский народ, по мнению Кадара, «не хочет ликвидировать народно-демократический строй». Вместе с тем он очень остро реагирует на ущемление национального чувства. Поэтому «большое значение имеет вывод советских войск из Венгрии. Усиливаемся в военном отношении — слабее становимся в политическом». Таким образом, в дни формирования в Москве своего правительства Кадар, согласившийся с военной акцией по смене правительства, все еще пытался в то же время отстоять требование о последующем выводе войск, одно из коренных требований венгерской революции.

В те же самые дни начала ноября при участии находившихся в Москве венгерских политиков был составлен программный документ — Воззвание Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства³⁸. К работе были привлечены как «бывшие» (М.Ракоши, Э.Гере и А.Хегедюш), так и те, на кого предполагалось сделать ставку на новом этапе — Я.Кадар и Ф.Мюнних. Некоторые стилистические особенности документа, опубликованного в «Правде» 4 ноября, свидетельствуют о том, что оригинальным, исходным текстом воззвания или большей его части был венгерский, переведенный затем на русский язык³⁹. Можно предполагать (воспоминания Ракоши подтверждают это предположение⁴⁰), что над основой обращения трудились именно «бывшие». Кадар и Мюнних, прибывшие в Москву 2 ноября, приняли участие в редактировании уже составленного документа, внося в него, впрочем, поправки, заметно изменившие тональность воззвания — прежде всего тех его частей, где речь шла об «ошибках» прошлых лет. Так, по настоянию Кадара в документ было включено упоминание о большом уроне, нанесенном Венгрии правлением

«клики Ракоши-Гере». Хрущев и возглавляемый им Президиум ЦК КПСС согласились с предложенными поправками вопреки явному противодействию В.Молотова⁴¹. Таким образом, непосредственное участие Ракоши в составлении документа не избавило его от столь явной оплеухи. Весьма вероятно также, что усилиями Кадара были смягчены или исправлены отдельные положения, касающиеся сути событий, начавшихся 23 октября. Более реалистически, нежели Ракоши и Гере, оценивая ситуацию в стране (это видно и из его выступлений на Президиуме ЦК КПСС 2 и 3 ноября), Кадар мог лучше других выдержать необходимые полутона, заставить коллег отказаться от одиозных формулировок, способных сразу отпугнуть многие тысячи людей.

В первых же строках воззвания давалась характеристика той тенденции общественного развития, которая в конце концов и заставила внешние силы прибегнуть к вмешательству в ход событий: «23 октября в нашей стране началось массовое движение, благородной целью которого являлось исправление антипартийных и антинародных ошибок, совершенных Ракоши и его сообщниками, защита национальной независимости и суверенитета. Слабость правительства Имре Надя и растущее влияние контрреволюционных элементов, проникших в движение, поставили в опасность наши социалистические завоевания, наше народное государство, нашу рабоче-крестьянскую власть, существование всей нашей родины». Именно это, отмечалось далее, и «побудило нас, венгерских патриотов, к созданию Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства». В документе было названо 8 человек — Я.Кадар (премьер-министр), Ф.Мюнних (зам. премьер-министра и министр вооруженных сил и общественной безопасности), И.Хорват (министр иностранных дел), И.Кошша (министр финансов), А.Апро, Д.Марошан, И.Дегеи и Ш.Ронаи. Все без исключения (в том числе и бывшие левые социал-демократы Марошан и Ронаи) были известными деятелями ВПТ, в разное время занимали видные государственные посты, избирались в высшие партийные органы. При этом почти никто из них не ассоциировался напрямую с командой Ракоши и не мог быть воспринят общественным мнением в Венгрии как выдвигенец последнего. Двое — Я.Кадар и Д.Марошан — прошли через репрессии. Значительная часть министерских постов остались вакантными.

Поскольку с конца октября в стране реально существовала многопартийность, воззвание, декларирующее возврат к однопартийной системе, могло с порога отпугнуть многие тысячи людей. Напротив, в документе было подчеркнуто, что свободные посты забронированы для приглашения «представителей других партий и беспартийных, верных нашей народной демократии, которые готовы вместе с нами защищать свои социалистические завоевания». Далее следовало обилие риторических фигур, рассчитанных на эмоциональное восприятие тех, для кого еще что-то значили социалистические ценности (о «великой опасности», нависшей над «завоеваниями прошедшего десятилетия», созданными «героическим самоотверженным трудом», о том, что «контрреволюционные заговорщики все более наглеют и сбрасывают свою маску», жестоко преследуя «честных патриотов»). Снова было сказано об «ошибках», нерешенных вопросах, многочисленных трудностях и даже тяжких нарушениях законности, ответственность за которые была возложена на руководство Ракоши и Гере. Выступление реакции, однако, как отмечалось, ставит целью отнюдь не исправление ошибок, а возврат к ненавистному угнетательскому режиму.

Более существенный характер, нежели подобного рода риторика, имело проведение водораздела между реакцией и теми, кто был введен в заблуждение: «Используя ошибки, совершенные в ходе строительства народной демократии, реакционные элементы ввели в заблуждение многих честных трудящихся и в особенности молодежь, которая примкнула к движению из-за честных патриотических побуждений. Они выступали за дальнейшее развитие демократизма во всей нашей общественной, хозяйственной и политической жизни, что обеспечивает укрепление основ социализма у нас на родине. Они поднимали свой голос за то, чтобы Венгрия росла и процветала как свободное, суверенное государство в дружбе с другими социалистическими странами, в согласии со всеми государствами. Вот почему неправильно и преступно обвинять таких людей за участие в движении». При том, что эти строки могли быть восприняты участниками событий как обещание неприкосновенности, четкие критерии размежевания между «контрреволюционерами» и заблуждавшимися в воззвании отсутствовали, что облегчало возможности расширительного толкования понятия «контрреволюция».

Контрреволюционным силам, говорилось далее в воззвании, удалось взять верх лишь благодаря попустительству правительства И.Надя, которое «не может и не хочет бороться с реакцией, оно фактически распалось, передав реальную власть в руки врагов трудящихся. Наша родина оказалась ввергнутой в хаос». Таким образом, если в первых строках воззвания речь шла только о слабости правительства Надя, его неспособности нормализовать ситуацию в стране, то в вышеприведенном фрагменте прозвучали уже совсем иные ноты — глава правительства по сути дела обвинялся в сознательном попустительстве реакции. С этой исходной позиции уже можно было усиливать последующие обвинения в сознательной подрывной, «предательской» и «контрреволюционной» деятельности, которые в конце концов привели Имре Надя на эшафот.

Подчеркнув, что национальные интересы требуют создания сильного правительства, способного вывести страну из тяжелой ситуации, воззвание сформулировало ряд программных положений нового правительства. Наряду с общими, декларативными фразами об обеспечении национального суверенитета, отстаивании социалистического строя, ликвидации междоусобной борьбы и восстановлении порядка, установлении дружеских отношений с другими соцстранами на основе равноправия и т.д. в этой части воззвания еще более отчетливо, чем в предыдущих, прозвучал тезис принципиальной значимости: «Правительство не допустит каких-либо преследований трудящихся за участие в событиях последнего времени». Если прочие риторические упражнения проходили по ведомству «журавлей в небе», то здесь речь шла об обещании и своего рода обязательстве, непосредственно адресованном ко многим тысячам венгров, которые так или иначе были вовлечены в происходившие события. Впоследствии это обещание было режимом Кадара вероломно нарушено.

Ряд конкретных обещаний был сформулирован и в тех пунктах программы, которые касались социальной политики («больше квартир трудящимся; предоставить возможность для заводов, чтобы они сами строили для своих рабочих и служащих квартиры»). Существеннее, однако, то, что правительство обещало не подавлять те проявления стихийного демократизма, которые были порождены массовым движением конца октября. («Рабочее управление на всех фабриках, заводах, предприятиях на основе широкой демократии»). Было

обещано также «обеспечение демократических выборов местных органов власти и революционных Советов». Аграрная программа правительства, направленная на подъем сельскохозяйственного производства, декларировала «значительное уменьшение обязательных заготовок, помощь единоличным трудящимся крестьянам». Правительство вызвалось решительно покончить «со всякими беззакониями, совершенными в ходе кооперативного движения и землеустройства», обеспечить «строжайшее соблюдение принципов добровольности в кооперировании». Было заявлено и о поддержке в деревне и в городе мелкой частной промышленности и торговли.

Правительство, изложившее эту программу, объявило себя Венгерским революционным рабоче-крестьянским, перенея революционную фразеологию тех дней и противопоставив свою революционную сущность контрреволюционной сути своих политических противников. Вслед за изложением прочих тезисов под пунктом 14 этой программы было наконец упомянуто обращение от имени правительства к командованию советских войск с просьбой о помощи в восстановлении порядка и спокойствия. Было сказано также, что после установления порядка и спокойствия «Венгерское правительство вступит в переговоры с Правительством Советского Союза и другими участниками Варшавского договора по вопросу о пребывании советских войск». Первоочередное требование венгерской революции, касавшееся вывода советских войск из страны, формально, таким образом, сохраняло силу — без этого новая власть никак не могла рассчитывать на завоевание даже самой относительной поддержки в обществе⁴².

Образованное в Москве 2–3 ноября Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство в первые дни существовало лишь фиктивно, собраться вместе в Будапеште его министры смогли лишь 7 ноября. До тех пор чьи бы то ни было попытки «найти представителей нового правительства для того, чтобы получить от них необходимые указания», оказывались безуспешными, о чем Ю.Андропов сообщал в Москву⁴³. Глава правительства Я.Кадар 4 ноября из Москвы через Закарпатье был переправлен в г. Сольнок в 100 км. к востоку от Будапешта, где находилась ставка маршала И.С.Конева. Оттуда 7 ноября в 6 часов утра Кадар и некоторые другие члены нового правительства были доставлены в советском бронетранспортере в венгерскую столицу. Первые обращения кадаровского правительства к венгерскому народу были переданы утром 4 ноября на волне радиостанции г.Сольнока (по некоторым данным, вещание велось с территории Закарпатья). Наряду с подготовленным в Москве Воззванием Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства к числу первых документов новой власти относится открытое письмо «К венгерскому трудовому народу» Я.Кадара, А.Апро, И.Кошши и Ф.Мюнниха⁴⁴. Как и в первом документе, нами уже рассмотренном, в этом письме необходимость формирования нового правительства мотивировалась тем, что из-за слабости кабинета И.Надя и его неспособности к действию под угрозой оказались поставленными «социалистические завоевания».

Правительственная программа, изложенная прежде всего в московском воззвании, была нацелена на привлечение общественной поддержки и содержала в силу этого немало положений, заимствованных из программных заявлений правительства И.Надя (проведение демократических выборов в новые органы власти, сформировавшиеся в ходе октябрьских событий; обеспечение рабочего

самоуправления на предприятиях; отмена обязательной сдачи крестьянами государству сельскохозяйственной продукции; помощь крестьянам-единоличникам; поддержка мелкой промышленности и мелкой торговли). Некоторые из этих положений, в частности, об отмене обязательной сдачи крестьянами сельхозпродукции были реализованы в последующие годы экономической политикой кадаровского режима, не отказавшегося от идеи кооперирования крестьянства, но предоставившего в конце 1950-х годов сельским производителям гораздо более щадящие, чем ранее, условия "расставания" со своей собственностью⁴⁵. Между тем несоответствие между программными заявлениями и реальной политикой образованного в Москве правительства стало очевидным с самого начала и оставалось таковым на протяжении всего периода консолидации, вплоть до начала 1960-х годов. Так, вопреки содержавшемуся в первом правительственном обращении обещанию не привлекать никого к ответственности за участие в минувших событиях, с первых дней существования новой власти была пущена в ход машина репрессий. В осуществлении карательных акций правительство Я.Кадара, не имевшее под собой сколько-нибудь прочной опоры в венгерском обществе, опиралось на поддержку советских органов безопасности, которыми непосредственно руководил председатель КГБ И.А.Серов, находившийся в Венгрии с 24 октября по начало декабря почти безвыездно⁴⁶.

Согласно его донесению от 9 ноября⁴⁷, им было дано указание арестовывать лишь активистов вооруженной борьбы и прежде всего тех, кто и после 4 ноября продолжал оказывать сопротивление Советской Армии. В действительности, однако, за решетку попадали отнюдь не только они, что явствует в том числе и из донесений советских силовых служб⁴⁸.

Проведением арестов в тесном сотрудничестве с советскими службами занимались работники органов безопасности Венгрии, распущенных в соответствии с распоряжением правительства И.Надя от 29 октября, которое формально было оставлено в силе правительством Я.Кадара, не решавшимся пойти на восстановление столь непопулярного государственного института. Вопреки официальной декларации, с первых дней утверждения новой власти на местах воссоздавались органы госбезопасности, привлекавшие прежние кадры. Это получило настолько негативный резонанс в венгерском обществе, что заместитель председателя правительства и министр общественной безопасности Ф.Мюнних 8 ноября отдал приказ о прекращении работы по формированию органов безопасности, а Кадар 9 ноября доказывал Серову, насколько противоречит такая практика задаче достижения общественной поддержки нового правительства⁴⁹.

Поскольку советским чекистам не всегда было легко ориентироваться в чужой стране без помощи венгерских коллег, Серов настоял на том, чтобы сотрудники органов госбезопасности Венгрии, выполняющие «положительную работу в деле изъятия контрреволюционных мятежников», продолжали и далее заниматься ею вплоть до того момента, пока лица, «представляющие опасность для нынешнего правительства», не будут изолированы, после чего старые кадры безопасности можно будет «переместить на другую работу»⁵⁰. По инициативе Серова Мюннихом был подписан приказ об образовании в органах полиции политических отделов, которые по сути дела и переняли функции прежних структур госбезопасности. При этом основная масса их сотрудников числилась

«по негласному штату». Все имеющиеся источники и прежде всего донесения самого Серова раскрывают его чрезвычайно жесткую позицию в вопросе борьбы с «контрреволюцией». «Руководители местных партийных органов, прокуратуры и полиции по-прежнему либерально относятся к выявляемым нами активным участникам выступлений и находят различные смягчающие вину обстоятельства для того, чтобы не привлекать их к уголовной ответственности. Такая же позиция высказывается и руководящими деятелями Венгерского правительства, при этом в качестве мотивов выставляются соображения «не раздражать народ, и без того плохо настроенный»... Со своей стороны считаю, что делать уступки в этих вопросах не следует, так как практика показывает, что малейшая уступка реакционерам влечет за собой ряд дополнительных требований и угроз», — доносил Серов в Москву 13 ноября⁵¹.

«Учитывая либеральное отношение, проявляемое руководящими работниками Венгрии к врагам»⁵², Серов дал указание особым отделам дивизий быстрее отправлять арестованных венгров на территорию СССР. Начиная с 8 ноября более 800 человек и среди них не только повстанцы, но и случайно схваченные (по преимуществу молодежь, в том числе несовершеннолетние) были депортированы на Западную Украину и размещены в тюрьмах городов Ужгород, Стрый, Дрогобыч, Станислав и Черновцы. По свидетельству заместителя министра внутренних дел СССР М.Н.Холодкова, находившегося в те дни в Ужгороде и контролировавшего прием венгерских заключенных, на многих из них не было надлежаще оформленных следственных документов⁵³. В связи с пересылкой арестованных венгров в СССР среди населения (не без влияния зарубежных радиостанций) широко распространился слух об их отправке в Сибирь⁵⁴. Это вызвало обеспокоенность Кадара и Мюнниха, 14 ноября выразивших председателю КГБ И.Серову и послу Ю.Андропову свое неодобрение подобных действий, способствующих усилению напряженности в стране. В ответ на это были приняты меры, направленные на обеспечение большей секретности при переправке арестантов на советскую территорию⁵⁵.

Из документов становится также известным, что в органах КГБ вынашивались планы похищения укрывшегося 4 ноября в американском посольстве кардинала Миндсенти, так, впрочем, и не осуществленные⁵⁶.

В конце ноября, перед своим отъездом из Венгрии, Серов, с удовлетворением констатировавший, что «в настоящее время каких-либо серьезных антигосударственных проявлений в стране не отмечается», вместе с тем поднял перед венгерским и советским руководствами вопрос о воссоздании постоянно действующего в Венгрии аппарата советников КГБ⁵⁷. 3 декабря Я.Кадар и Ф.Мюнних обратились в Президиум ЦК КПСС с соответствующим письмом⁵⁸. Вопрос был рассмотрен на Президиуме 14 декабря и в результате было санкционировано пребывание в Венгрии группы советников от КГБ и МВД в составе 23 человек — к этому времени органы безопасности Венгрии уже достаточно окрепли для проведения оперативно-чекистской работы в первую очередь собственными силами, однако необходимость в помощи советских специалистов отнюдь не отпала⁵⁹.

Для того чтобы избежать невольных упрощений, надо помнить в то же время и о том, что даже в силовых органах СССР находились люди, не согласные с проводимыми методами

«наведения порядка» в Венгрии. Об этом свидетельствует, в частности, содержание вышеупомянутой записки заместителя министра внутренних дел СССР М.Холодкова своему непосредственному начальнику Н.Дудорову. Во многом по инициативе Холодкова часть привезенных на территорию СССР под конвоем молодых венгров была уже в ноябре отправлена домой, некоторые из них освобождены⁶⁰.

Если Серов осуществлял непосредственное руководство репрессивно-карательной деятельностью, то в качестве главных политических советников правительства Кадара выступали члены Президиума ЦК КПСС Г.М.Маленков, М.А.Суслов и секретарь ЦК КПСС А.Б.Аристов, прибывшие в страну в середине ноября и находившиеся там до начала декабря⁶¹. Вопреки переданному Андроповым Кадару заверениям Президиума ЦК КПСС о том, что «все командированные нами работники будут находиться неофициально и действовать только по Вашим указаниям»⁶², едва ли будет преувеличением сказать, что именно Маленков и Суслов управляли Венгрией в этот непростой для нее период⁶³. Информация, которую представители КПСС передавали в Москву по несколько раз в неделю⁶⁴, является ценнейшим историческим источником, дополняющим новыми важными свидетельствами наши представления об экономическом положении и политической обстановке в стране, раскрывающий эволюцию политики Я.Кадара под давлением со стороны советских «гостей» (После отъезда из Венгрии Маленкова, Суслова, Аристова и Серова в страну в середине декабря прибыла большая группа партийных функционеров более низкого звена, а также хозяйственных работников, экономистов, финансистов, в течение ряда месяцев выступавших в качестве консультантов местных органов власти⁶⁵. Некоторые из них формально действовали в составе образованной в конце 1956 г. Южной группы войск, дислоцированной в Венгрии, в качестве заместителей военных комендантов по политическим и хозяйственным вопросам, что свидетельствовало о вмешательстве советской военной администрации в действия органов государственной власти, в том числе в их экономическую политику).

Документы свидетельствуют о том, что еще в ноябре 1956 г. именно по инициативе Маленкова, Суслова и Аристова возникла идея «в интересах устрашения контрреволюции» провести в ближайшее же время показательный суд над рядом видных вожakov повстанческого движения, вынеся им смертные приговоры. Кадар и Мюнних поддержали эту идею, были сделаны первые шаги по ее практической реализации⁶⁶. Вместе с тем напряженная политическая обстановка, грозившая обернуться мощным взрывом возмущения в стране, заставила отказаться от идеи открытого показательного процесса, а закрытые суды отложить на несколько месяцев⁶⁷. Одним из первых 19 января 1957 г. был казнен Йожеф Дудаш, организатор Венгерского Национального Революционного Комитета, оказывавшего сильное давление на правительство И.Надя, чтобы склонить его на уступки повстанцам (в годы войны активный участник антифашистского подполья, Дудаш в 1945 г. стал видным деятелем партии мелких хозяев, но уже в 1946 г. был арестован по обвинению в причастности к антиреспубликанскому заговору и долгое время провел в лагере для интернированных).

Боевые действия нанесли колоссальный материальный ущерб венгерской экономике. Продолжавшиеся повсеместно в течение ноября массовые забастовки протеста против советского военного вмешательства также не способствовали ско-

рейшей нормализации экономического положения. Промышленное производство в ноябре 1956 г., по некоторым данным, составило 10% среднемесячного производства первых трех кварталов того же года, а в декабре — 24%⁶⁸. Почти прекратилась добыча угля. Выработка электроэнергии сократилась до 200—300 тыс. квт в месяц вместо 800-900 тыс. до начала событий. Бездействовал транспорт. Будучи не в состоянии справиться с разрухой собственными силами, кадаровское правительство не могло не рассчитывать на помощь СССР и других социалистических стран. Характерно, что в течение ноября из соцстран поступило более 2 тыс. вагонов строительных материалов. В конце 1956—начале 1957 гг. Венгрии на выгодных условиях были предоставлены кредиты на сумму более 1 млрд рублей⁶⁹.

Первые симптомы налаживания нормальной жизни в Будапеште проявились уже в середине ноября. Приостанавливаются забастовки на ряде крупных предприятий. Ведутся работы по расчистке улиц. 11 ноября была пущена первая трамвайная линия. Бесперебойному снабжению населения продовольствием способствовало сохранение относительной стабильности на селе, в значительно меньшей мере затронутым событиями октября-ноября, нежели города Венгрии (характерно, что осенью 1956 г. в целом по стране распалось не более 20—25% сельхозкооперативов Венгрии, хотя в западных областях этот показатель был значительно выше)⁷⁰. Работы по уборке урожая были завершены на 80—90%. Все-таки в течение ноября-декабря острота политической ситуации в стране сохранялась, происходили все новые вспышки забастовочного движения, что снижало темпы нормализации экономического положения.

После разгрома Советской Армией повстанческого движения на первый план вышли другие формы сопротивления. Поскольку в условиях значительного численного превосходства советских войск исход вооруженной борьбы был с самого начала предрешен и едва ли мог вызывать сомнение даже у подавляющего большинства противников нового режима, на первый план вскоре выдвигается задача не свержения правительства Кадара, а достижения определенных уступок с его стороны, спасения хотя бы отдельных завоеваний революции.

На роль одного из центров духовного сопротивления новому режиму претендовал легально функционировавший до середины декабря Революционный совет венгерской интеллигенции, в работе которого принимали участие авторитетнейшие деятели культуры, в том числе всемирно известный композитор З.Кодай, с 21 ноября председатель комитета. В подготовленных советом воззваниях содержались требования о выводе советских войск, протесты против репрессий, депортации арестованных венгерских повстанцев на советскую территорию. С аналогичными призывами неоднократно выступали Союз писателей и Союз журналистов⁷¹. В резолюции Союза писателей от 12 ноября, подготовленной при участии ведущих венгерских литераторов, выражалась солидарность с революционной молодежью, с оружием в руках отстаивавшей независимость Венгрии. Создавались и нелегальные организации интеллигенции, например, Венгерское демократическое движение независимости. Продолжал функционировать до начала декабря и образованный 27 октября Революционный комитет венгерской интеллигенции, ушедший после смены власти в подполье. В его обращениях содержались требования свободных выборов, пересмотра отношений с СССР на основе равноправия⁷². В ноябре нелегально издавались газеты «Október huszonharmadika» («23 октября»), «Eletünk» («Наша жизнь»), а

также листовки и плакаты. Известный журналист М.Гимеш, активно выступая в подпольной прессе, призывал продолжать всеобщую забастовку до полного вывода советских войск и начала переговоров с правительством И.Надя. Его программа включала требования многопартийности, свободных выборов, допускалось существование частной собственности, при этом снова, как и в дни революции, подчеркивалась необходимость сохранения земли, банков и крупных заводов в общественной и государственной собственности.

Характерно, что критика политики СССР в Венгрии, действий кадаровского правительства велась по преимуществу с левых — национал-коммунистических, социалистических или леволиберальных, как в манифесте известного политолога И.Бибо⁷³, — позиций. Правый фланг политической жизни после укрытия кардинала Миндсенти в американском посольстве почти не проявил себя в каких-либо заметных публичных выступлениях. Авторы некоторых воззваний принципиально дистанцировались от западного пути развития, выдвигая ему в качестве альтернативы специфический венгерский национальный социализм. Многие представители интеллигенции увидели реальную силу в рабочих советах, высоко оценили их роль в революции и последующем сопротивлении новому режиму. Революционный комитет венгерской интеллигенции и Союз писателей предприняли шаги по установлению тесных контактов с рабочими советами Будапешта в целях формирования единого фронта оппозиции⁷⁴. Укрывавшиеся с 4 ноября в югославском посольстве И.Надь и ряд его сторонников также видели именно в рабочих советах, продолжавших активно функционировать и после 4 ноября, главную силу сопротивления⁷⁵.

Особую роль играл Центральный рабочий совет Большого Будапешта, образованный 14 ноября на собрании делегатов рабочих советов более 20 будапештских заводов⁷⁶. Организованные им забастовки с требованиями скорейшего вывода советских войск, освобождения арестованных повстанцев, привлечения И.Надя к руководству, проведения свободных выборов явились мощным орудием давления на правительство Кадара, державшим его в постоянном напряжении и вынуждавшим идти на уступки и популярные меры, например, — повышение на 8–12% зарплаты рабочим и служащим в промышленности. Хотя попытки создания всевенгерского органа, направляющего деятельность рабочих советов, не увенчались успехом, до первой половины декабря, когда правительство Кадара достаточно окрепло, чтобы предпринять решительное наступление на рабочие советы, можно фактически говорить если не о двоевластии, то во всяком случае о наличии мощного оппозиционного центра, защищавшего не только национальные, но и (под лозунгами рабочего самоуправления) социалистические ценности.

Не решаясь в течение ноября на роспуск рабочих советов, правительство, не имевшее такой же опоры в обществе, поначалу избрало тактику внедрения в их состав своих сторонников и подрыва рабочих советов изнутри. Эта тактика не оправдала себя, как не решило поставленных задач и назначение, в соответствии с указом от 24 ноября правительственных уполномоченных на крупных заводах. Начавшееся с декабря наступление на рабочие советы в целях резкого ограничения их деятельности вызвало новый прилив волнений среди венгерского пролетариата, который к этому времени в основном прекратил забастовки. Правительство ответило жесткими мерами. 8 декабря в Шалготарьяне была расстреляна демонстрация шахтеров, серьезные эксцессы произошли в те же дни

в Татабанье, Мишкольце, Бекешчабе и ряде других городов. В знак протеста против репрессивных акций Центральный рабочий совет Большого Будапешта призвал провести 11 – 12 декабря всеобщую забастовку. В ответ на этот призыв правительство 9 декабря запретило деятельность Центрального рабочего совета, а затем ввело чрезвычайное положение в стране, сохранявшееся до середины апреля 1957 г. Председатель Президиума ВНР И.Доби подписал указ об учреждении военно-полевых судов, обладавших правом вынесения смертных приговоров на основе ускоренного рассмотрения дел. Большинство руководителей Центрального рабочего совета Большого Будапешта были арестованы, все территориальные рабочие советы – распущены, а советы на предприятиях могли отныне заниматься лишь сугубо производственными вопросами. Все эти меры ознаменовали собой окончательную ликвидацию фактического двоевластия в стране, связанного с деятельностью рабочих советов.

Донесения высокопоставленных советских эмиссаров, находившихся в ноябре в Будапеште⁷⁷, хорошо показывают эволюцию правительства Я.Кадара, которое в обстановке острой поляризации политических сил в Венгрии, непрекращавшегося активного и пассивного сопротивления масс, постоянного советского давления было вынуждено отступить от многих провозглашенных им в первоначальных заявлениях обещаний, перейти от политики компромисса к более жесткому курсу. Первые свои шаги правительству Кадара пришлось предпринимать в условиях почти полной изоляции от народа.

О степени отчуждения общества и власти дает представление, в частности, запись первого заседания Временного ЦК ВСРП, состоявшегося 11 ноября. Некоторые из выступавших на заседании этого самопровозглашенного органа не скрывали, что огромное большинство населения испытывает ненависть к кадаровскому руководству. «О сегодняшнем отношении к членам правительства у тов. Кадара сложилось несколько одностороннее представление, – заявил, например, Д.Ацел. – Я был на заводах, говорил со студентами, писателями и т.д. Везде называют их руководителями-москалями, и в сущности ни правительство, ни партия не имеют опоры в массах». Ацел и ряд других членов Временного ЦК (Л.Фехер, Л.Фельдеш, М.Шомоди) высказались за переговоры с И.Надем и его сторонниками, за предоставление им возможности включиться в работу правительства или создать свою партию. В противном случае, продолжал Ацел, «нам придется навязывать свою программу, на наш взгляд, может быть, и верную, с помощью меча и штыка, терроризируя рабочий класс и трудовой народ от имени узкого меньшинства»⁷⁸.

Отсутствие связей правительства Кадара с массами не укрылось и от внимания Андропова, посетившего кабинет Кадара в здании парламента 8 ноября. Советский посол побывал у главы правительства в 11 часов утра, в самое рабочее время. «Несмотря на это, в огромном здании парламента было совершенно безлюдно; кроме 6 министров и наших солдат, там никого не было». Правда, Андропов, живший мифом о непоколебимом единстве партии и народа, склонен был объяснять это тем обстоятельством, «что наши друзья все еще не смогли связаться с активом и работают пока еще в отрыве от него»⁷⁹.

Положение правительства усугублялось еще и тем, что старый государственный аппарат в центре и на местах был разрушен в ходе восстания, а новые структуры, образованные в процессе революции, носили явно оппозиционный характер. В первые две недели своего пребывания во главе

правительства Кадар предпринял энергичные усилия для достижения хотя бы минимальной общественной поддержки. Он принимал делегации со всей страны, вступал в переговоры со всеми важнейшими политическими силами – рабочими советами, представителями отдельных партий восстановленной в конце октября демократической коалиции второй половины 1940-х годов (З.Тилди, Б.Ковачем и др.). Эти переговоры оказались безрезультатными, поскольку другая сторона в качестве неперемного условия требовала вывода советских войск и проведения свободных выборов, что для Кадара было заведомо неприемлемо. Единственным слоем, в котором Кадар мог обрести реальную опору, была прежняя властная элита (партократия, руководители предприятий, офицеры безопасности и т.д.), оказывавшая на него все более сильное давление слева, побуждавшая к более решительным действиям по разгрому «контрреволюции». Без учета влияния ультралевых, ракошистских сил невозможно понять ту эволюцию, которую претерпела политика Кадара в течение ноября 1956 г.

Хорошо осознавая, что карательные действия советских органов способствуют дальнейшему углублению пропасти между народом и властью, венгерские лидеры, еще морально не готовые к политике террора, в первой половине ноября снова и снова ставили перед советскими представителями вопрос о необходимости снизить масштабы репрессий. Так, в беседе с Серовым 9 ноября Кадар, ссылаясь на мнение делегаций из разных областей Венгрии, жаловавшихся на массовый характер арестов, прямо указал на несоответствие проводимой политики заявленному в правительственной декларации от 4 ноября обещанию не преследовать тех повстанцев, которые сложат оружие⁸⁰. Серов, как уже отмечалось, в своих многочисленных донесениях в ЦК КПСС неоднократно критиковал венгерское руководство за чрезмерный «либерализм»⁸¹. Маленков, Сулов и Аристов также пытались подтолкнуть Кадара к более жесткому курсу. Во многом по их инициативе в начале 20-х чисел ноября была проведена чистка редакции газеты «Népszabadság», занимавшей до тех пор относительно независимую позицию в оценке текущих событий⁸². Очевидно, что и сам Кадар после неудачи в достижении компромисса с рабочими советами все более утрачивал терпение и склонялся к более жестким мерам. У советских представителей уже, вероятно, были все основания записать 22 ноября, что Кадар в последнее время «стал гораздо лучше понимать необходимость проведения более твердой линии в борьбе с реакцией», проявляет меньше колебаний.⁸³ Однако и после этого Кадару иной раз приходилось отстаивать более компромиссную линию. Так, в начале декабря он настоял на освобождении арестованного Серовым на базе Текел в ночь на 4 ноября Ф.Эрдеи, который мог ему пригодиться в случае возможной реорганизации правительства с привлечением левых крестьянских политиков.

Для того чтобы проследить, как под влиянием логики внутривластной борьбы и непрекращавшегося советского давления претерпевала эволюцию политическая линия Кадара, сколь далеко отступил он уже в течение первого месяца пребывания у власти от своей первоначально заявленной программы, достаточно сопоставить ряд его выступлений за ноябрь 1956 г. Второго и третьего ноября, принимая участие в заседании Президиума ЦК КПСС, Кадар настаивал на том, что его правительство не должно быть марионеточным, должно иметь базу, опору среди рабочих⁸⁴. Как уже отмечалось, он обращал внимание на общенародный характер движения, справедливость многих требований его

участников, ошибочность огульной оценки событий как контрреволюционных и аналогичной оценки правительства Надя (при том, что последний, по его мнению, проявил склонность к уступкам контрреволюционным силам), говорил о необходимости вывода советских войск в течение 2—3 месяцев после наведения порядка в Венгрии. Если действовать лишь военной силой, говорил он, «моральное положение коммунистов будет сведено к нулю»⁸⁵.

К концу ноября, как видно из многих документов, тональность выступлений заметно изменилась, все больший акцент стал делаться на «контрреволюционной сущности» событий. Уступчивость И.Надя Кадар квалифицировал уже как преступную: «В домах и на улицах убивали наших товарищей, царил кровавый антисемитизм, а в этом салоне глава правительства Надя сговаривался с реакционерами самого низшего сорта»⁸⁶.

Известно, что октябрьские события впервые были однозначно охарактеризованы Кадаром как контрреволюционные в докладе на пленуме Временного ЦК ВСРП 2—5 декабря 1956 г. — это определение стало на долгие годы официальной установкой и оставалось в силе вплоть до конца 1980-х годов. Из документов, опубликованных в 1990-е годы, выясняется, какую роль в процессе подготовки доклада Кадара сыграли находившиеся в Будапеште представители КПСС, после его выступления с удовлетворением констатировавшие, что имевшие место в рядах руководства ВСРП путаница и разнобой в оценке октябрьских событий будут в скором времени преодолены, и сделавшие вывод о том, что Кадар в отличие от своих прежних, «несколько ошибочных» взглядов на октябрьские события, теперь имеет «правильное» представление по этому вопросу⁸⁷. В основе аргументации Кадара лежал незамысловатый тезис о том, что после пролетарской революции, свергнувшей господство капиталистов и установившей власть рабочего класса, невозможна другая революция, может произойти только контрреволюция.

Решения декабрьского пленума подводили теоретическую базу под поворот к более жесткой внутренней политике, направленной на окончательную ликвидацию всех органов, созданных революцией (революционных комитетов на местах, на производстве и в учреждениях, рабочих советов). По справедливому замечанию исследователя, «пока движение, породившее эти органы, могло именоваться революцией, обосновывать их ликвидацию было затруднительно, напрашивалась мысль о произволе власти. Напротив, определение движения 23 октября как контрреволюции лишало, с точки зрения партийных идеологов, все, что было им порождено, законного права на существование»⁸⁸. Декабрьский пленум, решения которого были подготовлены всем предшествовавшим ходом событий, особенно отчетливо показал полную несовместимость иностранного военного присутствия с декларированным Кадаром в обращении к венграм от 4 ноября обещанием обеспечить национальную независимость и суверенитет страны. И все-таки едва ли можно отрицать субъективное желание Кадара проводить по возможности более самостоятельную линию, его последовательность в стремлении к опоре на внутренние силы, расширению социальной базы своей власти. Об этом свидетельствует в первую очередь экономическая политика его правительства.

Уже 6 ноября было подписано постановление о ликвидации системы обязательных поставок сельхозпродукции. 27 ноября принимается более развернутая программа политики в области сельского хозяйства, запрещающая

насилованный передел земли, обещавшая поддержку не только кооперативам, но и единоличным хозяйствам, которые будут увеличивать производство продукции. Новая система закупок в большей мере в сравнении с прежней учитывала материальную заинтересованность крестьянства, ограничила принуждение и со временем смогла обеспечить должное снабжение городов продовольствием. Таким образом, уже с конца 1956 г. закладывались основы той аграрной политики ВСРП конца 1950-х — начала 1960-х гг., которая, не порывая с принципиальной установкой на осуществление коллективизации, в то же время сумела предложить крестьянам весьма благоприятные в сравнении с большинством социалистических стран условия расставания с частной собственностью, обеспечила (в отличие от СССР начала 1930-х гг.) проведение кооперирования без значительного снижения объема производимой продукции⁸⁹.

В сфере промышленного производства экономическая политика также стремилась к большему учету интересов товаропроизводителей. 26 ноября, принимая делегацию Всемирного совета профсоюзов, министр финансов И. Кошша не только подверг критике существовавшее неравноправие в экономических связях с СССР и курс на форсированную индустриализацию, но и заявил, что «централизованное планирование по примеру Советского Союза не подходит в современных условиях для Венгрии»⁹⁰. Вместе с тем руководство с самого начала дистанцировалось от югославского опыта, указывая на его негативные черты и неспособность стать реальной альтернативой сталинской экономической политике⁹¹. Основанная на здравом смысле, учете венгерской специфики, предоставившая некоторый простор частной инициативе в мелкой промышленности и торговле и при этом не порывавшая с основными догмами государственного социализма экономическая политика ВСРП второй половины 1950-х — начала 1960-х годов смогла обеспечить, хотя и не без помощи извне, довольно быстрое налаживание и подъем производства, повышение материального благосостояния населения, постепенно подготовила переход к новому этапу, связанному с экономической реформой конца 1960-х годов, которая при всей своей незавершенности оставила заметный след в истории социалистического лагеря как одна из наиболее глубоких и последовательных попыток реформировать реальный социализм⁹².

Не менее остро, чем задачи восстановления экономики, перед кадаровским правительством в октябре-ноябре 1956 г. стояла проблема консолидации государственной власти как в центре, так и на местах. И речь здесь шла отнюдь не только об очищении аппарата министерств от политически неблагонадежных элементов" и не только об отлаживании той системы городского, областного, муниципального управления (местных советов и их исполнительных органов, создававшихся на рубеже 1940-х — 1950-х годов с оглядкой на советские образцы), которая дала полный сбой в дни революции, уступив место новым, стихийно возникавшим революционным комитетам и территориальным рабочим советам.

В государстве монопартийного типа с гипертрофированной ролью правящей партии политическая составляющая консолидации в немалой мере сводилась именно к налаживанию партийных структур и аппаратных механизмов. Возникшая 1 ноября под знаменем национального коммунизма именно как альтернатива сталинизму в Венгрии Венгерская социалистическая рабочая партия после 4 ноября стала орудием частичной ресталинизации в стране. Показательно, что в решениях все-венгерской конференции ВСРП, состоявшейся

в июне 1957 г., кадаровское руководство публично отмежевалось от самых первых решений ВСРП, принятых до 4 ноября, назвав их противоречащими марксизму-ленинизму⁹⁴. Идея сохранения преемственности ВПТ достаточно отчетливо прослеживается и в более ранних партийных документах (в частности, в решениях декабрьского пленума Временного ЦК ВСРП 1956 г.⁹⁵), отодвигая на второй план дежурную критику в адрес Ракоши и провозглашенный тезис о борьбе на два фронта — с сектантством и ревизионизмом.

Составленное с учетом рекомендаций ЦК КПСС обращение Временного ЦК ВСРП от 6 ноября⁹⁶, объявившее о необходимости «решительно порвать с вредной политикой и преступными методами клики Ракоши» и столь же решительно с «группой Имре Надя—Лощонци», явилось той платформой, на которой кадаровское руководство намеревалось объединить лояльные новому режиму силы. Процесс формирования первичных организаций ВСРП проходил крайне медленно, в обстановке враждебного отношения подавляющего большинства венгров к партии, поддержавшей советское вмешательство. Рабочие советы на большинстве предприятий противились созданию партийных ячеек ВСРП, кое-где коммунисты вели работу нелегально. Аналогичной была ситуация в высших учебных заведениях, научных учреждениях⁹⁷. Деятельность высших партийных органов в этих условиях также не очень афишировалась. Характерно, что список членов Временного ЦК был впервые опубликован лишь в феврале 1957 г. Если численность ВПТ до начала октябрьских событий превышала 1 миллион человек, то в составе ВСРП к началу декабря было около 37 тыс. В декабре процесс вступления в партию несколько ускорился — многие венгры, наблюдая воочию происходящее укрепление режима, отказывались от бесплодного противостояния власти и заявляли о своей политической лояльности. К концу года в составе ВСРП уже насчитывалось около 100 тыс. человек. Эта тенденция роста численности партийных рядов продолжилась и в течение 1957 года⁹⁸.

Параллельно с расширением численности партии происходило все большее укрепление в ней принципов централизма, выкорчевывание элементов фракционности. В ноябре на заседаниях Временного ЦК ВСРП происходили бурные споры в вопросе об отношении к И.Надю и его деятельности, немалое влияние сохраняли идеи национального коммунизма⁹⁹. 11 ноября Временный ЦК ВСРП выступил с инициативой проведения встречи, на которой представители компартий социалистических стран могли бы всесторонне проанализировать опыт венгерских событий и извлечь соответствующие выводы, касающиеся необходимости подлинного равноправия отношений в духе Декларации правительства СССР от 30 октября. На последующих заседаниях партийного руководства идея защиты суверенитета не получила развития, сторонники специфического венгерского пути к социализму все более осознавали несовместимость своих планов с интересами Москвы и, соответственно, иллюзорность их осуществления. Пленум начала декабря в целом прошел под знаком партийного единства.

По мере стабилизации режима происходил постепенный перенос на партийные органы центра тяжести в принятии решений, относящихся к ведению исполнительной власти. В течение ноября-декабря 1956 г. ВСРП все больше превращалась в государственную партию, монополизирующую власть. Вместе с тем в конце декабря еще не был окончательно снят с повестки дня вопрос о существовании в Венгрии формальной многопартийности и участии в

правительстве представителей крестьянских партий¹⁰⁰. Уже в первые месяцы 1957 г. вопрос этот отпал, поскольку лидеры крестьянских партий претендовали на большую политическую самостоятельность, нежели могло позволить им иметь государство с монопольной властью ВСРП. Что же касается самостоятельной социал-демократической партии, то свое отрицательное отношение к ее существованию кадаровская команда обозначила уже через несколько недель после прихода к власти. «Венгерские товарищи твердо высказались за то, что восстановление социал-демократической партии является делом нецелесообразным, поскольку это привело бы к расколу венгерского рабочего класса», — доносил посол Хрущеву¹⁰¹.

Наряду с укреплением правящей партии важнейшей составной частью политической консолидации было создание действенных механизмов функционирования правительства Я.Кадара. Главная помеха на пути решения этой задачи была связана с существованием де-юре правительства И.Надя, глава которого, нашедший убежище в югославском посольстве, упорно отказывался заявить об отставке, обеспечив тем самым плавную смену власти.

2. «Проблема Имре Надя»

Отправляясь 2 ноября в Югославию, чтобы проинформировать Тито о своих планах силового разрешения «венгерского вопроса», Н.Хрущев и Г.Маленков, как уже отмечалось, не были уверены в благоприятном исходе встречи с югославским руководством. Ведь несмотря на ускорившееся с середины 1955 г. сближение двух стран Югославия, дорожа своей репутацией независимого социалистического государства, продолжала несколько дистанцироваться от социалистического лагеря и претендовать на проведение самостоятельного внешнеполитического курса. Как вспоминал Хрущев впоследствии в мемуарах, на о. Бриони он намеревался выдержать твердую атаку со стороны Тито. Тем приятнее ему было в ходе беседы убедиться в единодушии двух сторон в оценке положения в Венгрии. Будучи, как и Хрущев, приверженцем однопартийной коммунистической диктатуры, Тито не мог не встревожиться развитием событий в соседней стране, угрожавшим потерей коммунистами власти¹. «В столь трудном вопросе мы одинаково оценили ситуацию и считали, что Надя Имре расчистил путь контрреволюции и привел к господству реакции», — так резюмировало итоги беседы письмо ЦК КПСС в адрес ЦК СКЮ от 6 ноября. Советская и югославская стороны «были едины и в отношении мер по исправлению положения в Венгрии для возврата ее на позиции социализма»². Речь в данном случае шла о согласии югославов на советскую военную акцию в целях свержения правительства И.Надя. Более того, на Бриони югославские лидеры обещали Хрущеву и Маленкову вступить в контакт с И.Надем и убедить последнего признать свою неспособность нормализовать положение в стране и уйти в отставку, чтобы уступить место новому правительству, которое, действуя «твердой рукой», смогло бы разгромить «контрреволюцию». Предполагалось, что в роли посредника может выступить, в частности, член исполкома только что созданной Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) З.Санто. Перед этим З.Санто обращался к югославскому послу в Венгрии Д.Солдатичу с запросом о предоставлении убежища ряду видных коммунистов, которым угрожает опасность «со стороны реакционных банд погромщиков»³. Получив соответствующие наставления из Белграда, югославская дипломатия дала официальный ответ уже после брионской встречи. Солдатич дал понять, что посольство ФНРЮ в Будапеште готово, причем в самое

ближайшее время, предоставить в случае необходимости убежище ведущим деятелям ВСРП, в том числе И.Надю и министрам-коммунистам из его правительства. Своим согласием югославская сторона преследовала вполне определенную цель — склонить правительство И.Надя к добровольному самоустранению, что помогло бы легитимизации нового венгерского правительства, которое предстояло возглавить Я.Кадару.

Убежище Имре Надю и большой группе людей из его окружения было действительно предоставлено рано утром 4 ноября, но обстоятельства их укрытия в югославском посольстве в корне отличались от первоначальных планов руководства ФНРЮ, согласованных с Москвой. Все карты спутало обращение премьер-министра к мировому сообществу с осуждением советской интервенции. Для всего мира стало очевидным, что речь шла отнюдь не о добровольной передаче власти новому правительству, а о свержении действующего правительства в результате вооруженной агрессии.

После 4 ноября между СССР и Югославией происходят дипломатические контакты и обмен письмами по вопросу о пребывании «группы Надя» в югославском посольстве⁴. При этом каждая из сторон по-своему пыталась трактовать смысл секретных брионских соглашений. Прозвучавшее по радио заявление Надя, из-за которого передача власти произошла не так гладко, как было первоначально задумано, вызвало известное замешательство в Белграде и крайне негативную реакцию в Москве. Объяснив произошедшее слишком быстрым развитием событий (согласно этой версии, югославская сторона, приняв в посольстве беженцев, попросту не успела сразу отреагировать на заявление И.Надя, в подлинности которого к тому же первое время сомневалась), руководство ФНРЮ старалось привести факт укрытия И.Надя в посольстве в максимальное соответствие с брионской договоренностью. Получив соответствующее распоряжение из Белграда, Солдатич уже в первый день попытался склонить И.Надя дезавуировать собственное заявление по радио и выступить в поддержку Кадара в целях скорейшего урегулирования положения в стране и признания нового правительства мировым сообществом⁵. Попытка оказалась неудачной. Низложенный премьер-министр отказался пойти навстречу югославскому предложению, назвав в беседе с Солдатичем новое правительство незаконным.

В Москве идея нового заявления со стороны И.Надя не нашла поддержки. Советское руководство было крайне недовольно действиями югославского правительства, предоставившего группе Надя убежище, совершенно не приняв в расчет, что заявление И.Надя на рассвете 4 ноября в корне изменило весь смысл задуманного плана о югославском посредничестве в смене власти в Венгрии. Принимая 7 ноября посла Югославии В.Мичу-новича, министр иностранных дел СССР Д.Шепилов заявил, что советская общественность возмущена «тем фактом, что обанкротившиеся перерожденцы и пособники контрреволюции типа Надя и компании, с ведома которых на улицах Будапешта вешали рабочих — революционеров и коммунистов, укрылись после своего поражения в югославском посольстве»⁶. В Москве, очевидно, с самого начала (то есть с момента заявления И.Надя по радио и его последующего укрытия в югославском посольстве) считали, что Надя так или иначе должен быть привлечен к ответственности за пособничество «контрреволюции»⁷. Препятствия этому исходили лишь с югославской стороны. На прозвучавший уже 4 ноября прямой

призыв к передаче группы Надя в руки советских органов (мотивированный тем, что новое венгерское правительство не имеет пока своих органов безопасности)⁸ Югославия, продолжавшая немало заботиться о престиже своей страны как независимого социалистического государства, ответила требованием гарантий, что эти люди не будут преследоваться за прежнюю политическую деятельность⁹. Советское руководство не было склонно давать такие гарантии. Как отмечалось в письме ЦК КПСС лидерам СКЮ от 6 ноября, если бы Надя вовремя подал в отставку, он «сохранил бы какое-то коммунистическое лицо и мог бы тем самым рассчитывать на иное, чем теперь, общее отношение к нему». Но он не воспользовался последней возможностью, предоставлявшейся «частному человеку» и продолжал до последнего момента действовать в пользу реакции. Поэтому теперь и речи быть не может о моральных обязательствах в отношении Надя и его группы¹⁰.

Считая оптимальным путем разрешения проблемы возвращение И.Надя и его соратников на свои квартиры при соответствующем обеспечении их безопасности, югославское правительство в то же время не исключало возможности предоставления им убежища в своей стране, ссылаясь при этом на данное Надем в беседе с Солдатичем обещание не действовать, находясь в Югославии, против нового венгерского правительства¹¹.

Выезд группы Надя в Югославию однозначно не устраивал советское руководство, поскольку в нейтральной стране эти люди оказались бы в недостижимости. Кроме того, пребывание в эмиграции незаконно свергнутого правительства затруднило бы признание мировым сообществом правительства Кадара. Как было заявлено в уже упомянутом письме ЦК КПСС лидерам СКЮ от 6 ноября, ни одно уважающее себя правительство и в данном случае новое венгерское правительство «не потерпит, чтобы Надя Имре, открывший путь реакции, будучи разгромленным, был бы вывезен в соседнюю дружественную страну». Это бросит тень на отношения Югославии с Венгрией, говорилось далее, так как вне страны эти люди станут притягательной силой для контрреволюции, будут использованы империалистами для создания затруднений в международном положении Венгрии. Следующий довод в пользу нежелательности выезда Надя в Югославию граничил с обвинением югославского руководства в причастности к действиям венгерских «контрреволюционеров»: «Надо предвидеть и то, что осуществление Вашего предложения о передаче Надя Имре с его группой в Югославию будет во всем мире истолковано в том смысле, что они являются югославской агентурой и ответственность за венгерские события в какой-то мере будет возложена на югославскую сторону», тем более, что ораторы Кружка Петефи, другие оппоненты существовавшего в Венгрии режима нередко апеллировали к югославскому опыту, противопоставляли югославский социализм советскому¹². Прямо высказанные в письме подозрения в том, что все произошедшее в Венгрии было организовано при участии югославов, хотя и зашло дальше, чем они того хотели, были решительно отвергнуты руководством СКЮ, в письме от 8 ноября продолжавшим настаивать на гарантиях неприкосновенности И.Надя¹³.

8 ноября к советско-югославскому диалогу подключается кадаровское правительство, лишь накануне прибывшее в Будапешт. Безусловно, оно не было заинтересовано в пребывании Надя и его окружения в Венгрии. Ведь находясь на свободе, незаконно отстраненный премьер-министр мог бы стать центром

притяжения всех оппозиционных новому правительству сил, арест же его вызвал бы массовое недовольство и тем самым подлил бы масла в огонь, дав толчок повсеместным забастовкам и другим выступлениям протеста (важно заметить, что в сложной внутривластной обстановке ноября 1956 г. правительство Кадара постоянно выступало с уверениями в том, что оно не собирается привлекать к судебной ответственности никого из членов прежнего кабинета, хотя деятельность некоторых из них «играла на руку контрреволюции»). Так, 14 ноября Кадар в беседе с представителями рабочих советов заявлял о том, что никто не может быть наказан за свою причастность к произошедшим событиям, а участие Имре Надя в политической жизни Венгрии зависит только от него самого. Газета ВСРП «Népszabadság» писала на следующий день, что у И.Надя «будет возможность договориться с нами... Мы тоже хотим многопартийной системы, подлинных, честных выборов»). Кадар понимал, что и выезд группы Надя в Югославию в силу уже названных причин не соответствует интересам укрепления его правительства.

Вместе с тем венгерское руководство, пришедшее к власти при советской военной поддержке, достаточно адекватно оценивало степень своей непопулярности не только дома, но и в мировом общественном мнении. В целях выхода из внешнеполитической изоляции оно было весьма заинтересовано в налаживании нормальных добрососедских отношений с соседней нейтральной Югославией, тем более, что титовское руководство уже 5 ноября высказалось в его поддержку¹⁴. Поэтому Кадар поначалу собирался выразить готовность пойти на компромисс и дать разрешение на выезд Надя в Югославию при условии, если тот заявит об отставке и обещает не вести какую-либо деятельность в ущерб новому правительству (об этом посол СССР Ю.В. Андропов сообщил в Москву 8 ноября¹⁵). Этот план вызвал, однако, решительные возражения в Москве. В телеграмме МИД СССР Андропову от 9 ноября требования Югославии о передаче ей И.Надя назывались «беспрецедентными, нарушающими суверенитет Венгрии. В самом деле, разве кто может понять, и в Венгрии и во всем мире, почему Венгерское Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство должно допустить, чтобы Надя Имре и его группа, открывшие путь реакции и будучи разгромленными, были вывезены в Югославию». Вопрос о Наде, «ставший спорным между нами и югославскими товарищами», является, как отмечалось далее, высокопринципиальным, затрагивает коренные интересы Венгрии и общего дела социализма. Здесь нельзя идти на уступки из-за опасений осложнения отношений с югославами, необходимо проявить настойчивость и принципиальность. «Что касается документов, которые надо будет потребовать от Надя, когда он будет находиться в распоряжении Венгерского Рабоче-Крестьянского Правительства, то к этому вопросу можно будет вернуться позднее»¹⁶.

Можно предполагать, что именно под влиянием позиции руководства СССР Кадар изменил свою точку зрения, заявив послу Д.Солдатичу, что Надя и других лиц, скрывающихся в посольстве ФНРЮ, ни в коем случае нельзя отдавать Югославии, так как они являлись «организаторами контрреволюционных выступлений», и кроме того, нельзя допустить, чтобы существовало два венгерских правительства — одно в Венгрии, другое в Югославии¹⁷. Поскольку Югославия не была склонна идти на какие-либо уступки в своих требованиях предоставления И.Надю и его соратникам гарантий неприкосновенности и не сняла своего предложения о выезде группы Надя в Югославию, в переговорах

возникла тупиковая ситуация. В этих условиях уже к 10 ноября в Москве родилась альтернативная идея — о возможной эвакуации бывшего премьер-министра и его соратников в одну из стран Организации Варшавского договора. Из источников известно, что польское правительство предлагало Кадару свои услуги в качестве посредника на переговорах с группой Надя, но получило отказ, мотивированный тем, что руководство ВСРП в диалоге с членами своей партии не нуждается в посредниках¹⁸. Несомненно, что в условиях ослабления советского контроля над Польшей в результате октябрьских событий 1956 г. эта страна не подходила для осуществления вынашивавшихся планов. Так выбор пал на Румынию, чье руководство представлялось в то время Хрущеву и его окружению более надежным союзником.

В письме ЦК КПСС в ЦК СКЮ от 10 ноября, предварительно согласованном с руководствами ВСРП и РРП, предлагалось найти разумный выход из сложившегося положения, «в духе дружеских отношений» и с учетом того, что не только югославское, но и новое венгерское правительство заботится о собственном престиже. Конкретное предложение заключалось в следующем: «Надь Имре и его группа подают заявление правительству Кадара о том, что они передают себя в распоряжение Венгерского правительства и просят разрешить им выехать в Румынию, заявляя при этом, что они дают категорическое заверение, что ими не будет предприниматься ничего такого, что могло бы в какой-то степени повредить делу укрепления Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства Венгрии». Предложение о выборе именно Румынии в качестве страны приюта мотивировалось тем, что Надь еще до того, как попросил убежища у югославы, обратился к румынскому лидеру Г. Георгиу-Дежу с просьбой дать совет о том, как ему поступить в сложившейся ситуации¹⁹.

Действительно, поздно вечером 2 ноября Имре Надь пригласил к себе румынского посла Й.Попеску. Проинформировав его о продолжающихся передвижениях советских войск по венгерской территории, премьер-министр при посредничестве посла запросил у Георгиу-Дежа совета, как поступить в сложившемся положении²⁰. Ответ последовал незамедлительно: на следующий день в Будапешт прибыл заместитель министра иностранных дел А.Мэлнэшану, в прошлом посол Румынии в Венгрии. Его сопровождал ветеран румынского рабочего движения член ЦК РРП В.Роман, считавшийся в Бухаресте ведущим экспертом по венгерским делам. Поздно вечером 3 ноября румынские эмиссары приняли участие в заседании Исполкома Венгерской социалистической рабочей партии и имели продолжительную беседу с И.Надем. О конкретном ее содержании свидетельств нет. Можно лишь предполагать, что И.Надь просил румынского посредничества в скорейшем установлении контактов с Москвой с тем, чтобы добиться от советского руководства прекращения несанкционированных венгерским правительством военных передвижений.

Между тем беседовавшие с И.Надем румынские гости не могли не знать о запланированной крупномасштабной военной акции, всецело поддержанной руководством РНР. Очевидно, что в Бухаресте Мэлнэшану и Роман получили инструкции постараться удержать И.Надя от каких-либо действий, способных помешать осуществлению советского плана. Насколько можно судить по телеграмме Солдатичу из Белграда утром 11 ноября, советский посол Н.П.Фирюбин, ознакомивший югославских лидеров с новыми предложениями ЦК КПСС, интерпретировал контакты И.Надя с Румынией 2–3 ноября как якобы

имевшую место с его стороны попытку договориться с румынским правительством о своем убежище в этой стране²¹.

По мнению Москвы, отправка Надя и его соратников в Румынию позволила бы решить вопрос без ущерба для престижа Югославии и в то же время соблюсти интересы венгерского правительства. Кадар дал согласие на этот компромиссный план, заявив также, что готов разрешить отдельным лицам из группы Надя (только не самому Надю и не министру его правительства Г.Лошонци) остаться в Венгрии в случае, если те заявят о признании его правительства. Как отмечалось далее в письме ЦК КПСС в ЦК СКЮ от 10 ноября, Георгиу-Деж согласился принять членов группы Надя и предоставить самолет для их транспортировки в Румынию²².

Это предложение, однако, не нашло поддержки правительства ФНРЮ. Посол Д.Солдатич, посетивший Кадара 11 ноября, продолжал от имени своего правительства настаивать на сохранении прежних условий: члены группы Надя остаются в Венгрии, получив от Кадара гарантии неприкосновенности, либо им разрешают выехать в Югославию с правом убежища (во избежание сложностей, связанных с существованием эмигрантского правительства более предпочтительным югославской стороне представлялся первый вариант). В связи с поступившим контрпредложением о выезде Надя и его соратников в Румынию югославским послом было заявлено, что в руководстве ФНРЮ и СКЮ «не считают, что Румыния является подходящей страной для эвакуации туда Надя и его группы», и полагают, что переправка этих людей в Румынию отрицательно скажется на престиже Югославии²³. (В беседе с Кадаром Солдатич руководствовался инструкциями, полученными утром того же дня из Белграда. Его просили выразить сомнение в том, что И.Надь и члены его группы согласятся на выезд в Румынию, а также высказать недоумение в связи с имеющим место недоверием к Югославии²⁴.) Посол РНР в Венгрии Й.Попеску также получил от Солдатича уведомление о несогласии руководства ФНРЮ с предложением о выезде Надя и его окружения в Румынию²⁵.

Через несколько дней, 16 ноября, Георгиу-Деж принял в Бухаресте югославского посла Н.Вуяновича. Проинформировав его о своих планах выехать в Венгрию в целях содействия в урегулировании там внутривосточной ситуации и прежде всего вопроса об И.Наде, румынский лидер заявил: было бы лучше всего, «если бы Надь и еще несколько лиц из его группы получили убежище и оставались бы в РНР до тех пор, пока урегулируются дела в Венгрии. Им обеспечили бы свободную жизнь и всякого рода помощь, о чем Правительство РНР готово дать письменные гарантии» югославскому правительству. Георгиу-Деж не исключал в то же время и другой, хотя и менее предпочтительной, на его взгляд, альтернативы: Надь выступит с самокритикой, заявит о поддержке правительства Кадара и останется в Венгрии²⁶. Ответ, который правительство Югославии 17 ноября дало через своего посла, свидетельствовал о его готовности к выработке компромиссного решения: югославская сторона в принципе не имеет возражений против выезда «группы Надя» в Румынию, все зависит исключительно от согласия этих людей. В случае приезда Георгиу-Дежа или его представителей в Венгрию было дано обещание посодействовать организации встречи румынских эмиссаров с Надем и его соратниками, где обе стороны могли бы без посредников обсудить вопрос о выезде венгерских политических беженцев в Румынию²⁷.

Вопрос о судьбе группы И.Надя в те же дни продолжал оставаться предметом переговоров между югославским руководством и правительством Я.Кадара. На позицию венгерской стороны не могло не повлиять выступление Тито 11 ноября на партактиве в хорватском городе Пуле, где югославский лидер, возложив (к явному неудовольствию Москвы) на советское руководство часть ответственности за обострение кризиса в Венгрии, вместе с тем публично отмежевался от И.Надя и заявил о поддержке Я.Кадара, укрепив тем самым последнего в решимости к поискам компромиссов. Необходимо учитывать и сильное давление на Кадара внутри страны, не только со стороны рабочих советов, небезуспешно пытавшихся в те ноябрьские дни выступать в качестве альтернативного органа власти, но даже из рядов руководства правящей партии. Так, 11 ноября на пленуме Временного ЦК ВСРП некоторые выступавшие, как уже отмечалось, высказывались за достижение соглашения с И.Надем и более того за вовлечение последнего либо его сторонников в правительство в целях расширения социальной базы крайне непопулярной в народе и хорошо осознававшей степень своей непопулярности власти²⁸.

Под влиянием всех этих факторов венгерская сторона, заинтересованная в скорейшем разрешении столь острого вопроса, сделала шаг навстречу югославским пожеланиям, согласившись 16 ноября дать письменные гарантии относительно личной безопасности И.Надя и находившихся вместе с ним в посольстве лиц²⁹. Предполагалось, что уже утром 17 ноября все они смогут оставить посольство. Согласно договоренности Надя и шесть наиболее активных политиков из его окружения, чтобы не осложнять своим пребыванием в Венгрии внутривнутриполитическое положение, должны были на 3–4 месяца выехать в одну из народно-демократических стран (при этом не исключался их выезд в Югославию). Другие же могли остаться в Венгрии.

Вопрос об И.Наде, таким образом, казался близким к разрешению. Но как выясняется из документов, в тот же день, 16 ноября, Кадар беседовал с находившимися в Будапеште членами Президиума ЦК КПСС Г.М.Маленковым и М.А.Сусловым и секретарем ЦК КПСС А.Б.Аристовым³⁰. Их жесткая позиция оказала влияние на дальнейший ход венгерско-югославских переговоров. 17 ноября Кадар фактически вернулся к прежним требованиям о безоговорочной передаче «группы Надя» венгерскому правительству для их последующей переправки в Румынию. Югославская сторона негативно отреагировала на эти требования, продолжая настаивать на гарантиях личной безопасности и неприкосновенности свергнутого премьер-министра и его соратников. А на пожелание Кадара добиться от Надя заявления об отставке и поддержке нового правительства Венгрии Югославская сторона ответила, что такое заявление не только может быть только актом свободной воли со стороны Надя, но и внутренним венгерским делом³¹. Переговоры, таким образом, снова зашли в тупик, но в тот же день, 17 ноября, к делу вновь подключилась советская сторона. Маленков, Сулов и Аристов выносят на рассмотрение Президиума ЦК КПСС следующие предложения: подготовиться и обеспечить арест Надя и его группы при выходе из посольства Югославии; отправить Надя и сопровождающих его лиц в Румынию. Кадар, как сообщалось в их телефонограмме, дал на это согласие³².

Венгерско-югославские переговоры, между тем, продолжались — с югославской стороны, наряду с послом Солдатичем, в них участвовал прибывший

в Будапешт 18 ноября заместитель секретаря Госсекретариата по иностранным делам ФНРЮ Д.Видич. Поскольку вопрос о предстоящей отправке венгерских беженцев в Румынию был к этому времени в принципе предрешен без участия югославов, с венгерской стороны переговоры носили довольно фарсовый характер. Но показательно также, что и югославская сторона не поставила вопрос о судьбе трех членов «группы И.Надя» — З.Санто, З.Ваша и известного философа Д.Лукача, которые, узнав о предварительной договоренности от 16 ноября, добровольно покинули посольство 18 ноября и вопреки данным обещаниям (а этих людей не было в списке лиц, которых, согласно той договоренности, предполагалось депортировать в Румынию) так и не смогли вернуться домой, а были задержаны советскими органами (позже, 23 ноября, они были отправлены в Румынию вместе с другими членами «группы Надя»).

Судя по всему, югославская дипломатия была озабочена не столько судьбой венгерских беженцев, сколько желанием побыстрее и по возможности безболезненно для своей репутации избавиться от неудобных гостей. В результате переговоров венгерское правительство с тем, чтобы ускорить развязку, 21 ноября сделало видимую уступку, заявив, что дает гарантию безопасности всем членам «группы Надя» и никого не будет привлекать к ответственности за прошлую деятельность³³. Прежнее требование — заявление Надя и других о поддержке Кадара, теперь уже не выдвигалось в качестве неперемennого условия. Надь и его соратники были ознакомлены с итогами переговоров и дали согласие свободно покинуть посольство. Их выход за пределы посольства по согласованию венгерской и югославской сторон был назначен на вечер 22 ноября. В тот же самый день Маленков, Сулов и Аристов доложили в Москву о том, что «необходимые меры в связи с этим подготовлены» т. Серовым совместно с венгерскими коллегами³⁴. Еще через сутки, 23 ноября, они сообщили, что И.Надь и его группа арестованы и «находятся под надежной охраной»³⁵. Документы подробно рассказывают о том, как была осуществлена эта акция.

22 ноября в 18.30 Надь и близкие ему лица в соответствии с договоренностью покинули посольство и заняли места в автобусе вместе с югославскими дипломатами, которые должны были проследить за тем, чтобы бывший премьер-министр и его соратники были развезены по домам. Несмотря на энергичные протесты югославского посланника с ними сел в автобус подполковник Советской Армии. Автобус проследовал до здания советской военной комендатуры, где подполковник, ссылаясь на приказ своего командования, заставил югославов высадиться. Вслед за этим автобус в сопровождении бронированных машин отправился в неизвестном направлении. Через несколько часов Надь и его люди были переправлены на территорию Румынии.

Единственным юридическим основанием для приема румынской стороной И.Надя и его соратников явился положительный ответ заместителя министра иностранных дел РНР А.Мэлнэшану от 22 ноября на направленное в тот же день в Бухарест письмо заместителя министра иностранных дел Венгрии И.Шебеша с просьбой предоставить Надю и его группе возможность пребывания в Румынии, обеспечив их безопасность и не позволив вместе с тем вести деятельность, противоречащую интересам ВНР³⁶. В письме были также изложены мотивы обращения с подобной просьбой. В нем говорилось, в частности, что венгерское правительство, давшее правительству ФНРЮ гарантии, что не будет преследовать Надя и его единомышленников за прошлую деятельность, гарантировать их

безопасность в Венгрии на самом деле не может, поскольку эти люди своим пособничеством контрреволюции навлекли на себя справедливый гнев в обществе и поэтому, оставшись дома, легко могут стать объектом возмездия со стороны многих венгров. С другой стороны, «контрреволюционные элементы» в провокационных целях могут совершить против Надя или кого-то из его группы террористическую акцию и свалить вину на правительство Я.Кадара. Поэтому выезд группы Надя в Румынию рассматривался как наилучшее решение проблемы и с точки зрения обеспечения безопасности этих людей. (Кстати, та же иезуитская логика присутствовала в ряде выступлений Кадара, рассчитанных на внутреннюю аудиторию. Так, 25 ноября во время выступления на партактиве в Будапеште Кадар, объясняя, почему И.Надь и другие не могли поехать на собственные квартиры, заметил: случись с ними что-нибудь, тут же свалили бы на нас³⁷) В письме содержалась также ссылка на то, что Надь и другие, находясь в югославском посольстве, выражали готовность выехать в одну из соцстран (при этом не уточнялось, что в качестве альтернативы пребыванию в Венгрии ими не отрицалась лишь возможность выезда в Югославию).

Официальный дипломатический документ призван был обеспечить должные международно-правовые основания той акции, которая с самого начала готовилась и осуществлялась не только с ведома, но и при участии румынской стороны. 22 ноября в Будапешт прибыла делегация РРП во главе с Георгиу-Дежем, в составе которой было два члена Политбюро — Киву Стойка и Э.Боднэраш. Входивший в состав делегации член ЦК РРП В.Роман, знакомый с И.Надем еще с коминтерновских времен, 22 ноября беседовал с ним в югославском посольстве. Два часа между ними шел жаркий спор о том, что же произошло в Венгрии.

В.Роман, ссылаясь на сложную обстановку в Венгрии, от имени Георгиу-Дежа предложил Надю подумать о выезде в Румынию на 3–4 месяца. При этом Надь получил заверение, что румынское правительство сделает все, чтобы он хорошо себя чувствовал в этой стране. Надь ответил на это, что добровольно Венгрию не оставит, и отказался выступать с какими-либо заявлениями в поддержку Кадара. Как комментировали 23 ноября результаты этой беседы Маленков, Суслов и Аристов, «выяснилось, что Надь Имре настроен категорически против выезда из страны, не хочет делать никаких полезных нынешнему Венгерскому правительству заявлений, ссылаясь при этом на то, что он не на свободе». В аналогичном духе высказывались и соратники бывшего премьер-министра. Упорство И.Надя советские эмиссары объясняли тем, что он был «основательно подготовлен югославами»³⁸. Маленков, Суслов и Аристов неоднократно встречались со своими румынскими коллегами. По итогам этих встреч они отмечали в том же своем донесении от 23 ноября, что Деж, Киву Стойка и Боднэраш «твердо настроены и считают, что надо теперь же отправлять Надя Имре и членов его группы» в Румынию, «где, как сказал нам тов. Деж, будет обеспечено их дальнейшее содержание (под необходимой охраной)»³⁹.

Отправка Надя и его соратников в Румынию вызвал крайне негативную реакцию в венгерском обществе. Кое-где возобновляются ранее прекратившиеся забастовки. По донесению председателя КГБ И.Серова от 27 ноября, от рабочих советов к правительству поступили требования «организовать переговоры с Имре Надем для того, чтобы убедиться, что он выехал в Румынию добровольно», была послана соответствующая делегация к советскому военному коменданту⁴⁰.

Югославская сторона, если и не была непосредственно вовлечена в заговор, организованный с целью отправки Надя и его соратников в Румынию, во всяком случае в свете всего вышесказанного вполне могла предвидеть подобный исход. «Мы не думали, что югославы поднимут шум по поводу переезда Надя Имре и его группы в Румынию», — со всей откровенностью говорил Боднэраш 26 ноября советнику посольства СССР в Румынии В.Николаеву⁴¹. Примерно то же самое сказал Николаеву 26 ноября Георгиу-Деж, сославшись на то, что Тито не возражал против переезда Надя и его соратников в Румынию в случае их согласия⁴². Но югославы, решив публично отмежеваться в глазах мировой общественности от устроителей неблагоприятной акции, вручили советскому послу ноту протеста. В ней отмечалось, в частности, что «правительство ФНРЮ не может никак принять версию о том, что Имре Надь и остальные упомянутые лица добровольно направились в НР Румынию, так как оно знакомо с желанием этих лиц остаться в своей стране, как и с тем, что до сих пор, пока они находились в посольстве ФНРЮ в Будапеште, они отвергали предложения направиться в Румынию»⁴³.

Нота аналогичного содержания была вручена и послу ВНР⁴⁴. В сложившейся ситуации румынская сторона попыталась выступить в качестве посредника в осложнившемся советско-югославском и венгерско-югославском диалоге. Приняв 25 ноября посла ФНРЮ, Георгиу-Деж передал через него Тито просьбу о встрече на высшем уровне с югославским руководством для устранения в порядке товарищеской дискуссии тех разногласий, которые возникли между Югославией, с одной стороны, и Советским Союзом и Венгрией, с другой, по вопросу об Имре Наде (до тех пор он просил югославских лидеров воздержаться от дополнительных заявлений)⁴⁵.

В связи с задуманной встречей румынское руководство решило посоветоваться с Москвой. Президиум ЦК КПСС, рассмотрев 27 ноября посланную накануне телеграмму Николаева из Бухареста, счел встречу Георгиу-Дежа и Тито нецелесообразной и поручил Председателю Совета Министров СССР Н.А.Булганину переговорить с Дежем по телефону и подсказать ему, что его беседа с Тито будет «... не в нашу пользу и не в пользу Венгрии»⁴⁶. Булганин в телефонном разговоре с ... Дежем, состоявшемся в тот же день, 27 ноября, высказал мнение Москвы: «... встреча на самом высоком уровне с югославским руководством по вопросу о Наде Имре и его группе не предвещает хорошего исхода, так как югославы в этом вопросе занимают определенную позицию». Более того, «такая встреча может даже усложнить обстановку. Югославы могут потребовать свидания с Надем Имре и другими, что вряд ли целесообразно»⁴⁷. Но как узнал Булганин тогда же от Георгиу-Дежа, секретная встреча румынских и югославских руководителей к тому моменту все-таки состоялась, хотя и без участия первых людей государств — Дежа и Тито. С югославской стороны в ней участвовали Э.Кардель и А.Ранкович, с румынской — Э.Боднэраш и П.Борилэ, попросившие югославов не делать лишней шумихи из истории с группой Надя. 29 ноября Борилэ вылетел в Будапешт, чтобы обсудить с Кадаром ответ на югославскую ноту от 24 ноября.

В ответной ноте правительства ВНР правительству ФНРЮ от 1 декабря дело И.Надя квалифицировалось как внутреннее дело ВНР⁴⁸. Как явствует из письма Тито в ЦК КПСС от 3 декабря, югославское руководство и после румынских попыток посредничества продолжало декларировать свое особое мнение относительно путей разрешения спорного вопроса: «... необходимо было в первую

очередь спросить Надя, в какую социалистическую страну он хочет выехать, а не против его воли его и всю группу отправлять в Румынию. Когда румынские товарищи, которые были в Белграде, говорят, что они думают, что Надю было бы опасно быть в то время в Венгрии, почему в таком случае надо было собирать детей, женщин и тех коммунистов, которые известны и могли быть полезны в Венгрии, и увезти против их воли в Румынию? Мы считаем это ошибочным». Югославская сторона, отмечал Тито, отнюдь не настаивает на выезде Надя и его группы в Югославию, их можно было бы оставить и в Венгрии. «Одно только его заявление о том, что он сейчас возвращается в Венгрию с согласия венгерского правительства и что он не будет мешать усилиям этого правительства в обновлении страны и т.д., имело бы огромный положительный отклик у венгерского народа и отпали бы аргументы для кампании во всем мире против депортации Надя». Нормализация в Венгрии пошла бы, по мнению Тито, быстрее⁴⁹. Движимое в первую очередь заботой о собственном престиже и стремившееся в силу этого отмежеваться от организаторов незаконной высылки И.Надя, югославское руководство в то же время не было заинтересовано в обострении отношений с социалистическим лагерем. Нота правительства ВНР от 1 декабря осталась без ответа.

Документы свидетельствуют о попытках давления румынских властей на И.Надя в целях изменения им своей позиции. В конце ноября Деж информировал Москву о том, что «они через своих уполномоченных сейчас ведут работу с Имре Надем и его группой. Они ставят своей задачей добиться, чтобы Имре Надь и его группа выступили с заявлением, где бы признали свои преступные действия, а также указали, что единственно правильным решением в настоящее время является поддержка и укрепление» правительства Кадара. Тем самым мы «хотим испытать Надя Имре», – заключил Георгиу-Деж⁵⁰.

Как можно судить из последующих документов, эти планы были вскоре отброшены румынским лидером. Эволюцию его взглядов передает запись беседы с советником посольства СССР В.Николаевым от 14 декабря. Деж подверг критике позицию руководства ФНРЮ, настаивавшего на возвращении группы Надя в Венгрию, и привел свой главный аргумент: «...по нашему глубокому убеждению, Надь Имре – этот бандит, заклятый враг венгерского народа и социализма, не мог быть оставлен в Венгрии, ибо вокруг него концентрировались враждебные народно-демократическому строю силы». Тито негодует, продолжал он, что И.Надь находится не дома, хотя и не представляет якобы никакой опасности. «Между тем, сказал тов. Г. Георгиу-Деж, почему-то Тито не оставляет в своем доме – в Белграде бывшего своего заместителя Джиласа, а посадил его на скамью подсудимых⁵¹. Выходит, Тито это можно, а венгерским товарищам нельзя»⁵².

Заявив, что переправка группы Надя в Румынию совершена на основании договоренности между венгерским и румынским правительствами и в силу этого якобы делает беспочвенными какие-либо претензии югославских лидеров к советским военным властям, осуществившим эту акцию, Деж затем откровенно поделился своими мыслями о будущем. Мы «не думаем Надя Имре и его группу всю жизнь держать в Румынии; как только [в Венгрии] окрепнет народно-демократическая власть... мы передадим Надя Имре венгерским товарищам и уверены, что он за его преступление будет повешен не за шею, а за язык»⁵³. Таким образом, еще задолго до того, как венгерские лидеры открыто поставили вопрос о

привлечении Надя к судебной ответственности, румынский руководитель предсказывал суровую расправу над бывшим премьер-министром Венгрии.

Стремившийся к расширению самостоятельности, освобождению от мелочной кремлевской опеки режим Г. Георгиу-Дежа в Румынии не стал в то же время союзником И.Надя, да и не мог им стать. Не только провозглашение многопартийности, но даже самые робкие реформаторские проекты не могли найти сочувствия у Дежа и его окружения, которые явно не принимали идей демократизации социализма и видели в расширении независимости Румынии лишь средство упрочения собственной власти и ограждения страны от нежелательных либеральных веяний, распространившихся в середине 1950-х годов на волне десталинизации в ряде социалистических стран, прежде всего в Венгрии и Польше. Более того, стремясь к расширению поля самостоятельных маневров, Деж считал важным условием для этого укрепление к себе доверия со стороны Москвы. Жестокие репрессии, предпринятые его режимом внутри страны против тех, кто в той или иной форме выразил симпатии венгерской революции⁵⁴, были призваны доказать советским лидерам: за Румынию они могут быть спокойны, там существует прочная коммунистическая диктатура и невозможно ничего подобного тому, что произошло в Венгрии и Польше (этот аргумент сыграл важнейшую роль при обосновании румынской стороной своих требований о выводе советских войск в 1958 г.).

Став не только соучастником, но весьма инициативным участником расправы над венгерским премьер-министром и его соратниками, Деж не просто подчинился блоковой дисциплине, но стремился извлечь максимум политической выгоды для себя. Смертельно напуганный революцией в соседней стране, румынский лидер в конечном итоге сумел воспользоваться этим событием в интересах укрепления своей власти. Однако сколь ни была неблагоприятна роль правившего в Румынии режима в подавлении венгерской революции, совсем по-другому отреагировало на нее румынское общество, дав многие примеры глубокой солидарности с ее идеями и целями⁵⁵.

Беседа румынского лидера с советским посланником о дальнейшей судьбе бывшего венгерского премьера происходила в те дни, когда и в самой Венгрии развернулось мощное контрнаступление тех ортодоксально-реваншистских сил, которые и взяли на себя роль могильщика национальной революции. Расстрел рабочей демонстрации в Шалготарьяне, запрещение политической деятельности рабочих советов означали, что коммунистическая власть, опиравшаяся на советские войска, к середине декабря 1956 г. достаточно окрепла для того, чтобы предпринять массированное наступление на независимое движение пролетариата. Роспуск в начале 1957 г. Союза венгерских писателей и Союза журналистов, продолжавших и в новых условиях претендовать на роль идейных вдохновителей борьбы за национальный суверенитет, явился ударом по оппозиционно настроенной интеллигенции⁵⁶. В новый 1957 г. страна вступала в состоянии непреодоленного экономического упадка, но еще более глубокой была моральная депрессия в венгерском обществе.

Дальнейшие перипетии «дела Имре Надя» находились в довольно тесной взаимозависимости с развитием советско-югославских отношений в 1957–1958 гг. Без преувеличения можно сказать, что судьба бывшего венгерского премьера была брошена в топку того нового конфликта, который разгорелся из-за навязчивого стремления Москвы к сохранению своего диктата в социалистическом

лагере и упорного нежелания амбициозного Тито действовать в русле политики Кремля (при том, что сходство идеологий и общий страх перед крушением коммунистических режимов в Восточной Европе предопределяли множество точек пересечения в позициях Белграда и Москвы — что проявилось и в оценке перспектив венгерской революции 1956 г. в случае ее неподавления советскими войсками⁵⁷).

Отношение Я.Кадара и его правительства к «проблеме Имре Надя» эволюционировало по мере упрочения нового режима. Если 11 ноября на заседании Временного ЦК ВСРП мог всерьез обсуждаться вопрос о вовлечении Надя в правительство, то уже через несколько дней он отпал сам собой. Более того, подавив к середине декабря оппозицию, власти уже не испытывали прежней необходимости гарантировать неприкосновенность бывшего премьер-министра. 26 февраля 1957 г. на пленуме Временного ЦК ВСРП Кадару без особого труда удалось преодолеть довольно вялое сопротивление тех членов руководства, которые противились репрессиям против группы Надя (Л.Фехер, И.Кебел, ДАцел и др.), было принято решение о начале уголовного расследования по «делу Надя», к этому времени уже публично названного предателем⁵⁸. Вскоре в Румынию для ведения следствия прибыла группа работников МВД Венгрии, а еще через месяц, в апреле, бывший премьер-министр был доставлен на родину под конвоем. Советское руководство внимательно следило за раскручиванием «дела Надя», каждый новый шаг в котором согласовывался в ходе встреч Хрущева и Кадара (в Будапеште в начале января и в Москве в марте 1957 г.).

В августе 1957 г. Москву с деловым визитом посетил министр внутренних дел кадаровского правительства Б.Биску, проинформировавший своих собеседников из ЦК КПСС и силовых ведомств о ходе подготовки суда над Надем и его соратниками⁵⁹.

К этому времени Политбюро ЦК ВСРП приняло решение провести закрытый судебный процесс по делу «группы Надя» уже в конце сентября 1957 г. В обвинительном заключении, одобренном Политбюро, предполагалось выделить три главных пункта обвинений: насильственный захват власти, организация заговора, направленного на свержение народно-демократического строя, и союз с империалистами. На заседании Политбюро обсуждался и вопрос о мере наказания. Согласно первоначальному плану 6 из 11 основных обвиняемых по делу И.Надя, включая самого Надя, должны были получить высшую меру (генерал Б.Кирай, бежавший на Запад, — заочно).

Сконструированная следственными органами концепция обвинения включала в себя немало компромата в адрес Югославии (речь шла о связях венгерских «ревизионистов» с югославскими дипломатами еще до восстания, о реакции югославской прессы и официальных лиц на венгерские события, о пособничестве посольства ФНРЮ в деле укрытия И.Надя и его группы и т.д.). Однако к концу лета 1957 г. в советско-югославских отношениях наметилось некоторое улучшение. Встретившись в начале августа в Румынии с Хрущевым (впервые со времени венгерской революции), Тито, заинтересованный прежде всего в экономическом сотрудничестве с СССР, выразил согласие приехать осенью в Москву на готовившееся международное совещание коммунистических и рабочих партий, где предстояло обсудить принципиальные вопросы мирового коммунистического движения, принять решения о новых формах взаимодействия

и сотрудничества, призванных заменить собой распущенный весной 1956 г. Коминформ.

Надеясь на то, что югославов удастся плотнее привязать к социалистическому лагерю, и опасаясь, что процесс по делу Надя может воспрепятствовать наметившемуся сближению, в Москве и Будапеште решили собранный компромат попридержать, по возможности смягчив антиюгославскую направленность процесса. Впрочем никак нельзя было исключать публичный протест ФНРЮ в адрес ВНР в связи с нарушением венгерской стороной договоренности о непривлечении И.Надя и его соратников к уголовной ответственности. На этот случай был подготовлен проект ноты в адрес правительства ФНРЮ по поводу якобы незаконной акции югославского посольства в Будапеште, предоставившего Надю и его группе убежище, а вместе с тем и возможность вести подрывную деятельность против правительства Кадара. Эту ноту изначально предполагалось вручить югославам еще до начала судебного процесса, однако руководство КПСС для того, чтобы избежать нежелательного обострения отношений между Венгрией и Югославией, рекомендовало венграм отказаться от официальной ноты, ограничившись сообщением по партийной линии с заверением, что судебный процесс не будет носить антиюгославский характер⁶⁰. Было «принято решение подготовить также политический меморандум по всем имеющимся в распоряжении МВД материалам, компрометирующим Югославию, который ЦК ВСРП, возможно, найдет нужным использовать впоследствии»⁶¹.

Советская сторона, представленная зав. отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю.Андроповым, генеральным прокурором СССР Р.Руденко и заместителем председателя КГБ П.Ивашутиным, ознакомившись с составленным в МВД ВНР проектом обвинительного заключения, сочла его в основном приемлемым, хотя и нуждающимся в доработке (в частности, усилении той части, где речь шла о связи И.Надя с Западом, участии западных спецслужб «в подготовке и проведении контрреволюционного мятежа»). Чтобы не создавать Венгрии излишних осложнений на предстоявшей в сентябре сессии ООН, предполагавшей включить в свою повестку дня и венгерский вопрос, решено было отложить закрытый судебный процесс до окончания этой сессии⁶².

Осенью 1957 г. процесс, однако, не состоялся, суд дважды переносился, и оба раза по инициативе Москвы. Н.С.Хрущев после разгрома в июне 1957 г. внутрипартийной оппозиции Г.Маленкова – Л.Кагановича – В.Молотова значительно укрепил свои позиции в руководстве партии, что избавляло его от прежней необходимости и дальше демонстрировать предельную жесткость в венгерском вопросе, дабы нейтрализовать возможные обвинения своих оппонентов в нерешительности и непоследовательности, ведущих к сдаче позиций СССР. Гораздо более, чем мнение внутри собственной партии, Хрущев теперь заботил международный отклик на свои действия, и суд дважды откладывался именно по тем соображениям, что международная обстановка была не совсем подходящей для его проведения. Для того чтобы продемонстрировать всему миру мощь СССР, вполне хватало теперь спутника, запуск которого в начале октября стал главной мировой сенсацией 1957 г. Проведение на этом фоне суда над И.Надем, напротив, могло несколько подпортить имидж «страны Советов» в глазах тех, кто восторгаясь техническими достижениями СССР, в той

или иной мере был склонен распространять свои симпатии и на ее политическую, экономическую систему. Еще важнее, пожалуй, было то, что этот суд мог охладить решимость югославов к сближению с советским лагерем, причем в самый канун международного совещания компартий.

Между тем, ознакомившись в Москве с проектом Декларации международного совещания, делегация СКЮ его отвергла, увидев, что КПСС по-прежнему претендует на роль гегемона в мировом коммунистическом движении. В отношениях двух компартий снова наметилось охлаждение, и проведение суда над Имре Надем могло теперь оказаться кстати в случае, если бы в Кремле была принята установка на дальнейшую эскалацию конфликта. В Москве Кадар встретился с лидерами многих компартий и убедился, что идея судебного процесса по делу Надя и его соратников находит их поддержку как действенная мера во устрашение ревизионизма. 21 декабря Политбюро ЦК ВСРП приняло решение о проведении суда в феврале 1958 г. Вместе с тем, находясь в условиях сохранявшейся внешнеполитической изоляции, режим Кадара отнюдь не был заинтересован в обострении отношений с югославами⁶³. А потому в обвинительном заключении югославские связи группы Надя опять-таки решили не выпячивать. Однако на случай, если вдруг югославские руководители выступят с протестом по поводу осуждения И.Надя, наготове был собранный против них компромат.

Назначенный на февраль 1958 г. процесс все-таки не состоялся, он снова был отложен по настоянию Москвы, выступившей в это время с рядом мирных инициатив, обращенных к Западу (в первую очередь, о проведении многосторонней встречи на высшем уровне в целях обсуждения проблемы разоружения). На этом фоне суд над И.Надем снова оказался бы несвоевременным. Впрочем, по мнению исследовавшего эту проблему венгерского историка Я.М.Райнера, Кадар в конце зимы оказался в ситуации выбора. Он мог отложить процесс по делу Надя «до лучших времен», но мог провести суд, как это было запланировано, в феврале, смягчив приговоры обвиняемым, в частности, отказавшись от вынесения смертных приговоров⁶⁴. Венгерский лидер избрал первый путь, сознательно не воспользовавшись предоставившейся было возможностью компромиссного решения. Этот выбор был продиктован, в первую очередь, соотношением сил внутри венгерского партийно-правительственного руководства, и для того, чтобы понять его мотивы, нужно лучше представлять себе этот расклад.

Эволюция политики Кадара с ноября 1956 г., проявившаяся в первую очередь в постепенной сдаче им первоначально заявленных позиций по целому ряду основополагающих вопросов (об оценке характера событий с 23 октября, об отношении к И.Надю, о многопартийности, о пребывании советских войск⁶⁵), в немалой мере была обусловлена шаткостью его положения в первые месяцы. В условиях, когда подавляющее большинство населения выступало за вывод советских войск, восстановление правительства И.Надя, проведение свободных выборов, сохранение всех основных завоеваний революции, Кадар, ставший орудием осуществления курса на подавление революции, мог найти опору прежде всего в крайне ортодоксальных силах, ностальгировавших по режиму Ракоши, и по сути дела выступил заложником этих сил. Для того чтобы расширить поле для политического маневра, он должен был не только завоевать

более широкую поддержку в обществе, но и, что в его положении было не менее, а еще более важно, укрепить доверие к себе Москвы.

Как явствует из материалов заседаний Президиума ЦК КПСС от 4 и 6 ноября, где Хрущев защищал главу нового венгерского правительства от нападков Молотова, отмежевавшись одновременно от Ракоши, ставка на Кадара была сделана серьезно⁶⁶. Характерно, что и в письме в адрес ЦК СКЮ от 10 ноября Кадар был назван «выдающимся и авторитетным руководящим деятелем коммунистического движения Венгрии, способным в настоящих трудных условиях возглавить новое революционное правительство»⁶⁷. Вместе с тем Кадар не мог не понимать, что в случае, если его политика не удовлетворит Москву, может встать вопрос о реставрации прежней власти. Ракоши, Гере и ряд других бывших лидеров в надежде на свое скорое возвращение в Венгрию и занятие ответственных должностей направляли в ЦК КПСС письма с резкой критикой «правых» ошибок Кадара⁶⁸. Вопрос об их возможном водворении на партийно-государственный олимп оставался в известной степени открытым вплоть до апреля 1957 г., когда Президиум ЦК КПСС принял решение об ограничении контактов Ракоши с Венгрией, поскольку его деятельность препятствовала укреплению кадаровского режима⁶⁹.

Выбор был сделан Москвой окончательно и бесповоротно. Но и после того, как Ракоши перешел в СССР по сути дела на положение политического ссыльного, его потенциальные сторонники в руководстве ВСРП продолжали составлять значительную силу. Лишь отчасти ослабил их позиции пленум ЦК КПСС 1957 г., нанеший удар по оппонентам Н.Хрущева в Президиуме ЦК КПСС, которые (прежде всего В.Молотов и К.Ворошилов) выступали за более активное приобщение людей Ракоши к власти в Венгрии. Проявив предельную жесткость в деле Имре Надя, Кадар окончательно выбил оружие у своих критиков слева, сторонников полной реставрации той системы, которая была решительно отвергнута венгерским народом в октябре 1956 г. Необходимо также иметь в виду, что Имре Надь до конца своей жизни должен был персонифицировать собой нелегитимность прихода Кадара к власти и был в силу этого крайне не удобен для последнего.

Советские мирные инициативы, заставившие Кадара на несколько месяцев отложить проведение суда над Имре Надем, между тем не нашли ожидавшейся поддержки на Западе, судебный процесс уже никак не мог повлиять на их судьбу. С другой стороны, состояние советско-югославских отношений к весне 1958 г. достигает низшей своей в послесталинский период отметки, что было связано с принятием на 7 съезде СКЮ (Любляна, 22–26 апреля 1958 г.) новой программы партии, хотя и не ознаменовавшей собой поворота в политике СКЮ, но приведшей в систему многие положения югославской концепции самоуправленческого социализма, неприемлемой для советских лидеров. К тому же новая программа СКЮ в целом ряде пунктов вступала в противоречие с Декларацией, принятой на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1957 г. В результате Москвой была развязана довольно шумная пропагандистская кампания антиюгославской направленности, пошедшая на убыль лишь через год, в 1959 г. (в отличие от 1948–1949 гг. в ходе новой антиюгославской кампании критика лидеров КПЮ–СКЮ удержалась на уровне их обвинений в ревизионизме и национализме, не привела к разрыву дипломатических отношений, о «шпионах», «убийцах» и «фашистах» во главе

Югославии речь уже не заходила). Именно на этом внешнем фоне 15 июня 1958 г. в ходе закрытого суда был вынесен смертный приговор Имре Надю и его соратникам П.Малетеру, М.Гимешу, Й.Силади, на следующий день приведенный в исполнение. Г.Лошонци скончался в тюрьме за несколько месяцев до суда. Б.Кирай, находившийся в США, был приговорен к смертной казни заочно. Другие подсудимые получили различные сроки тюремного заключения (в начале 1960-х годов все они были амнистированы)⁷⁰.

Расправа над И.Надем и его соратниками в июне 1958 г., которая стала венцом целой серии судебных процессов по делам участников революции 1956 г.⁷¹, вызвала широкий резонанс во всем мире. Для многих была очевидной несостоятельность обвинений против бывшего премьер-министра Венгрии, главная «вина» которого заключалась по сути дела в последовательном отстаивании курса на суверенитет своей страны, который вступал в слишком резкое противоречие с неравноправной системой отношений внутри восточноевропейского лагеря образовавшейся в эпоху Сталина и продолжавшей оставаться в силе и после его смерти. Однако этим событием была как бы в известном смысле поставлена точка в истории венгерской революции и подведена черта под определенным периодом развития Венгрии в новейшее время; политическая обстановка в стране к этому времени стабилизировалась, и для дальнейшей консолидации режима необходима была смена тактики — задачи запугивания непокорных отходят на второй план, уступая место поискам путей наведения мостов к венгерской нации. Показательно, что казнь Имре Надя почти совпала по времени с публикацией текста новых Директив ВСРП по культурной политике, ставших первым документом, заложившим основы кадаровской либерально-прагматической модели социализма, отличавшейся, пожалуй, наибольшей гибкостью в сравнении с другими его реально воплощенными моделями.

1957 и 1958 годы оставили черный след в истории Венгрии. Казнь Имре Надя и ряда его соратников, аресты многих тысяч людей стали для кадаровского режима несмыслаемым пятном позора, получили резкое осуждение мировой общественности. С начала 1960-х годов наметился поворот к более либеральной политике, многие находившиеся в заключении участники восстания были амнистированы — приступив к реформаторским экспериментам, кадаровская власть все делала для того, чтобы вычеркнуть 1956 г. из исторической памяти нации. Но должны были пройти долгие годы, пока Я.Кадару политикой уступок и компромиссов, непревзойденным мастером которых он со временем стал, удалось, дав венграм максимум свобод, возможных при однопартийной коммунистической диктатуре, завоевать относительную поддержку в обществе и заставить своих соотечественников признать существующий в стране режим как, возможно, наименьшее среди всех неминуемых зол на пути к построению «светлого будущего».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осудив на XX съезде КПСС Сталина и провозгласив тезис о множественности путей продвижения к социализму, «коллективное руководство» КПСС поставило в непростое положение служивших верой и правдой официальной Москве лидеров зарубежных коммунистических партий, сразу же ставших объектами резкой критики в своих странах за апологетику бесчеловечной сталинской политики, следование несостоятельным советским образцам и моделям в предшествующие годы. В той или иной мере это коснулось и партийно-государственных руководителей стран советского блока, в которых к середине 1950-х годов со все большей отчетливостью обнажаются кризисные явления в экономике, свидетельствуя о несбыточности заявленных программ форсированного построения социализма и настоятельно требуя корректировки курса. Видимый поворот в политике Москвы дал моральную опору сторонникам реформ. Исходившие от них призывы к переменам, оказавшись в известном созвучии с официально провозглашенной линией КПСС, обрели значительно больший вес в общественном мнении, стали в некоторых странах реальным фактором внутривнутриполитической жизни, с которым приходилось считаться властям.

Конечно, в разных странах Восточной Европы ситуация не была одинаковой. В экономически развитой и обладавшей демократическими традициями Чехословакии несмотря на значительные структурные сдвиги в промышленности (связанные с переориентацией внешнеэкономических связей на Восток) в 1950-е годы еще продолжал сохраняться довольно высокий по европейским стандартам уровень жизни, что не способствовало радикализации оппозиционных настроений. В относительно слабо развитых Румынии и Болгарии, где волюнтаристская экономическая политика лишь усиливала бедственное положение основной массы населения, монополия коммунистической власти с ее мощным репрессивным механизмом также оставалась прочной, блокируя любые проявления внесистемной политической активности. Наряду с Венгрией симптомы кризиса существующего режима особенно отчетливо обозначились в середине 1950-х годов в Польше, где эксперименты по перенесению на национальную почву сталинской модели социализма с самого начала терпели наиболее очевидную неудачу. Упорное сопротивление значительной части населения коммунистической альтернативе и советскому влиянию, балансирование общества на грани гражданской войны в течение первых послевоенных лет предопределили более компромиссный, нежели в других странах Восточной Европы, характер сталинистской диктатуры в Польше, где так и не удалось провести коллективизацию земельной собственности, поколебать позиции костела в идеологической сфере, установить монополию марксизма в школьной системе, в том числе в университетах. Даже совсем незначительное ослабление административного пресса после 1953 г. вызвало в этой стране быструю регенерацию придавленных, но не заглушенных элементов плюрализма.

Можно, наверно, согласиться с известным венгерским политиком А.Генцем, заметившим как-то, что в отличие от СССР в странах Восточной Европы не успел

сложиться миф о незыблемости существующей системы власти¹. Однако если в польском и венгерском обществах к весне-лету 1956 г. был уже накоплен некоторый опыт борьбы за десталинизацию, реформаторские течения заметно окрепли и партийные руководства, оказавшись под массивным давлением снизу, начали постепенно сдавать свои позиции, то в Восточной Германии, в Чехословакии, балканских странах они смогли в полной мере удержать контроль за ходом событий. С трибуны мартовского пленума ЦР ВПГ 1956 г. М.Ракоши, стремясь оградить себя от обвинений в затягивании с реабилитацией жертв репрессий, сослался на мнение «чехословацких товарищей», которые перед этим в беседе с ним в кулуарах XX съезда упрекали венгерских лидеров в излишней торопливости с пересмотром судебных дел². Июньская конференция КПЧ в целом подтвердила прежние обвинения против видного деятеля партии Р.Сланского, казненного в 1952 г., многие из чехословацких коммунистов, осужденных в начале 1950-х годов, ждали своей реабилитации до 1963 г.

В отличие от соседней Чехословакии, в Венгрии и Польше соотношение сил на внутривнутриполитической арене поставило власти перед необходимостью далеко идущего компромисса с реформаторски настроенной оппозицией, зародившейся в недрах правящих партий, однако к осени 1956 г. все более перераставшей узкопартийные рамки, становившейся выразителем насущных интересов всего общества. При этом в Польше новое руководство во главе с В.Гомулкой сумело совершить решительный поворот к отстаиванию национальных приоритетов в диалоге с Москвой, что нейтрализовало наиболее радикалистские настроения в обществе, чрезвычайно чувствительном к неравноправию в польско-советских отношениях, предотвратило развитие событий по венгерскому варианту. В Венгрии же постоянное запаздывание властей с принятием эффективных политических и экономических мер, способных разрядить взрывоопасную обстановку, привело к мощному вооруженному восстанию 23 октября.

Венгерский кризис 1956 г., поставив официальную Москву перед нелегким выбором между военными и мирными, политическими средствами своего урегулирования, предоставил ей шанс оценить с точки зрения эффективности сложившиеся представления о характере отношений со странами, находящимися в советской сфере влияния, и — шире — всю доктрину безопасности СССР. Как показывают документы, силовое решение не было изначально predetermined, оно явилось итогом долгих размышлений и дискуссий, в ходе которых позиция советского руководства претерпевала изменения по мере поступления новой информации — о положении в Венгрии, развитии событий на Ближнем Востоке, реакции США и Китая на все происходящее. Как явствует из записей заседаний Президиума ЦК КПСС, в Кремле не только осознали невысокую результативность прежней восточноевропейской политики СССР, основанной на жестком диктате, но и сделали определенный шаг к отказу от нее. Успех мирного варианта развития в Польше был наилучшим свидетельством в пользу возможности пересмотреть такую политику без ущерба для безопасности СССР, а напротив, в интересах стабилизации положения в мировой системе социализма. В сравнении с польскими событиями венгерские представляли собой гораздо более серьезный вызов советской гегемонии в Восточной Европе, поскольку в результате общенационального восстания рухнула вся система партийного государства в этой стране, со всей остротой встал вопрос об утрате коммунистами власти, при этом оставались неясными перспективы дальнейшего

политического развития. Тем не менее и применительно к венгерскому кризису некоторое время всерьез рассматривалась мирная альтернатива действий, правда, при этом осознавались границы уступок — речь могла идти только о сохранении коммунистов у власти (допускалась возможность их коалиции с другими левыми силами), о подтверждении новым правительством союзнических обязательств Венгрии в рамках Организации Варшавского Договора. Как явствует из записей заседаний Президиума ЦК КПСС, в частности, за 28—30 октября, дух XX съезда КПСС, провозгласившего идею многообразия путей к социализму, имел некоторый шанс на то, чтобы проявить себя в советской внешней политике. Однако решимости в проведении нового курса советским лидерам явно не хватило. С одной стороны, осуществлению линии на компромисс мешало недоверие к правительству И.Надя, подвергавшемуся сильному давлению справа. С другой стороны, с распадом в масштабах всей Венгрии прежних партийно-государственных структур не оказалось силы, на которую советское руководство могло бы сделать ставку в своем стремлении овладеть положением в Венгрии. Окончательный выбор был сделан в пользу военной интервенции. А.И.Микоян, до конца отстаивавший линию на политическое разрешение конфликта, не был понят и поддержан своими товарищами по Президиуму ЦК. Восторжествовал более привычный силовой подход. Достигнутая вооруженным путем победа решила сиюминутную задачу «наведения порядка» в Венгрии, но в более долгосрочном плане оказалась пирровой. Упущенный в 1956 г. шанс перестройки на новых основах системы отношений в лагере социализма способствовал углублению кризиса этой системы, приведшего в конечном итоге к ее закономерному краху на рубеже 1980—1990-х годов.

Принятию решения о военной интервенции благоприятствовал целый ряд международных факторов, рассмотренных в нашей работе. На противоречия между реальной политикой США и ее пропагандистским обеспечением неоднократно обращалось внимание в научной литературе³, однако только на основе записей заседаний Президиума ЦК КПСС можно было установить, как реагировало руководство КПСС на определенные действия и декларации американских лидеров. Как следует из этих записей, в Президиуме ЦК КПСС не преувеличивали значения американской пропагандистской риторики, справедливо полагая, что для восстановления пошатнувшихся позиций СССР в Венгрии не потребуется слишком больших усилий со стороны Советской Армии.

Те же записи показывают, в какой мере при принятии решений по венгерскому вопросу советское руководство учитывало события, происходившие на Ближнем Востоке. Вначале доминировало стремление избежать аналогий, более того, возобладал известный соблазн в интересах улучшения имиджа СССР, особенно в «третьем мире», противопоставить агрессивной политике европейских держав в отношении Египта мирный способ решения Советским Союзом внутренних проблем своей сферы влияния. В дальнейшем тактика изменилась. Мало надеясь на способность дружественного Египта к длительному сопротивлению, в Кремле решили, что на фоне уступок нассеровского режима агрессорам сдача «завоеваний социализма» в Венгрии лишь усилит во всем мире представление об ослаблении позиций СССР после смерти Сталина. Как видно из соответствующей записи заседания Президиума ЦК КПСС, этому аргументу в пользу необходимости советского военного вмешательства в Венгрии придавалось очень большое значение.

Изучение всего комплекса источников позволяет сделать вывод и о значимости китайского фактора в принятии советскими лидерами окончательного решения. Непоследовательность линии КПК в отношении венгерских событий отразила противоречие между естественным стремлением второй коммунистической державы мира использовать трудности, переживаемые Советским Союзом в восточноевропейской сфере своего влияния, в целях усиления китайских позиций в мировом коммунистическом движении, и с другой стороны, опасениями фронтального отступления социализма в непрекращающемся противоборстве двух систем.

Даже в самый разгар широко развернувшейся в мире кампании протеста против действий СССР в Венгрии некоторые влиятельные зарубежные наблюдатели (и в том числе генерал Ш. де Голль, в то время не обремененный каким-либо официальным статусом) акцентировали внимание на том, что советская акция носила в известном смысле оборонительный характер, поскольку речь шла отнюдь не о распространении сферы влияния СССР на новые земли, а только лишь о стремлении удержать под контролем одну из стран, вследствие итогов второй мировой войны отнесенных к советскому лагерю⁴. При таком понимании сути событий осенью 1956 г. СССР встал перед необходимостью отреагировать на вызов Запада, проявившийся прежде всего в притягательности либеральных, демократических ценностей для населения стран Восточной Европы, живущего под сенью коммунистических диктатур, и готовности (как показали венгерские события) бороться за эти ценности с оружием в руках. Иными словами, венгерские события стали самым наглядным свидетельством поражения социализма советского и восточноевропейского типа в идеологической борьбе с Западом, в споре за умы людей. Оказавшись перед угрозой дальнейшей экспансии западных ценностей, чреватой для СССР уже очевидными геополитическими потерями, советское руководство, расписываясь в своем поражении, смогло ответить на идеологический в своей основе вызов лишь посредством демонстрации грубой силы. Следуя этой логике, критика действий Н.С.Хрущева и его окружения должна исходить прежде всего из того, насколько они были оптимальны в сложившейся ситуации для защиты стратегических интересов СССР и советского блока в контексте сложных отношений между Востоком и Западом. Справедливость подобных построений подтверждается и позицией США, всецело признавшей за СССР право на свободу рук в собственной сфере влияния.

Как явление международной жизни венгерский кризис 1956 г. стал лишь эпизодом в истории холодной войны, не оказавшим долгосрочного влияния на состояние советско-американских отношений. Во времени поездки Н.С.Хрущева в США в 1959 г. подавление венгерского восстания уже не было фактором, существенно сказывавшимся на атмосфере общения лидеров двух сверхдержав. Вместе с тем каждая из сторон в своем последующем диалоге и — шире — во всей своей внешней политике не могла не учитывать исторический опыт «будапештской осени».

Многочисленные заявления американской администрации начиная с 1953 г. дали мировой общественности основания считать, что при благоприятной международной обстановке в случае серьезного выступления восточноевропейских народов «западный мир употребит всю свою экономическую, политическую и моральную мощь в интересах того, чтобы дело

этих народов было бы поставлено на повестку дня и было бы решено удовлетворительным для них образом»⁵. Но вопреки этим заверениям и вопреки постоянным обещаниям радиостанции «Свободная Европа» тысячи венгров, в октябре-ноябре 1956 г. надеявшихся на американское содействие своей борьбе за независимость, никакой реальной поддержки так и не получили. В частности, Соединенным Штатам явно не хватило политического веса для того, чтобы настоять на созыве для рассмотрения венгерского вопроса специальной конференции великих держав, на которой, наряду с предоставлением гарантий безопасности СССР, можно было бы отстоять нейтральный статус Венгрии (такая идея имела хождение среди политических наблюдателей в те месяцы⁶). И только в некоторой и, на наш взгляд, отнюдь не решающей мере здесь сказались отсутствие единства в западном лагере, вызванное принципиальным различием подходов к разрешению суэцкого кризиса, разыгравшегося в те же дни. Речь в данном случае идет не просто о серьезном фиаско, которое потерпела политика США и блока НАТО на восточноевропейском направлении в конкретной политической ситуации. Венгерские события четко обозначили объективные лимиты западного влияния в условиях, когда расклад сил на международной арене определяла биполярная ялтинско-потсдамская модель.

Результативность и безнаказанность действий СССР в Венгрии стали явным подтверждением относительной прочности установленной в итоге второй мировой войны и господствовавшей вплоть до конца 1980-х годов биполярной системы международных отношений, резко ограничивавшей возможности эффективного вмешательства каждой из двух сверхдержав в странах, относящихся к сфере интересов противоположной стороны (эту прочность существующей системы отношений «Восток — Запад» пока еще не могли поколебать серьезные кризисные явления внутри одного из противостоящих лагерей). Тем самым венгерский кризис выявил стратегические изъяны доктрины «освобождения» Восточной Европы, с которой выступала администрация Д.Эйзенхауэра, дал толчок последующему пересмотру всей восточноевропейской политики США, в результате которого концепция «освобождения» была заменена более умеренной и реалистической доктриной «наведения мостов». Стремление венгров к свободе, в полной мере проявившееся в событиях осени 1956 г., лишь укрепило на Западе представление о том, что дальнейшие усилия по пропаганде либеральных ценностей на восточноевропейскую аудиторию не окажутся тщетными.

Советские лидеры, в свою очередь, могли извлечь из венгерских событий вывод о том, что локальный конфликт внутри сферы влияния СССР едва ли способен привести к серьезному межблоковому столкновению, чреватому угрозой ядерной войны. Венгерский опыт придавал им уверенности в августе 1968 г., когда на повестку дня встал вопрос о разрешении чехословацкого кризиса. С другой стороны, негативный венгерский пример перечеркнул в глазах советских лидеров позитивный опыт разрешения кризиса в Польше в 1956 г., когда удалось отстоять геополитические интересы СССР без применения военной силы.

Уроки Венгрии 1956 г. должны были учитывать в своих геополитических построениях и оппоненты правящих режимов в самих странах Восточной Европы, в частности чехословацкие реформаторы 1968 г., как правило, и не помышлявшие о нейтралитете своей страны, их единомышленники в других странах, включая саму кадаровскую Венгрию. Венгерские события продемонстрировали борцам

против тоталитаризма в государствах советского лагеря бесперспективность вооруженного восстания при существующем раскладе сил в мире, это заставило силы внутренней оппозиции обратиться к поискам иных, несилowych форм и методов смягчения тоталитарных режимов.

Даже если принять во внимание неоднозначность развития венгерских событий (показавших миру не только примеры героизма борцов за национальную свободу, но и акты вандализма разъяренной толпы) и признать правомерными вышеприведенные рассуждения об оборонительном в определенном смысле характере действий СССР, следует констатировать, что избранный осенью 1956 г. силовой способ решения венгерского вопроса вступал в острое противоречие с нормами международного права, что особенно явно контрастировало с обновительной риторикой XX съезда КПСС. Всему миру были наглядно продемонстрированы реальные пределы провозглашенного Н.С.Хрущевым курса на отказ от сталинской политической практики, предполагавшего среди прочего признание многообразия форм перехода к социализму и корректировку отношений с союзниками по социалистическому лагерю. Показав неспособность советских лидеров пойти на решительный разрыв со сталинским наследием во внешней политике, действия СССР в Венгрии пагубно сказались на его международном престиже и имидже. В частности, военное вмешательство Москвы во внутренние дела Венгрии оттолкнуло от нее многих левых интеллектуалов на Западе, связывавших с XX съездом КПСС определенные надежды на демократическое обновление социализма. Это способствовало усилению изоляции мирового коммунистического движения от потенциальных союзников.

Для внутренних процессов, происходивших в самом коммунистическом движении, венгерские события имели не меньшее значение. Можно во многом согласиться с известным венгерским ученым-политологом Иштваном Бибо (в начале ноября 1956 г. государственным министром в коалиционном правительстве Имре Надя), который весной 1957 г. незадолго до своего ареста и тюремного заключения писал: «Когда после смерти Сталина его преемники широким фронтом приступили к смягчению сталинской политической практики, затем провалили попытку создания нового культа личной власти, а на XX съезде и принципиально порвали с некоторыми характерными сталинскими тезисами, подвергнув критике самого Сталина, все это породило среди коммунистов надежду на то, что в коммунистическом движении, и прежде всего в КПСС, есть такие силы, которые смогут вывести их на более правильный путь строительства социализма. После того, что случилось в Венгрии с 4 ноября и позже, надежда эта была навсегда подорвана»⁷. Политика СССР, нацеленная не только на удержание Венгрии в рамках советского блока, но исходившая из неприятия слишком далеко идущих мер по реформированию ее политической системы, показала сторонникам «национального коммунизма» в разных странах, что любые попытки отхода от образцовой советской модели общественного устройства могут быть восприняты официальной Москвой как посягательство на ее ведущую роль в социалистическом лагере и — шире — международном коммунистическом движении и способны вызвать с ее стороны негативную реакцию. Вследствие венгерских событий в ряде западных компартий обострилось противоречие между приверженцами национально-специфических путей к социализму и сторонниками последовательной ориентации на Москву, отчетливо наметилась

тенденция к расколу. Под непосредственным влиянием венгерского кризиса приостановилось начавшееся в 1954 – 1955 гг. сближение Советского Союза с титовской Югославией, продолжавшей упорно отстаивать программу национального коммунизма, произошло заметное осложнение советско-югославских отношений.

Довольно велико было воздействие венгерского кризиса и на внутривластную ситуацию в СССР. Страх перед развитием событий по венгерскому варианту в случае утраты партийным руководством тотального контроля за ходом даже самых ограниченных и половинчатых реформ предопределил усиление уже в конце 1956 г. антилиберальных, контрреформаторских тенденций во внутренней политике СССР. Уже в декабре 1956 г., реагируя на самые первые, поначалу довольно робкие проявления зарождающегося диссидентского движения, вызванные к жизни «секретным докладом» Н.С.Хрущевым о культе личности, событиями в Польше и Венгрии, ЦК КПСС распространил в низовых партийных организациях закрытое письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», в котором подчеркивалось, что «диктатура пролетариата по отношению к антисоветским элементам должна быть беспощадной»⁸. И в последующие годы своего рода «венгерский синдром» неизменно присутствовал в сознании советской партократии, еще более ограничивая и без того очень лимитированный реформаторский потенциал реального социализма (выразившийся, в частности, в непоследовательных хрущевских и, позже, косыгинских реформах), сдерживая процессы десталинизации советского общества. Все это давало основания отдельным политическим аналитикам говорить о том, что своим чрезмерным радикализмом венгерские повстанцы поставили под угрозу процесс оттепели в СССР и странах Восточной Европы⁹.

Венгерский кризис сказался и непосредственно на внутривластной борьбе в руководстве КПСС, временно ослабив положение Н.С.Хрущева, усилив критику курса XX съезда КПСС с ортодоксально-охранительных позиций, способствовал формированию антихрущевской оппозиции, предпринявшей открытое выступление в июне 1957 г.

При всем международном значении венгерских событий 1956 г., наиболее значительные последствия они имели, конечно же, для самой Венгрии. Уроки, извлеченные венгерской коммунистической элитой из «национальной трагедии», определили в целом компромиссный характер ее внутренней и внешней политики на протяжении последующих трех десятилетий. Свидетель венгерской революции польский публицист В.Ворошильский в послесловии к своему знаменитому «Венгерскому дневнику», написанном 20 лет спустя, в середине 1970-х годов, имел все основания заметить: «С течением лет террор в Венгрии ослаб, обнаружился и исторический парадокс: в то время как обожаемый в Октябре (1956 г. – А.С.) «вождь нации» Гомулка постепенно загонял страну в состояние все большей политической и экономической зависимости от СССР, растущего угнетения, нищеты и лжи – ненавидимый (и справедливо) Кадар как бы искал путей выхода из ловушки, довольно успешно пускался в экономические эксперименты, умеренно либерализировал режим, стремился прийти к соглашению с народом и его интеллигенцией»¹⁰. На каждом из этих двух, названных Ворошильским, незаурядных коммунистических политиков лежало, по

выражению И.Дойчера, клеймо «Made in Stalinism» и каждый из них был готов пойти на удушение реформ, если видел в них угрозу социализму в его понимании. Однако общая тенденция эволюции двух режимов была схвачена польским публицистом довольно верно. В отличие от Польши, где относительный успех национально ориентированных, реформаторских сил в октябре 1956 г. не был закреплен сколько-нибудь глубоким преобразованием институциональной системы и в результате произошел довольно быстрый откат к хотя и не слишком тиранической, но все же совершенно неэффективной, бюрократической форме социализма, в Венгрии с середины 1960-х годов режим неуклонно развивался по пути либерализации, причем процесс этот не был остановлен и с началом брежневской эпохи в СССР. Во второй половине 1960-х годов в основном формируется та специфическая венгерская либерально-прагматическая модель социализма, которая на протяжении почти двух десятилетий служила своего рода витриной социалистического содружества. И в этой связи вполне закономерен вопрос, которым задавался В.Ворошильский: может быть «именно восстание, хоть и проигранное, на более длительный срок создало условия, в которых правители считают менее рискованным обращаться к народу с жестами примирения, нежели вечно завинчивать гайки?»¹¹.

Изучение записей заседаний Президиума ЦК КПСС с участием Я.Кадара и других документов приводит к выводу, что и в начале ноября 1956 г., когда в Москве вырабатывалась программа действий новой власти, и позже, стоя во главе правительства, новый венгерский лидер стремился добиться максимально широкой в сложившихся условиях самостоятельности. Это стремление в первые месяцы, как правило, не приводило к успеху, поле маневров нового венгерского правительства было резко ограничено Москвой. Все-таки Кадару в немалой мере удалось отстоять за собой принципиально важное право на формирование собственной команды. Бывшие лидеры Ракоши и Гере не только не были включены в состав высших органов новой власти, Кадар сумел настоять на резкой критике своих предшественников в первых же программных документах нового правительства, резко отмежевавшись, таким образом, с самого начала от команды Ракоши. Кадар прекрасно осознавал, что необходимым условием постепенного расширения поля для самостоятельных маневров было для него завоевание доверия Москвы. Его правоту подтвердил первый серьезный тактический успех нового правительства в отношениях с СССР — согласие Кремля на полную политическую изоляцию Ракоши весной 1957 г. Убеждаясь в прочности «социалистических завоеваний» в кадаровской Венгрии, Москва предоставляла лидеру ВСРП все больше простора для проведения внутренней политики. Приобретенный в конце 1950-х годов «кредит доверия» Кадар в полной мере использовал десятилетием позже, когда в Венгрии была начата реформа экономического механизма, так и не завершенная в силу внешних и внутренних факторов¹². Кадаровская модель социализма, при которой десять с половиной миллионов венгров на протяжении трех десятилетий пользовались принципиально большими экономическими и отчасти политическими свободами, нежели население большинства стран социалистического лагеря, явилась наиболее значительным плодом революции 1956 г., завоеванным в упорной борьбе и политым кровью не одной тысячи жертв.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 535. ² *Лефор Клод*. Беспрецедентный радикализм, невероятная изобретательность // Мост. Будапешт, 1992. № 1—2. С. 58. ³ *Фейто Франсуа* (он же Ференц Фейте). Венгерская трагедия, или антисоветская социалистическая революция. М., 1957 (для закрытого пользования). ⁴ См.: *Бибо Иштван*. Положение в Венгрии и мировая обстановка. Фрагменты из воспоминаний // Мост. 1992. № 1—2. С. 30—37.
- ⁵ Там же. С. 31. ⁶ Наиболее полная библиография работ, вышедших до 1996 г. на разных языках, опубликована в составе 3-томного "Справочника 1956 года", подготовленного будапештским Институтом 1956 года: 1956 kézikönyve. Főszerk. *Hegedűs B.A.* 1. Kronológia. Irta és összeáll. *Hegedűs B.A., Beck T., Gremuska P.*; II. Bibliográfia. Szerk. *Litván Gy.*; III. Megtorlás és emlékezés. Szerk. *Kende P.* Budapest (далее — Вр.), 1996.
- ⁷ В качестве очевидцев выступали как венгерские беженцы, так и иностранные журналисты и дипломаты, находившиеся в дни событий в Венгрии. Наряду с мемуарами отдельных действующих лиц революции среди изданий такого рода представлены собрания свидетельств разных людей. См., например: *Kaplany G.* Doctor in Revolt (The memoirs). London, 1958; *Lasky M.J.* (ed.) The Hungarian Revolution. The story of the October uprising as recorded in documents, dispatches, eyewitness accounts and world-wide reactions. London, 1957; *Urban G.* The Nineteen Days. A broadcaster's account of the Hungarian Revolution. London-Melbourne-Toronto, 1957. В это время впервые публикуется и запись передач венгерского радио в дни революции: *A magyar forradalom és szabadságharc a hazai rádióadások tükrében 1956 olct. 23—nov. 9.* New York, 1956. Выходят также антологии публицистики и художественной литературы венгерской революции: *Palóczy-Horváth G.* (Szerk.) One Sentence on Tyranny. Hungarian Literary Gazette Anthology. London. 1957. В числе наиболее ценных свидетельств о революции — "Венгерский дневник" польского публициста В.Ворошильского, публиковавшийся в 1956 г. в варшавском реформ-коммунистическом еженедельнике "Нова культура" и переведенный впоследствии на многие языки (в России в журнале "Искусство кино", 1992. №4).
- ⁸ *Zinner P.* National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe. A selection of documents on events in Poland and Hungary. February-November 1956. New York, 1957; etc.
- ⁹ *Davidson B.* What really happened in Hungary. London. 1957; *Fejtő F.* Behind the rape of Hungary. New York. 1957; *Fejtő F.* La Tragedie Hongrois ou une revolution socialiste anti-sovietique. Paris. 1956 (книга была переведена на русский язык и издана маленьким тиражом для спецхранов и партноменклатуры: см. прим. 3 к введению); *Fryer P.* Hungarian Tragedy. London. 1956; *The Hungarian revolt. October 23 — november 4, 1956.* New York. 1961; *Kecskeméti P.* The Unexpected

- Revolution. Social forces in the Hungarian uprising. Stanford, California. 1961; *Méray T.* Thirteen Days that shook the Kremlin (Imre Nagy and the Hungarian Revolution). London. 1958; *Mikes G.* The Hungarian Revolution. London, 1957; *Nagy B.* La formation du Conseil Central Ouvrier de Budapest en 1956. Bruxelles, 1961; *Stiüman E.O.* The Ideology of Revolution. The peoples demands in Hungary. New York. 1957; *Vali F.A.* The Hungarian Revolution// Problems in International Relations. New York. 1962; *Vali F.A.* Rift and Revolt in Hungary. Nationalism versus Communism. Cambridge, Mass. 1961; *Vali F.A. – Király B.* Captive Hungary. An Unsolved problem of Soviet aggression. New York. 1960; *Tinner P.* Revolution in Hungary. New York. 1962. Советскую официальную версию венгерского кризиса отстаивал на Западе американский историк-коммунист Г. Аптекер: *Aptheker H.* The Truth about Hungary. New York, 1957.
- ¹⁰ United Nations. Report of the Special Committee on the problem of Hungary. New York, 1957 (в Российском государственном архиве новейшей истории имеется полный перевод доклада: Ф.5. Оп.49. Д.2-3).
- ¹¹ См. англоязычное издание: *Nagy I.* On Communism. In defense of the New Course. New York, 1957.
- ¹² *Méray T.* Thirteen Days that shook the Kremlin (Imre Nagy and the Hungarian Revolution). London, 1958 (венг. изд.: Nagy Imre élete és halála. Bp., 1989); См. также: *Molnár M - Nagy L.* Imre Nagy – reformateur ou révolutionnaire? Genève. 1959 (венг. изд.: Két világ közt. Nagy Imre útja. Bruxelles, 1959); *Torszay-Biber G.* The Case of Imre Nagy. Legal observations. Washington, 1958.
- ¹³ Книга под названием "Правда о деле Имре Надя", вышедшая с предисловием А.Камю на французском, английском, немецком, венгерском языках без указания авторов, обязана своим появлением на свет прежде всего *Т.Ацелу*, *П.Кенде* и *Т.Мерау*. См., например: *La Verite sur l'affaire Imre Nagy: Les faits, les documents, les temoignages internationaux.* Paris, 1958; *Az Igazság a Nagy Imre ügyben.* Bruxelles, 1959.
- ¹⁴ Напр.: *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. 2 ed. New York, 1958; *Sartre J.-P.* Le Fantôme de Staline. Situations VII. Paris, 1968; *Fehér F., Heller Á.* Hungary 1956 revisited. The Message of a Revolution – a Quarter of a Century After. London-Boston, 1983.
- ¹⁵ *Barber N.* Seven Days of Freedom. The Hungarian uprising 1956. London, 1973; *Dénes T.* Élmények a forradalomban. Genève, 1976; Eye-witness in Hungary. The Soviet Invasion of 1956. Nottingham, 1980; *Hay Gy.* Geboren 1900. Hamburg, 1971; *Király B.* Az első háború szocialista országok között. Személyes visszaemlékezések az 1956-os magyar forradalomra. New York, 1981; *Marton E.* The Forbidden Sky. Boston-Toronto. 1971; *Méray T.* That Day in Budapest. October 23, 1956. New York, 1969 (франц. изд.: Paris. 1966); *Majdszetyi J* Emlékirataim. Toronto. 1974; *Oltványi I.* Harcok Dél-Budapesten 1956. München, 1981; Remember Hungary 1956. De Kalb Pike, 1975; *Szász B.* Minden kényszer nélkül. München, 1979 (Bp., 1989).
- ¹⁶ Magyar munkástanácsok 1956-ban. Dokumentumok. Ed. *Kemény L, Lomax B.* Paris, 1986.
- ¹⁷ 1956. A befejezetlen forradalom. Tanulmányok. Zürich, 1982; *Aczél T.* Ten years after. London, 1966; *Aczél T.- Méray T.* Tisztító vihar. Adalékok egy korszak történetéhez. 2 kiad. München, 1978; *Aczél T.- Sadovy J.*

- Revolt in Hungary 1956. New York, 1968; *Anderson A.* Hungary 1956. London, 1964; *Csonka E.* A forradalom oknyomozó története. 1945–1956. München, 1981; *Fejtő F.* Budapest 1956. Paris, 1966; *Gosztonyi P.* (ed.) Histoire du soulèvement hongrois – 1956. Paris, 1956; *Gosztonyi P.* 1956. A magyar forradalom története. München, 1981; *Gosztonyi P.* (ed.) Der ungarische Volksaufstand in Augenzeugenberichten. Düsseldorf, 1966; *Hárman Ch.* Bureaucracy and Revolution in Eastern Europe. London, 1974; The Hungarian Revolution of 1956 in retrospect. Boulder, 1978; The Hungarian Revolution twenty years after. Selected papers and perspectives. Kingston (Canada), 1976; *Kecskeméti P.* The Fight for Freedom. Facts about Hungary. Toronto, 1981; *Kopácsi S.* Az 1956 magyar forradalom és a Nagy Imre-per. New York, 1979; *Kovrig B.* Hungary: two Revolutions on Compromise. Stanford, Calif. 1982; *Lomax B.* Hungary 1956. London, 1976; *Molnár M.* Budapest 1956. A History of the Hungarian Revolution. London, 1971 (франц. изд.: Victoire d'une défaite. Budapest 1956. Paris, 1968); *Olgyay G.* The Hungarian Revolution and the United Nations: limitations of parliamentary diplomacy. *Ann Arbor, Mich.* 1975; *Pryce-Jo?ies D.* The Hungarian Revolution. London, 1969; *Radványi].* The Problem of Hungary at the UN. Stanford, 1971; *Tanulmányok a magyar forradalomról.* München, 1966; *Zsitvay T.D.* The Hungarian Revolution of 1956: The Roots of political violence. *Ann Arbor, Mich.,* 1978. Особую группу исследований составляют работы, посвященные выявлению сущностных характеристик кадаровской модели социализма как порождения революции 1956 г.: *Bagdy Z.* The Policy of Compromise: a Study of the Kádár government. Recent trends and developments in Hungarian political life. 1-957–1962. *Ann Arbor, Mich.* 1985; *Felkay A.* Kádár's Hungary and the Soviet Union. Hungarian-Soviet relations and the rule of János Kádár. 1956–1976. Vol.1–2. *Ann Arbor, Mich.* 1985; *Shawcross W.* Crime and Compromise. János Kádár and the politics of Hungary since revolution. London, 1974. *Gati Ch.* Hungary in the Soviet bloc. Bloomington, 1986.
- ¹⁸ Foreign Relations of the United Nations, 1955–1957. Eastern Europe. Vol. 25. Ed. in chief *Glennon J.P.* Washington, 1990; *Haraszti-Taylor E.* The Hungarian Revolution of 1956: A Collection of Documents from the British Foreign Office. Nottingham, UK, 1995.
- ¹⁹ См. выпущенный в связи с конференцией сборник недавно рассекреченных документов из архивов США, Венгрии, Франции, Польши, России: *The Hidden History of Hungary 1956: A Compendium of Declassified Documents.* Ed. and Compiled by *Békés Cs., Byrne M., Ostermann F.Ch.* Вр.- Washington, 1996. Материалы конференции см.: *1956-os Intézet Évkönyv. 1996/1997. Вр.,* 1997.
- ²⁰ *Ellenforradalmi erők a magyar októberi eseményekben. I-IV. (Fehér könyv) Вр.,* 1957 (На русском языке: *Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях. Ч. 1 – 3. М.,* 1956–1957. 4.4. *Будапешт,* 1957; *Nagy Imre és bűntársai ellenforradalmi összeesküvése. Вр.,* 1957.
- ²¹ См.: *Ellenforradalom Magyarországon 1956. Tanulmányok. Вр.,* 1958; *Kommunisták a viharban. Riportok. Вр.,* 1957; *Ez történt. Cikksorozat az*

- 1956-os ellenforradalomról. Вр.,1981; Molnár J. Ellenforradalom Magyarországon 1956-ban (a polgári magyarázatok bírálata). Вр., 1967; Molnár J. A Nagybudapesti központi munkástanács. Вр.,1969; Szabó A. A magyar forradalmi honvéd karhatalom (1956. nov.—1957. jun.). Вр.,1977; Берец Я. Крах операции "Фокус": контрреволюция пером и оружием. М., 1986; Холлош Э., Аайтаи В. "Холодная война" против Венгрии, 1956. М.,1985; Холлош Э. Чего они добивались? М.,1969.
- ²² Некоторые из этих работ вводили в оборот новые факты и таким образом вносили определенный позитивный вклад в осмысление темы. См., в частности: Аюрко А. 1956. Предварительное исследование и прагматическое изложение событий // Иностранная литература. 1988. №7—8 (венг. изд. — 1986). Из работ середины 1980-х годов, посвященных анализу положения в стране в годы, предшествовавшие октябрьским событиям, см: Szabó B. Az "ötvenes évek". Elmélet és politika a szocialista építés első időszakában Magyarországon. Вр.,1986.
- ²³ Опираясь на выводы комиссии историков, Пожгаи в интервью венгерскому радио охарактеризовал события осени 1956 г. как народное восстание. Отчет комиссии см.: Történelmi utunk. A munkabizottság állásfoglalása a jelen helyzet kialakulásának történelmi okairól // Társadalmi Szemle. 1989. Különszám.
- ²⁴ Предпринята публикация издававшихся ранее только на Западе материалов венгерской прессы и радио с 23 октября по 4 ноября 1956 г.: 1956 a sajtó tükrében. Вр.,1989; A forradalom hangja: Magyarországi rádióadások 1956 okt.23 — nov.4. Вр., 1989 (Századvég füzetek 3); Magyar krónika. 1956 sajtója. Október 23 — november 4. Válogatás. Вр.,1989; Napról — napra. 1956 a Magyar Nemzetben. Вр.,1990. Опубликованы донесения американского и британского посольств из Будапешта в период событий: Titkos jelentések 1956 okt. 23 — nov. 4. Вр., 1989 (на русском языке см.: Б.И. Желицки. Венгерская осень 1956 г. в донесениях западных дипломатов из Будапешта и Москвы // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997). С 1989 г. осуществляется публикация в полном объеме материалов дискуссий в Кружке Петефи (A Petőfi-kör vitái hiteles jegyzőkönyvek alapján. I—VII Köt. Szerk. Hegedűs B.A., Rainer M.J. etc. Вр., 1989—1994). Вышел ряд сборников публицистики 1956 г. и документов литературной жизни тех месяцев (включая записи заседаний в Союзе писателей): írók lázadása. 1956-os írószövetségi jegyzőkönyvek. Szerk. Standeisky E. Вр., 1990; Опубликованы документы, связанные с деятельностью И.Надя в 1953 — 1956 гг.: A Nagy Imre vonal. Dokumentumválogatás. Вр.-Debrecen, 1989. Есть сборники разнородные по содержанию, включающие в себя широкий круг источников (материалы прессы, выдержки из мемуаров, протоколы заседаний партийного руководства и Совета Министров ВНР в конце октября — ноябре 1956 г.): E gy nép felkelés do kumentumaiból. S zerk. Korányi G.T. Вр., 1989; Csalog Zs. Doku 56. Вр.,1990; Ómolmr M. Tizenkét nap, amely... 1956, október 23 — november 3. Вр., 1989. Институтом политической истории в Будапеште предпринято издание протоколов заседаний временных органов ВСРП за первые месяцы пребывания у власти кадаровского руководства (ноябрь 1956 — июнь 1957 гг.): A Magyar Szocialista Munkáspárt ideiglenes vezetőtestületeinek jegyzőkönyvei. I—IV. köt. Вр., 1993.

Опубликованы также материалы заседаний руководства правящей ВПТ за 20-е числа октября 1956 г. вместе с сопроводительным исследованием *3. Pinná (Ötvenhat októbertől és a hatalom. A MDP vezető testületeinek dokumentumai 1956. október 24 – 28 – Ripp Z. A pártvezetés végnapjai. 1956. Október 23 – 31. Bp., 1997)* и программные документы партий, образовавшихся на политической арене в конце октября (1956 és a politikai partok. Válogatott dokumentumok. Szerk. Vida I. Bp., 1998).

В 1993 г. Институтом 1956 г. опубликованы на венгерском языке документы из российских архивов, переданные в ноябре 1992 г. Президентом России Б.Н. Ельциным Президенту Венгрии А.Генцу: А "Jelcin-dosszié". Szovjet dokumentumok 1956-ról. Szerk.: Gál E., Hegedűs B.A., litván Gy., Rainer M.J. Bp., 1993 ("Досье Ельцина". Советские документы о событиях 1956 года). В сборник вошли сообщения посольства СССР в Венгрии и посещавших страну в течение 1956 г. членов советского партийно-государственного руководства, выписки из протоколов заседаний Президиума ЦК КПСС по венгерскому вопросу и ряд других материалов (всего 62 документа за апрель 1956 г. – июль 1958 гг.). Обширная коллекция архивных документов опубликована также по теме венгерско-югославских отношений в период 1956 – 1959 гг.: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956. Dokumentumok. Szerk.: Kiss J., Ripp Z., Vida I. Bp., 1995; Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956. december – 1959. február. Dokumentumok. Szerk.: Kiss J., Ripp Z., Vida I. Bp., 1997. Отдельный сборник посвящен венгерско-китайским отношениям: Magyar-kínai kapcsolatok. 1956 – 1959. Dokumentumok. Vál. Szobolevszki S. Bp., 2001. См. также документы о венгерских событиях 1956 г. из польских архивов: *TiscMer J. Az 1956-os magyar forradalom lengyel dokumentumai. Bp., 1996* (существует также польское издание).

²⁵ В числе мемуаристов люди, стоявшие в 1956 г. по разные стороны баррикад – политики из окружения М. Ракоши (А. Хегедюш), члены кадаровского партийно-государственного руководства после 4 ноября (Д. Марошан), активисты внутрипартийной оппозиции (М. Вашархейи), участники вооруженной борьбы, включая одного из ее лидеров генерала Б.Кирая. Само собой разумеется, интерпретации событий в разных мемуарах сильно различаются. См.: *Hegedűs A. A történelem és a hatalom ígézetében. Bp., 1988; Marosán Gy. Nincs visszaút. Emlékeim az 1948 – 1956-os évekből. Bp., 1988; Marosán Gy. A tanúk még élnek. Bp., 1989; Király B. Honvédségből néphadsereg. Bp., 1989; Berki M. Hadsereg vezetés nélkül. Bp., 1989; Farkas V. Nincs mentség. Bp., 1990; Szűcs M. Ezredes voltam 1956-ban a vezérkarnál. Bp., 1989; Fazekas Gy. Forró ősz Budapesten. Bp., 1989; Vásárhelyi M. Ellenzékben. Bp., 1989. Была также впервые легально издана распространявшаяся с конца 1956 г. в самиздате под псевдонимом Хунгарикус брошюра Ш. Фекете, интерпретировавшего события в Венгрии как народно-демократическую революцию: *Hungaricus (Fekete S.). Az 1956-os felkelés okairól és tanulságairól. Bp., 1989. Необходимо упомянуть также сборник воспоминаний деятелей политических партий осени 1956 года: Pártok 1956. Válogatás 1956-os pártvezetők visszaemlékezéseiből. Bp., 1997.**

²⁶ Среди работ общего характера: *Fehér F., Heller Á. Egy forradalom ünnete (Magyarország, 1956). Bp., 1989; Gosztonyi P. Föltámadott a tenger... 1956. Bp., 1989; Gyurka L. 1956. Bp., 1996. См. также англоязычную книгу: The Hungarian Revolution of 1956. Reform, Revolt and Repression. 1956 – 1963. Ed. by Gy. Litván. London and New York, 1996. Есть работы, посвященные частным аспектам революции. О*

литературной жизни Венгрии середины 1950-х годов, участия писателей в общественно-политической борьбе см.: *Pomogáts B. Irodalmunk szabadságharca*. 1956. Bp., 1989; *Rainer M.J. Az író helye. Viták a magyar irodalmi sajtóban*. 1953 – 1956. Bp., 1990; *Standeisky E. Az írók és a hatalom*. 1956 – 1963. Bp., 1996. О революции 1956 г. в контексте международной политики см.: *Hajdú T. 1956 – Magyarország a szuperhatalmak játékterében // Valóság*, 1990, №12; *Békés Cs. Az 1956-os magyar forradalom a világpolitikában. Tanulmány és válogatott dokumentumok*. Bp., 1996. О советской вооруженной интервенции и повстанческих группировках: *Horváth M. Maiéter Pál*. Bp., 1995; *Györkei J., Horváth M. Adalékok a szovjet katonai megszállás történetéhez // Szovjet katonai intervenció*. Bp., 1996. О ходе боевых действий в одной из наиболее "горячих точек" Будапешта – районе переулка Корвин и казарм Килиан см.: *Pongrátz G. Corvin Köz – 1956*. Bp., 1989; об обстоятельствах укрытия И.Надя и его окружения в югославском посольстве, их пребывания там и последующего ареста советскими военными властями при выходе из здания посольства см.: *Ember J. Menedékjog, 1956. A Nagy Imre csoport elrablása*. Bp., 1989.

²⁷ *Püñkösti Á. Rákosi a hatalomért*. 1945–1948. Bp., 1992; Он же. *Rákosi a csúcson*. 1948–1953. Bp., 1996; Он же. *Rákosi. Bukása, száműzetése és halála*. Bp., 2001; *Rainer M.J. Nagy Imre. Politikai életrajz. Ik öt. 1896-1953*. Bp., 1996; *Tl.köt. 1953-1958*. Bp., 1999; *Kövér Gy. Losonczy Géza*. 1917 – 1957. Bp., 1998

²⁸ *Szamizdat '81 – 89. Válogatás a Hírmondó c.folyóiratból. Előszó Konrád Gy. Szerk. Gyarmathy K., Lévai J. Utószó Demszky G.* Bp., 1989; *Beszélő. Összkiadás*, 1981 – 1989. 1 – 3.köt. Sajtó alá rend. Havas F. Bp., 1992. ²⁹ Институт с 1992 г. издает свои ежегодники: *Az 1956-os Magyar Forradalom Történetének Dokumentációs és Kutató Intézete Évkönyv*.

³⁰ Из общих работ самого последнего времени см.: *Szokolczai A. Az 1956-os forradalom és szabadságharc*. Bp., 2001. Предмет исследований *Л.Эрши* – действия повстанцев в Будапеште, из его недавних работ см.: *Eörsi L. Corvinisták 1956. A VIII. kerület fegyveres csoportjai*. Bp., 2001. Ему же принадлежит исследование о штурме Будапешта советскими войсками в начале ноября 1956 г.: *Eörsi L. Budapest ostroma, 1956 // Budapesti negyed, 2000 ősz-tél. №29 – 30*. Есть монографии о происходившем в дни революции в других городах, например в Дебрецене: *Fúér T. Debrecen 1956. Forradalom, nemzeti ellenállás, megtorlás*. Debrecen, 2000. В одной из книг предпринята попытка реконструировать события 25 октября на площади Кошута около парламента, когда была расстреляна демонстрация: *Kő A. – Nagy J.L. Kossuth tér 1956*. Bp., 2001.

³¹ Среди публикаций конца 1950-х годов, пытавшихся убедить читателя в "контрреволюционном" характере событий, см.: О событиях в Венгрии. Факты и документы. М., 1957; *Долматовский Е.А. В Венгрии весной 1957 г.* М., 1957; *Толкунов Л., Одинец М. Венгрия сегодня*. М., 1957. К этой же категории относились и переводные издания, авторы которых трактовали события в духе советской официальной версии: *Пристер Е. Венгерский репортаж*. М., 1957. Версия о "контрреволюционном путче" доминировала и в научных работах конца 1950-х – 1980-х гг. См.: *История Венгрии*. Т. 3. М., 1972; *Безушко П.П. Контрреволюционные силы и строительство социализма в Венгрии*. М., 1971.

³² См., например: *Любищев А.А. О смысле и значении венгерской трагедии. Предисловие и публ. М.Д Голубовского // Знамя*, 1991, №10. С. 173; *Из дневников С.С.Дмитриева // Отечественная история*. 1999. № 3 – 6; 2000. №1–6.

³³ Материалы об этом см.: 1956. Осень в Будапеште. Ред.-составитель *Коркин В.Ф.* М., 1996. С. 195–216; "По данным агентуры и оперативной техники..." Справка КГБ

- СССР об академике Л.Д. Ландау. Публ. С.С. *Илизарова* при участии В.Ю. *Афиани* и др. // Исторический архив, 1993, №3. С. 151-161.
- ³⁴ *Алексеев В.* Венгрия, 56. Прорыв цепи. Предисл. В. *Шейниса*. М., 1996.
- ³⁵ Венгрия 1956 // Исторический архив. 1993. №4 – 6.
- ³⁶ "Мы навели порядок в Венгрии..." (Как возник режим Кадара? Документы бывшего архива ЦК КПСС, ноябрь 1956 г.). Предисл. В.Т. *Середы*, публ. и комм. Е.Д. *Ореховой*, В.Т. *Середы*, А.С. *Стыкалина* // Континент, № 85 (1995). С. 210- 242.
- ³⁷ Hiányzó lapok 1956 történetéből. Dokumentumok a volt SzKP KB levéltárából. Vál, az előszót és a jegyzeteket írta V. *Szereda* és A. *Sztikalin*. Bp., 1993. О "Досье Ельцина" см. прим. 24 к введению.
- ³⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Ред - сост. Е.Д. *Орехова*, В.Т. *Серета*, А.С. *Стыкалин*. М., 1998. Этой книге предшествовала публикация в России и Венгрии записей заседаний Президиума ЦК КПСС, посвященных обсуждению "венгерского вопроса". См.: Как решались "вопросы Венгрии". Рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС. Июль – ноябрь 1956 г. Публ. В.Т. *Середы* при участии С.А. *Мельчила* и Е.Д. *Ореховой* // Исторический архив. 1996. №2, 3. Эти записи вошли также в опубликованную на венгерском языке кн.: Döntés a Kremlben, 1956. A szovjet pártelnökség vitái Magyarországról. Szerk. *Szereda V.*, *Rainer M.J.*, bevezetés *Szereda V.*, a kísérő tanulmány *Rainer M.J.* Bp., 1996 ("Решения Кремля, 1956. Дискуссии о Венгрии на заседаниях Президиума ЦК КПСС").
- ³⁹ См., в частности: *Мусатов В.А.* О венгерских событиях: 35 лет спустя // Кентавр. М., 1992. № 1–2.; Он же. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. М., 1994. №1.; *Желицки Б.Й.* Будапешт – Москва: год 1956-й // Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945 – 1985). Новое прочтение. М., 1995.; *Стыкалин А.С.*, *Орехова Е.Д.* Венгерские события 1956 года и позиция руководства СССР (по материалам ЦХСД) // Славяноведение. М., 1994, № 3; *А.С.Стыкалин.* 1956-й: XX съезд и "венгерские события" // Свободная мысль. 1996. №10. С. 101 – 114; Он же. В преддверии взрыва. Углубление политического кризиса в Венгрии и политика СССР (март-октябрь 1956 г.) // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. Отв. ред-р Ю.С. *Новопашин*. М., 1997. С. 38–68; Он же. Об одном из свидетельств о венгерской революции 1956 года (*В.А.Крючков* и его воспоминания) // Славяноведение, 1998. №4. С. 75–82; Он же. Публицистика венгерской революции 1956 года. Часть 1. Канун восстания // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1998. № 3. С. 62–78. Часть 2. 12 дней "будапештской осени" (23 октября - 3 ноября) // Там же. 1999. №1. С. 75-92; Он же. Еще раз о трактовке венгерских событий 1956 года // Вопросы истории. 1998, №10. С. 172–175; Он же. Советско-югославская полемика вокруг судьбы "группы И.Надя" и позиция румынского руководства (ноябрь - декабрь 1956 года) // Славяноведение. 2000 №1. С. 70-81.
- ⁴⁰ Мемуары Н.С.Хрущева // Вопросы истории. М., 1994. №5; *Малашенко Е.И.* Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. М., 1993, №

10–12; 1994, № 1.

⁴¹ Подробная библиография новых работ, выходящих как в Венгрии, так и за ее пределами, публикуется в ежегодниках Института революции 1956 г. в Будапеште. См. прим. 29 к введению. Из западной литературы последних лет хотелось бы выделить книгу: *Hungary 1956 – Forty Years On*. Ed. by Terry Cox. London, 1997.

⁴² См.: *Békés St. .Az 1956-os magyar forradalom a világpolitikában*.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

¹ Фашистская партия «скрещенных стрел» (нилашистов) во главе с Ф. Салаши при поддержке немецких вооруженных сил, оккупировавших Венгрию в марте 1944 г., захватила власть в Будапеште 15 октября 1944 г., отстранив главу государства, регента Королевства Венгрия М.Хорти, к этому времени все более склонявшегося к поискам путей разрыва с Германией и выхода Венгрии из войны. ² «Единственное место, руководство которым наша партия с первого момента потребовала себе и где мы ни под каким видом не соглашались на разделение власти, ни на какие пропорции в коалиции, было Управление госбезопасности», – признал лидер венгерских коммунистов М. Ракоши в 1952 г. (М. Ракоши. Путь нашей народной демократии. Бп., 1952. С. 81). Органы политической полиции в системе МВД были сформированы уже в 1945 г. Параллельно функционировали армейские органы безопасности, в 1948 г. также переданные МВД. В декабре 1949 г. Управление государственной безопасности было выделено из структуры МВД, стало самостоятельным государственным органом. Возглавлял его генерал-лейтенант Г. Петер. После 1953 г. оно снова вошло в состав МВД.

³ О политических репрессиях в Венгрии в конце 1940-х – начале 1950-х годов подробнее см.: Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 13 – 22. Из вышедших в последнее десятилетие работ по истории установления коммунистических режимов в странах Восточной Европы см.: Т.В. Волоштина, Т.П. Мурашко, А.Ф. Носкова. Народная демократия: миф или реальность? М., 1993; У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. (Отв. редактор А.Я. Гибанский). М., 1995; Т.В. Волокитина, Т.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова. Москва и Восточная Европа: становление политических режимов советского типа. 1949–1953. М., 2002. ³ См. также сборники документов: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 (Отв. ред. Г.П. Мурашко). М. -Новосибирск, Т. 1. 1944-1948. 1997; Т. 2. 1949-1953. 1999; Советский фактор в Восточной Европе. 1944 – 1953. В 2 томах. Документы. Отв. редактор Т.В. Волокитина. Т.1. 1944–1948. М., 1999; Т. 2. 1949-1953. М., 2002.

⁴ В последние годы советско-югославский конфликт 1948г. неплохо изучен в обстоятельных работах Л.Я.Гибанского. См.: Л.Я. Гибанский. От первого до второго совещания Коминформа / / Совещания Коминформа. 1947/1948/1949. Документы и материалы. М., 1998; Он же. Коминформ в зените активности: создание организационной структуры и третье совещание // Там же.

- ⁵ Györkéi Jenő – Horváth Miklós. Adalékok a szovjet katonai megszállás történetéhez // Szovjet katonai intervenció 1956. Budapest, 1996.
- ⁶ Единственный источник, в котором довольно подробно описан ход совещания – это крайне тенденциозные мемуары венгерского лидера М.Ракоши. См.: «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М.Ракоши. Публикация, вступительные статьи и комментарии А.В. Короткова, В.Т. Середы, А.С. Стыкалина, А.Д. Чернева и А.А. Чернобаева // Исторический архив. 1997. №3, 4, 5 – 6; 1998. №3, 5 – 6; 1999. №1.
- ⁷ В 1992 г. исследователям стала доступна часть донесений посольства СССР в Венгрии, адресованных в 1953 г. в ЦК КПСС. См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ, бывший ЦХСД). Ф. 5. Оп. 28. Д. 17. См. также Архив внешней политики России МИД РФ (АВП РФ). Фонд 077. Референтура по Венгрии за 1953 г.
- ⁸ На русском языке подробно о содержании беседы см.: В.Мусатов. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956 – 1981). М., 1996. С. 18 – 21; «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1998. № 3.
- ⁹ См. опубликованную в США комментированную подборку важнейших документов из российских и германских архивов, посвященных июньским событиям 1953 г. в Берлине: Cold War International History Project Bulletin. Issue 5. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D.C., 1995.
- ¹⁰ В.Мусатов. Предвестники бури. С. 20 – 21.
- ¹¹ Даже такой наиболее противившийся переменам член Президиума ЦК КПСС, как В.М. Молотов, не только не поддержал Ракоши, но выступил с его резкой критикой (Мусатов. Там же). Впоследствии Молотов вспоминал: «Ракоши был хороший... но тоже имел недостатки: изображал из себя Сталина в Венгрии. Чересчур. Чересчур. А имел заслуги. Сидел в тюрьме. Его на венгерские знамена обменяли» (согласно распространенному представлению, на самом деле несколько упрощенному, Ракоши, арестованный за свою революционную деятельность хортистским режимом еще в 1925 г. и проведенный 15 лет в тюрьме, был осенью 1940 г. передан правительству СССР в обмен на трофейные знамена венгерской революционной армии 1848–1849 гг., захваченные русским войском, подавившим революцию в Венгрии). См.: Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 113. Беседы Ф. Чуева с В. Молотовым дают пищу и для размышлений по поводу позиции Берии относительно пределов допустимых перемен в Восточной Европе. Так, обвиняя Берию именно в «правом уклонизме», Молотов вместе с тем отмечает предельную жесткость его линии в ходе восточногерманских событий. Когда в Берлине начались волнения, вспоминает Молотов, Берия был в числе первых, кто сказал: Обязательно! Беспощадно! Безотлагательно! (Там же. С. 345 – 346.)
- ¹² Из биографической литературы об Имре Наде см.: Méray Tibor. Nagy Imre élete és halála. Вр., 1989; Rainer M. János. Nagy Imre. Politikai életrajz. I. 1896-1953. Вр., 1996; II. 1953-1958. Вр., 1999; Из работ на русском языке см.: В.А. Мусатов. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. М., 1994. №1.

- ¹³ См.: Агент «Володя». Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источник. М., 1993. № 1. С. 71 – 73. Инициатором передачи этих документов в распоряжение руководства Венгерской социалистической рабочей партии в 1989 г. явился тогдашний председатель КГБ СССР В.А. Крючков, стремившийся таким образом воспрепятствовать намеченной реабилитации И. Надя, тем самым поддержав ортодоксальные силы в ВСРП, незаинтересованные в переоценке событий 1956 г.
- ¹⁴ Определение И. Надя как «явного бухаринца» фигурирует, в частности, в донесениях советского посольства в Венгрии за 1949 г. (АВП РФ. Ф. 077. Референтура по Венгрии за 1949 г.).
- ¹⁵ Л. Люкс. Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. №7.
- ¹⁶ См.: Дело Сланского (Вступительная статья Т.П. Мурашко) // Вопросы истории. М., 1997. №3,4.
- ¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 17. Л. 4-5.
- ¹⁸ Мусатов. Предвестники бури. С. 20.
- ¹⁹ А. Тец. Будапешт, 1956. // Новое время. М., 1991, № 35. С. 30. Текст выступления И. Надя см.: A Nagy Imre vonal. Dokumentumválogatás. Debrecen, 1989. 248 – 266 old.
- ²⁰ Некоторые положения новой программы впервые прозвучали еще в апреле 1953 г., т. е. задолго до встречи советских и венгерских лидеров 13 – 16 июня. В обращении Венгерского народного фронта независимости к венгерскому народу в связи с намеченными на май выборами в Государственное собрание ВНР содержались обещания упорядочить систему заготовок, позаботиться о единоличнике, предоставив ему возможность с выгодой для себя продать на свободном рынке излишки произведенной продукции. Было обещано также сделать «большой шаг вперед в отношении создания изобилия предметов потребления» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 17. Л. 48). При том, что составители обращения отдали дань привычной предвыборной риторике, этот документ свидетельствует о том, что независимо от влияния Москвы в руководстве ВПТ все более назревало понимание необходимости перемен в экономической политике.
- ²¹ Правда. 1953. 9 августа.
- ²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 17. Л. 83, 102-103.
- ²³ Там же. Д. 160. Л. 23.
- ²⁴ Подробнее о ситуации в Венгрии в конце 1953 – начале 1954 г. см.: Rainer M. János. Nagy Imre. Politikai életrajz. II. 1953 – 1958.
- ²⁵ По некоторым данным, за 1954 г. из кооперативов вышло свыше 90 тыс. человек, распалось более 750 кооперативов: АВП РФ. ф. 077. Оп. 37. Папка 190. Д. 35. Л. 8. Обобществленный земельный фонд сократился примерно на 20%.
- ²⁶ Справка «Некоторые вопросы современного положения в венгерской деревне», составленная консулом в Дьере: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 158. Л. 42.
- ²⁷ Там же. Л. 59.
- ²⁸ Там же. Д. 160. Л. 95-96.
- ²⁹ Daily Telegraph. 10. 03. 1955.

- ³⁰ См., в частности его выступление на съезде Отечественного Народного Фронта в октябре 1954: A Nagy Imre vonal. Dokumentumválogatás. Debrecen, 1989. 283–292 old.
- ³¹ Представители этих партий И. Доби, Й. Богнар, Д. Ортутай, Ф. Эрдеи, Й. Дарваш даже в период между 1949 – 1953 гг. входили в правительство ВНР, а Доби был даже его формальным главой в 1948 – 1952 гг., однако их присутствие в правительстве было лишь камуфляжем фактически существовавшей однопартийности, поскольку деятельность первичных организаций этих партий была приостановлена. В связи с от-
ношением некоммунистической интеллигенции к реформаторским планам И. Надя представляет интерес запись беседы (от 8 октября 1954 г.) первого секретаря посольства СССР Ю. Чернякова с редактором газеты Отечественного Народного Фронта «Magyar nemzet» членом Президиума ВНР Д. Парраги (известным в прошлом леволиберальным журналистом, сумевшим найти свое место и в условиях коммунистического режима). При последовательном осуществлении политики Народного фронта, говорил Парраги, неминуемо встанет вопрос об оживлении партий. Однопартийная система не отвечает духу венгерского народа, поэтому в случае устранения препятствий для деятельности других партий сразу же возникнут условия для расширения их массовой базы. Как резюмировал итоги беседы советский дипломат, замечания Парраги характерны «для тех кругов венгерской буржуазной интеллигенции, которые в мероприятиях ВПТ по реорганизации народного фронта увидели возможность усиления своего политического влияния и снова обрели некоторую надежду на замену режимом народной демократии режимом буржуазной демократии» (РГАНИ. Ф 5 Оп. 28. Д. 159. Л. 140).
- ³² Л.Аюрко. 1956. Предварительное исследование и прагматическое изложение событий // Иностранная литература. М., 1988. № 7, с. 194.
- ³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 160. Л. 78.
- ³⁴ Там же. Л. 77–79.
- ³⁵ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 5. С.74.
- ³⁶ См. материалы этой встречи: «Konzultációk». Dokumentumok a magyar és a szovjet pártvezetők két moszkvai találkozásáról 1954–1955-ben (Közli: Rainer M. János – Urbán Károly) // Múltunk. 1992. №4. 124–148 old.
- ³⁷ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чужева. С. 89.
- ³⁸ Nagy I. A Központi Vezetőség ülése után // Szabad Nép, 1954, okt. 20.
- ³⁹ В. Алексеев. Венгрия. Венгрия 56: прорыв цепи. С. 121.
- ⁴⁰ Правда. 1 февраля 1955 г.
- ⁴¹ См.: "Konzultáció". Dokumentumok a magyar és a szovjet pártvezetők két moszkvai találkozásáról 1954-1955-ben // Múltunk. 1992. №4. 124-148 old.
- ⁴² К концу 1955 г. социалистический сектор охватывал треть пахотной площади страны. Свыше 20 % из них приходилось на кооперативы, 12,5 % на госхозы.
- ⁴³ Правда. 19 апреля 1955 г.
- ⁴⁴ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 190. Д. 35. Л. 10.

- ⁴⁵ Там же. Оп. 36. Папка 181. Д. 5. Л. 1.
- ⁴⁶ В ноябре 1955 г. Венгрию посетила делегация Верховного Совета СССР во главе с секретарем Президиума ВС Н.М. Пеговым. В своем отчете о поездке советские парламентарии констатировали, что в Венгрии успешно преодолеваются последствия «правого уклона», и вместе с тем довольно критически отозвались о проводимой политике в области промышленного строительства, которая по сути дела продолжала линию, господствовавшую до июня 1953 г.: «Как нам представляется, в ряде случаев венгерские товарищи строят без особой нужды слишком большие заводы, затрачивая на их строительство очень крупные суммы. Необходимо также учесть, что и старые заводы отличаются большими масштабами, не соответствующими, на наш взгляд, народнохозяйственным потребностям страны» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. д. 161. Л. 18). В донесении отмечалось, что крупные предприятия в Венгрии вынуждены работать, в основном, на привозном сырье, многие из них функционируют не в полную мощность. В отчете была подвергнута критике и сельскохозяйственная политика: порядок оплаты труда трактористов в госхозах и МТС таков, что они почти не заинтересованы в повышении урожайности.
- ⁴⁷ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 9. Л. 110.
- ⁴⁸ Подробнее см.: *Rainer M. János. Nagy Imre. Politikai életrajz. II. 1953–1958.*
- ⁴⁹ Подробно см.: В.Т. *Середа*, А.С. *Стыкалин*. Из истории одного противостояния: союз венгерских писателей в общественно-политической борьбе середины 50-х годов // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993.
- ⁴⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 188. Д. 11. Л. 12.
- ⁵¹ Там же. Папка 187. Д. 7. Л. 182-183.
- ⁵² Там же. Папка 188. Д. 11.
- ⁵³ Там же.

2

- ¹ Большой международный отклик вызвал ряд выступлений П.Тольятти весной 1956 г., в частности, на страницах газеты «L'Unità» и журнала «Nuovi argómenti», в которых содержался призыв перейти от критики Сталина как личности к выявлению пороков «культы личности» как «системы». Элемент полемики с Тольятти, слишком далеко зашедшим, с точки зрения Москвы, в критике сталинизма, содержался даже в известном постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий». См.: Правда. 2 июля 1956 г. См. также: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. С. 213–214. М., 1971.
- ² В РГАНИ содержится ряд интересных документов, свидетельствующих о настроениях левой интеллигенции Франции в связи с разоблачениями сталинизма на XX съезде КПСС. См., например, заявление писателя Веркора о разрыве с коммунистами: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 236. Л. 85-95.
- ³ Там же. Д. 175. Л. 20.
- ⁴ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 7. Л. 175. В донесениях советских дипломатов и даже в переводах венгерских документов Центральное

Руководство партии чаще всего называли по образцу КПСС Центральным Комитетом.

⁵ Там же. Папка 188. Д. 11. Л. 28.

⁶ Там же. Папка 187. Д. 7 Л. 183. Ознакомившись с материалами советского посольства за конец февраля-начало марта, можно ясно увидеть, что статья Е. Варги вызвала в Венгрии настоящий фурор. Реабилитация Бела Куна стала в те недели одной из главных тем обсуждения в ходе бесед советских дипломатов с венгерскими партийными работниками. Один из секретарей комитета ВПТ области Хевеш сожалел, что статья о Б. Куне появилась не только неожиданно, но и «в форме, которая не давала понять, что же произошло. Не было сказано, что ему были предъявлены в свое время необоснованные обвинения и что в настоящее время он реабилитирован. Из материалов газет стало ясно, что это так, но отсутствие прямого указания на эти факты делало в глазах читателей несолидным сообщением и позицию редакций газет» (Там же. Д. 8. Л. 50).

⁷ См. материалы мартовского пленума ЦР ВПТ 1956 г.: Там же. Папка 190. Д. 35. Ракоши опасался, что перепечатка газетой «Szabad Nép» опубликованной в «Правде» хотя бы одним днем ранее статьи с признанием заслуг Б. Куна создаст в Венгрии явное впечатление, что, реабилитировав наиболее видного венгерского коммуниста, ЦК КПСС поставил руководство ВПТ перед свершившимся фактом и, таким образом, лишь давление Москвы заставляет венгерских лидеров совершать шаги в том же направлении. Субъективное изложение истории с опубликованием в двух странах статей, посвященных Бела Куну, см. также в мемуарах Ракоши: «Людьми свойственно ошибаться». Из воспоминаний М.Ракоши // Исторический архив. 1999. №1. С. 8-9.

⁸ Реабилитация Б.Куна, говорил он 12 марта на пленуме – серьезный выигрыш для венгерского коммунистического движения. «У Б.Куна имеются большие заслуги перед венгерским и международным коммунистическим движением... и мы должны позаботиться, чтобы наш трудовой народ получил, наконец, правильное представление о его работе и личности. С этой реабилитацией Б. Кун вновь может занять выдающееся место в истории Венгрии, в истории пролетарской революции, – место по праву ему принадлежащее» (АВП РФ. Ф.077. Оп. 37. Папка 190. Д.35. Л. 25). Решением пленума Института истории партии при ЦР ВПТ было поручено в течение 2 месяцев подготовить документ, содержащий общую оценку деятельности Б.Куна с учетом как его заслуг, так и ошибок. После официальной реабилитации Б. Кун сразу же занял свое почетное место в пантеоне вождей венгерского рабочего движения. По свидетельству советских дипломатов, на первомайской демонстрации 1956 г. трудящиеся наряду с портретами Маркса, Энгельса, Ленина, а также (значительно реже, чем раньше) Сталина и Ракоши несли портреты Б.Куна.

⁹ Вопросы о Бела Куне не мог обойти и интервьюировавший Ракоши 21 марта 1956 г. корреспондент «New York Times». Я не знаю, отвечал Ракоши, последних 12 лет жизни Б.Куна (1926 –1938 годы – А.С), так как сидел в это время в хортистской тюрьме, однако в 1919 г. Кун играл выдающуюся роль. Пользуясь случаем выразить свою лояльность новой линии КПСС и одновременно показать, что она не чужда его личному опыту, первый секретарь ЦР ВПТ назвал установление Венгерской советской республики в марте 1919 г. показательным примером многообразия форм перехода к социализму (Там же. Фонд секретариата министра. Оп.15. Папка 28. Д. 99).

- ¹⁰ «Меня удивила относительно слабая критика Сталина в отчетном докладе... Это бросилось в глаза и другим товарищам, особенно после того, как т. Микоян в своем выступлении очень резко говорил о культе личности, его жертвах и целом ряде ошибок Сталина», — вспоминал Ракоши в 1960-е годы. И все-таки «на основе отчетного доклада, сделанного Хрущевым, у меня создалось такое впечатление, что, кроме уже сказанного, на съезде не будет ничего существенно нового». Однако в последний день работы съезда, 25 февраля, когда деятели КПСС звонили, чтобы попрощаться, «почти все довольно загадочно и не совсем для меня понятно спрашивали о том, что я знаю о событиях прошедшего дня. К полудню я узнал, что состоялось закрытое заседание съезда, на котором был обсужден вопрос о Сталине. Для меня это до некоторой степени было неожиданным, я полагал, что подобного не произойдет», тем более что в декабре 1955 г., накануне годовщины рождения Сталина звонили из посольства и просили должным образом отметить в печати. См.: «Видел, как возникает культ личности». Матьяш Ракоши о Сталине и о себе // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. №.1. 1997. С.134–137. См. также с подробными комментариями: «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М.Ракоши // Исторический архив. 1999. №.1. С.6–13.
- ¹¹ Польская компартия была распущена решением Исполкома Коминтерна в 1938 г. Многие члены ее руководства стали жертвами сталинских репрессий. 19 февраля 1956 г. было опубликовано заявление ЦК компартий СССР, Италии, Болгарии, Финляндии, а также ПОРП о необоснованном роспуске в 1938 г. Исполкомом Коминтерна Коммунистической партии Польши.
- ¹² «Видел, как возникает культ личности». С.137, 138, 120.
- ¹³ В Венгрии было подготовлено закрытое письмо ЦР ВПТ с изложением содержания выступления Н.С.Хрущева. Оно зачитывалось на партактивах.
- ¹⁴ Немалый резонанс вызвало, в частности, выступление члена Президиума ЦК КПСС первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А.И.Микояна, прозвучавшее 16 февраля и опубликованное на следующий день в «Правде». В нем, в частности, говорилось, что «в течение примерно 20 лет у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности, осужденный еще Марксом, а затем и Лениным, и это, конечно, не могло не оказать крайне отрицательного влияния на положение в партии и на ее деятельность». Это выступление, свидетельствовавшее о наметившемся повороте в оценке Сталина, вызвало в Венгрии определенное замешательство среди неподготовленных к столь острой критике сталинской политической практики партийных функционеров. Как говорил советскому дипломату зав. отделом Венгерского телеграфного агентства МТИ, идеологическими органами ВПТ поначалу было принято решение не публиковать в Венгрии речь Микояна «как не отражающую официальной точки зрения», хотя это вступало в противоречие с общей установкой печатать выступления членов Президиума ЦК КПСС на съезде (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.8. Л. 107 –109). Как бы там ни было, содержание

острых съездовских речей доходило до венгерской публики. По сообщению советского посольства, «имеются сигналы, когда отсталые и враждебные элементы пытаются использовать во враждебных целях критические замечания, которые имелись в выступлениях т. Микояна А.И. и других делегатов съезда» (Там же. Д.7. Л. 183). Как отмечалось в другом дипломатическом донесении, «некоторые венгерские писатели, подвергшиеся справедливой критике в постановлении ЦК ВПТ (декабрь 1955 г.), увидели в выступлении Шолохова поддержку и заявляют, что их незаслуженно наказали» (Там же. Л. 211). Что же касается отчетного доклада Н.С.Хрущева, прозвучавшего 14 февраля, в начале работы съезда, то персональная критика Сталина в нем фактически не звучала. Ответственность за нарушения «социалистической законности», в том числе фабрикацию так называемого «ленинградского дела» 1949 г., была возложена на «разоблаченную партией банду Берия, которая пыталась вывести органы государственной безопасности из-под контроля партии и Советской власти, поставить их над партией и правительством, создать в этих органах обстановку беззакония и произвола. Во враждебных целях эта шайка фабриковала лживые обвинительные материалы на честных руководящих работников и рядовых советских граждан» (Правда. 15 февраля 1956 г.).

- ¹⁵ АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.8. Л.155. Преодолеть психологический барьер было очень нелегко. Один из венгерских собеседников говорил советскому дипломату: многие члены ВПТ еще не верят, что в партии создана обстановка для смелой критики, боятся задавать острые вопросы (Там же. Л. 115). Довольно сильна была апатия среди населения. Например, в среде преподавателей Будапештского политехнического института материалы съезда поначалу вызвали интерес, но затем он ослаб, обсуждение приняло довольно вялый характер (Там же. Л. 133). Члены партии между собой нередко говорили о том, что с 1953 г. в Венгрии уже дважды происходили принципиальные изменения политической линии, поэтому и теперь не исключены новые перемены: трудно предвидеть, что будет через 2–3 года — возможно вновь объявят неправильным то, что делается сейчас (Там же. Л. 164).
- ¹⁶ Уже в начале марта функционеры ВПТ с обеспокоенностью говорили советским дипломатам о том, что споры вокруг XX съезда в рабочей среде иногда принимают «нездоровый» характер, разжигаются «враждебными элементами» (Там же. Д.7. Л.204). Провести четкую «партийную» линию в разъяснении трудящимся решений XX съезда партаппаратчикам было тем более трудно, что у них самих зачастую не было полной ясности относительно допустимых границ критики Сталина (Там же. Д.8. Л.47–48). К тому же многим из них приходилось выслушивать от рядовых коммунистов упреки в том, что в предшествующие годы они сами вели пропаганду в духе культа личности, а теперь осуждают подобную практику.
- ¹⁷ Как читаем в записи одной из бесед сотрудника советского посольства с одним из функционеров ВПТ, среди населения «широко распространён страх перед новой войной, в которой будет применено атомное оружие. В связи с этим в настоящее время все больший отклик находит идея «нейтральной Венгрии», проповедуемая внутренними враждебными силами» (Там же. Папка 188. Д.11. Л.19).

¹⁸ Там же. Папка 190. Д.35. Л. 37.

¹⁹ Там же. Л. 27.

²⁰ «Товарищи могли заметить, что в ряде мест вместе с портретами Ленина и Сталина стали помещать портрет Ракоши, который в свое время по моему предложению перестали вывешивать» (Там же. Л.42). Но это только лишь одна из форм культа личности, продолжал Ракоши. Восстановление культа личности — постоянная опасность, которую поддерживают подхалимы, карьеристы и классовые враги. В разных областях жизни «у нас есть местные диктаторы и вожди», которые не терпят возражений, применяют административные меры. Вокруг них собирается клика подпевал. Как говорил в конце марта советскому дипломату один из участников пленума, проблему культа личности Ракоши свел к аплодисментам и портретам, переложив при этом основную ответственность на нижестоящие организации (Там же. Папка 187. Д.8. Л.1 — 2). Первый секретарь ЦР ВПТ предложил также пересмотреть книги по истории партии, освободив их от наслоений культа личности. Прозвучавшая в его выступлении под влиянием установок, исходивших из Москвы, мысль о необходимости выдвигания на первый план фигуры Ленина вызвала закономерную полемику в ходе обсуждения материалов мартовского пленума на местах. Так, секретарь парторганизации области Сольнок говорил 1 апреля советскому дипломату о том, что на партсобраниях иногда задается вопрос: не приведет ли усиленное выпячивание Ленина к формированию нового культа личности (Там же. Л.41 — 42).

²¹ Уже речь, произнесенная И.Надем в Госсобрании 4 июля 1953 г., была «отрицанием всех достижений партии», говорил Ракоши, в очередной раз повторяя расхожие обвинения, уже звучавшие в адрес И.Надя на предыдущих партийных форумах. «Мы стерпели тогда», но та же линия продолжалась и дальше: И.Надь пытался подчинить партию правительству, поставить народный фронт над партией, утверждал, что социализм можно построить без индустриализации. Только в марте 1955 г. удалось, мобилизовав партию, «привести все в порядок» (Там же. Папка 190. Д.35). ²² Там же. Л.39.

²³ Там же. Папка 187. Д.8. Л.1 — 2.

²⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители *Е.Д.Орехова, В.Т.Серёда, А.С.Стыкалин*. М., 1998. С.51 — 54. ²⁴ Известно, что с начала 1950-х годов Ракоши постоянно выдвигал в партийное руководство (в том числе в Политбюро) молодых (30 — 35-летних) функционеров, не обладавших реальным политическим весом. Один из них, Р.Фельдвари, в беседе с автором, состоявшейся в октябре 1995 г., признал, что его присутствие в течение ряда лет в Политбюро имело чисто декоративные функции, было призвано засвидетельствовать «рабоче-крестьянский» характер новой власти. Даже относившийся к более старшему поколению и соответственно обладавший в то время гораздо большим опытом А.Апро в записке лидерам ВПТ, написанной в самый разгар октябрьских событий 1956 г., следующим образом охарактеризовал свою действительную политическую роль в Политбюро при Ракоши: «по существу во многих случаях я был лишь вывеской, показывающей, что и рабочий класс представлен в руководстве» (Записка А.Апро в Президиум ЦР ВПТ от 30 октября 1956 г. Архив Президента Российской Федерации). Надо заметить в то же время, что к началу 1956 г. за пределами Политбюро, но в составе ЦР ВПТ находился ряд влиятельнейших деятелей партии, на протяжении десятилетий

относившихся к ее руководящему ядру — Й.Реваи, З.Ваш, З.Санто, Э.Мольнар и другие. Большинство из них состояло в сложных отношениях с Ракоши, который по мере ослабления собственных позиций все более искал себе опору в своих молодых выдвиженцах. Один из таких видных ветеранов партии, заместитель министра иностранных дел Э.Шик говорил советскому дипломату: неспособность партийного руководства сделать выводы из решений XX съезда объясняется во многом тем, что в Политбюро и секретариате ЦК собрались малоопытные люди, которые не могут решить без Ракоши ни одного вопроса (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.8).²⁵ См., например, сообщение о собрании партактива в Нограде (Там же. Л. 53).

²⁶ См.: В.Т.Середа, А.С.Стыкалин. Из истории одного противостояния: союз венгерских писателей в общественно-политической борьбе середины 50-х годов // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. Л. 93–145.

²⁷ О ходе этого собрания в крайне тенденциозном изложении его участника писателя Ш.Гергея см. запись беседы Гергея с советским дипломатом Б.В.Горбачевым от 31 марта: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.55–58.

²⁸ Этот вопрос поставил, в частности, в присутствии самого Ракоши на одном из партактивов молодой преподаватель истории Д.Литван, в 1990-е годы директор Института истории революции 1956 г. в Будапеште. Антиракошистские настроения в некоторой мере затронули даже кузницу партийных кадров — Высшую партийную школу при ЦР ВПГ. Ее директор З.Биро 19 апреля с озабоченностью говорил советскому дипломату: многие слушатели находятся в плену «нездоровых» настроений, что находит выражение в «провокационных» вопросах и «демагогических» выступлениях на партсобраниях (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.8).

²⁹ О месте «дела Райка» в антиюгославской кампании Коминформа конца 1940-х годов см.: Г.М.Адибеков. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994.

³⁰ АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.8.

³¹ Там же. Д.7. Л. 42–44. Вопросы о корнях «дела Райка» не мог не задать 21 марта Ракоши и корреспондент «New York Times». Первый секретарь ЦР ВПГ повторил дежурную версию о том, что его ввели в заблуждение махинации Берии, излюбленным методом которого было смешивать «правильные вещи» с клеветой (Там же. Фонд секретариата министра. Оп.15. Папка 28. Д. 99).

³² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.53. Беседуя с советскими дипломатами, члены руководства ВПГ неизменно выражали опасение, что «теперь, когда будет рассматриваться его дело, Фаркаш попытается многое свалить на т. Ракоши» (см. беседу с секретарем ЦР Б.Салаи 21 марта. АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.8. Л.14-15). Эта попытка нашла бы для себя благодатную почву в общественном мнении. Ведь по свидетельству И.Ковача от 30 марта, вопрос о непосредственной ответственности Ракоши за «дело Райка» обсуждался в обществе и партии все более активно (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.52). Широко распространился и имевший под собой все

основания слух о том, что руководство ВПТ предпримет все усилия для того, чтобы сделать Фаркаша «козлом отпущения» (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 190. Д.35. Л. 59-60).³³ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.53.

- ³⁴ АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 190. Д.35. Л. 59–60. В других донесениях также отмечалось, что выступавшие на партсобраниях нередко противопоставляли политике Ракоши и его окружения более решительные действия советских лидеров. Стремление руководства КПСС к обновлению социализма ораторы при этом часто преувеличивали. В то же время они подчас справедливо указывали на явление, которое лишь едва обозначилось весной 1956 г., зато пышным цветом расцвело тридцатью годами позже, с началом горбачевской перестройки – его условно можно определить, как «синдром Хонеккера». Речь идет о возведении восточноевропейскими лидерами преград на пути смертельно опасных для них реформаторских тенденций, идущих из Советского Союза и легитимизированных уже одной лишь своей принадлежностью к «единственно правильному», по официальным установкам, советскому опыту. Показательна приведенная в одном из донесений за март 1956 г. шутка о том, что Ракоши мечтает возвести железный занавес между СССР и Венгрией.
- ³⁵ Цит. по: *Н.А.Барсуков*. XX съезд в ретроспективе Хрущева // Отечественная история. 1996. №6. С.175.
- ³⁶ *Mišunović V. Moskovske godine.1956/1958. Zagreb,1977. S.54.* Цит. по: *М.Ю.Чуканов*. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917-1990-е годы). М., 1999. С.149.
- ³⁷ АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 188. Д. 10. Л.128. Апрельская телеграмма надолго запомнилась даже такому искушенному политику, как Я.Кадар. В начале ноября 1956 г., после своего тайного прибытия в СССР обсуждая в Москве на секретной встрече с советскими лидерами вопросы, связанные с формированием нового правительства, он указал на эту телеграмму как на типичный пример того, что и после XX съезда руководство КПСС продолжало еще какое-то время делать ставку на абсолютно скомпрометировавшего себя Ракоши: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.543.
- ³⁸ АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 188. Д.11. Л.40.
- ³⁹ Там же. Л.47.
- ⁴⁰ Там же. Папка 187. Д.8. Л.81, 96. На то же самое указывал, беседуя 19 апреля с советским дипломатом, директор Высшей партийной школы при ЦР ВПТ З.Биро (Там же).
- ⁴¹ Там же. Д.6. Л.38-41.
- ⁴² См. запись беседы советского дипломата с писателем *Ш.Гергеем* от 17 апреля: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.58–61.
- ⁴³ Там же. С. 62.
- ⁴⁴ См. подробнее биографию Я.Кадара: *Б.Й.Желицки*. Янош Кадар: прервратности судьбы // Бывшие «хозяева» Восточной Европы. Политические портреты. М., 1995. С.63–118. Как справедливо замечает автор этой статьи, «с выходом из заключения он (Кадар – А.С.) приобрел

- ореол коммуниста-мученика, что в новых условиях обеспечивало ему соответствующий политический капитал» (Там же. С.81).
- ⁴⁵ Председатель Исполкома Будапештского горсовета К.Понграц и директор крупнейшего в Венгрии Чепельского комбината М.Жофинец 19 апреля говорили советскому дипломату: «Кадар очень популярен среди рабочих, его любят за простоту, непосредственность, умение найти с рабочими общий язык» (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.8. Л. 113). Об уважении широких масс к Кадару говорится и в записях других бесед советских дипломатов с венграми. Популярность Кадара в рабочей среде, объяснимую как его личными качествами, так и непростой судьбой, не следует все же, на наш взгляд, переоценивать. Среди потомственного будапештского пролетариата, до 1948 г. составлявшего базу социал-демократической партии, и в 1956 г. довольно сильно было предубеждение против ветеранов компартии, давних оппонентов венгерской социал-демократии, ставших в конечном итоге ее могильщиками.
- ⁴⁶ См. телеграмму Ю.В.Андропова из Будапешта в МИД СССР от 29 апреля: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.63–66.
- ⁴⁷ Там же. С. 65.
- ⁴⁸ Там же. С. 66. Свидетельств о содержании телефонной беседы между Сусловым и Андроповым по итогам обсуждения на Президиуме ЦК телеграммы от 29 апреля не сохранилось.
- ⁴⁹ Подробнее см.: *В.Т.Середа, А.С.Стыкалин*. Из истории одного протिवостояния; *А.С.Стыкалин*. Публицистика венгерской революции 1956 года. Часть I. Канун восстания // Вестник МГУ. Сер.10. Журналистика. 1998. №.3. С.62–78. См. также: *В.Алексеев*. Венгрия 56: прорыв цепи. С. 130–132.
- ⁵⁰ Кружок возник в 1954 г. как сугубо просветительское начинание молодых сотрудников Национального музея, но с приходом к руководству Г.Танцоша и ряда других реформаторски настроенных активистов стал весной 1956 г. явлением политической жизни. Об истории кружка см.: *Hegedűs B.A. A Petőfi Kör – a reformmozgalom fóruma // Világosság*. Bp., 1989, 1 sz.
- ⁵¹ С конца 1980-х годов в Венгрии была предпринята публикация материалов этих дискуссий в нескольких томах. См. прим. 24 к введению.
- ⁵² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.72. Как видно из бесед Андропова с Гере от 4 июня и с Ковачем от 5 июня, в мае Политбюро приняло принципиальное решение не отдавать Фаркаша под суд, при этом Ковач отмечал, что в сложившейся политической ситуации это решение может не найти поддержки на предстоящем пленуме ЦР (Там же. С.78-83; 83-85).
- ⁵³ Запись беседы Ю.В.Андропова с М.Ракоши 6 мая. Там же. С.69. В беседе с Андроповым 11 мая, говоря о возможных последствиях для Ракоши обсуждения дела Фаркаша на пленуме ЦР, «тов. Гере дал понять, что часть партийного актива знает, что в прошлом тов. Ракоши в ряде случаев придерживался взгляда о необходимости применения жестких методов следствия, так как и хортисты жестоко мучили коммунистов» (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.6. Л.73).
- ⁵⁴ *Владимир Крючков*. Личное дело. Часть первая. М., 1996. С.42.

- ⁵⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева. М., 1991. С.113.
- ⁵⁶ РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.88. Л.189.
- ⁵⁷ Об этом пишет и Крючков. См.: В.Крючков. Личное дело. Часть первая. С.46.
- ⁵⁸ Пленум ЦК КПСС. Июль 1953 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. №1. С.164-165.
- ⁵⁹ Подробнее см.: Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС (вступительная статья А.Б. Едемского) // Исторический архив. 1999. №2.
- ⁶⁰ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.138. Л.117.
- ⁶¹ Как отмечалось, в частности, в докладе Н.С.Хрущева на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г., «по экономической структуре и по классовой природе государственной власти Югославию нельзя отнести к государству буржуазного типа» (Там же. Оп.30. Д.88. Л.140).
- ⁶² Тезис о том, что социалистический лагерь возглавляется двумя странами, СССР и КНР, прозвучал в феврале 1955 г. на сессии Верховного Совета СССР в докладе министра иностранных дел В.Молотова об основных направлениях внешней политики СССР. Он отразил готовность КПСС во имя единства мирового коммунистического движения пойти на компромисс с Китаем, в известной мере поделившись с ним своей руководящей ролью. Подробнее см.: М.Ю.Чуканов. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени.
- ⁶³ Многие материалы, связанные с деятельностью посольства СССР в Венгрии с марта по октябрь 1956 г. (записи бесед дипломатов с венгерскими гражданами, донесения в МИД СССР), см. в сборнике: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. ⁶⁴ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. М., 1994. №5. С.75. Биографы Андропова В.Соловьев и Е.Клепикова, анализируя позицию, занятую им весной 1956 г. в связи с углублявшимся венгерским кризисом, акцентировали момент выбора. Упорно делая ставку на Ракоши и формируя именно в таком духе мнение Москвы, посол, по их мнению, вел игру с неизбежным риском, ведь его позиция шла вразрез с генеральной линией XX съезда КПСС (См.: В.Соловьев, Е.Клепикова. «Черный суп» турецкого султана // 1956. Осень в Будапеште. М., 1996. С.60–72). Мы считаем, однако, что этот риск не стоит преувеличивать: - получив некоторое право на совещательный голос при определении Москвой ее венгерской политики, посол придерживался мнения, соответствовавшего прежней, остававшейся в силе линии Кремля в отношении Венгрии. Значительно больший риск заключался бы в попытке преодолеть инерцию, предложить новый подход.
- ⁶⁵ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 80.
- ⁶⁶ Там же. С.67.
- ⁶⁷ Там же. С.84.
- ⁶⁸ Там же. С.83–84.
- ⁶⁹ АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.6. Л.71–74; Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.78–83.
- ⁷⁰ Там же. С.84.
- ⁷¹ 7 мая Ковач говорил Андропову, что Политбюро упорно настаивает на самокритическом выступлении Ракоши: Там же. С.74. Первый секре-

тарь, вынужденный реагировать на замечания своих коллег по партийному руководству, вместе с тем, по словам Ковача, «в глубине души сохраняет самые теплые воспоминания о временах, когда в Политбюро его единоличная воля была законом» (Там же. С.73). Вопрос о необходимости самокритики со стороны Ракоши ставился на заседаниях Политбюро и позже (См. запись беседы Ю.В.Андропова с Э.Гере и А.Хегедюшем 19 июня. Там же. С.89–92). Помимо вынужденной самокритики важной задачей выступления Ракоши было успокоение крестьянства, все более открыто проявлявшего недовольство свертыванием после мартовского пленума ЦР ВПГ 1955 г. курса И.Надя в области аграрной политики. В устах Ракоши прозвучали заверения середнякам в том, что они могут вести свое хозяйство, не опасаясь раскулачивания.

⁷² Там же. С.70. 10 мая Ракоши также говорил Андропову о том, что Ковач явно торопится с выводами по вопросу о Фаркаше и не считается с тем, что его предложение может вызвать нежелательные последствия (Там же. С.77).

⁷³ В.Крючков. Личное дело. Часть первая. С.45–46.

⁷⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.70.

⁷⁵ Беседа Андропова и Ракоши от 6 мая: Там же.

⁷⁶ Беседа Андропова и Ковача 7 мая: Там же. С.74. С целью укрепления поддержки Политбюро в рабочих массах Ковач считал также целесообразным ввести в состав Политбюро кого-то из бывших социал-демократов, в частности, Ш.Ронаи. Эту идею он высказал в беседе с Андроповым 5 июня (Там же. С.84). Гере свою позицию в отношении Кадара излагал Андропову 11 мая (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.6. Л.71-74).

⁷⁷ Примечательно, что 11 мая Гере говорил Андропову: прежде чем поставить перед пленумом вопрос об избрании Кадара в Политбюро, надо заставить его выступить с самокритикой, в том числе в связи с делом Райка (Там же).

⁷⁸ См. беседу советского дипломата с венгерской крестьянкой от 5 мая, жаловавшейся, что понижение цен распространилось только на вещи вроде губной помады (Там же. Д.8. Л. 153).

⁷⁹ Два советских дипломата, посетивших в мае г. Эгер, доносили своему начальству, что «враждебные, кулацкие элементы пытаются использовать борьбу против культа личности в целях агитации против кооперативного движения» (Там же. Л. 162).

⁸⁰ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.85–87.

⁸¹ Там же.

⁸² Об этом прямо говорили советскому дипломату, в частности, два журналиста центральной прессы. См.: АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.9. Л.55-56.

¹ Председатель КГБ СССР И.А.Серов в своей докладной записке в ЦК КПСС от 26 июля, анализировавшей политическую обстановку в Венгрии и настроения венгерского общества после июльского пленума ЦР, привел следующие слова одного функционера Союза трудящейся молодежи Венгрии: «петефисты —

- тоже коммунисты, но венгерские, которые не хотят копировать русские-методы» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.209).
- ² Ч.Бекеш, Я.М.Райнер. Венгерская революция 1956 г. // Факты о Венгрии. Издание МИД Венгрии. 1996. №6. С.2.
 - ³ Цит. по переводу стенограммы заседания, выполненному посольством СССР в Венгрии в 1956 г.: РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.395. Л.89. Полный текст стенограммы опубликован в Венгрии: A Petőfi Kör vitái hiteles jegyzőkönyvek alapján. III köt. Вр., 1990.
 - ⁴ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.395. Л.64-65.
 - ⁵ См.: А.С.Стыкалин. Венгерская культура в середине XX века (от Хорта и до Кадара). М., 1991. Гл.П, IV; Он же. Борьба за демократизацию школьной системы Венгрии в период народно-демократической революции // Советское славяноведение. 1990. №2. С.13 – 24.
 - ⁶ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.395. Л.59.
 - ⁷ Там же. Л. 62. О развитии исторической науки в Венгрии в условиях режима Ракоши см.: Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1870–1965) (глава по Венгрии. С.72–108. Автор А.С.Стыкалин). М., 1993; А.С.Стыкалин. Режим Ракоши и развитие гуманитарных наук в Венгрии // Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. М., 1992. С.131 – 152.
 - ⁸ Слова Д.Литвана. РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.395. Л.60. О пропаганде советского опыта в Венгрии и других странах Центральной Европы в 1940–1950-е годы и ее последствиях см. наши работы: А.С.Стыкалин. Идеологическая и культурная экспансия сталинизма в Венгрии (вторая половина 1940-х – начало 1950-х годов) // Славяноведение. 1992. №6; Он же. Советский фактор в развитии венгерской культуры (1945 – вторая половина 1950-х годов) // Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. Вып.2. М., 1993. С. 8–41; Он же. Метаморфозы культурной политики в одной восточноевропейской стране. Опыт Венгрии конца 40–80-х годов // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 173-205; Он же. Сталинская культурно-идеологическая экспансия и послевоенная Венгрия // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944 – 1949 гг. М., 1995. С. 149 –175; Он же. Политика СССР по формированию общественного мнения в странах Центральной Европы и настроения интеллигенции (вторая половина 1940-х годов) // Славяноведение. 1997. № 3. С. 50–62; Он же. Пропаганда СССР на зарубежную аудиторию и общественное мнение стран Запада в первые послевоенные годы (по документам российских архивов) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 1997. №1. С. 57-70; №2. С. 35-46.
 - ⁹ Ференц II Ракоци – князь Трансильвании, руководитель национально-освободительной борьбы венгерского народа против Габсбургов в 1703 – 1711 гг.
 - ¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 395. Л. 62.
 - ¹¹ Ч. Бекеш, Я.М. Райнер. Венгерская революция 1956 г. С. 2. О деятельности Имре Надя весной-летом 1956 г. подробно см. в книге Яноша М.Райнера: Rainer M. János. Nagy Imre. Politikai életrajz. II. 1953 – 1958. Вр., 1999.

- ¹² К ближайшему окружению И. Надя относились Г. Лошонци, Ф. Донат, Ф. Яноши (зять И.Надя), С. Уйхейи, М. Вашархейи и др.
- ¹³ См., в частности, запись беседы Андропова с И. Ковачем 7 мая: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. С. 71–76. Активность И.Надя в деле сплочения своих единомышленников при этом, как правило, преувеличивалась. Бывший премьер-министр, рассчитывавший вернуться в партию, старался не давать противникам такого козыря, как возможное обвинение во фракционности. Он остерегался участвовать в публичных акциях оппозиционной направленности, не посещал дискуссий Кружка Петефи, хотя и регулярно получал приглашения. Осторожность И.Надя иной раз даже вызывала критику со стороны его молодых сторонников, побуждавших бывшего премьера к более решительным выступлениям с требованиями реформ. О взаимоотношениях И.Надя со своим окружением в месяцы, предшествовавшие революции, см.: *In memóriám Nagy Imre (vál., szerk. Tóbiás A.).* Вр., 1989; *Méray T. Nagy Imre élete és halála.* Вр., 1989. *Rainer M. János. Nagy Imre. Politikai életrajz. II. 1953 – 1958.* См. об этом также: Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 68.
- ¹⁴ См., в частности, запись его беседы с А.Хегедюшем, датированной 26 июня, но дополненной информацией о событиях, происходивших на следующий день, 27 июня: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 123.
- ¹⁵ См. запись беседы советника посольства СССР В.В.Астафьева с секретарем ЦП ВПТ Д.Эгри от 13 июня: *Hányzó lapok 1956 történetéből. Dokumentumok a volt SzKP KB levéltárától (Válogatta, az előszót és a jegyzeteket írta V.Szereda es A.Sztikalin).* Вр., 1993. 27 о. Об этом пишет также Б.И.Желицки. См.: Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. С.69.
- ¹⁶ *Hegedűs B.A. A Petőfi Kor – a reformmozgalom fóruma // Világosság.* Вр., 1989. 1 sz., 27 old. См. об этом также: В.Т.Середа. Будапештская осень: трагический опыт десталинизации // Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. С.167–169.
- ¹⁷ *Lukács Gy. A haladás és reakció harca a mai kultúrában (Előadás).* Вр., 1956.
- ¹⁸ «На состоявшейся недавно философской дискуссии выступил венгерский философ Лукач, который тенденциозно старался освещать состояние марксистско-ленинской науки в СССР, упирая почти исключительно на то, что советские философы являются догматистами и начетчиками», – отмечалось в справке от 22 августа, подготовленной для МИД СССР посольством в Венгрии (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 190. Д.33. Л.74; См. то же самое в записке Ю.В.Андропова в Президиум ЦК КПСС от 29 августа. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.247–248). О реакции советской дипломатии на встречу ветеранов-подпольщиков см. в другом документе – подготовленном третьим секретарем посольства СССР В.А.Крючковым обзоре венгерской печати о Кружке Петефи (АВП РФ. Ф.077. Оп.36. Папка 48. Д. 178. Л.42-51).
- ¹⁹ См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.55–61.

- ²⁰ Бывали случаи, когда встречавшиеся с советскими дипломатами венгры обращали их внимание на то, что ограниченность круга общения не может не вести к получению односторонней, тенденциозной информации. См., в частности, запись беседы В.А.Крючкова с зав. отделом МИД Л.Маразом, относящуюся уже к сентябрю: АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 188. Д.10. Л.126–131. Все-таки оценка посольством тех или иных событий общественно-политической жизни Венгрии (таких, как дискуссии Кружка Петефи) в решающей мере предопределялась не узостью круга общения, а общей политико-идеологической линией советской дипломатии (которая в свою очередь вырабатывалась в Москве с учетом информации, поступавшей из посольства).
- ²¹ 21 июля, уже после отставки Ракоши, Тито в беседе с венгерским посланником Ш.Курымским признал, что в июне, принципиально не желая встречаться с Ракоши, он ехал в СССР не через Венгрию, а через Румынию, то есть более дальним путем (См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.229). Проблемы венгеро-югославских отношений в 1956 г. в тесной связи с советско-югославскими отношениями в тот период затрагивал в своих работах Л.Я.Гибанский. См.: *Leonyid Gíbianzkij. A szovjet-jugoszláv kapcsolatok és az 1956-os magyar forradalom // 1956-os Intézet Évkönyv 1996/1997. Vp., 1997. 137–151 o.; А.Я.Гибанский. Н.С.Хрущев, И.Броз Тито и венгерский кризис 1956 года // Новая и новейшая история. 1999. №1.*
- ²² По сообщениям посольства СССР, в венгерском обществе к этому времени уже широко распространились слухи о предстоящей замене первого секретаря ЦР ВПТ, причем визит Суслова связывался общественным мнением именно с подготовкой отставки Ракоши, равно как и с ожидаемым восстановлением И.Надя в партии и назначением его на высокий государственный пост. См. справку о положении в Венгрии, составленную в МИД СССР в начале июля на основании донесений посольства: АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 190. Д.35. Л.65-67. Протокол выступления М.Ракоши на Политбюро ЦР ВПТ 28 июня см.: *Az MDP Politikai Bizottság 1956. június 28-i ülésének jegyzőkönyve. Az 1956. júniusi moszkvai kommunista csúcstalálkozó és Magyarország // Társadalmi Szemle. Vp., 1993. 2 sz. Находясь в Москве, Ракоши встретился 26 июня с К.Е.Ворошиловым, которого хорошо знал по 1940-м годам (будучи после второй мировой войны председателем Союзной Контрольной Комиссии в Венгрии, Ворошилов поддерживал тесные связи с венгерскими коммунистами). Беседуя с ним, первый секретарь не скрывал своих серьезных опасений в связи с предстоящим оглашением на пленуме ЦР ВПТ результатов работы комиссии по делу Фаркаша. Его беспокоило поведение самого Фаркаша, который мог переложить на Ракоши часть вины за репрессии (См. записку К.Е.Ворошилова в Президиум ЦК КПСС об этой беседе: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.97–100.). См. также: Желицки Б.Й. Будапешт-Москва: год 1956-й // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С.250.*
- ²³ Анализ наблюдений Мичуновича в связи с подписанием этой декларации см.: М.Ю.Чуканов. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917 - 1990е годы). М., 1999. С.158–160.
- ²⁴ См. там же. С.159; *Micunovic V. Moskovske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. S.93.*

25 «Причесанный» текст доклада Хрущева, разосланный ЦК КПСС с грифом «не для печати» в местные партийные организации для ознакомления широкого круга коммунистов и беспартийного актива на собраниях и переданный также лидерам стран «народной демократии», попал из Польши в США, где был опубликован одновременно в «New York Times» и «Washington Post» 4 июня, причем ответственность за публикацию взял на себя госдепартамент США. Аутентичность опубликованного текста не была в то время ни подтверждена, ни официально опровергнута советской стороной. 26 См.: Az MDP Politikai Bizottság 1956. június 28-i ülésének jegyzőkönyve. Az 1956. júniusi moszkvai kommunista csúcstalálkozó es Magyarország // Társadalmi Szemle. Bp., 1993. 2 sz., 94 o.

27 A szellem napvilága // Szabad Nép, jun.24. Аналогичную позицию занимали и другие венгерские издания. В обзоре печати, подготовленном посольством СССР в Венгрии, говорилось о том, что орган Союза трудящейся молодежи газета «Szabad Ifjúság» «создавала буквально ажиотаж вокруг деятельности Клуба Петефи. Она писала о переполненных залах, исключительном интересе к клубу, жажде молодежи к свободным дискуссиям, свободному изъяснению мнений и т.д. и т.п.» По мнению советского дипломата, именно в результате поднятой шумихи интерес к клубу возрос, на его заседания стал приходиться более широкий круг слушателей (АВП РФ. Ф.077. Оп.36. Пор.15. Папка 48. Д.178. Л.42 –

51). Согласно оценке, приведенной в обзоре, дискуссии клуба вначале имели «здоровое направление», на них звучали ценные предложения, однако в дальнейшем клуб превратился в центр демагогических выступлений. Составитель обзора дипломат В.А.Крючков сделал вывод о том, что ЦК Союза трудящейся молодежи Венгрии, проявив «беспринципное» отношение к деятельности клуба, оказался явно не на высоте.

28 Об углублении внутриполитического кризиса в Польше после XX съезда КПСС см.: Орехов А.М. Общественно-политический кризис 1956 г. в Польше (генезис и развитие событий) // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. С.10–55; Его же. События 1956 года в Польше и кризис польско-советских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945-1985). Новое прочтение. М., 1995. С.217-240.

29 Цит. по: Кару. Különszám. Bp., 1989. 14,17 old. Стенограмму острых выступлений Т.Дери и Т.Тардоша на дискуссии о печати см. также в переводе на русский язык: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.100–118. См. об этом также: В.Т.Серета. Будапештская осень: трагический опыт десталинизации. С.170–171; В.Т.Серета, А.С.Стыкалин. Из истории одного противостояния... С.116 – 118.

30 Запись беседы В.А.Крюčkова с секретарем Союза венгерских журналистов Ф.Вадасом от 29 июня 1956 г.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 124 – 127.

31 Там же. С. 122. См. об этом также: Желицки Б.И. Москва-Будапешт: год 1956-й.

32 См., например: История Венгрии. Т.3. М., 1972. Гл.13.

33 Внеочередной пленум, состоявшийся 30 июня, не подменил собой очередного, запланированного после ряда переносов на середину июля. Внеочередной пленум заслушал сообщение Ракоши о результатах московской встречи и обсудил сложившееся внутриполитическое положение.

34 Беседа Андропова с Ракоши, Гере, Ковачем, секретарем ЦР ВПТ Б. Вегом и министром иностранных дел ВНР Я.Болдоцким. См.: Советский Союз и

венгерский кризис 1956 года. С.134–137. Об изменении тональности публикаций «Szabad Nép» свидетельствует хотя бы ее статья от 3 июля «Pártdemokrácia és a pártszerűség védelmében» («В защиту партийной демократии и партийности»), определявшая критерии антипартийной, фракционной деятельности.

³⁵ Беседа от 4 июля. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.135.

³⁶ Зав. отделом МИДа Л.Мараз, встречавшийся с советским дипломатом 7 июля, выразил мнение той части работников государственного аппарата, которые считали, что постановление пленума — слишком суровая мера, тем более что на заседаниях кружка выдвигалось «много ценных предложений» (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.9. Л.152).

³⁷ Зав. иностранным отделом Венгерской Академии наук говорил 4 июля советскому дипломату, что постановление пленума было особенно неожиданным после хвалебной статьи «Szabad Nép» от 24 июня (Там же. Л.142–143). На «непонимание» интеллигенцией, как и другими слоями населения, постановления от 30 июня обращал внимание и министр земледелия Я.Матолчи, беседовавший с советским дипломатом 11 июля. Вера народа в ВПГ, откровенно констатировал он, заметно пошатнулась. Среди интеллигенции бытует мнение, что у партии нет четкой, последовательной линии — попеременно ведется борьба то с «левыми перегибами», то с «правым уклоном» (Там же. Л. 164).

³⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 137.

³⁹ *Enver Hoxha. The Khrushchevites. Memoir. Tirana, 1984, p.276.*

⁴⁰ См. запись беседы Ю.Андропова о встрече с А.Хегедюшем 26 июня: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.118 – 124.

⁴¹ См. телеграмму Ю.Андропова в МИД СССР от 9 июля: Там же. С.137-142.

⁴² Гере и Хегедюш в беседах с Андроповым 19 и 26 июня отмечали, что оппозиционные элементы все чаще выдвигают в качестве примера югославский опыт строительства социализма, противопоставляют его советскому пути. См. там же. С. 89–92, 118–124.

⁴³ Там же. С.99.

⁴⁴ Там же. С.91.

⁴⁵ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.394. Л. 121. О реакции на интервью Тольятти венгерских ученых-обществоведов говорил 27 июня советскому дипломату директор института экономики Венгерской академии наук И.Фришш. Ссылаясь на интервью одного из видных лидеров мирового коммунистического движения, ученые, по его словам, все более открыто выражают неудовлетворенность решениями XX съезда, который так и не смог дать надлежащего ответа на вопрос: почему стало возможным возникновение культа Сталина и где гарантия того, что культ личности больше не повторится. По мнению самого Фришша, необходимо дополнительное разъяснение от ЦК КПСС по этому вопросу (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.9. Л.101).

⁴⁶ Арест Г.Петера еще при жизни Сталина, в январе 1953 г., очевидно был связан с борьбой различных группировок в руководстве госбезопасности СССР. Вопрос этот нуждается в дальнейшем изучении.

- ⁴⁷ Цит. не по телеграмме, направленной Андроповым в Москву 9 июля, а по записи из его посольского дневника, выполненной уже в день беседы с Гере, 6 июля: АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.6. Л.143.
- ⁴⁸ Беседа Ю.Андропова с Э.Гере 23 июля. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.203–204.
- ⁴⁹ См.телеграмму Ю.В.Андропова в Москву от 9 июля на основании беседы с Э.Гере 6 июля: Там же. С. 141.
- ⁵⁰ Там же. С. 143 –147.
- ⁵¹ Можно предполагать, что именно на основании сообщения Андропова о его беседе с Ковачем 11 июля зав. отделом МИД СССР К.Левычкин составил датируемую 12 июля записку на имя министра Д.Шепилова. В ней говорилось, что «оппозиционные элементы, судя по информации, готовятся дать бой на пленуме с целью устранить т. Ракоши из руководства». «В результате этого создается ситуация, при которой может возникнуть «венгерский Познань». «В силу этого, продолжает Левычкин, «представляется целесообразным помочь венгерским товарищам в преодолении кризиса, приняв срочные меры по ликвидации сложившегося положения в Венгрии и в первую очередь в руководстве партии.

По нашему мнению, следовало бы до 17 июля пригласить в Москву весь состав Политбюро и секретарей ЦК ВПГ, чтобы обсудить вместе с ними положение в руководстве партии и в стране, и порекомендовать провести более решительные меры по ликвидации создавшегося положения, вплоть до принятия репрессивных мер против реакционных сил» (АВПР. Ф.077. Оп.37. Папка 190. Д.35. Л.69). Это предложение однако не было реализовано и не известно, рассматривалось ли оно на Президиуме ЦК. В тот же самый день, когда на стол Шепилову по всей вероятности и легла докладная Левычкина (то есть 12 июля), в Кремле решили командировать в Будапешт А.И.Микояна.

4

- ¹ Д. Литван. Первая ласточка // Мост. Бп., 1992, №1 – 2. С.7.
- ² См.: Б.И.Желицки. Будапешт – Москва: год 1956-й // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). М., 1995. С.252; Hegedűs A. A történelem és a hatalom igézetében. Вр., 1988. 266 о.
- ³ По итогам беседы Ю.Андропова с Э.Гере 6 июля была, как уже отмечалось, направлена телеграмма посла в Москву, датированная 9 июля и послужившая предметом обсуждения на Президиуме ЦК КПСС (См.: Как решались «вопросы Венгрии». Рабочие записки заседаний Президиума ЦК КПСС. Июль-ноябрь 1956 г. Публикация В.Т.Середы при участии С.А.Мельчина и Е.Д.Ореховой // Исторический архив. 1996. №2. С.77–78; Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.149–151). Члены Президиума ЦК были проинформированы соответствующей телеграммой и о содержании беседы Андропова с И.Ковачем 11 июля, полная запись которой (Там же. С. 143 –147), как явствует из регистрационных помет на ее тексте, поступила в Москву только в августе. Текст этой телеграммы в настоящее время недоступен, но о ее существовании свидетельствуют как докладная К.Левычкина Д.Шепилову от 12 июля (см. сн.51 к главе 3), так и сам факт упоминания Ковача в ходе обсуждения на Президиуме ЦК КПСС 12 июля положения в Венгрии (см. ниже). Следует сказать, что под влиянием все новых и новых сообщений,

поступавших в начале июля от Андропова, беспокойство в Москве нарастало как снежный ком. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить две докладные зав. отделом МИД СССР К.Левычкина своему начальству, между которыми лежало немногим более недели (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 190. Д.35. Л.65—67, 68—69). В начале июля (точная дата на документе отсутствует) Левычкин в докладной на имя заместителя министра иностранных дел СССР В.Кузнецова, ссылаясь на сообщения Андропова об оживлении «враждебных элементов» в Венгрии, писал о возможности в этой стране «провокаций по типу Познани». В качестве помощи ЦР ВПТ предлагалось опубликовать в советской прессе ряд статей по основным вопросам марксизма-ленинизма в свете XX съезда. «Имея в виду, что венгерские товарищи понимают положение, сложившееся в стране», «принимают конкретные меры для нанесения удара по реакции, давать какие-либо другие советы венгерским товарищам в настоящее время вряд ли целесообразно» (Там же. Л.67). Тональность докладной Левычкина министру иностранных дел Д.Шепилову от 12 июля совершенно иная. Постановление ЦР ВПТ от 30 июня, как было отмечено в ней, не поправило дела — пользуясь «либерализмом и беспомощностью» венгерских товарищей, отсутствием единства в ЦР и даже Политбюро, «враги» пытаются дискредитировать «народную власть» и вызвать беспорядки. Соответственно делался вывод о принятии срочных мер по оказанию помощи руководству ВПТ (см. сн.51 к главе 3).

⁴ См.: Как решались «вопросы Венгрии». Рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС. Июль-ноябрь 1956 г. // Исторический архив. 1996. №2, 3. Опубликовано также в Венгрии: *Döntés a Kremlben, 1956. A szovjet pártelnökség vitái Magyarországról.* Szerk. N.Szereda es Rainer M. Janos. Bp., 1996.

⁵ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.149.

⁶ Там же. С.151-152.

⁷ В фондах Архива Президента Российской Федерации сохранилась запись беседы

секретаря ЦК КПСС П.Н.Поспелова и заведующего отделом по связям с зарубежными коммунистическими партиями Б.Н.Пономарева с делегацией ИКП от 11 июля (АПРФ. Ф.3. Оп.23. Д.200. Л.42—46). Обсуждение сложного положения в Венгрии заняло в ходе беседы важнейшее место. На заседании Президиума ЦК КПСС от 12 июля также, судя по записи Малина, поднимался вопрос о предстоящем выступлении Тольятти, с которым связывались определенные надежды на умиротворение венгерской внутрипартийной оппозиции (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.149). Интервью с Тольятти, однако, так и не было подготовлено.

⁸ Поспелов и Пономарев в ходе беседы обратили внимание Пайетты на то, что венгерские оппозиционеры в подтверждение правоты своих взглядов ссылаются на уже упоминавшееся интервью Тольятти от 17 июня, в котором звучали тезисы о сталинизме как «системе», начавшемся «перерождении» компартий и т.д. (АПРФ. Ф.3. Оп.23. Д.200. Л.42-46).

⁹ В процитированной телеграмме в адрес Тольятти от 13 июля обращает на себя внимание неуверенность позиции советского руководства (неоднократно повторяются такие слова, как «очевидно», «вероятно»). Это свидетельствует о том, что во время отправки телеграммы оно, хотя и склонилось к мнению о бесперспективности поддержки Ракоши, но все-таки пока еще не сделало окончательный выбор.

- ¹⁰ См. сделанную Ю.Андроповым запись этой беседы: Исторический архив. 1993. №4. С.110–112. См. также телеграмму А.Микояна из Будапешта в ЦК КПСС от 14 июля: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 152-157.
- ¹¹ В этой связи очень интересно, как Андропов (сторонник предельно жесткого курса в Венгрии) через несколько недель после июльского пленума мотивировал необходимость отказа от ставки на Ракоши: «Партия не имела ясной и четкой программы действий. Политбюро и лично т. Ракоши, обремененный грузом старых ошибок, в борьбе с враждебными элементами и оппортунистами вели себя нерешительно, допускали элементы растерянности и пассивности», — писал в Президиум ЦК в обширной докладной записке от 29 августа: Там же. С. 241.
- ¹² Исторический архив. 1993. №4. С. 111.
- ¹³ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.154.
- ¹⁴ Там же. С. 170. См. также: *Б.И.Желицки*. Будапешт — Москва: год 1956-й. С.254.
- ¹⁵ Исторический архив. 1993. №4. С.111.
- ¹⁶ Гере как раз перед этим в ходе беседы говорил Микояну, что вопрос о единстве в руководстве ВПТ «является «вопросом вопросов», без решения которого невозможно добиться улучшения положения» (Там же. С.110).
- ¹⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 154.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Запись выступлений на заседании Политбюро ЦК ВПТ с участием А.И.Микояна, выполненная Ю.В.Андроповым. Исторический архив. 1993. №4. С. 115, 114.
- ²⁰ См. телеграмму А.И.Микояна в ЦК КПСС от 16 июля: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.173. Выступая перед коллегами по Политбюро, Ракоши «сказал, что понимает всю остроту и сложность современной внутривластной обстановки в Венгрии и сам неоднократно задумывался над способом преодоления возникших в работе партии трудностей. Он, Ракоши, неоднократно думал также и о своей отставке с поста первого секретаря ЦК ВПТ, но откладывал постановку этого вопроса, считая ее непартийной и исходя в то же время из желания собственными руками исправить ошибки, которые были допущены им в руководстве партией и страной. Тов. Ракоши сказал, что понимает, что ему не удалось добиться исправления ошибок и потому, исходя из интересов партии, которые он считает для себя превыше всего, он находит нужным подать в отставку. Тов. Ракоши, как и другие товарищи, высказался относительно того, что следует должным образом разъяснить его заявление об отставке, чтобы оно не вызвало в партии замешательство и не дало бы повода враждебным элементам считать его уход из руководства партии своей победой» (Цит. по записи выступлений на заседании Политбюро ЦК ВПТ с участием А.И.Микояна, выполненной Ю.В.Андроповым. Исторический архив. 1993. №4. С.116).
- ²¹ Версию о предрешенности выдвижения кандидатуры Гере особенно безапелляционно отстаивал в споре с российским коллегой В.Мусатовым венгерский историк Д.Литван: «Не говоря уж о низкой популярности личности

Геру внутри партии, не хочет ли автор сказать, что выбор первых секретарей «братских партий» совершался не в Кремле?! Имеется достаточно доказательств того, что весьма часто Кремль вмешивался и в назначение руководителей даже гораздо более низкого ранга» (Д.Литван. Первая ласточка // Мост. Бп., 1992, №1 – 2. С.7).²² «По моим наблюдениям, здесь в этом отношении большие ненормальности», – сообщал Сулов в Москву 13 июня (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.87). Постановка Суловым вопроса о более активном выдвижении на руководящую партийную работу «лиц венгерской национальности» дала весомый аргумент сторонникам избрания в Политбюро и другие высшие руководящие органы партии не только Кадара, но также некоторых бывших социал-демократов, в частности, Д.Марошана. Как явствует из бесед Андропова с Ковачем от 5 июня, а также Ракоши и Ковачем 18 июня, вопрос о привлечении бывших социал-демократов к руководству в целях расширения его поддержки снизу неоднократно обсуждался в те недели на Политбюро ЦК ВПГ. См. там же. С.83 – 85, 87–89. Проблема роста антисемитских настроений затрагивалась в целом ряде посольских донесений за лето 1956 г. Так, болгарский дипломат сообщал своему советскому коллеге: «многие венгры прямо говорят, что до тех пор, пока на руководящих постах Венгрии будут находиться лица не венгерской национальности, дела в стране не пойдут лучше, так как им не дороги интересы венгерской нации, они не понимают ее стремлений, не умеют разговаривать с венгром» (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.8. Л.168).

²³ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.172.

²⁴ Там же.

²⁵ См. запись этой беседы там же. С.160–168. ²⁶ Там же. С. 170. ²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С.169.

²⁹ Запись беседы Ю.В.Андропова с Я.Болдоцким 27 июля. АВП РФ.

Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.6. Л.156–158. Сообщения об очень сдержанном отношении к Геру со стороны как работников аппарата, так и рядовых коммунистов вообще были в те недели общим местом в донесениях советских дипломатов из Венгрии.

³⁰ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.545.

³¹ Телеграмма А.Микояна в Москву от 18 июля 1956 г. Там же. С.176.

³² Там же.

³³ Там же. С. 179. Организационной подготовке пленума сопутствовала идеологическая, в которой также активно участвовала советская сторона, заявившая в партийной прессе свое мнение относительно положения дел в Венгрии. Очевидно, не без влияния соответствующих рекомендаций посольства СССР в Венгрии в «Правде» 16 июля была опубликована редакционная статья «Растут и крепнут международные силы мира, демократии и социализма». В ней говорилось о «происках агентов империализма», использующих в своих целях процессы развития критики и самокритики в странах «народной демократии», развернувшиеся после XX съезда. В статье был упомянут Кружок Петефи, некоторые участники которого, «поддавшись идущему извне влиянию империалистических кругов», стремились «под видом дискуссий распространять свои антипартийные взгляды, что было на руку врагам народной Венгрии». По сообщению посольства, многие венгры в беседах с советскими дипломатами откровенно выражали в те дни недоумение этой публи-

кацией, содержание и тональность которой резко расходились с доминировавшими в венгерском обществе настроениями (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 188. Д. 10. Л.6. Л.19).

³⁴ «Большинство выступавших заявляло о согласии с кандидатурой Гере, но сопровождали это оговорками, связанными главным образом с личным характером Гере и его методами работы, а не политическими мотивами, хотя отдельные товарищи говорили, что критика в отношении Ракоши в некоторой степени распространяется и в адрес т. Гере... т. Гере должен учесть то, что написал Ленин в отношении Сталина по части терпимости и правильного отношения к товарищам», — докладывал Микоян в Президиум ЦК КПСС (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.177).

³⁵ Там же. С. 178.

³⁶ На заседании Политбюро за несколько дней до пленума молодые выдвиженцы Ракоши выражали свою озабоченность более откровенно. «Член Политбюро т. Салаи, высказавшийся, по существу, за отстранение т. Ракоши от руководства, в то же время высказал свои опасения относительно того, что враждебные элементы и оппортунисты будут использовать отставку т. Ракоши для того, чтобы удалить из руководства его сподвижников или, как он выразился, «всю его garnитуру». Было видно, что он высказал не только свое мнение, но опасение ряда других молодых товарищей, которые пришли к руководству при т. Ракоши, таких, как Хидаш, Бата, Эгри, Мекиш, Вег, которые также высказали известные опасения насчет своей судьбы» (Запись Ю.Андроповым выступлений на заседании Политбюро ЦР ВПТ с участием А.Микояна 13 июля. Исторический архив. 1993. № 4. С. 115).

³⁷ А.Хегедюш зачитал на пленуме письмо Ракоши: «Прошу ЦК освободить меня от обязанностей первого секретаря ЦК ВПТ и от пребывания в составе Политбюро. Одна из причин моей просьбы заключается в том, что мне уже 65-й год, и моя болезнь, продолжающаяся уже два года и становящаяся все серьезнее (Ракоши страдал гипертонией — А.С), мешает мне выполнять работу, которая лежит на мне как на первом секретаре ЦК. Наряду с этим те ошибки, которые я совершил в вопросе о культе личности и в области социалистической законности, мешают партийному руководству в полной мере сконцентрировать свое внимание на стоящих перед ним задачах. Обращаясь с просьбой освободить меня от занимаемого поста, я желаю служить великому делу нашей партии трудового народа, социализма». После XX съезда и доклада Хрущева, продолжал Ракоши, «мне стало ясно, что тяжесть и влияние этих ошибок больше, чем я думал, и что ущерб, который потерпела наша партия в результате этих ошибок, гораздо серьезнее, чем я полагал ранее». Эти «ошибки» затрудняли работу партии, уменьшали ее притягательную силу, мешали развертыванию ленинских норм партийной жизни, предоставляя тем самым «врагу» весьма широкое поле для нападения. «В своей совокупности эти ошибки, совершенные мною на важнейшем посту партийной работы, нанесли тяжкий ущерб всему нашему социалистическому развитию». Ракоши признал также свою ответственность за задержки в ликвидации «культа личности», реабилитации невинно осужденных. Пленум вынес постановление: «ЦК, констатируя заслуги тов. М.Ракоши для венгерского и международного рабочего движения в борьбе за лучшее будущее венгерского народа, за социалистическую Венгрию, согласен с содержанием письма тов. Ракоши и на

основе его собственной просьбы освобождает его от пребывания в составе Политбюро и с поста первого секретаря ЦК» (Правда. 19 июля 1956 г.).
 38 «После выступления нескольких членов ЦК т. Гере спросил меня, не хотел ли бы я выступить. Я ответил, что не собирался, но если нужно, я не против выступить, но не знаю, когда и по какому вопросу. Он сказал, что хорошо бы через нескольких ораторов, в ходе обсуждения организационных вопросов. Я сказал, что мое выступление будет носить политический характер и не будет касаться отдельных лиц», — докладывал Микоян в Москву 18 июля (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 178).

39 Там же. См. также: *Жехицки Б.И.* Будапешт — Москва: год 1956-й. С.255. Как можно судить из выступления Микояна на заседании Политбюро 13 июля, его особую обеспокоенность вызывала неподконтрольность аппарата ЦР ВПТ руководству партии. «Товарищ Микоян указал, что недопустимым нарушением внутрипартийной демократии является тот факт, когда работники аппарата ЦК не выполняют решений выборных органов партии — коллективного руководства, а проводят свою собственную политику, направленную против ЦК. Аппарат ЦК не должен иметь своей политики, он должен быть исполнителем решений ЦК. Поэтому надо немедленно очистить аппарат ЦК от людей, которые сопротивляются воле коллективного руководства партии». Кроме того, «нельзя терпеть ни одного дня, чтобы пресса и радио, формирующие общественное мнение страны, не были бы под контролем ЦК» (Запись Ю.Андроповым выступлений на заседании Политбюро ЦР ВПТ с участием А.Микояна 13 июля. Исторический архив. 1993. № 4. С. 117). 40 Слова М.Ракоши. См. телеграмму Ю.В. Андропова в МИД СССР 29 апреля 1956 г.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.64.

41 Там же. С. 180. Реваи в своем выступлении сделал упор на приверженности

интернационализму, подчеркнул роль СССР как ведущей силы социалистического лагеря, которую пытались поставить под сомнение приверженцы югославского пути. См. фрагмент из его выступления там же. С. 182.

42 Там же. С. 183 — 184.

43 В докладе комиссии отмечалось, что Фаркаш, ссылаясь на партию, приказывал арестовывать людей без всяких на то оснований, лично давал указания следователям относительно строгого обращения с арестованными коммунистами, грубо допрашивал заключенных сам, побуждая следователей к аналогичным методам, предопределял судебные приговоры. Он создавал атмосферу подозрительности и недоверия к «старым партийным кадрам», оттесняя их на задний план. При этом Фаркаш «разжигал подозрительность Ракоши», используя его «недоверчивую натуру». «Карьеризм М.Фаркаша, его жажда власти и безответственность сыграли серьезную роль в возникновении дел Райка и Кадара», при осуждении других «невинно заподозренных товарищей» — партийных, государственных работников и особенно военачальников. При этом, по мнению комиссии, «было бы неправильным представлять дело так, словно один М.Фаркаш несет ответственность за совершенное беззаконие», поскольку Политбюро не обеспечило должного партийного контроля (См.: РГАНИ. Ф.5. Оп.17. Д.394. Л.177 — 184). В подготовленном для публикации решении пленума по делу Фаркаша было признано, что на нем «тяжким

бременем лежит ответственность за нарушение социалистической законности, за необоснованное преследование старых руководящих кадров, за создание атмосферы недоверия. В последние годы в партийной и государственной деятельности М.Фаркаша все больше выходили на передний план методы руководства, не совместимые со званием руководителя-коммуниста: злоупотребление партийными полномочиями и властью, самодовольство, поддержание безудержного культа собственной личности. Поведение М.Фаркаша чуждо партии, коммунистам. Своей деятельностью он нанес большой ущерб Венгерской партии трудящихся, венгерскому народу» (Правда, 23 июля 1956 г.).

⁴⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 179.

⁴⁵ Запись беседы А.И. Микояна с М. Ракоши, А. Хегедюшем, Э. Гере и Б. Бегом 13 июля. Исторический архив. 1993. №4. С. 111.

⁴⁶ В советских дипломатических донесениях за вторую половину лета — начало осени 1956 г. неоднократно обращалось внимание на неудовлетворенность многих венгров решением по «делу Фаркаша». Так, председатель Госплана А.Береи 25 июля говорил представителю посольства СССР о том, что многие служащие госучреждений, выражая разочарование принятым решением, вместе с тем высказывают предположение, что в этом деле пока не поставлена точка (АВП РФ. ф. 077. Папка 187. Д. 9. Л. 206). Согласно другому донесению, рабочие будапештских заводов между собой говорили о том, что Фаркаш виновен не больше Ракоши, не говоря уже о Сталине. Иногда звучала даже такая казавшаяся крамольной мысль, что «раз уж на то пошло, то надо по-смертно исключить из партии и Сталина» (Там же. Папка 188. Д. 10).

⁴⁷ Вокруг Кружка Петефи, по словам Гере, стал складываться другой политический центр, организованно противостоящий ЦР ВПГ. В решениях июльского пленума было зафиксировано, что на некоторых дискуссиях Кружка Петефи «открытый форум был предоставлен и врагам партии» (Изложение выступления Гере и решений пленума см.: Правда. 20 июля 1956 г.).

⁴⁸ Szabad Nép. 23.VII.1956.

⁴⁹ «Всеобщее удовлетворение вызвало избрание в состав Политбюро т. Кадара, которого хорошо знают, уважают и ценят рабочие», — говорил, например советскому дипломату секретарь парткома дьерского вагонного завода (АВП РФ. ф.077. Оп. 37. Папка 188. Д. 10. Л. 156). «Большим авторитетом пользуется т. Кадар, которого знают как простого, скромного и честного человека, долгое время жившего в тяжелых условиях», — привел свое мнение в беседе с сотрудником посольства СССР заведующий отделом венгерского телеграфного агентства (Там же. Л. 7).

⁵⁰ В записях бесед советских дипломатов с венграми иной раз даже встречаются рассуждения о том, что посодействовав отставке Ракоши, Микоян тем самым «завоевал в Венгрии большой авторитет и симпатии для КПСС» (Там же. Л. 6).

⁵¹ Телеграмма А.И.Микояна из Будапешта в ЦК КПСС от 18 июля 1956 года.

⁵² Советский союз и венгерский кризис 1956 года. С. 177.

⁵² См. докладную записку председателя КГБ СССР И.А. Серова в ЦК КПСС от 26 июля. Там же. С. 208 — 210.

⁵³ Там же. С. 203-206.

205 ГЛАВА ВТОРАЯ

1

- ¹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.237.
- ² АВП РФ. Ф.077. Оп.37. П.188. Д. 10. Л.11.
- ³ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.394. Л.242-244. ⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.223. ⁵ АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.9. Л.218. ⁶ В.Алексеев. Венгрия. Венгрия 56: прорыв цепи. С.139. ⁷ Запись беседы Ю.Андропова с Э.Гере от 2 сентября. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.256.
- ⁸ См. среди прочего беседы Ю.Андропова с Э.Гере от 15 августа и с А.Хегедюшем от 16 августа: Там же. С.231 – 237. ⁹ См. там же. С.215 – 216.
- ¹⁰ В.Алексеев. Венгрия. Венгрия 56: прорыв цепи. С.138 – 139. ¹¹ Отзывы посольства СССР о беседах с английскими дипломатами: АВПР. Ф.077. Оп.37. Папка 191. Д.38. Л.50.
- ¹² АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 188. Д.10. Л.163. Беседа советского дипломата с художником Ш.Эком 17 сентября. Из самой новой литературы о политике Гере после июльского пленума ЦР ВПТ см.: *Baráth M. Gerő és a «tiszta lap» politikája // Múltunk, 2001. №1.* ¹³ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.394. Л.245-248.
- ¹⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.260. Со словами Кадара перекликалось мнение И.Ковача, беседа Ю.Андропова с которым датирована 8 августа. Уход Ракоши, говорил Ковач, «дал партии ряд преимуществ. До последнего времени среди партийного актива имелось довольно много людей, которые не верили в силу коллективного руководства, считая, что т.Ракоши «держит в руках» весь ЦК. После отставки т.Ракоши настроение круто изменилось», «в Политбюро начинает создаваться хорошая деловая обстановка, в которой каждый член Политбюро может откровенно высказать свое мнение, не опасаясь того, что из-за неудачного предложения его могут обвинить в приверженности к какому-либо уклону» (Там же. С. 217 – 218). О более «непосредственных и дружеских» отношениях, установившихся в Политбюро и Секретариате ЦР после июльского пленума, говорил советскому дипломату и Д.Эгри 10 августа (Там же. С.223).
- ¹⁵ Там же. С.257 – 261. Существование разногласий в Политбюро по принципиальным вопросам отмечали, беседуя в сентябре 1956 г. с Ю.Андроповым, и другие его члены – Э.Гере, И.Ковач. См. там же. С.254-256, 268-274.
- ¹⁶ Об этом говорилось в августе-октябре 1956 г. в ходе многих бесед советских дипломатов с венгерскими хозяйственными руководителями:
АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 188. Д.10.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф.077. Оп.37. П.188. Д.10. Л.156. Вопрос о необходимости более активного привлечения бывших социал-демократов к партийной работе, как уже отмечалось, затрагивался в беседах высокопоставленных функционеров ВПТ с советскими дипломатами с июня 1956 г.
- ¹⁸ См. докладную записку председателя КГБ СССР И.А.Серова в ЦК КПСС от 26 июля 1956 г.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.209.

- 19 Предпринятая осенью 1954 г. И.Надем попытка через активизацию ОНФ внести в общественную жизнь некоторый элемент плюрализма была встречена в штыки окружением М.Ракоши, после отстранения И.Надя отказавшимся от каких-либо далеко идущих планов в отношении ОНФ. Весной 1956 г., когда в условиях общественного подъема и усиления оппозиционных проявлений встал вопрос о конкретных путях укрепления влияния на массы, вопрос о повышении веса ОНФ вновь стал предметом дискуссий на Политбюро (См. запись бесед Ю.Андропова с М.Ракоши и И.Ковачем от 18 июня. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.87–89), продолжившихся и после июльского пленума. За ОНФ решено было закрепить ряд конституционных полномочий, связанных с проведением выборов в местные советы и Госсобрание, выдвижением кандидатов в депутаты, организацией их отчетов. На эффективности этих планов отрицательно сказывалась низкая популярность ОНФ среди трудящихся, привыкших видеть в нем лишь один из приводных ремней партийной политики. В сентябре 1956 г. к работе ряда комиссий в рамках ОНФ подключились сторонники И.Надя Г.Лошонци, Ф.Донат и др., выступившие за расширение реальных полномочий ОНФ. Подробнее см.: Булах СЮ. Отечественный Народный фронт ВНР в период политического кризиса 1953 – 1956гг. // Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993.
- 20 См. докладную записку И.А.Серова в ЦК КПСС от 26 июля 1956 г.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.208–210.
- 21 См. запись беседы советского дипломата с сотрудником газеты «Szabad Nép» от 3 августа: АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 188. Д.10.
- 22 Запись беседы от 16 августа: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.234.
- 23 Там же. С.250.
- 24 См. запись беседы с министром госконтроля А.Хази, который говорил 7 сентября советскому дипломату, что кооперирование крестьян за последнее время почти приостановилось (АВП РФ. Ф. 077. П. 188. Д. 10. Л. 132). В записи другой беседы читаем, что кооперирование еще никогда не шло с таким трудом, как в этом году (Там же. Л. 148). В 1956 г. во владении кооперативов находилось около 20% пахотной земли.
- 25 К католической церкви принадлежало около 70% населения Венгрии, 20% составляли кальвинисты, имелись также лютеране, иудеи, среди представителей сербского и румынского национальных меньшинств православные.
- 26 См. записи бесед за август-сентябрь: АВП РФ. ф.077. Оп.37. Папка 188. Д.10. Подробнее о месте католической церкви в венгерском обществе первого послевоенного десятилетия см.: А.С.Стыкалин. Социально-политические изменения в Венгрии и позиция католической церкви (1945–1956) // Религия и политика в Европе XVI–XX вв. Смоленск, 1998. С.128-136.
- 27 Для советской аудитории основные положения постановления об интеллигенции были изложены в статье секретаря ЦР ВПТ Б.Салаи «Роль интеллигенции в строительстве социализма в Венгрии» (Правда, 8 сентября 1956 г.).

- ²⁸ См. запись беседы советского дипломата с заместителем министра просвещения Г.Кашшаи от 5 сентября: РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.394. Л. 245—248. Об этом же писал в отчете о посещении 6 сентября оптического завода «МОМ» 3-й секретарь посольства СССР в Венгрии В.А.Крючков (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 188. Д. 10. Л. 118). См. также запись беседы Ю.В.Андропова с И.Ковачем 20 сентября (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.268—274).
- ²⁹ Продолжение так и не завершенной в июне дискуссии о печати было назначено на 5 августа, однако в последний момент руководство Союза трудящейся молодежи отменило заседание Кружка, что произвело тем более неблагоприятное впечатление, что уже были разосланы приглашения. Первый секретарь ЦК СТМ И.Сакай говорил 1 августа советскому дипломату, что руководство СТМ проявило в июне политическую беспечность, передоверив проведение дискуссий Г.Танцошу, который «является сторонником широкой демократии и легко поддается под чужое влияние» (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.9. Л.233). Дабы не повторить «прежних ошибок», решено было хорошо подготовиться к осенним дискуссиям, ни одна из которых по накалу страстей и остроте постановки вопросов не достигала уровня, заданного в июне.
- ³⁰ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.394; АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 188.
- ³¹ См. записи бесед Ю.Андропова с Я.Кадаром 3 сентября и с И.Ковачем от 20 сентября: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.257—261, 268-274.
- ³² АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 188. Д.10. Л.58
- ³³ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.268—274.
- ³⁴ Исторический архив. 1993. №4. С.117.
- ³⁵ Член Политбюро ЦР ВПТ Б.Салаи говорил 5 сентября Ю.Андропову, что партийное руководство зачастую не может принять каких-либо жестких оргвыводов в отношении своих оппонентов из литературной и журналистской среды, так как влияние партии в писательских кругах незначительно и подобного рода меры не нашли бы поддержки. Для того, чтобы ударить по «антипартийным элементам», говорил он, надо сначала обеспечить нужное влияние партии в писательских организациях, пока же положение таково, что даже те литераторы, которые не согласны с авторами «антипартийных» статей, часто не хотят выступать против них на страницах печати: РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.394. Л.242-244.
- ³⁶ См. его обширную докладную записку в ЦК КПСС от 29 августа (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.240—254), в основе которой лежала подписанная Андроповым же более краткая справка «О внутривнутриполитическом положении в ВНР после июльского пленума ЦК ВПТ», направленная в МИД СССР 22 августа (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 190. Д.720. Л.54-64).
- ³⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.242—243.
- ³⁸ АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 188. Д.10. Л.146.
- ³⁹ В этой связи характерна запись беседы Ю.Андропова с ответственным редактором газеты «Мадьяр немзет» И.Комором от 8 сентября (РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.394. Л.249-253; Опубл.: *Hányzó lapok 1956 történetéből*. Вр., 1993. 288—293 о.), в которой последний информировал советского посла о широком наступлении на социализм в Венгрии «ревизионистских», «оппортунистических» и

«антимарксистских» сил, об уступках партийного руководства, не использующего, по его мнению, благоприятную обстановку для усиления своего влияния, активизации борьбы с остатками фракционности, не ведущего борьбы против «вредного» влияния части интеллигенции. Информация Андропова об этой беседе во многом легла в основу записки первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А.Громыко в ЦК КПСС от 17 сентября о напряженном положении в Венгрии (См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.261–264). См. также запись беседы советского дипломата с секретарем обкома области Веспрем Ф.Шебештенем от 29 сентября (Там же. С.279 – 283). «Некоторые члены Политбюро много говорят о демократизме, о недопустимости нарушения социалистической законности, о методах убеждения и не всегда видят, к каким результатам это приводит на местах. Создается очень интересное положение, – с иронией заметил т.Шебештен, – нас бьют палкой по голове, а мы из-за боязни нарушить социалистическую законность должны отвечать на это убеждением», – зафиксировал в своем дипломатическом дневнике секретарь посольства М.Петунин (Там же. С.281). 40 РГАНИ. Ф.5. Оп.36. Д.13. С.82. В этой записке, составленной с учетом самых свежих событий в идеологической жизни Венгрии (съезд писателей 17 сентября и т.д.) предшествовала и с ней во многом перекликалась другая, уже упомянутая записка от 17 сентября за подписью А.Громыко. В ней отмечалось, что «за последнее время важнейшие участки идеологического фронта постепенно

переходят в руки людей, никогда прочно не стоявших на позициях марксизма-ленинизма, и в то же время работники, преданные делу партии, отодвигаются с руководящих постов». Антипартийные элементы, говорилось далее, группируются вокруг И.Надя, они «связаны между собой не только идейно, но и, видимо, организационно, что видно из согласованности их действий». При этом они находят откровенную поддержку в агитпропотделе ЦК, а Политбюро «ничего не делает для того, чтобы бороться с их враждебным влиянием», оно, «отношению к этим активизировавшимся антипартийным элементам» (по сообщению т.Андропова, фактически встало на путь уговоров и уступок по отношению к ним) (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.262). В «Правде» в это время готовилась статья с положительной оценкой ситуации в Венгрии. Ее публикации, однако, воспрепятствовали ЦК КПСС и МИД СССР. Как говорилось в записке МИДа, такая статья может создать у советского читателя впечатление, что после XX съезда события развиваются в наиболее правильном направлении в Венгрии и Польше, что не соответствует действительности, поскольку именно в этих странах «антисоветски настроенные» писатели не только получили свободу слова, но и захватывают в газетах и журналах руководящее положение (АВП РФ. Ф.077. Оп.36. Папка 48. Д.14. Л.91).

⁴¹ Подробнее см.: *Середа В.Т.* Венгерская литература в событиях 1956 г. // Новые проблемы, новые решения. Актуальные аспекты изучения современных литератур Румынии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1992. С. 122–132; *Середа В.Т., Стыкалин А.С.* Из истории одного противостояния: Союз венгерских писателей в общественно-политической борьбе середины 1950-х гг. // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. С. 93-145.

⁴² Irodalmi Újság. 1956, szept.22.

⁴³ См.: *Е.Долматовский*. «Я из-за тебя ночь не спал...» // Родина. 1992. №3.

2

- ¹ О ходе нормализации венгеро-югославских отношений в более широком контексте см.: *Kiss J, Ripp Z, Vida I. A magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956-ban (Bevezető)* // Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Dokumentumok. Вр., 1995.
- ² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С.226.
- ³ *Irodalmi Újság*. 1956, szept.29.
- ⁴ *Крючков В.* Личное дело. Часть первая. М., 1996. С.51. Непосредственные организаторы митинга не только не ожидали такого размаха выступления, но даже — что самое потрясающее — планировали (вполне в духе времени) соответствующие меры по партийной линии, чтобы обеспечить массовую явку на мероприятие. Это как нельзя лучше свидетельствовало о том, насколько маловосприимчивыми вплоть до начала многотысячных уличных шествий оставались многие партаппаратчики к тому, чем жила значительная часть венгерского общества. См.: *Sipos P. Gyász-szertartás Budapesten 1956 okt.6* // *História*, 1989, №3. Интересно и другое: о событиях 6 октября не было ни малейшего упоминания в советской прессе тех дней. Исходя из ложной уверенности в том, что никакие оппозиционные выступления не способны поколебать устои социализма в Венгрии, официальная партийная пропаганда вплоть до третьего дня восстания, 25 октября (!), по сути дела замалчивала о происходящем в этой стране и давала очень скудную и крайне тенденциозную информацию о проявлениях кризиса существующего режима в Польше. См., например: Антисоциалистические выступления на страницах польской печати / / Правда, 20 октября 1956 г.
- ⁵ Хотя в последующие недели ситуация в стране радикально изменилась, на судьбе Фаркаша это едва ли отразилось. Суд над ним неплохо вписывался в концепцию «борьбы на два фронта» (с «ревизионизмом» и «сектантско-догматическими извращениями»), с которой выступало в 1957 г. правительство Я.Кадара, стремившееся к консолидации своей власти. В апреле 1957 г. М.Фаркаш был приговорен к 15 годам лишения свободы. В 1960 г. амнистирован, как и некоторые из тех, кто был осужден за участие в октябрьских событиях 1956 г. Вплоть до своей смерти в 1965 г. работал редактором в издательстве.
- ⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.123.
- ⁷ См. заявление И.Надя в ЦР ВПТ от 1 июля в связи с постановлением внеочередного пленума ЦР ВПТ от 30 июня 1956 года. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.129–132.
- ⁸ См. письмо И.Надя в ЦР ВПТ от 22 июля 1956 г.: там же. С.201–203.
- ⁹ Там же. С.147-149.
- ¹⁰ См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Разделы I, II.
- ¹¹ См. запись беседы 2-го секретаря посольства СССР в Венгрии М.Петунина с Ф.Фельдвеги и К.Беловцем 18 сентября: АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 188. Д.10. Л.166.
- ¹² РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.394. Л.242-244.
- ¹³ АВП РФ. ф.077. Оп.37. Папка 188. Д.10. Л.77.

- ¹⁴ Впрочем, и среди людей интеллектуального труда было немало последовательных противников И.Надя. Мнение о нем той части творческой интеллигенции, которая противилась попыткам реформировать социализм, выразил в беседе с советским дипломатом 17 сентября известный художник Ш.Эк, до 1945 г. представитель венгерской коммунистической эмиграции в СССР. Заметный рост популярности И.Надя он объяснял тем, что «враждебные элементы» создают вокруг него ореол мученика, пострадавшего за убеждения. И.Надь, продолжал Ш.Эк, стал центром притяжения всех «реакционных слоев венгерского населения», видящих в нем защитника своих интересов (Там же. Д.10).
- ¹⁵ Как справедливо было замечено в том же материале, теперь, после многочисленных поворотов в политике партии, люди недоверчивы. См. обзор оппозиционной венгерской печати, составленный корреспондентом «Правды» М.Одинцом и переданный 16 октября главным редактором газеты П.А.Сатюковым в ЦК КПСС на имя Н.С.Хрущева: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.310–314. В обзоре отмечалось, что в своих статьях «антипартийные элементы» стараются представить И.Надя мучеником, оправдать и возвеличить его, противопоставить его линию генеральной линии партии.
- ¹⁶ См. записи бесед Ю.Андропова с Э.Герге от 15 августа и с А.Хегедюшем от 16 августа: Там же. С.231–237.
- ¹⁷ Крючков В. Личное дело. Часть первая. С.55.
- ¹⁸ Эта версия отчасти подтверждается мемуарами М.Ракоши, который к тому же отметил, что не только Микоян, но большинство членов руководства КПСС (из тех, с кем он разговаривал на эту тему) выступало за возвращение Имре Надя в партию. Сам Ракоши пытался их убедить в противоположном. См.: «Людьми свойственно ошибаться». Из воспоминаний М.Ракоши // Исторический архив. 1999. №1. С.41.
- ¹⁹ Дано в изложении Ю.Андропова, сделавшего запись выступлений на заседании Политбюро ЦК ВПГ 13 июля: Там же. 1993. №4. С. 117.
- ²⁰ По поводу Имре Надя Э.Герге и А.Хегедюш в беседе с Ю.Андроповым от 9 августа подчеркнули: «единственным условием для возвращения его в партию является открытая и безоговорочная самокритика с его стороны допущенных им ошибок». Они заметили, что при обсуждении этого вопроса Политбюро проявило полное единодушие. «Тов. Герге особо отметил хорошее выступление т. Кадара, который очень принципиально и по-партийному осудил поведение Имре Надя» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.220–222).
- ²¹ 6 августа в письме, адресованном в ЦК ВПГ (см., как и другие его письма за июль-сентябрь 1956 г.: Új Fórum. 1989. №4), И.Надь торопил с пересмотром своего партийного дела, просил дать ему возможность высказаться в связи с обвинениями в «правом уклоне», а также более конкретно обозначить, в чем суть уклона. Это письмо стало предметом беседы Ю.Андропова с Э.Герге и А.Хегедюшем 9 августа: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.220–222. На состоявшейся вскоре после этого встрече с представителями ЦК ВПГ Д.Эгри и Ш.Ногради, которым было поручено донести до

него точку зрения партийного руководства, И.Надь, по словам Э.Гере, держал себя «недопустимо вызывающе», требовал предоставления трибуны пленума ЦП для развернутого изложения своих взглядов. Первого секретаря беспокоило прежде всего то, что «в стране все еще имеются определенные силы, в которых Надь находит себе опору» — вокруг него группируются некоторые представители интеллигенции, связанные также с югославской миссией, и таким образом, бывший премьер-министр стал «притягательным центром для реакционных сил». При этом Надь хорошо информирован, — продолжал Гере, беседуя с Андроповым 15 августа, — он имеет стенограммы выступлений членов Политбюро на партийных активах, и это помогает ему оказывать давление на партию (Там же. С.231 — 233). О том, что И.Надь «плохо ведет себя», не желает выступать с самокритикой (а о каждой его встрече с представителями ЦП становится известно не только за пределами партии, но и за пределами страны), Гере говорил и 28 августа советнику посольства СССР В.Астафьеву (Там же. С.237 — 239). 1 сентября Э.Гере и Я.Кадар непосредственно провели беседу с И.Надем, пытаясь повлиять на него. При том, что эта встреча прошла, по признанию Гере, в спокойной обстановке, бывший премьер-министр снова отказался выступить с самокритикой, отверг как надуманные обвинения в том, что он был противником индустриализации и кооперирования, потребовал более убедительных разъяснений, в чем суть его ошибок. Его упорство было расценено первым секретарем как нежелание понять «проявленного к нему внимания» (Запись беседы Ю.Андропова с Э.Гере от 2 сентября. Там же. С.254 — 257). Кадар, встречавшийся с Андроповым 3 сентября, объяснял поведение И.Надя тем, что он «выше всего ставит вопрос о своем личном престиже». Тем не менее Кадар, в отличие от многих своих коллег по партийному руководству, продолжал и дальше считать необходимой работу с И.Надем в целях оказания влияния на него (Там же. С.257 — 261).

²² См., в частности: Записка Ю.В.Андропова в Президиум ЦК КПСС о внутриполитической обстановке в Венгрии от 29 августа 1956 г.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. С.240 — 254; Телеграмма Ю.В. Андропова в МИД СССР от 18 сентября 1956 г. Там же. С.264-268. ²³ Встречаясь в начале августа с Ю.Андроповым, член Политбюро ЦП ВПТ И.Ковач говорил: «В настоящее время почти все товарищи считают, что было бы правильным восстановить Надя в рядах ВПТ, но вместе с тем ставят непременным условием, чтобы он выступил публично с чистосердечным признанием совершенных им ошибок. Тов. Ковач сказал, что всякий другой путь неизбежно подогрел бы правые настроения в партии и усилил бы фракционные тенденции» (Запись беседы Ю.Андропова с И.Ковачем от 8 августа. Там же. С.219). По мнению Э.Гере, высказанному в беседе с Ю.Андроповым 2 сентября, «восстановление Надя в партии при его нынешнем поведении представляло бы тяжелый удар по единству ВПТ и всемерное усиление правых настроений в партии» (Там же. С.255). Как полагал, и не без оснований, Ковач, Надь ждал, «когда ЦК первый сделает какие-либо шаги к тому, чтобы вернуть его в ряды партии. Тов. Ковач сказал, что Политбюро пойти на это не может» (Запись беседы от 8 августа. Там же. С.219).

²⁴ Заместитель министра просвещения Г.Капшай в беседе с советским дипломатом 5 сентября не мог не признать, что в значительной своей массе венгерская

интеллигенция выступала за восстановление И.Надя в партии и придавала этому акту большое значение. Упорство Надя на «переговорах» с представителями ЦР ВПТ, о которых становилось известным в довольно широких кругах интеллигенции, лишь способствовало росту его авторитета, отмечал он. По признанию Кашшаи, критика И.Надя на партийных собраниях в разных учреждениях, как правило, сдержанно воспринималась многими присутствующими (РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.394. Л. 245–248). На заседаниях Политбюро неоднократно возникали разногласия, когда речь заходила о путях решения «проблемы Имре Надя». По словам А.Хегедюша, встречавшегося с Ю.Андроповым 16 августа, Э.Гере и другие неоднократно высказывались в том духе, что делом Имре Надя «не следует больше заниматься». Сам Хегедюш, заметив, что «понимает все трудности решения этого вопроса», вместе с тем подчеркнул, что «принимая во внимание важность указанного дела, он считает, что над ним стоит потрудиться» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.235). О необходимости проявить «должное терпение и понимание» говорил Андропову и Я.Кадар 3 сентября (Там же. С.259). О том, почему члены партийного руководства не хотели снять с обсуждения вопрос об Имре Наде, рассчитывая на определенные уступки со стороны последнего, ясно из слов литературного критика И.Кирая, в беседе с советником посольства СССР А.Ковалевым 3 августа выразившего мнение ортодоксально настроенной части литераторов: «Улучшение внутривластной обстановки в стране, по мнению т. Кирая, во многом будет зависеть от позиции Имре Надя, вокруг которого до сих пор группируется оппозиция. Если Надя Имре выступит с признанием своих ошибок, сказал т.Кирай, то он этим своим выступлением нанесет серьезный удар по тем элементам, которые рассматривают решения пленума как уступку оппозиции. К сожалению, сказал т.Кирай, Надя Имре до сих пор ведет себя так, как будто не он совершил ошибки, а партия, и он медлит с признанием своих ошибок... Надо заставить Надя признаться в своих ошибках и тем самым выбить почву из-под ног у реакции, которая во многом связывает свои надежды с возвращением Надя в руководство партии» (Там же. С.216).

²⁵ Там же. С.284. Полный текст письма, сверенный с его публикацией в газете «Szabad Nép» 14 октября, см. там же. С.283–286. ²⁶ Э.Гере, Я.Кадар, член Политбюро ЦР ВПТ И.Хидаш и член ЦР ВПТ З.Санто были приняты 6 октября в Москве А.Микояном и М.Сусловым. Как писала на следующий день «Правда», в ходе беседы были обсуждены вопросы поставок сырья и электроэнергии из СССР. Еще большее внимание, однако, было уделено обсуждению внутривластной ситуации в Венгрии. ²⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.300–306.

²⁸ О сильных проюгославских настроениях в правящей партии речь шла и в ходе беседы Андропова с Гере 12 октября (см. там же). Одно из главных свидетельств того, насколько позитивно воспринималась общественным мнением Венгрии перспектива венгеро-югославского сближения — лозунги в пользу такого сближения, широко распространенные на демонстрации 23 октября, положившей начало революции.

²⁹ 21 июля 1956 г. венгерский посланник в Югославии Ш.Куримский вручил Тито письмо ЦР ВПТ в адрес ЦК СКЮ от 19 июля (См. подробную информацию посольства СССР в Венгрии от 10 августа о по-

сещении Куримским Тито: Там же. С.228—231). Констатировав успехи, достигнутые в нормализации межгосударственных связей между В Н Р и Ф Н Р Ю , и выразив сожаление по поводу роли В П Т в развернувшейся с весны 1948 г. антиюгославской кампании, ЦК ВПП высказался за восстановление товарищеских и братских отношений между двумя партиями. Ответ ЦК СКЮ, в котором Тито выразил со-

гласие на встречу представителей двух партий, предложив провести ее в ближайшем будущем, был направлен венгерской стороне только 11 сентября. Обмен письмами см: Top secret. Magyar-jugoszláv kapcs-solatok 1956. Budapest, 1995. 99-100, 116 о.

- ³⁰ Так, 23 августа «Борба» своей статьей «Реабилитация» отреагировала на широко распространившиеся как в Венгрии, так и в Югославии слухи о уже состоявшемся восстановлении Имре Надя в партии, приняв их за чистую монету. «Реабилитация этого стойкого и терпеливого бойца была неизбежной и неотложной», — писала газета. Восстановление справедливости в отношении Имре Надя, по мнению главного печатного органа СКЮ, означало шаг вперед в деле ликвидации «засилья лидеров типа Сталина и Ракоши, которое годами давило умы и сердца честных и свободолюбивых венгров». Однако это только первый шаг, ибо логика развития требует полной политической реабилитации не только Надя как личности, но и линии, за которую он боролся.
- ³¹ Писатель И.Кирай в беседе с советским дипломатом В.Крючковым 12 июля заметил, что «идут разговоры о создании в Венгрии подлинно национальной коммунистической партии по примеру Союза коммунистов Югославии, в котором очень многие видят блестящий пример партии, смело отстаивающей национальные интересы своего народа. Эти люди на одну линию с Тито ставят Имре Надя, которого, как и первого, считают подлинным выразителем чаяний народа» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.148—149).
- ³² См. соответствующий фрагмент записки Ю.Андропова в Президиум ЦК КПСС о внутривнутриполитической обстановке в Венгрии от 29 августа: Там же. С.245 — 247. См. также жалобы сотрудника МИД Венгрии на «плохое поведение» югославских дипломатов, их нездоровое любопытство и т.д.: АВП РФ. Ф. 077. Оп.37. Папка 187. Д.7. Л.54.
- ³³ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.304. По мнению посла, «венгерские товарищи... не использовали... той благоприятной ситуации, которая сложилась после пленума, для укрепления своих позиций» (Там же).
- ³⁴ Там же. С. 306—310.
- ³⁵ Там же. С.305. В телеграмме от 14 октября по итогам беседы с З.Вашем Андропов обращал внимание МИД СССР на то, что «после похорон Райка Надь развивает очень активную политическую деятельность» (Там же. С.309).
- ³⁶ Как справедливо отмечал исследовавший эту проблему В.Алексеев, оппозиционный фронт кануна октябрьских событий представлял собой хаотическое движение разнородных элементов, «солидарных в своей вражде к существовавшему до сих пор порядку вещей, но не

объединенных ни совместно принятой программой действий, ни общей дисциплиной, ни единым руководством» (В.Алексеев. Венгрия 56: прорыв цепи. С. 147). По мере расширения фронта, вовлечения в него новых групп этот разнобой нарастал.

³⁷ В рамках ОНФ существовал комитет по общественно-политическим и юридическим вопросам — в октябре на его заседаниях при обсуждении планов реформ ставился даже вопрос о возможном изменении конституции. Осознавая критический характер ситуации в стране, некоторые из участников обсуждения торопили с принятием срочных мер. На заседании 20 октября речь шла о принципиальном повышении роли Госсобрания, подотчетности ему правительства. Предлагалось реформировать избирательный механизм через выдвижение нескольких кандидатур в органы власти разных уровней. Что касается проблемы многопартийности, то она вызвала определенную дискуссию. Большинство выступивших коммунистов-реформаторов, хотя и высказались за преодоление монополизма власти, вместе с тем считали несвоевременным введение многопартийности. Путь к преодолению нежелательной монополизации власти узкой группой людей виделся в активизации Отечественного народного фронта, придании ему функций контроля над партией. Предполагалась, таким образом, ограниченная плюрализация выражения многообразных общественных интересов в рамках однопартийной системы. Подробнее см.: С.Ю.Булах. Отечественный Народный фронт ВНР в период политического кризиса 1953 — 1956 гг. // Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993. С.109—131. Для понимания позиции тогдашних венгерских коммунистов-реформаторов весьма показательно, что даже И.Надь вплоть до самих октябрьских событий относился к идее многопартийности довольно сдержанно. Так, в начале октября в интервью одному из западных журналистов он говорил, что отнюдь не дело правящей партии — заботиться о создании собственной оппозиции. О публичных выступлениях И.Надя в недели, предшествовавшие октябрьскому восстанию, см.: *Rainer U. János. Nagy Imre. Politikai életrajz. II. 1953 — 1958. Bp., 1999.*

³⁸ См.: Обзор оппозиционной венгерской печати от 15 октября 1956 г. (подготовлен корреспондентом «Правды» М.Одинцом). Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.310—314; Телеграмма Ю.Андропова в МИД СССР от 23 октября. Там же. С. 341.

³⁹ Там же. С.339—343. По свидетельству советских дипломатов, разговоры о том, что на «окрик» советской стороны поляки дали «достойный ответ», довольно широко распространились в те дни среди партийного актива (АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 191. Д.38. Л.8).

⁴⁰ Министр внутренней торговли (в прошлом деятель левого крыла партии мелких хозяев) Й.Богнар в беседе с советским дипломатом не мог не признать, что в 1938 г. в Венгрии на душу населения потреблялось больше молока, мяса, жиров, чем в 1956 г. (Там же. Папка 187. Д.7. Л.216). Урожай осени 1956 г. был значительно хуже, чем в предыдущем, 1955 г. В промышленности, как и в сельском хозяй-

стве, наблюдались кризисные явления: сохранялись перебои в поставках сырья, многие предприятия простаивали.

- ⁴¹ Восстановление Гомулки в высших органах ПОРП не могло стать неожиданностью для советских лидеров. Э.Охаб, который в марте-октябре 1956 г. был первым секретарем ЦК ПОРП, в сентябре, встречаясь с Хрущевым, говорил о намерении ввести Гомулку в Политбюро, сделать зампредом Совета министров (Ю.В.Бернов. Записки дипломата. М., 1995. С.45). В первой половине октября, еще не будучи членом ЦК, он уже регулярно участвовал в заседаниях Политбюро. Понимая, что сильное давление снизу делает приобщение Гомулки к власти неизбежным, лидеры КПСС вместе с тем упорно пытались воспрепятствовать слишком резкому изменению, соотношения сил в руководстве ПОРП в пользу сторонников «национального коммунизма».
- ⁴² Цит. по обзору западных откликов на польские события: РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.229. Л.95.
- ⁴³ Hegedűs A. A történelem és a hatalom igazságában. Bp., 1988. 282 o.
- ⁴⁴ Телеграмма Ю.Андропова в МИД СССР от 23 октября. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.339–340. «Тов. Ач неоднократно высказывал мне свои опасения относительно внутривластной обстановки в стране, оценивая ее, как «очень напряженную и опасную». Он откровенно признал, что Политбюро в данное время по существу не имеет возможности сколько-нибудь серьезно влиять на положение дел в партии и стране, в то время как Надь Имре и оппозиция приобретают все больший авторитет в массах», — доносил Андропов в Москву (Там же. С.339).
- ⁴⁵ Первые меры по приведению венгерской армии в готовность на случай ее возможного подключения к подавлению внутренних беспорядков были приняты еще в начале июля под влиянием познаньских событий в Польше и дискуссий Кружка Петефи в самой Венгрии.
- ⁴⁶ Там же. С. 342. Даже ортодоксальная, просоветски настроенная часть генералитета сделала из польских событий выводы нежелательные для Москвы. Так, начальник политуправления армии Е.Хазаи в беседе с одним из московских советников заметил, что «лагерь мира и демократии, как видно, не является прочным» (Там же).
- 3
- ¹ Существовало несколько вариантов программы студенческой манифестации 23 октября, отдельные пункты в списке требований не совпадали, в некоторые варианты программы включались дополнительные требования. См. наиболее распространенный вариант: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.316–318.
- ² Герб Кошута, впервые выдвинутый в качестве герба независимой Венгрии революционным правительством Л.Кошута в 1849 г., после Второй мировой войны был государственным гербом провозглашенной в 1946 г. Венгерской Республики. С образованием в августе 1949 г. Венгерской Народной Республики он был заменен новым гербом, мало отвечавшим национальным традициям.
- ³ См.: História. Bp., 1989. №4-5.
- ⁴ Irodalmi Újság. 1956. október 23. Különszám (На русском языке см.: Венгерский меридиан. Бп., 1991. №3. С.49–51).
- ⁵ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.364.

- ⁶ Bill Lomax. Hungary 1956. London, 1976. 195 p.
- ⁷ Телеграмма Ю.Андропова в МИД СССР от 23 октября 1956 г. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 341.
- ⁸ Статья вызвала закономерное недовольство в партийных верхах, квалифицировавших ее как очередное проявление «правого уклona» и принявших вечером 23 октября решение о смене главного редактора. Через считанные часы, однако, события в городе зашли настолько далеко, что вопрос о газете утратил свою значимость.
- ⁹ В.Алексеев. Венгрия 56: прорыв цепи. С. 148.
- ¹⁰ В статье говорилось, что выход студентов на улицу ставит своей целью не только выражение солидарности с поляками. Венгерская молодежь и весь народ стремятся к очищению собственной партии от сталинского наследия, к полному развертыванию социалистической демократии, отмечала газета.
- ¹¹ Ласло Аюрко. 1956. Предварительное исследование и прагматическое изложение событий. Главы из книги // Иностранная литература. М., 1988. №7. С.189.
- ¹² Статья Л.Немета «Нация и писатель», опубликованная 3 ноября в газете «Igazság». См. на русском языке в переводе Ю.Гусева: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.535–536.
- ¹³ Hegedűs A. A történelem és a hatalom igazságában. 286 о. В своих мемуарах Хегедюш решительно опровергает бытовавшую в официальной советской и венгерской историографии 1960-х – середины 1980-х годов версию о том, что вооруженное восстание было заранее подготовлено.
- ¹⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.349–352.
- ¹⁵ В.Мусатов. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956-1981). М., 1996. С.33.
- ¹⁶ См. текст выступления Э.Гере в переводе на русский язык: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.352–356.
- ¹⁷ 1956 a sajtó tükrében. Вр., 1989. 57 о. «Небывало упрямая речь» Гере, спровоцировавшая «массы мирных демонстрантов», подвергалась нещадной критике в свободной прессе в последующие дни. См. довольно полное собрание выступлений прессы и радио Будапешта в дни революции: Magyar krónika. 1956 sajtója. Október 23. – November 4. Válogatás. Вр., 1989.
- ¹⁸ Váli F.A. Rift and revolt in Hungary. Nationalism versus communism. Cambridge, Mass., 1961. 255-257 p.
- ¹⁹ Из показаний М.Гимеша, данных в 1957 г. Цит. по: Б.Желицки. «Реабилитируют меня мои же убийцы» // 1956. Осень в Будапеште. М., 1996. С.41. Согласно вышеприведенному источнику, друзья предложили Надю возглавить манифестацию, однако он, опасаясь провокации, и слышать об этом не хотел. Версию о том, что Гере старался спровоцировать Надю на необдуманные поспешные действия, чтобы затем навсегда убрать с политической сцены, приводит и американский историк Д.Кэлхун: D.F. Calhoun. Hungary and Suez, 1956. An Exploration of Who Makes History. Lanham, Maryland. 1991. 229 p.
- ²⁰ А.Немет. Нация и писатель // Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.535.

- ²¹ Méray Tibor. Nagy Imre élete és halála. Bp., 1989. Со ссылкой на Мераи воспроизведено также: В.Алексеев. Венгрия 56: прорыв цепи. С.150—151. Более детальный анализ позиции И.Надя накануне революции и в первый ее день см.: Rainer M. János. Nagy Imre. Politikai életrajz. II. 1953-1958. Bp., 1999. 237-252 o.
- ²² *Арнад Генц*. Будапешт, 1956... // Новое время. М., 1991, №35. С.30. Согласно Мераи, Надь по дороге в парламент был несколько обеспокоен. Рассчитывая на предстоящее назначение на высокий пост, он не хотел терять доверия партии, надеялся, что роль демонстрации будет исчерпана тем, что внушит руководителям страны страх и заставит их поверить, что только он, Надь, вместе с единомышленниками сможет предотвратить катастрофу (См.: В.Алексеев. Венгрия 56: прорыв цепи. С. 151).
- ²³ *Крючков В.А.* Личное дело. Часть 1. С. 52.
- ²⁴ Председатель КГБ при Совмине СССР И.А.Серов, с 24 октября находившийся в Будапеште, доносил 27 октября в ЦК КПСС о том, что Копачи «ведет себя предательски и отдал распоряжение, чтобы районные отделы МВД не сопротивлялись вооруженному населению, которое якобы ведет справедливую борьбу» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.415). Копачи действительно выдавал оружие повстанцам, отпустил задержанных.
- ²⁵ Подробнее см.: *Györkéi Jenő – Horváth Miklós.* Adalékok a szovjet katonai megszállás történetéhez // Szovjet katonai intervenció 1956. Bp., 1996.
- ²⁶ Новое время. М., 1991, №35. С. 31 (число жертв первого дня восстания здесь явно завышено).
- ²⁷ Впечатляющее описание этой сцены дает В.Крючков: «И вдруг — то ли от еще сохранившегося страха перед этим человеком, то ли просто отрезвев от отвратительной сцены варварства — люди как-то разом притихли и стали поспешно уходить, вернее, даже убежать прочь от зловещих обломков, через минуту бегство приобрело массовый характер, толпа была буквально охвачена паникой». Запели национальный гимн, все замерли, пришли в чувство, успокоились, но продолжали расходиться, инициаторы хотели отвезти статую в советское посольство, но в конце концов ее сбросили в Дунай. См.: *Крючков В.А.* Личное дело. Ч.1. С.52.

4

- ¹ Вопросы истории. М.,1994. №5.
- ² *Hegedűs A.* A történelem és a hatalom igézetében. Bp., 1988.
- ³ На русском языке см.: «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М.Ракоши // Исторический архив. 1999. №1.
- ⁴ Венгерская публикация: *Döntés a Kremlben, 1956. A szovjet pártelnökség vitái Magyarországról.* Szerk.: V.Szereda és Rainer M.Janos. Bp., 1996. Первая российская публикация: Как решались «вопросы Венгрии». Рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС. Июль — ноябрь 1956 г. Публикация В.Т.Середы при участии С.А.Мельчина и Е.Д.Ореховой // Исторический архив. 1996. №2,3. Опубликовано также: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. М., 1998.
- ⁵ См. русскоязычную публикацию там же. С.359—366. Первая публикация на венгерском языке: *Az 1956. október 24-i moszkvai értekezéslet* // 1956-os Intézet Évkönyv. I. Bp.,1992.

- ⁶ Е.И.Малашенко. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №10–12; 1994. №1.
- ⁷ Там же. 1993. №10. С.25.
- ⁸ Отданный 19 октября министром обороны И.Бата приказ о приведении будапештского гарнизона в состояние повышенной боеготовности был, как уже отмечалось, вскоре отменен. Вечером 23 октября в городе фактически не оказалось воинских частей, готовых к выступлению. Отданный после 8 вечера 23 октября приказ о передислокации в Будапешт ряда военных частей из провинции также не изменил коренным образом положения дел. О состоянии Венгерской народной армии, переживавшей осенью 1956 г. процесс реорганизации, о настроениях военнослужащих см.: Györkei Jenő – Horváth Miklós. Adalékok a szovjet katonai megszállás történetéhez // Szovjet katonai intervenció 1956.
- ⁹ Точно известно, что на пленуме ЦП ВПГ, спешно созванном поздно вечером 23 октября в неполном составе и заседавшем весьма сумбурно, голосования по вопросу об обращении за военной помощью к СССР не проводилось, но когда вопрос этот был затронут, возражений против ввода советских войск никто не высказал. По воспоминаниям Хегедюша, Гере, предварительно переговорив с послом Андроповым, доложил своим коллегам о возможном участии в наведении порядка дислоцированных в Венгрии частей Советской Армии (См.: Hegedűs A. A történelem és a hatalom ígézetében. 290–292 о.).
- ¹⁰ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.208–210.
- ¹¹ Свидетельство Н.Т.Дзюбы, работавшего в аппарате ЦК КПСС референтом по Венгрии.
- ¹² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.339 – 343.
- ¹³ См. публикацию документов, связанных с решением «польского вопроса»: СССР и Польша. Октябрь 1956-го. Постановления и рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС. Публ. Е.Д.Ореховой и В.Т.Середы. Предисл. А.М.Орехова // Исторический архив, 1996, №5–6. С.178–191. Как явствует из записей заседаний, настроение по мере развития ситуации в Польше менялось. 20 октября, по приезде делегации КПСС из Варшавы, на Президиуме ЦК доминировала жесткая позиция: «выход один – покончить с тем, что есть в Польше. Если Рокоссовский будет оставлен, тогда по времени потерпеть» (Там же. С. 182). На следующий день (вероятно после того, как из Варшавы было получено сообщение о выступлении Гомулки на пленуме в защиту незыблемости статуса Польши в существующей системе международных отношений) возобладала примирительная тенденция. Слова Хрущева в записи В.Малина зафиксированы следующим образом: «Учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость (Все согласны)» (Там же. С.183). Необходимость «настроиться на контакт» была подчеркнута и на заседании Президиума ЦК КПСС 23 октября (Там же. С.186).
- ¹⁴ См. запись заседания, выполненную членом чехословацкой делегации: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.359–366.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Согласно воспоминаниям Ракоши, жившего на государственной даче под Москвой, около половины десятого вечера за ним прислали машину, и через

час он уже был на заседании Президиума ЦК КПСС, где обсуждался вопрос о событиях в Венгрии. «Хрущев коротко сообщил мне, что в Будапеште большие толпы выступают против партии и правительства», а воинские части отказываются повиноваться. «Он сразу спросил, есть ли, по моей оценке, необходимость во вмешательстве советских войск. Я об этом думал уже во время его информации и без малейшего колебания тут же заявил, что необходимость в этом, безусловно, имеется и притом самая незамедлительная». «Я не сомневался, что речь идет о контрреволюционном выступлении, которое наши товарищи не смогут подавить без советской помощи». Что касается просьбы от венгерского правительства, то она, по мнению Ракоши, должна была поступить, хотя среди членов Президиума ЦК КПСС не было на этот счет такой уверенности. Хрущев вызвал по телефону Будапешт, связался с Гере, попросил его до прибытия в Будапешт представителей КПСС (в частности, А.Микояна) воздержаться от принятия каких-либо серьезных решений, говорил о том, что нужна просьба венгерского правительства о помощи. «Насколько можно было понять из телефонного разговора, когда слышен лишь один из собеседников, ответы Гере звучали положительно... Когда, однако, мы спросили товарища Хрущева о деталях разговора, он пожаловался, что слова т. Гере были не совсем понятны». Таким образом, мемуары Ракоши акцентируют нерешительность Гере в вопросе о приглашении советских войск. См.: «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М.Ракоши // Исторический архив. 1999. №1. С.48-50.

¹⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.356–357.

¹⁸ Об этом Хрущеву вскоре сообщил маршал Г.К.Жуков, получивший соответствующую информацию от военного атташе посольства СССР в Венгрии. См. записку А.Новотного о заседании Президиума ЦК КПСС с участием руководителей БКП, СЕПГ и КПЧ в связи с событиями в Польше и Венгрии 24 октября: Там же. С.362.

¹⁹ Е.И.Малашенко. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.26.

²⁰ Györkéi Jenő – Horváth Miklós. Adalékok a szovjet katonai megszállás történetéhez // Szovjet katonai intervenció 1956. 8 о.

²¹ Текст Варшавского договора см.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. №9; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVII и XVIII. М., 1960, с.29-33.

²² Генерал Лащенко докладывал в мае 1956 г. вышестоящему начальству о том, что под воздействием «враждебных элементов» ухудшились отношения советских солдат с венгерским населением. См. письмо Ю.Андропова в МИД СССР от 16 мая 1956 г., к которому была приложена записка Лащенко: АВП РФ. Оп.37. Папка 188. Д.18. Л.14–15. Согласно информации генерала, участились случаи нападения венгров на советских военнослужащих. По мнению посла, это свидетельствовало об активизации националистических и антисоциалистических элементов, чему способствовала бездеятельность местных органов. Андропов докладывал, что среди значительной части венгерского населения «нет ясного понимания» причин пребывания советских войск, и этим пользуется западная пропаганда, распространяя «кле-

ветнические высказывания» об оккупационном характере советских войск в Венгрии. Имевшие место случаи гибели венгерских граждан во время учений советских войск только работали на подобную пропаганду. Андропов считал, что в целях укрепления непосредственных связей с венгерским населением было бы целесообразно периодически привлекать советские войска для оказания помощи венграм на сельскохозяйственных работах (Там же). Генерал Малащенко также вспоминает о том, что в месяцы, предшествовавшие восстанию, антисоветские настроения проявлялись в Венгрии все более отчетливо и это сказывалось на отношениях военнослужащих Советской Армии с венгерским населением: в магазинах им отказывались продавать товары, имели место случаи бития окон в казармах (Е.И.Малащенко. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.24).²³ Там же.

²⁴ 30 июня в Особый корпус прибыла группа советских генералов во главе с первым заместителем начальника Генштаба — начальником штаба объединенных вооруженных сил государств-участников Организации Варшавского Договора генералом армии А.И.Антоновым, была проведена проверка боевой готовности Особого корпуса. 20 июля командир корпуса генерал-лейтенант П.Н.Лашенко утвердил «План действий Особого корпуса по восстановлению общественного порядка на территории Венгрии» (условное наименование «Волна»). Такого рода планы были разработаны для соединений Советской Армии на территории и других восточноевропейских стран. Подробнее см.: Н.Карпиченко, А.Кыров. От плана «Волна» к операции «Вихрь» // 1956. Осень в Будапеште. М., 1996. С.90—131; Е.И.Малащенко. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.24—25.

²⁵ Это считалось тем более важным, поскольку многие военно-инженерные сооружения на венгерско-австрийской и венгерско-югославской границах были сняты в 1956 г.

²⁶ Н.Карпиченко, А.Кыров. От плана «Волна» к операции «Вихрь». С.96.

²⁷ См.: А.М. Кыров. Советская карательная акция в Венгрии (Хроника событий 1956 г. по материалам военного архива) // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997. С.109; Е.И.Малащенко. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.25. По свидетельству Малащенко, накануне событий в Генштаб было направлено донесение, в котором излагались данные об обстановке и указывалось на возможность вооруженных выступлений.

²⁸ См.: Н.Карпиченко, А.Кыров. "От плана «Волна» к операции «Вихрь». Были призваны из отпусков офицеры частей, дислоцированных в Венгрии и Румынии. 20 октября Президиум ЦК КПСС рассмотрел вопрос об отзыве в воинские части солдат, занятых на сельскохозяйственных работах (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.315).

²⁹ Этот факт нашел отражение в докладе особой комиссии ООН по венгерскому вопросу, опубликованном в 1957 г. См.: Мост. Будапешт, 1992. №1-2. С.23.

³⁰ Е.И.Малащенко. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.26.

³¹ Там же. Есть сведения о том, что главный военный советник при Министерстве обороны ВНР генерал-лейтенант М.Ф.Тихонов еще около

- 17 ч. по среднеевропейскому времени звонил заместителю начальника Генштаба генералу армии А.И.Антонову и просил дать приказ о вводе частей Особого корпуса в Будапешт: *Györkéi Jenő – Horváth Miklós. Adalékok a szovjet katonai megszállás történetéhez // Szovjet katonai intervenció 1956. 18 o.*
- ³² *Е.И.Малашенко. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.26.*
- ³³ Согласно небесспорной версии Е.Деркеи и М.Хорвата, подсчитавших, сколько времени было необходимо для продвижения к Будапешту воинских частей, находившихся на определенном расстоянии от него, некоторые советские части были не только приведены в состояние повышенной боеготовности, но пущены в движение еще до принятия Президиумом ЦК КПСС принципиального политического решения. См.: *Györkéi Jenő – Horváth Miklós. Adalékok a szovjet katonai megszállás történetéhez. 13 – 14 o.*
- ³⁴ Такая очередность событий воспроизводится не только в мемуарах Ракоши, но и в сообщении Н.С.Хрущева на встрече с представителями ряда компартий 24 октября, при этом Хрущев в данном выступлении, как уже отмечалось, пытался сделать акцент на просьбе «венгерских товарищей»: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.362. В мемуарной литературе последних лет такую версию пытается привести *В.А.Крючков*. «Несмотря на бесчисленные призывы, Андропов отказался ставить перед Москвой вопрос о вводе наших войск в столицу, поэтому Гере стал решать этот вопрос напрямую с Хрущевым», — пишет он (*В.Крючков. Личное дело. Ч.1. С.53*). Другие вышеприведенные источники (и в том числе мемуары М.Ракоши и генерала Е.Малашенко) противоречат этой версии.
- ³⁵ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.356. Согласно записи, выполненной В.Малиным (Там же. С.356–357), сравнение ситуации в Венгрии и Польше было в тот вечер лейтмотивом обсуждения на заседании Президиума ЦК (Г.К.Жуков: «разница есть с Польшей. Надо ввести войска»; М.А. Суслов: «обстановка от Польши отличная. Надо ввести войска»).
- ³⁶ Там же. С.356.
- ³⁷ Посол ВНР в СССР Я.Болдоцкий, принятый 26 октября первым заместителем министра иностранных дел СССР А.Громько, сказал, «что к нему обращается много дипломатов западных стран с вопросом, когда и каким образом венгерское правительство обращалось за военной помощью к Советскому правительству. Поскольку ему ничего не известно по этому вопросу, и не желая попасть в ложное положение, он просит совета, как ему отвечать в таких случаях» .(Там же. С.410). В аналогичном положении оказывались и многие другие дипломатические представители СССР и ВНР. Первая резолюция, осуждающая действия СССР в Венгрии, была принята на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 4 ноября.
- ³⁸ См. докладную записку Министерства обороны СССР в ЦК КПСС о действиях советских войск от 24 октября (Там же. С.367–368). См. также составленную военным историком подполковником А.М.Кыровым сводную ведомость о соединениях советских войск, принявших участие в боевых действиях в Венгрии в

1956 г., которая содержит также информацию о времени вступления отдельных соединений в страну (Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997. С.127 – 128). Немало ценной информации по теме содержит также статья: *Н.Карпиченко, А.Кыров. От плана «Волна» к операции «Вихрь».*

³⁹ По мнению американских политологов З.Бжезинского и С.Хантингтона, «первая советская ответная реакция на венгерский вызов свелась почти полностью к повторению действий, предпринятых русскими в Восточном Берлине в 1953 г.» (*З.Бжезинский, С.Хантингтон. Вмешательство: Куба и Венгрия // 1956. Осень в Будапеште. С.231*). ⁴⁰ *Е.И.Малашенко. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.28.* Даже официозная историография

последних лет кадаровского режима не могла не признать: «Обращение за помощью к Красной Армии было, пожалуй, самым роковым из всего предпринятого венгерским руководством 23 октября. Антисоветские настроения вспыхнули с новой силой» (*Ласло Аюрко. 1956. Предварительное исследование и прагматическое изложение событий. Главы из книги // Иностранная литература. М., 1988. №7. С.205*). ⁴¹ *Е.И.Малашенко. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.29.*

⁴² «Как только мы прибыли в Генеральный штаб, на нас сразу же посыпались просьбы из Центрального руководства партии, от венгерского правительства, министерства обороны и наших военных представителей: усилить охрану важнейших объектов, взять под охрану здания райкомов партии, полицейских управлений, казарм, различных складов и даже квартиры отдельных лиц. Естественно, что для всего этого требовалось большое количество войск, которых у нас не было, а главное, это не решало основной задачи — разгрома вооруженных отрядов и восстановления общественного порядка», — вспоминает *Е.Малашенко (Там же. С.28)*.

⁴³ Этому предшествовали разноречивые приказы командования Венгерской Народной армии. Министр обороны *И.Бата* распорядился не вводить венгерских войск, чтобы не мешать советским частям действовать в городе по своему усмотрению, тогда как начальник штаба генерал *Л.Тот* приказал ввести 4 полка. Подробнее см.: *Györkéi Jenő – Horváth Miidós. Adalékok a szovjet katonai megszállás történetéhez.*

⁴⁴ *Е.И.Малашенко. Особый корпус в огне Будапешта. 1993. №10. С.27 – 28.* Вследствие опыта первых часов боевых действий уже 24 октября у советского командования существовали опасения относительно введения в Будапешт крупных венгерских частей — боялись, что они перейдут на сторону восставших. Поначалу полагавшие, что

основная задача падет на венгерские войска, а действия советских частей будут ограничены узкими рамками, советские офицеры и генералы быстро убедились в недееспособности ВНА, существовало также вполне обоснованное недоверие. Так что нелегкая и неблагоприятная миссия борьбы с повстанцами с самого начала легла в основном на плечи советских войск.

⁴⁵ Телеграмма посольства США из Будапешта в госдепартамент. См.: *Б.И.Желицки. Венгерская осень 1956 г. в донесениях западных дипломатов из Будапешта и Москвы // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. С. 79.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

- ¹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.357. ² См. первую телеграмму А.Микояна и М.Суслова из Будапешта, датированную 24 октября: Там же. С.371 — 375.
- ³ Там же. С.371. Интересны, однако, относящиеся к первым дням событий свидетельства американских дипломатов о том, что «советское командование старалось сократить кровопролитие до минимума», что поначалу в целях устрашения танки нередко стреляли в воздух над головами людей (См.: Б.И.Желицки. Венгерская осень 1956 г. в донесениях западных дипломатов из Будапешта и Москвы // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997. С.71). ⁴ См. записку А.Новотного о заседании Президиума ЦК КПСС с участием руководителей БКП, СЕПГ и КПЧ в связи с событиями в Польше и Венгрии 24 октября. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.362. Ср. с мемуарами М.Ракоши: «Людям свойственно ошибаться». Из ^{Из} воспоминаний М.Ракоши // Исторический архив. 1999. № 1. С.48-50.
- ⁵ Подробнее см.; Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993. С.81; Ripp Z. A pártvezetés végnapjai. 1956. október 23 — 31 // Ötvenhat októbere és a hatalom. Bp., 1997. 196 — 202 о. ⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.356 — 357.
- ⁷ См. записку А.Новотного о заседании 24 октября. Советский Союз и венгерский кризис ⁸ 1956 года. С.364.
- ⁸ *Magyar Krónika*. 1956. október 24. 1956. évi 14. szám. Ср. с другим официальным сообщением того времени: «Во вторник вечером по улицам Будапешта прошла в своей массе молодежь с благими намерениями, обеспокоенная судьбой народной демократии, социалистического строительства. Эту мирную демонстрацию безответственные элементы и провокаторы попытались однако превратить в контрреволюционное выступление» (1956. évi október 24. szám. Bp., 1989. 57 о.) ⁹ См. хронику венгерского радиовещания тех дней: A forradalom hangja. Magyarországi rádióadások 1956. október 23 — november 4. Bp., 1989. ¹⁰ Правомерность народного возмущения подобной оценкой участников происходящих событий признала даже поздняя кадаровская историография. См.: Аасло Дюрко. 1956. Главы из книги // Иностранная литература. М., 1988. №7. С.204.
- ¹¹ «Полиция бездействовала. Венгерские части задач на ведение активных действий не получали. Многие военнослужащие и некоторые подразделения перешли на сторону восставших», - так характеризуется обстановка, сложившаяся 24 октября, в мемуарах Е.И.Малашенко: Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.29.
- ¹² Официальная советская пропаганда давала совсем другую картину. Так, «Известия» 28 октября писали о том, что главную роль в ликвидации мятежа играет само население Венгрии и венгерские войска, которым лишь оказывают содействие советские воинские части.
- ¹³ Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.29.
- ¹⁴ Полный текст выступления см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.369-371.
- ¹⁵ Это нашло отражение в многочисленных листовках, дополнявших и развивавших лозунги организаторов демонстрации 23 октября. Среди прочего в них фигурировало требование о вовлечении в новое прави-

тельство представителей восставшей молодежи. См. наиболее полное собрание плакатов и листовок венгерской революции: 1956 plakátjai és görplarjai. Вр., 1989. См. также текст одной из листовок на русском языке: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.409.

¹⁶ Там же. С.377—379.

¹⁷ См.: A forradalom hangja. Magyarországi rádióadások 1956 október 23 — november 4.

¹⁸ См. их первое донесение в ЦК КПСС, датированное днем приезда, 24 октября, и поступившее в Москву утром следующего дня: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.371 — 375. По мнению эмиссаров, «предварительные доклады советского военного командования и командования венгерскими вооруженными силами оказались при ближайшем рассмотрении несколько преувеличенными в отрицательную сторону» (Там же. С.372).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 364. Судя по всему, первой телеграмме Микояна и Суслова в Москву, полученной только утром 25 октября, предшествовала их телефонная беседа с Хрущевым.

²¹ Ötvenhat októbere és a hatalom. 29—30 о.

²² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.372.

²³ Показательно свидетельство генерала *Е.И.Малашенко*: когда правительство приняло решение вооружить рабочих, руководители министерства обороны сообщили, что не имеют возможности обеспечить их оружием: *Е.И.Малашенко*. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.30.

²⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.378.

²⁵ Об этом эпизоде см.: *Györkéi J., Horváth M.* Adalékok a szovjet katonai megszállás történetéhez // Szovjet katonai intervenció 1956. 44—48 о.

²⁶ Ötvenhat októbere és a hatalom.

²⁷ Показателен ход размышлений А.Микояна, сумевшего осознать степень непопулярности действующей власти, принявшего до известной степени логику Имре Надя и под влиянием объективной реальности сделавшего выводы весьма непривычные для партийного функционера сталинской выучки: «Перед нами два возможных пути: отклонить все эти требования, не вносить изменений в состав правительства, опираясь на части Советской Армии, продолжать борьбу. Но в таком случае они потеряют всякий контакт и доверие у мирного населения — рабочих, студентов, и будут новые жертвы, которые еще больше усугубят пропасть между правительством и населением. Если мы пойдем по этому пути, мы пропадем.

Поэтому венгерские товарищи считают приемлемым второй путь: это вовлечь в состав правительства нескольких видных демократов, сторонников народной демократии как из бывших мелкобуржуазных партий, так и интеллигентов, студентов, рабочих, — 5—6 человек из 20—22 членов правительства». При этом старый партиец А.Микоян не мог отрешиться от опасений относительно характера дальнейшего развития, возможностей коммунистической власти остановить дальнейшее сползание вправо: «На наше предупреждение, что этот путь привлечения буржуазных демократов — путь скользкий, надо быть осторожными, иначе можно скатиться вниз и потерять уважение масс, Надь

ответил, что они это делают в силу крайней необходимости, чтобы не упустить из рук руль управления и как минимум необходимого» (См. телефонограмму А.Микояна в ЦК КПСС от 26 октября. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.388, 389).

²⁸ Телеграмма от 26 октября. Там же. С.406.

²⁹ Там же.

³⁰ Подробнее см.: А.С.Стыкалин. Публицистика венгерской революции 1956 года. Часть 2. 12 дней «будапештской осени» (23 октября — 3 ноября) // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1999. №1. С.75—92.

³¹ См. антологию выступлений венгерской прессы тех дней: Magyar krónika. 1956 sajtója. Október 23. — November 4. Válogatás. Bp., 1989.

³² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.384.

³³ См. письмо Ф.Доната и Г.Лошонци в ЦР ВПТ от 24 октября с просьбой об освобождении их от членства в руководящих органах партии в знак протеста против подавления вооруженной оппозиции. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.379—382.

³⁴ Об этом знал и Хрущев, заметивший 24 октября на заседании с участием представителей братских партий: «Среди бандитов ходят разговоры, что Надь предал восставших» (Там же. С.364).

³⁵ Там же. С.383.

³⁶ Там же. С.441.

³⁷ Там же. С.426.

³⁸ Статья была опубликована без указания фамилии собственного корреспондента. Вероятно, ее автором был работавший в это время собкором в Будапеште С.Крушинский. Как отмечалось в статье, «антинародная авантюра» в Венгрии «явилась результатом длительной подрывной работы, проводимой империалистическими державами, не отказавшимися от преступного намерения разрушить народно-демократические государства, восстановить в них капиталистические порядки». При помощи извне в стране было создано «контрреволюционное подполье, хорошо вооруженное и тщательно подготовленное к активным действиям против народного строя». Пutschисты якобы действовали по заранее продуманному плану, подыскивали удобный случай для выступления, активную роль в руководстве ими сыграли опытные в военном отношении люди — хортистские офицеры. В статье признавалось, что имеющиеся в стране трудности, нерешенные задачи, «серьезные ошибки», нарушения законности сделали часть населения восприимчивым к контрреволюционным призывам, что помогло врагам вовлечь в свою «авантюру» трудящихся. Это, однако, ни в коей мере не меняло принципиальной оценки событий как «контрреволюционного путча».

³⁹ «Верно то, — продолжала газета, — что в течение нескольких дней кипела братоубийственная борьба... Придется карать тех, кто, цепляясь за власть и трясясь за свою жизнь, вызвал эту борьбу, кто отдал приказ стрелять в беззащитных перед парламентом. Придется карать также прибившиеся к революционной волне преступные элементы, вышедшие из тюрем. Да, придется карать — однако, это вовсе не та «ликвидация», о которой говорится в «Правде». Никто не может ликвидировать борьбу венгерского народа, которая, хотя и дорогой ценой, но «принесла победу великих идей свободы и этим

самым и только этим самым она принесет в конце концов на эту окровавленную землю прекращение стрельбы, мир и начало новой, прекрасной и теперь уже бескровной, нашей борьбы и нашего созидательного труда». 30 октября редакцию «Правды» посетили секретарь посольства СССР в Венгрии и корреспондент «Szabad Nép», выразившие несогласие с мнением газеты и передавшие номер «Szabad Nép» с полемической статьей. Они предлагали «Правде» выступить с коротким сообщением о том, что при подготовке своей статьи газета располагала неточными сведениями из Венгрии. Это тем более важно, говорили они, что позиция «Правды» воспринимается в Венгрии как мнение всего советского народа. Главный редактор «Правды» П.А.Сатюков и его заместитель Д.Ф.Крамминов докладывали в тот день секретарю ЦК КПСС П.Н.Поспелову, что их газета «не считает целесообразным вступать в полемику» с «Szabad Nép» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.453–454).

- ⁴⁰ См. наиболее полное собрание документов, связанных с деятельностью политических партий октября-ноября 1956 г.: 1956 és a politikai partok. Válogatott dokumentumok. Szerk Vida István. Bp., 1998.
- ⁴¹ A forradalom hangja: Magyarországi rádióadások 1956 okt.23 – nov.4. Bp., 1989.
- ⁴² Magyar világ. 1956. Nov.1.
- ⁴³ См. его программное выступление по радио от 3 ноября: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.538–542.
- ⁴⁴ Там же. С.384.
- ⁴⁵ Телеграмма А.И.Микояна и М.А.Суслова в ЦК КПСС от 25 октября. Там же. С.386.
- ⁴⁶ Эту проблему на основании американских архивных документов (госдепартамента и других ведомств) глубоко изучил венгерский историк Л.Борхи. См.: *Borhi László. Az Egyesült Államok Kelet-Európa-politikájának néhány kérdése, 1948–1956 // Történelmi Szemle. Budapest.1995. №3.*
- ⁴⁷ *Ibid.*, 281 old.
- ⁴⁸ Цит. по: *М.Ю.Чуканов. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917 - 1990-е годы). М., 1999. С. 166-167.*
- ⁴⁹ Там же. С.167–168.
- ⁵⁰ 27 января 1953 г. Дж.Ф.Даллес в первом своем программном выступлении в роли госсекретаря США заверил «угнетенные» восточноевропейские народы в том, что они могут рассчитывать на американскую помощь. 20 февраля в том же духе высказался президент Д.Эйзенхауэр. Он указал на извращенное толкование Советским Союзом рожденных по итогам Второй мировой войны международных соглашений, дающее возможность третировать восточноевропейские народы. О необходимости гарантировать независимость стран Восточной Европы было сказано и в обращении Эйзенхауэра к правительству СССР от 11 апреля 1953 г., содержавшем предложения по ряду неразрешенных вопросов международных отношений (война в Корее, германский вопрос и т.д.). Комментируя изменения в советском руководстве, а также перемены в тактике СССР на международной арене после смерти

- Сталина, высокопоставленные американские наблюдатели заявляли о том, что гегемонистские притязания СССР остались неизменными, в силу чего доктрина «освобождения» признавалась сохранявшей актуальность. См. подробную хронологию отношений между США и странами Восточной Европы: *Borhi László. Az Egyesült Államok és a szovjet zóna, 1945–1990 (Kronológia). Bp., 1994.*
- ⁵¹ См.: *Borhi László. Az Egyesült Államok Kelet-Európa-politikájának néhány kérdése, 1948–1956.*
- ⁵² Цит. по: *М.Ю.Чуканов. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени. С. 174.*
- ⁵³ *Borhi László. Az Egyesült Államok és a szovjet zóna, 1945–1990 (Kronológia). 56 о.*
- ⁵⁴ О реакции США на венгерские события подробнее см.: *Békés Csaba. Az 1956-os magyar forradalom a világpolitikában. Tanulmány és válogatott dokumentumok. Bp., 1996; Borhi László. Az Egyesült Államok Kelet-Európa-politikájának néhány kérdése, 1948–1956.*
- ⁵⁵ СССР и Польша: октябрь 1956-го. Постановления и рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС // Исторический архив. 1996. №6. С.183. Польская сторона в лице члена Политбюро ЦК ПОРП Э.Охаба (в то время первого секретаря ЦК партии), ехавшего через Москву в Пекин на VIII съезд КПК, еще 11 сентября поставила в осторожной форме вопрос об отзыве советников КГБ из Польши. А.И.Микоян, встречавшийся с Охабом, уже тогда ответил, что эта мера не противоречит принципиальной линии КПСС (Там же). Однако до принятия конкретного решения дело дошло лишь ко времени, последовавшему за VIII пленумом ПОРП.
- ⁵⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.356 – 357.
- ⁵⁷ Венгерский исследователь Л.Борхи утверждает, что уступка советского руководства в польском вопросе была обусловлена более жесткой позицией, занятой США на случай возможного военного вмешательства СССР в Польшу. Однако свою гипотезу он недостаточно подкрепляет ссылкой на документы (См.: *Borhi László. Az Egyesült Államok Kelet-Európa-politikájának néhány kérdése, 1948–1956.*) Вопрос этот безусловно нуждается в дальнейшем изучении с привлечением советско-американской дипломатической переписки за вторую половину октября 1956 г.
- ⁵⁸ См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.411-413, 432-441.
- ⁵⁹ «Твердой линии держаться» (Н.Булганин 26 октября), «твердую позицию занять» (Л.Каганович 26 октября), «идти им на уступки – рассматривать будут как слабость» (Д.Шепилов 26 октября), «главное – потребовать от Кадара больше решительности» (Н.Булганин 28 октября). См. там же.
- ⁶⁰ Характерны отзывы от 26 октября: «т. Микоян занимает неправильную позицию, неопределенную» (Н.Булганин), «т. Микояну сказать, чтобы он твердо потребовал от Нады навести порядок» (Г.Маленков), «т. Микоян неправильно действует, толкает на капитуляцию» (Г.Жуков). См. там же. С.412.
- ⁶¹ Там же. С.433 – 434.

- ⁶² «Рабочие поддерживают восстание», — признал Н.Хрущев 28 октября (Там же. С.432).
- ⁶³ Заседание от 28 октября. Там же. С.433.
- ⁶⁴ «Надь сказал, если будете действовать, он сложит полномочия. Тогда — развал коалиции» (То есть реорганизованного 27 октября кабинета министров, в который на правах частных лиц вошло несколько представителей бывших партий правящей коалиции 1945—1948 гг.). См. там же. С.434.
- ⁶⁵ Там же. С.435.
- ⁶⁶ Там же. С.437—439.
- ⁶⁷ См.: Magyar krónika. 1956 sajtója. Válogatás.
- ⁶⁸ См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.457—463.
- ⁶⁹ Полный текст см. там же. С.464—466.
- ⁷⁰ Так, соответствующий раздел обширной статьи Н.Карпиченко и А.Кырова называется весьма показательно: «Иезуитский жест Москвы». См.: Н.Карпиченко, А.Кыров. От плана «Волна» к операции «Вихрь» // 1956. Осень в Будапеште.
- ⁷¹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.458—459.
- ⁷² Там же. С.459.
- ⁷³ «На XX съезде сделали хорошее дело, но затем не возглавили развязанную инициативу масс. Нельзя руководить против воли народа. Не встали на подлинные ленинские принципы руководства. Можем оказаться в хвосте событий» (Там же. С.460).
- ⁷⁴ См., в частности, их донесение от 30 октября. Там же. С.467—468.
- ⁷⁵ Там же. С.462.
- ⁷⁶ См. антологию венгерской прессы тех дней: Magyar krónika. 1956 sajtója. Válogatás.
- ⁷⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.451—453.
- ⁷⁸ См.: Magyar krónika. 1956 sajtója. Válogatás.
- ⁷⁹ См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.471—474.
- ⁸⁰ Этому эпизоду в истории венгерских событий посвящена огромная литература. Одну из реконструкций см.: Ласло Аюрко. 1956. Главы из книги // Иностранная литература. М., 1988. №7—8.
- ⁸¹ «Мы — социал-демократы». Заявление А.Кетли от имени СДПВ 1 ноября 1956 г. // Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 505-506.
- ⁸² Обращение Т.Дери к повстанцам через газету «Irodalmi Újság» // Там же. С.510-511.
- ⁸³ В.Ворошильский. Венгерский дневник // Искусство кино. 1992. №4. С.131.
- ⁸⁴ Выступление Я.Кадара по радио поздно вечером 1 ноября (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.502—505) было подготовлено как программное заявление этой партии. Выступив с этой речью, Кадар через считанные часы оказался в расположении советских войск, откуда отбыл в СССР, чтобы стать главой нового правительства, всецело контролируемого Москвой.
- ⁸⁵ Там же. С.487—490.

- ⁸⁶ «Выждать дней 10–15, поддержать это правительство. Если стабилизируется положение, тогда дело пойдет к лучшему» (См. запись этого заседания: Там же. С.494–495).
- ⁸⁷ См. запись заседания и постановление Президиума ЦК: Там же. С.479-485.
- ⁸⁸ Вопросы истории. 1994. №5.
- ⁸⁹ См.: *Békés Csaba. Az 1956-os magyar forradalom a világpolitikában.*
- ⁹⁰ Деятельность этой радиостанции в период польского и венгерского кризисов 1956 г. явилась одним из главных предметов обсуждения на международной конференции в Будапеште осенью 1996 г. При этом высказывались различные точки зрения. См. материалы конференции: *1956-os Intézet Évkönyv. 1996/1997. Vp., 1997.*
- ⁹¹ Уже в 1990-е годы Г.Киссинджер следующим образом охарактеризовал сущность концепции «освобождения»: «на практике даллесовская теория «освобождения» была лишь попыткой заставить Москву платить более дорогую цену за усилия по консолидации собственных завоеваний, не увеличивая при этом риск для Соединенных Штатов» (*Г.Киссинджер. Дипломатия. М., 1997. С.499*). Надо сказать, что в отличие от венгерских повстанцев, тщетно ждавших обещанной американской помощи, советские лидеры в критический момент оценили суть американской внешнеполитической доктрины более адекватно.
- ⁹² См.: *Borhi László. Az Egyesült Államok Kelet-Európa-politikájának néhány kérdése, 1948–1956.*
- ⁹³ «Во время венгерского переворота Америка плелась в хвосте собственной риторики. Нежелание идти на риск возникновения войны ради уничтожения коммунистического контроля над Восточной Европой было в течение прошедшего десятилетия четко выраженной американской политикой. Но нежелание Вашингтона всерьез рассмотреть любой вариант, не связанный с войной, с тем чтобы повлиять на разворот событий, разверзло огромнейшую пропасть между тем, что Вашингтон провозглашал, и тем, что он на деле готов был поддерживать. Соединенные Штаты так и не объяснили пределы поддержки только что вылупившемуся из яйца, не имеющему опыта венгерскому правительству. Ни по одному из имеющихся в их распоряжении каналов они не дали совета венграм, как закрепить достижения, прежде чем предпринимать дальнейшие, уже необратимые шаги... Более твердый и ясный американский подход, возможно, оказался бы существенным фактором, лишающим советское решение предсказуемости последствий или видимой безнаказанности... Демократии были не в состоянии начать войну из-за Венгрии, но они могли расширить спектр политических и экономических потерь СССР вследствие подавления восстания. Получилось же так, что Кремль заплатил буквально ничтожнейшую цену за свои действия и не понес никаких экономических санкций» (*Г.Киссинджер. Дипломатия. С.507–508*).
- ⁹⁴ *Békés Csaba. Az 1956-os magyar forradalom a világpolitikában. Vp., 1996. 620.*
- ⁹⁵ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.439.
- ⁹⁶ Там же. С.479–484.

- ⁹⁷ «Суэцкий кризис покончил с «эрой невинности» в рамках Западного альянса; с этого момента западные союзники никогда более не примут на веру свои же собственные заверения о якобы идеальной симметрии интересов», — так оценил последствия этого события Г.Киссинджер (*Г.Киссинджер. Дипломатия. С.496*). О развитии Суэцкого кризиса см.: *D.F.Calhoun. Hungary and Suez, 1956. An Exploration of Who Makes History. Lanham, Maryland, 1991.*
- ⁹⁸ Подробнее см.: *Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság // 1956-os Intézet Évkönyv 1996/1997. Vp., 1997. 186–195 o.*
- ⁹⁹ *Ibid.*
- ¹⁰⁰ См. телеграмму посольства СССР из Рима в МИД СССР с текстом письма П.Тольятти Секретариату ЦК КПСС о положении в Венгрии. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.476–477.
- ¹⁰¹ Там же. С.479.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же. С.512.
- ¹⁰⁴ Там же. С.486.
- ¹⁰⁵ Там же. С.484.
- ¹⁰⁶ См. телеграмму Ю.Андропова о его беседе с И.Надем и другими членами узкого кабинета министров от 1 ноября. Там же. С.499 – 501. Там же см. ноту правительства ВНР правительству СССР о денонсации Варшавского договора. См. также телеграмму Ю.Андропова от 2 ноября о повторном протесте венгерской стороны (Там же. С.522–523).
- ¹⁰⁷ Там же. С. 510.
- ¹⁰⁸ Вопросы истории. 1994. №5.
- ¹⁰⁹ Цит. по рукописи американской исследовательницы *Аж.Транвилл* «New Insights of the Events of 1956: Why Hungary and not Poland?»
- ¹¹⁰ Запись В.Мичуновича о брионской встрече см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.524–533.
- ¹¹¹ См. там же. С.484.
- ¹¹² Опубликованную ее часть см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года; Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Dokumentumok. Vp., 1995. Значительная часть переписки до сих пор не опубликована. См.: РГАНИ. Ф.89. Перечень 45.
- ¹¹³ С сентября 1954 по июль 1956 г. Ф.Мюнних был послом ВНР в СССР. В.Мичунович стал послом СССР в Югославии в марте 1956 г.
- ¹¹⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.528.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

- ¹ См. телеграмму Ю.Андропова 2 ноября. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.522–523.

- ² Из новейшей венгерской литературы, в которой была предпринята попытка реконструировать те события, можно назвать биографию П. Малетера, написанную военным историком М. Хорватом: *Horváth M. Maiéter Pál*. Вр., 1995.
- ³ *Е.И. Малащенко*. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №12. С.35.
- ⁴ Там же. С.36.⁵ *Н.Карпиченко, А.Кыров*. От плана «Волна» к операции «Вихрь» // 1956. Осень в Будапеште. М., 1996. С.118–119.
- ⁶ Полностью документ приводится в кн.: В. Мусатов. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956 – 1981). М., 1996. С.63–64. Тезис о «буржуазной и помещичьей реакции», хлынувшей через австрийскую границу, искажал действительное положение вещей. Для Австрии, получившей нейтральный статус на основании договора четырех великих держав в мае 1955 г., венгерские события явились пробным камнем собственного нейтралитета и австрийское правительство прилагало усилия для того, чтобы не допустить какой-либо организованной переброски с территории Австрии в ВНР представителей венгерской антикоммунистической эмиграции на Западе. Показательно, что прибывшему в Вену во время событий премьер-министру Венгрии в 1946–1947 гг. Ференцу Надю из партии мелких хозяев было рекомендовано австрийскими официальными властями покинуть эту страну во избежание кривотолков, связанных с его пребыванием.
- ⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.580–581.
- ⁸ Подробнее о военном аспекте венгерских событий, о ходе боевых действий в Венгрии см.: *Szovjet katonai intervenció 1956 (Szerk. és a bevezető' tanulmányt írta Györkei Jenő és Horváth Miklós)*. Вр., 1996; *Е.И. Малащенко*. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал, 1993. №10–12, 1994, №1; *Н.Карпиченко, А.Кыров*. От плана «Волна» к операции «Вихрь».
- ⁹ *В.Ворошильский*. Венгерский дневник // Искусство кино, 1992, №4. С.140-141.
- ¹⁰ *Н.Карпиченко, А.Кыров*. От плана «Волна» к операции «Вихрь». С.119;
- В.Мусатов*. Предвестники бури. С.72.
- ¹¹ См. об этом: Расстреливали ли советских солдат? // 1956. Осень в Будапеште. С.215–216.
- ¹² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Раздел IV.
- ¹³ *Magyar krónika*. 1956 sajtója. Válogatás. 482 о.
- ¹⁴ *Вела Кирай*. Первая война между социалистическими странами // Мост, 1992, № 1-2. С.39.
- ¹⁵ Позицию Имре Надя в начале ноября подробно анализирует его биограф Янош М. Райнер: *Rainer M. János. Nagy Imre. Politikai életrajz II. 1953-1958*. Вр., 1999. 310-336 о.
- ¹⁶ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и боевых конфликтах. Статистическое исследование. Ред. *Г.Ф.Кривошеев*. М., 1993. С.397. По данным Министерства обороны СССР, представленным по запросу международного отдела ЦК КПСС 5 февраля 1991 г., в военных действиях на территории Венгрии в октябре-ноябре 1956 г. участвовали 58 821 советских солдат, сержантов и офицеров, потери составили 669 человек убитыми и 1541 человек ранеными (справка опубликована: *Híányzó lapok 1956 történetéből*, 142 о.).
- ¹⁷ 1956 kézikönyve. III köt. Вр., 1996. 303–304 о.

- ¹⁸ См. его приказ №1 от 6 ноября. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.611-612.
- ¹⁹ В поле зрения советской стороны находились и другие кандидатуры. Так, по некоторым сведениям, В.Молотов настаивал на кандидатуре А.Хегедюша. См. стенографический отчет июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС, рассматривавшего дело об «антипартийной группе»: Исторический архив. 1993. №4. С.25—26.
- ²⁰ Ötvenhat októbere és a hatalom. A Magyar Dolgozók Pártja vezető testületeinek dokumentumai. 1956 október 24—28. Bp., 1997. См. некоторые из записей на русском языке: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Раздел III.
- ²¹ См. донесение А.Микояна и М.Суслова в ЦК КПСС от 26 ноября. Там же. С.406.
- ²² АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 191. Д.38. Л.50.
- ²³ Я.Кадар признал это в беседе с Ю.Андроповым 3 сентября: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.257—261.
- ²⁴ В.Ворошильский. Венгерский дневник,
- ²⁵ См. заявление ЦР ВПГ от 28 октября. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.444.
- ²⁶ Последним дням этой партии посвятил свое обстоятельное исследование З.Рипп. См.: *Ripp Z. A pártvezetés végnapjai. 1956. október 23—31 // Ötvenhat októbere és a hatalom.*
- ²⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.502—505.
- ²⁸ Как докладывал Ю.Андропов в Москву 2 ноября о своей встрече с И.Надем в тот день, «в конце беседы Надь в раздраженном тоне просил меня дать объяснение по поводу исчезновения Кадара и Мюнниха. Он сказал, что перед отъездом из парламента Мюнних заявил, что он уезжает в посольство. Его машину видели недалеко от посольства, где он пересаживался на бронетранспортер. Надь заметил, что посольство занимается «нехорошими делами», что это может создать о посольстве «плохое впечатление» и добавил, что он просит меня выяснить, где находятся в настоящее время Кадар и Мюнних» (Там же. С. 523).
- ²⁹ Там же. С.515—522.
- ³⁰ Представители генералитета министр обороны П.Малетер, начальник генерального штаба И.Ковач и командующий революционной гвардией комендант Будапешта Б.Кирай фактически вышли из-под контроля главы правительства, борьба амбиций имела место также внутри генералитета — соперничество между Малетером и Кираем, каждый из которых претендовал на роль военного лидера революции.
- ³¹ Слова Кадара подтверждаются телеграммой Ю.Андропова в МИД СССР от 1 ноября: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.499—501.
- ³² Там же. С. 515-522.
- ³³ По свидетельству А.Микояна, прозвучавшему на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г., В.Молотов вначале предлагал кандидатуру А.Хегедюша: Исторический архив, 1993, №4. С.25—26.
- ³⁴ Вопросы истории, 1994, №5. С.78—79.
- ³⁵ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 545—547.

- ³⁶ Там же. С.542-544.
- ³⁷ Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес был для Н.Хрущева эталоном антикоммуниста.
- ³⁸ См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.549–554. Ниже документ цитируется по настоящему изданию.
- ³⁹ См. там же сверку различных вариантов текста.
- ⁴⁰ См. завершающий раздел его мемуаров: «Людам свойственно ошибаться», Из воспоминаний М.Ракоши // Исторический архив. 1999. №1.
- ⁴¹ Позицию последнего зафиксировала выполненная В.Малиным запись заседания Президиума ЦК КПСС от 4 ноября: «по Венгрии подумать. Повлиять на Кадара, чтобы не пошла Венгрия по пути Югославии. Они внесли поправку в Декларацию – осуждают клику Ракоши–Гере – это может быть опасно. Мы должны убедить их, чтобы они воздерживались от этого упоминания клики Ракоши–Гере». В.Молотов настаивал также на возврате к прежнему названию партии – ВПТ. В том, что касалось «клики Ракоши–Гере», Молотова поддержал один лишь Д.Шепилов: «Мы даем легальные возможности опорочить весь 12-летний период работы ВПТ. Надо ли порочить кадры? Завтра будет «клика Ульбрихта»». Хрущев был резко против позиции Молотова: «не понимаю т. Молотова. Вреднейшие мысли вынашивает». За то, чтобы «осудить неправильную линию Ракоши–Гере», высказался и председатель Совета Министров Н.Булганин (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.583 – 587).
- ⁴² Там же. С. 549-554.
- ⁴³ См. его телеграмму в МИД СССР от 4 ноября: Там же. С. 581 – 582.
- ⁴⁴ Там же. С.577.
- ⁴⁵ В русскоязычной литературе наиболее глубокий до сих пор анализ аграрной политики кадаровского режима в конце 1950-х годов дал в работе 1980-х годов В.Алексеев. См.: В.Алексеев. Венгрия 1956: прорыв цепи. М., 1996. Глава 4.
- ⁴⁶ Донесения Серова в ЦК КПСС – ценный источник, показывающий деятельность советских спецслужб (в том числе особых отделов армейских дивизий) по выявлению и арестам участников венгерского восстания, изъятию ордена, дающий представление о масштабах карательных акций в Венгрии в ноябре 1956 г. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Разделы 3, 4.
- ⁴⁷ Там же. С.630–632.
- ⁴⁸ Докладная записка заместителя министра внутренних дел СССР М.Н.Холодкова своему министру Н.П.Дудорову от 15 ноября 1956 года. Там же. С.652–656.
- ⁴⁹ Донесение И.Серова от 9 ноября: Там же. С.630–632.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. С.648–649.
- ⁵² См. телефонограмму И.Серова Н.Хрущеву от 9 ноября. Там же. С.631.
- ⁵³ Докладная записка М.Холодкова Н.Дудорову от 15 ноября 1956 года. Там же. С.652–656.

- ⁵⁴ См. телефонограмму И.Серова в ЦК КПСС от 13 ноября и телефонограмму И.Серова и Ю.Андропова в ЦК КПСС от 14 ноября. Там же. С.647-650, 651-652.
- ⁵⁵ «В действительности сегодня, 14 ноября, был отправлен на станцию Чоп небольшой эшелон с арестованными, следственные дела на которых оформлены как на активных участников и организаторов вооруженного мятежа. Эшелон проследовал границу. При передвижении эшелона заключенные на двух станциях выбросили в окно записки, в которых сообщали, что их отправляют в Сибирь. Эти записки были подобраны венгерскими железнодорожниками, которые сообщили об этом в правительство. По нашей линии дано указание впредь арестованных отправлять на закрытых автомашинах под усиленным конвоем», — сообщали И.Серов и Ю.Андропов в Москву 14 ноября (Там же. С.651-652).
- ⁵⁶ Телефонограмма И.А.Серова из Будапешта в ЦК КПСС от 27 ноября. Там же. С.704-706.
- ⁵⁷ См. то же самое его донесение.
- ⁵⁸ См. это письмо и связанную непосредственно с ним записку И.А.Серова в ЦК КПСС. Там же. С.720—721.
- ⁵⁹ Там же. С.742.
- ⁶⁰ Там же. С.652-656.
- ⁶¹ См. постановление Президиума ЦК КПСС от 10 ноября о командировании в Будапешт М.А.Суслова и А.Б.Аристова с группой хозяйственных работников (Там же. С.637—638). Несколько позже к ним присоединился Г.М.Маленков. По возвращении в Москву советские эмиссары выступили 8 декабря на заседании Президиума ЦК, который одобрил их деятельность в Венгрии (Там же. С.724—725).
- ⁶² Там же. С.638.
- ⁶³ В *Мусатов*. Предвестники бури. С. 72.
- ⁶⁴ См. их донесения: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Раздел IV.
- ⁶⁵ См. постановление Президиума ЦК КПСС от 14 декабря 1956 г. об их направлении в Венгрию. Там же. С. 741.
- ⁶⁶ См. телефонограммы Г.Маленкова, М.Суслова и А.Аристова в ЦК КПСС от 26 ноября (Там же. С.685—688) и от 30 ноября (Там же. С.710-711).
- ⁶⁷ Тема репрессий против участников революции 1956 года начиная с 1989 г. нашла довольно подробное освещение в венгерской исторической литературе. См. наиболее фундаментальную работу последних лет: 1956 kézikönyve. Foszerc. Hegedűs B.A. III. Megtorlás és emlékezés. Szerk. Kende P. Bp., 1996.
- ⁶⁸ История Венгрии. Т.3. М., 1972. С.707.
- ⁶⁹ См. постановление Президиума ЦК КПСС «О срочной отгрузке товаров в Венгерскую Народную Республику» от 5 ноября 1956 г. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.591 — 594.
- ⁷⁰ Подробнее см.: В.Алексеев. Венгрия 56: прорыв цепи. С.236—246.
- ⁷¹ Подробнее см.: В.Т.Серета, А.С.Стыкалин. Из истории одного противостояния. См. также сборник документов литературной жизни Венг-

- рии 1956 года: írók lázadása. 1956-os írószövetségi jegyzőkönyvek. Szerk. *Standeisky É.* Bp., 1990. См. также обстоятельную монографию об участии литераторов в общественно-политической деятельности как в месяцы кризиса системы в 1956 г., так и в период кадаровской консолидации: *Standeisky Éva.* Az írók és a hatalom, 1956–1963. Bp., 1996.
- ⁷² Подробнее см.: *Cseh Z.* A Magyar Értelmiség Forradalmi Bizottsága és a Magyar Demokratikus Függetlenségi Mozgalom tevékenysége az 1956-os forradalomban // *Levéltári Szemle.* Bp., 1993. №1.
- ⁷³ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.613–618.
- ⁷⁴ См.: *Standeisky É.* Az írók és a munkástanácsok // *Múltunk.* Bp., 1994. №1-2.
- ⁷⁵ См.: *Rainer M.János.* Nagy Imre. Politikai életrajz II. 1953 – 1958. Bp., 1996.
- ⁷⁶ См. сборник воспоминаний деятелей рабочих советов, включающий также интервью, выполненные методом «oral history»: «Szuronyok hegyén nem lehet dolgozni». Válogatás 1956-os munkástanács-vezetők visszaemlékezéseiből. Szerk. *Kozák Gy., Korosi Zs., Molnár A.* Bp., 1993. Из литературы о рабочих советах см.: *B. Lomax.* Hungary 1956. London, 1976; *В.Т.Середа.* Будапештская осень: трагический опыт десталинизации // Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993.
- ⁷⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Раздел IV.
- ⁷⁸ A Magyar Szocialista Munkáspárt ideiglenes vezető testületeinek jegyzőkönyvei, I.köt. 1956. november 11 – 1957. január. Bp., 1993. 41.o.
- ⁷⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.627.
- ⁸⁰ См. донесение Серова: Там же. С.630–632.
- ⁸¹ См. там же; С.647–650.
- ⁸² Так, газета солидаризировалась с выступлением Тито на партактиве в Пуле 11 ноября, в котором югославский лидер, заявив о своей поддержке правительства Кадара, вместе с тем критически отозвался о политике СССР в Венгрии, возложил на советское руководство часть ответственности за обострение обстановки в стране.
- ⁸³ Телефонограмма Г.Маленкова, М.Суслова и А.Аристова в ЦК КПСС от 22 ноября. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.672-673.
- ⁸⁴ Запись заседания от 3 ноября. Там же. С.543.
- ⁸⁵ Запись заседания от 2 ноября. Там же. С. 520.
- ⁸⁶ Доклад делегации Всемирной федерации профсоюзов, посетившей Венгрию в конце ноября 1956 года: РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.479. Л.47.
- ⁸⁷ Телефонограмма Г.Маленкова и А.Аристова в ЦК КПСС от 3 декабря. Там же. С.718-720.
- ⁸⁸ *В.Алексеев.* Венгрия-56: прорыв цепи. С.200.
- ⁸⁹ Там же. С.236–246.
- ⁹⁰ РГАНИ. Ф.5. Оп. 28. Д.479. Л.49.
- ⁹¹ 16 марта 1957 г. Ф.Мюнних, ссылаясь на свой хотя и очень краткий опыт работы в Югославии в качестве посла, говорил новому советскому послу Е.И.Громову о том, что самоуправление в Югославии – это фикция, никакими реальными правами рабочие советы не обладают,

- к тому же существующая в Югославии система управления экономикой не может обеспечить заметного экономического подъема. АВП РФ. Ф.077. Оп.38. Папка 192. Д.035. Л.30.
- ⁹² Об экономической политике режима Кадара и развитии венгерской экономики в 1957 — начале 1960-х годов см. на русском языке: В.Алексеев. Венгрия-56: прорыв цепи. С.230—236.
- ⁹³ Во многих министерствах и ведомствах (в том числе в министерстве иностранных дел) после 23 октября были образованы революционные комитеты, выступавшие как значительный фактор давления на партийных ортодоксов, еще продолжавших занимать ответственные посты. Некоторые из ревкомов продолжали фрондировать и первые несколько недель после прихода к власти правительства Я.Кадара.
- ⁹⁴ A Magyar Szocialista Munkáspárt országos értekezletének jegyzőkönyve. 1957. június 27—29. Вр., 1993.
- ⁹⁵ См. материалы пленума: A Magyar Szocialista Munkáspárt ideiglenes vezető testületeinek jegyzőkönyvei. I. köt.
- ⁹⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.604—608.
- ⁹⁷ Эта тема на протяжении всей зимы 1956—1957 гг. постоянно затрагивалась в беседах советских дипломатов со своими венгерскими информаторами, круг которых в еще большей мере, чем до октябрьских событий, составляли коммунистические ортодоксы крайнего толка. См. материалы посольства СССР в Венгрии: АВП РФ. Ф.077. Оп.37, 38.
- ⁹⁸ Данные о динамике численности ВСРП с ноября 1956 г. до времени проведения в июне 1957 г. конференции ВСРП приводятся: A Magyar Szocialista Munkáspárt ideiglenes vezető testületeinek jegyzőkönyvei. I—IV köt. Bevezető (I—IV). Вр., 1993.
- ⁹⁹ Ibid. I köt.
- ¹⁰⁰ См. записку Ю.Андропова, адресованную лично Н.Хрущеву, от 18 декабря 1956 года. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.753—756. «Несмотря на то, что расширение состава правительства, особенно за счет вовлечения в него представителей других партий, в настоящее время сопряжено с некоторыми отрицательными явлениями, венгерским товарищам все же стоило бы пойти на этот шаг, поскольку он способствовал бы укреплению позиций правительства и консолидации политических сил вокруг правительства и партии», — писал Ю.Андропов в Москву (Там же. С.754).

¹⁰¹ Там же.

2

- ¹ Вопросы истории. 1994. №.5.
- ² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.608.
- ³ Там же. С. 623.
- ⁴ Часть документов опубликована. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Раздел IV; Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Dokumentumok (Az iratokat gyűjtötte, válogatta, szerkesztette és a bevezető tanulmányt írta: Kiss J., Ripp Z, Vida L.). Вр., 1995. Некоторые неопубликованные документы см.: РГАНИ. Ф.89. Перечень 45.
- ⁵ Top secret. 161 о.
- ⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.619.

- ⁷ На заседании Президиума ЦК КПСС от 3 ноября, в котором участвовал и Я.Кадар, И.Надь, как уже отмечалось, был подвергнут крайне резкой критике со стороны Н.Хрущева («думали, что оппортунист, но он и предатель». См. там же. С.546). Вместе с тем задача обеспечения преемственности власти заставляла советских лидеров всерьез рассматривать вопрос о включении И.Надя в новое правительство — показательны слова Н.Хрущева, произнесенные 31 октября на том самом заседании, где было принято принципиальное решение о военной акции: «Если Надь согласится — ввести его зам. премьером» (См. там же. С.480). Правда, такое предложение прозвучало еще до публичного демарша И.Надя, связанного с обращением венгерского правительства в ООН с просьбой о защите суверенитета Венгрии, и нет оснований утверждать, что оно сохраняло силу до 3 ноября. В любом случае, итоговая оценка Кремлем личности Имре Надя и результатов его деятельности, а значит и дальнейшая судьба премьер-министра ставились в жесткую зависимость от его готовности самоустраниться в пользу Кадара: «Если Имре Надь не подаст в отставку, то он на службе у врага», — так резюмировал 3 ноября Хрущев свои рассуждения о путях решения «венгерского вопроса». См. там же. С.546).
- ⁸ См. телеграмму послу Н.Фирюбину в Белград от 4 ноября по вопросу об И.Наде и его группе: там же. С.588.
- ⁹ См. письмо руководства ФНРЮ Н.С.Хрущеву от 5 ноября: там же. С.595-596.
- ¹⁰ Там же. С.609.
- ¹¹ Письмо руководства ФНРЮ Н.С.Хрущеву от 5 ноября: там же. С.595.
- ¹² Там же. С.608 — 610.
- ¹³ Там же. С.622 — 625.
- ¹⁴ Top secret. 161 — 163.
- ¹⁵ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.626 — 627.
- ¹⁶ Там же. С.627 — 629.
- ¹⁷ Там же. С.628.
- ¹⁸ Телеграмма М.А.Суслова и А.Б.Аристова в ЦК КПСС из Будапешта от 12 ноября. См. там же. С.643.
- ¹⁹ Там же. С.633-635.
- ²⁰ См. черновую запись телефонограмм посла СССР в Румынии А.А.Епишева от 3 ноября. Там же. С.534.
- ²¹ Top secret. 194 о.
- ²² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.634. См. также телефонограмму посла СССР в Румынии А.А.Епишева от 10 ноября о согласовании письма ЦК КПСС ЦК СКЮ с румынскими лидерами: Там же. С. 63
- ²³ Телеграмма М.Суслова и А.Аристова в ЦК КПСС от 12 ноября. Там же. С.643.
- ²⁴ Top secret. 194 о.
- ²⁵ Ibid., 226 о.
- ²⁶ Письмо Э.Карделя от имени Союзного Исполнительного Веча ФНРЮ правительству Я.Кадара с предложениями о разрешении конфликта вокруг группы И.Надя. 18 ноября 1956 г. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.660.
- ²⁷ Там же.

- ²⁸ См. материалы этого пленума: A Magyar Szocialista Munkáspárt ideiglenes vezető testületeinek jegyzőkönyvei. I.köt.
- ²⁹ Письмо Э.Карделя Я.Кадару от 18 ноября. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.659.
- ³⁰ См. их телефонограмму в Москву от 17 ноября. Там же. С.656—657.
- ³¹ Письмо Э.Карделя Я.Кадару от 18 ноября. Там же. С.657—661.
- ³² Там же. С.657.
- ³³ Нота госсекретариата ФНРЮ посольству СССР от 24 ноября. Там же. С.679-683.
- ³⁴ Там же. С.669. Как уже отмечалось, председатель КГБ И.А.Серов вплоть до начала декабря находился в Венгрии, лично руководя репрессивным аппаратом.
- ³⁵ Там же. С.676.
- ³⁶ Top secret. 280—282 о.
- ³⁷ См. стенограмму его выступления. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.688—692.
- ³⁸ Телефонограмма Г.Маленкова, М.Суслова и А.Аристова в ЦК КПСС. Там же. С.677. По свидетельству Романа, Надь все еще надеялся на заступничество Тито. Он говорил Роману: «вот вы увидите, Тито в ближайшие дни скажет обо мне (Наде) на весь мир другое, чем он говорил недавно в речи» (Там же). Имеется в виду выступление Тито на партактиве в Пуле 11 ноября, где югославский лидер отмежевался от И.Надя, поддержав правительство Кадара.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 704.
- ⁴¹ Телеграмма В.Ф.Николаева из Бухареста в МИД СССР от 26 ноября. Там же. С.692.
- ⁴² Запись беседы В.Николаева с Г.Георгиу-Дежем от 26 ноября. Там же. С.694-697.
- ⁴³ Телеграмма Н.П.Фирюбина из Белграда в МИД СССР от 24 ноября с текстом ноты госсекретариата ФНРЮ посольству СССР. Там же. С.682.
- ⁴⁴ Top secret. 291—293 о.
- ⁴⁵ Телеграмма В.Ф.Николаева из Бухареста в МИД СССР от 26 ноября. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.692—693.
- ⁴⁶ Запись заседания Президиума ЦК КПСС от 27 ноября. Там же. С.698.
- ⁴⁷ Записка Н.Булганина в Президиум ЦК КПСС от 27 ноября. Там же. С. 700.
- ⁴⁸ Top secret. 305—307 о.
- ⁴⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.734—735.
- ⁵⁰ Записка Н.Булганина в Президиум ЦК КПСС от 27 ноября. Там же. С. 701.
- ⁵¹ Видный югославский политик и публицист М.Джилас, выступивший в защиту венгерского восстания, был арестован в ноябре 1956 г.
- ⁵² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.743.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ См. некоторые данные там же. С.697.

- ⁵⁵ Подробнее см.: А.С.Стыкалин. Венгеро-румынские противоречия в 1950-е годы и их влияние на формирование национальной модели социализма в Румынии / / Межнациональные конфликты и способы их урегулирования. Сборник статей (в печати).
- ⁵⁶ См. программную декларацию Союза венгерских писателей, написанную прозаиком А.Тамаша и принятую на общем собрании 28 декабря: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.738—740. Подробнее о деятельности писательской оппозиции см.: *Standeisky Éva. Az írók és a hatalom. 1956—1963. Vp., 1996.*
- ⁵⁷ См. работу Л.Я.Гибианского о проблемах развития советско-югославских отношений в связи с венгерским кризисом: Н.С.Хрущев, И.Броз Тито и венгерский кризис 1956 года // Новая и новейшая история. 1999. №1.
- ⁵⁸ Материалы этого пленума см: A Magyar Szocialista Munkáspárt ideiglenes vezető testületeinek jegyzőkönyvei. II. kötet. В начале марта зав. отделом ЦК КПСС Б.Н.Пономарев посетил Бухарест, где встретился не только с румынскими коллегами, но и с членом руководства ВСРП Д.Каллаи. Как сообщал Пономарев в ЦК КПСС 12 марта, «т. Каллаи рассказал, что при обсуждении дела группы Надя на пленуме ЦК ВСРП они еще не ставили открыто вопроса о необходимости проведения суда над Надем. Было лишь принято решение продолжать работу по разоблачению членов этой группы. Тов. Каллаи объяснил это тем, что в составе ЦК имеется ряд лиц, которые могли бы выступить против привлечения к судебной ответственности Надя и членов его группы. В дальнейшем выяснилось, что еще нет решения Исполкома ВСРП о проведении суда над Надем, хотя большинство членов Исполкома (тг. Кадар, Марошан, Мюнних, Каллаи) договорились об организации процесса Надя и его группы. Тов. Каллаи объясняет это необходимостью постепенно подготовить Исполком и затем ЦК к принятию такого решения» (Исторический архив. 1993. №6. С.139).
- ⁵⁹ По поручению высших инстанций с Биску беседовали Ю.В. Андропов, в марте 1957 г. возглавивший только что созданный отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран и продолжавший в новом качестве заниматься вопросами Венгрии, а также генеральный прокурор СССР Р.А.Руденко и заместитель председателя КГБ П.И.Ивашутин. См. их записку в ЦК КПСС от 26 августа 1957 г.: Там же. С.141—142.
- ⁶⁰ Архив Президента Российской Федерации. Ф.3. Оп.64. Д.493. Л.35—36.
- ⁶¹ Исторический архив. 1993. №6. С. 142. ⁶² Там же.
- ⁶³ Подробнее о развитии венгеро-югославских отношений с декабря 1956 по февраль 1959 г. и о влиянии дела И.Надя на их развитие см.: *Ripp Z. Belgrád és Moszkva között. A jugoszláv kapcsolat és a Nagy Imrekérdés (1956. november — 1959. február). Vp., 1994.* См. также сборник документов по истории венгеро-югославских отношений в указанный период: Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956 — 1959. Dokumentumok (Az iratokat gyűjtötte, válogatta, szerkesztette és a bevezető tanulmányt írta Kiss J. — Ripp Z. — Vida J.). Vp., 1997.

- ⁶⁴ См.: *Rainer M. Janos. Negyven évvel a Nagy Imre-per és a kivégzés után. Út az ítéletig* // Magyar Nemzet. 1998. június 16; *Rainer M. Janos. Nagy Imre. Politikai életrajz II. 1953 – 1958. Vp., 1999.*
- ⁶⁵ В ноябре и даже декабре 1956 г. от имени правительства неоднократно делались заявления о том, что с наведением порядка начнется вывод из Венгрии советских войск. Лишь 31 марта 1957 г. Кадар впервые заявил о том, что находившийся в Венгрии до октябрьских событий контингент Советской Армии не будет выводиться. 27 мая было подписано соглашение о пребывании советских войск в Венгрии.
- ⁶⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.583 – 585, 600 – 604.
- ⁶⁷ Там же. С.633.
- ⁶⁸ См. там же. С.235. Целый ряд писем см.: *Niányzó lapok.*
- ⁶⁹ В соответствии с этим постановлением Ракоши летом 1957 г. переехал из Москвы в Краснодар, откуда ему было труднее вмешиваться во внутривластную жизнь Венгрии. См. публикацию этого постановления: *Niányzó lapok. 216 – 220.*
- ⁷⁰ По утверждению В.Мусатова, общавшегося со многими из тех, кто в конце 1950-х годов формировал советскую политику на венгерском направлении, в Кремле были удивлены суровостью приговора. См.: *В.Мусатов. Предвестники бури.*
- ⁷¹ Подробнее о репрессиях после подавления венгерской революции 1956 г. см.: *1956 kézikönyve. III. Megtorlás és emlékezés. Szerk. Kende P. Vp., 1996.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ См.: *Тещ А. Будапешт, 1956...* // Новое время. М., 1991, №35. С.30.
- ² Заключительное слово Ракоши на мартовском пленуме ЦР ВПТ 1956 г.: АВП РФ. Ф.077. Оп.37. Папка 190. Д.35.
- ³ См. материалы юбилейной международной конференции в Будапеште, посвященной 40-летию венгерской революции, в частности блок докладов, сосредоточенных на деятельности радиостанции «Свободная Европа»: *1956-os Intézet Évkönyv. V. 1996/1997. Vp., 1997.*
- ⁴ Уже в бытность президентом Франции Ш. де Голль занял сходную позицию во время чехословацкого кризиса 1968 г. О превентивном характере акции СССР в Венгрии в 1956 г., направленной на то, чтобы предотвратить выпадение страны из советского лагеря, писали в 1960-е годы *З.Бжезинский* и *С.Хантингтон*. См. их книгу: *Политические системы: США и СССР. Сходство и различия. Конвергенция или эволюция. М., 1965* (см. также соответствующий фрагмент: *1956. Осень в Будапеште. Редактор-составитель В.Ф.Коркин. М., 1996. С.228-233*).
- ⁵ *Бибб И. Положение в Венгрии и мировая обстановка. Фрагменты из воспоминаний* // Мост. Будапешт, 1992. №1 – 2. С.30.
- ⁶ См. там же.
- ⁷ Там же. С.31.

⁸РГАНИ. Ф.89. Перечень 6. Док.2.

⁹ Отвергая подобного рода упрёки в адрес участников вооруженной борьбы, И.Бибо замечал: «стремительное развертывание венгерской революции было вызвано не ее собственной безрассудностью, а упрямством государственного руководства и сил госбезопасности, не остановившихся перед кровопролитием» (Бибо И. Положение в Венгрии и мировая обстановка. С.30).

¹⁰ Ворошильский В. Венгерский дневник // Искусство кино. 1992. №4. С.145–146.

¹¹ Там же.

¹² Из работ, посвященных кадаровской модели социализма, хотелось бы выделить монографию американского исследователя Р.Текеша: *Tókécs R.L. Hungary's negotiated revolution. Economic reform, social change and political succession, 1957–1990. Cambridge, 1996, 1998.*